Петроградский Губернский Совет Профессиональных Союзов

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России.

КНИГА ПЕРВАЯ

Пров. 30

8/32

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД — 1921

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России".

Часть первая.

Стр.

1. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. Ю. Гессена . . . . . 3—5
2. История труда и ее значение. Е. Тарле . . . . . 6—10
3. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе. И. М. Кулишера . . . . . 11—33
4. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. А. Преснякова . . . . . 34—47
5. Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие (Из истории крестьянских волнений). Ю. Гессена . . 48—62
6. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. В. Бирюковича . . . . . 63—79
7. „Первое мая" в России. В. Колпенского . . . . . 80—85

Часть вторая.

8. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 г. по 1860 г.). К. Пажитнова . . . . . 86—90
9. Материалы для истории рабочих на горных заводах. Сообщил А. Шебалов . . . . . 91—112
10. Против забастовок на заводах морского ведомства. Сообщ. А. Блек. 113—115
11. Из практики предварительного обследования заводских архивов (архивы Обуховского и Балтийского заводов). А. Блека . . . . 116—121
12. О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде. 122—123
13. Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19 века. Б. Романова . . . . . 124—145

Часть третья.

14. К сведению и руководству сотрудников . . . . . 146—151

14-я Государственная типография. Птг., Социалистическая, 14. Р. В. Ц. Тир. 5000.

Петроградский Губернский Совет Профессиональных союзов

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России

КНИГА ПЕРВАЯ

8132
А. И. ГЕРЦЕНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД — 1921

14 я Государственная типография. Нтг., Социалистическая, 14. Р. В. Ц. Тир. 5000.

Задачи и деятельность Ученой Комиссии по исследованию истории труда в России.

Служа основою личной, общественной и государственной жизни, труд является одним из важнейших факторов экономического, политического и культурного бытия народа. И само собою разумеется, что лишь найдя ответы на вопросы о происхождении и эволюции разнообразных форм труда, особливо—производственного, и в частности изучив меняющиеся условия, в которых жили и работали на протяжении столетий трудящиеся элементы, можно разрешить коренные проблемы исторического существования данного народа.

Однако, русская научная литература не уделила должного внимания труду, как животворящему социальному началу: она не учла его роль в судьбах России, не выяснила наиболее острых моментов в его историческом развитии, не накопила даже соответствующего сырого материала.

Наступила пора, когда нельзя долее откладывать распашку этого почти непочатого поля, как ни тяжела предстоящая задача.

История труда крайне разнообразна по выдвигаемым ею научным вопросам. Для исследования ее требуются совокупные усилия историков, экономистов, техников и других специалистов. Самая же работа этих исследователей осложняется необходимостью обширных изысканий в архивах не только с целью извлечь из их недр материал по уже известным темам, но и для того, чтобы наметить новые задания на основании вновь открываемых письменных памятников прошлого.

Нет нужды говорить, что представляя собою хранилище естественно образовавшихся собраний документов, архивы—в целом—раскрывают самые затаенные поры и извилины минувшей жизни, и будучи чужды предвзятости и лицеприятия, освещают ее беспристрастно: в архивах с одинаковой рельефностью запечатлены стремления различных социально-экономических групп населения, независимо от того, какая из них торжествовала в данный момент; на ряду с преднамеренным и бессознательным искажением фактов, вызываемым то материальными интересами, то сословными и религиозными предрассудками, здесь пробивает себе путь неприкрашенная правда действительности; бок о бок с яркими эфектными событиями здесь оставили свой след серенькие коллизии, обыденные безшумные происшествия, из которых незаметно складывается существование индивидуума, общества и государства. Однако таковые „человеческие документы“ не плавают на поверхности архивного моря, они сокрыты на дне его, и нужно приложить много труда, чтобы извлечь их.

Так как не только дела общественного и государственного значения, но даже и мелкие рассматривались и разрешались не одной какой-либо инстанцией, а несколькими, то по каждому из них сохранились документы в ряде архивов, причем эти собрания документов и по содержанию и по характеру во многом различны в зависимости от свойств тех учреждений, при которых образовались архивные фонды. Вот почему обычно тот или иной архив в отдельности—ведомственный, общественный, частный—не заключает в себе исчерпывающего мате-

риала по теме, интересующей исследователя, и поэтому приходится обращаться к целой сети архивов, чтобы собранные сведения обладали желаемою количественною полнотою и качественным разнообразием. А между тем даже обследование одного значительного архива поглощает много времени и усилий.

В архивах имеются дела, которые будучи составлены из материалов, некогда нарочито подобранных для канцелярских надобностей, содержат в себе существеннейшие данные по определенному вопросу; такие дела, освобождающие исследователя от кропотливых поисков нужных сведений, являются весьма ценными,—однако только в качестве пособия. Описывая события и явления преимущественно с одной лишь внешней стороны, не обнажая их существа, к тому же нередко тая в себе стремление к предвзятой цели, эти дела совершенно лишены красок жизни, ее дыханья. И оттого они не могут служить основным материалом для исследования по истории труда, сотканной главным образом из элементов бытового характера; при изучении ее несомненно более важными являются те архивные дела, которые, каждое в отдельности непритязательно рассказывая о незначительных житейских взаимоотношениях, будничных эпизодах, воспроизводят в своей совокупности четко и правдиво протекшую жизнь в гармоничной пестроте ее реальных черт.

Конечно, подобные дела приобретают характер научного материала лишь при массовом использовании их. И этим-то обстоятельством определяется ответственная роль архивистов в разработке истории труда. Розыскать в ряде архивов множество дел, самым причудливым образом вплетающихся в историю труда,—такая скрупулезная работа не по плечу самим исследователям; тут необходимо научно-техническое сотрудничество архивистов, не только опытных в своем деле, но и способных усвоить научные нужды специалистов, с разных сторон подходящих к изучению истории труда. Только тогда, когда архивисты зафиксируют сохранившиеся в обследуемых архивах соответствующие документы и весь этот чрезвычайно обширный и разнообразный материал будет систематизирован, архивные сокровища станут доступными для исследователя.

Столь же сложная подготовительная работа нужна и со стороны библиографов. Если краеугольным камнем при изучении истории труда должны служить архивные документы, то все-же нельзя оставить без серьезного внимания печатные источники на русском и иностранных языках. Подобно архивным бумагам, печатные материалы, рассыпанные по многочисленным изданиям, могут быть использованы исследователями в полной мере лишь после того, что будут подобраны библиографами и классифицированы.

Таким образом для планомерного и всестороннего исследования истории труда необходимо организованное соучастие разнородных работников. И именно для того, чтобы об'единить, координировать частью индивидуальный, частью коллективный труд и направить его в конечном итоге к единой цели, образована при Петроградском совете профессиональных союзов „Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России“ [1]).

Общая задача Комиссии—разработка архивных материалов по истории труда и тех социальных групп, которые живут личным трудом; ближайшая—изучение вопросов, касающихся истории производственного труда и тех видов организационной и научно-технической деятельности, которые служат данному производству; основные формы производственного труда, подлежащие изучению,—фабрично-заводский, ремесленный и сельско-хозяйственный труд [2]).

Приняв за правило не ставить работу сразу слишком широко, а начав с малого, раздвигать пределы изысканий по мере накопления опыта, Комиссия, наметив сравнительно узкие рамки для библиографического указателя по русским источникам, на ряду с этим ограничилась на первых порах обследованием лишь нескольких важнейших для ее задач ведомственных и заводских архивов, дабы на практике проверить и в случае надобности изменить систему работ, а вместе с тем постепенно освоить сотрудников с возложенными на них функциями,

---

[1]) Возникшая по моей инициативе и при ближайшем содействии члена президиума Петрогр. совета проф. союзов Г. В. Цыперовича, Комиссия приступила к занятиям 18 февраля 1921 г. Состав Комиссии и ее сотрудников—см. на внутренней стороне обложки журнала.

[2]) Подробности приведены в третьей части настоящей книги.

подготовить их к руководству более молодыми работниками. Установив тесное деловое общение между сотрудниками, Комиссия приложила старания к тому, чтобы придать их изысканиям единое направление и благодаря этому ей вскоре удалось при помощи систематического архивного карточного каталога проникнуть в глубину архивов и обнаружить чрезвычайно обильные материалы по ряду вопросов истории труда, что в свою очередь позволило ей приступить к изданию „Архива истории труда в России".

„Архив" предназначен для опубликования разнообразных результатов архивных изысканий в области истории труда. Главное место уделяется самостоятельным более или менее цельным исследованиям; в отношении выбора тем и периода, ими захватываемого, не ставится ограничений, но в принципе желательно, чтобы каждая из них разрабатывалась в возможной полноте и последовательности. В особом отделе будут печататься относящиеся к истории труда описания архивных фондов и отдельных наиболее ценных по содержанию архивных дел, а также документы, небольшие очерки, заметки, рецензии на книги и проч.—Лишь в виде исключения будут помещаться такие статьи в известной мере теоритического или общего характера, как, напр., напечатанные в настоящей книге три статьи, долженствующие дать читателю общее представление о состоянии западно-европейской и русской историографии труда.

Отнюдь не переоценивая видимые результаты полугодового труда Комиссии, следует признать, что в тяжелых условиях нынешнего времени они могут служить показателем жизнеспособности ее начинания. Правда, исключительно доброжелательное отношение к Комиссии со стороны призидиума и культурно-просветительного отдела Петроградского совета профессиональных союзов [1]), а также Петроградского отделения Главного Управления архивным делом, широко раскрывающего пред сотрудниками Комиссии двери архивов, значительно облегчило занятия. Но при всем том сотрудники Комиссии и журнала не проявили бы так много живой энергии, если бы не были проникнуты сознанием, что работа, в которой они об'единились, даст рано или поздно ожидаемые плоды.

Конечно, число лиц, дружески сгруппировавшихся вокруг Комиссии, еще далеко не достаточно, чтобы усилиями их одних деятельность Комиссии приняла желанные размеры и интенсивность. Однако не может быть сомненья, что все, кто исследует тот или иной вопрос истории труда в России, ознакомившись с задачами Комиссии, примут участие в ее работе.

Раз Комиссия поставила себе в обязанность способствовать всестороннему изучению истории труда, а ее орган призван вводить в научный оборот новые архивные материалы, то естественно, что она с полной готовностью предоставит в распоряжение исследователей данные, заключающиеся в ее архивном указателе, и постарается облегчить им пользование подлинными архивными делами.

Комиссия радушно встретит каждого, кто пожелает работать.

18 августа 1921 г.

Юлий Гессен.

---

[1]) Особое внимание и содействие Комиссии оказали нынешний председатель Совета союзов И. И. Лепсе, заведующий культурно-просветительным отделом З. И. Любинский и его заместитель О. П. Ольгин.

Выходу настоящей книги в свет усердно способствовали завед. литер.-изд. бюро Л. Г. Громов, инструктор этого бюро А. И. Степанов, а также заведующий 14-ой Государственной типографией М. И. Лепянский и ее рабочие.

История труда и его значение.

Хотя история и является самою древнею из наук, но развитие ее шло чрезвычайно медленно и лишь сравнительно недавно, каких нибудь полтораста лет тому назад, под словом «история» перестали понимать собрание более или менее занимательных биографий выдающихся людей и коллекцию анекдотов о выдающихся событиях и памятных происшествиях. Но даже после того, как на историю стали смотреть гораздо серьезнее, еще в начале 19-го столетия, ученые почти вовсе не касались той стороны исторического процесса, без изучения и понимания, которой вообще нельзя понять важнейшего и существеннейшего в прошлой жизни человечества: экономическая история была совершенно заброшена, ею не занимались и не интересовались. Самые выдающиеся и талантливые историки первой половины 19-го века, вроде Маколея, посвящая по много томов сравнительно небольшему периоду истории родной страны, довольствовались тем, что отводили изображению хозяйственной жизни данной эпохи лишь несколько беглых страниц, отделывались от этого вопроса общими и неопределенными характеристиками, и притом не ставили ни в какую связь экономику с политикою и с другими областями исторической жизни. Встречались, правда, уже тогда счастливые исключения. В 1817 году немец Бек написал превосходное исследование по истории финансов древних Афин; но хотя эта книга осветила очень многое в самой темной глубине прошлого афинской республики, однако последователей и продолжателей Бек не нашел. В начале сороковых годов 19-го века, французский ученый Герар нашел, издал и блестяще исследовал в высшей степени важную рукопись о ховяйстве большого аббатства Сен-Жермен-де-Прэ в самую неведомую, самую загадочную пору средних веков, и сразу неожиданным светом озарилась вся экономическая история ранней эпохи феодализма. Можно было ожидать, что Герар найдет последователей и продолжателей. Но ничего подобного не случилось; о нем забыли, так же, как забыли о Беке.

Нужен был решительный толчек, который придал бы изучению экономической истории широкий не только научный, но и общественный интерес. Этот толчек был дан одновременно,—на континенте Европы Карлом Марксом, а в Англии—Торольдом Роджерсом.

Уже с конца сороковых годов полная необходимость во всех исторических об'яснениях исходить из экономики была для Маркса ясна. Как публицист, рассуждавший о современных ему бурных политических собитиях, Маркс с ранних пор привык усматривать под внешними формами политической борьбы глубоко заложенные в самой природе капиталистического общества классовые противоречия. В 50-х и 60-х годах это воззрение в нем все более укреплялось и становилось руководящим для всей его умственной жизни, для всех его научных изысканий и политических воззрений. Деятельность Маркса в начале 60-х годов, особенно с 1862—1863 г.г., в эпоху основания первого интернационала, очень много содействовала широкому распространению новых идей и нового исторического понимания. Наконец, в 1867 году появился первый том его «Капитала» и о марксовской историко-философской теории заговорили специалисты,—сначала экономисты, а затем историки.

Живейший интерес, как положительный, так и полемический, как среди сторонников, так и среди противников, был возбужден и поддерживался не только определенностью и законченностью теоретической формулировки, которую придали Маркс, а еще более Энгельс, материалистическому пониманию истории, и не только страстностью, с которою они оба отстаивали свое воззрение. Общие условия политической жизни средины 19-го века были таковы, что марксов-

ская точка зрения на историю все более приобретала жизненный, практический интерес. Необычайно ускорившийся темп экономических и политических изменений, так характерный для капиталистической эпохи, давал себя чувствовать. Рабочий класс был, правда, еще сравнительно слаб численно, мало организован и в обыкновенное время мало влиятелен политически, но уже запомнились и—одних обрадовали, других сильнейшим образом встревожили—отдельные яркие и трагические моменты: 1848 год с небывалым до тех пор четырехдневным восстанием парижских рабочих в июне, с подавлением этого восстания, участие рабочего класса в революциях германской и австрийской,—все это было еще слишком недавно и, главное, все это случилось слишком неожиданно. Ведь только после событий 1848—1851 г.г. стали вспоминать, что проницательные умы, вроде Лоренца Штейна, еще задолго до революции предсказывали ее резко выраженный социальный, а не только политический характер. Благодаря, отчасти, этой неожиданности, а отчасти благодаря тому, что рабочее движение оказалось не задавленным, но только временно, в пятидесятых годах, придавленным, и в начале шестидесятых годах опять начало поднимать голову,—события 1848 года не переставали привлекать к себе внимание, нисколько не забывались и не тускнели. Марксовская попытка об'яснения этих событий пробудила прежде всего интерес к общей его исторической теории. Появление первого тома «Капитала» в 1867 году еще более этот интерес усилило и углубило.

Каков политический смысл появления рабочего класса, как самостоятельной силы в истории? Чем обуславливается быстрый рост этого класса? Каково его соотношение с другими классами общества? Что такое, вообще, социальные классы и какие признаки отделяют один класс от другого? Действительно ли так уж ново появление рабочего класса и его вмешательство в политическую жизнь? Раз возникши, эти вопросы уже не могли быть сданы в архив. Периодические собрания первого интернационала, Парижская коммуна 1871 года, рост германской социал-демократии,—все это поддерживало напряженный интерес к проблемам, выдвинутым Марксом. Деятелям науки, как экономистам, так и историкам, стоило лишь обратить сколько нибудь серьезное внимание на эти вопросы,—и сейчас-же они увидели, как мало пока сделано в области экономической истории, до какой степени тут нужно начинать, так сказать, с азбуки. И в тоже время жизнь стала настойчиво обращать внимание ученых исследователей на другой производительный класс общества—на крестьянство и его историю.

Почти одновременно с выходом 1-го тома «Капитала», в Англии (с 1866 года) стало публиковаться многотомное исследование профессора Оксфордского университета Роджерса под названием «История земледелия и цен в Англии». С каждым томом все яснее становился ход исторической жизни английского крестьянства, причины и последствия расслоения его на отдельные экономические группы, все больше и больше подтверждалась та истина, что без истории хозяйства данной страны можно р а с с к а з а т ь, но нельзя п о н я т ь ее историю вообще. Роджерс, не зная Маркса, и вполне независимо от Маркса, дал первое приложение его воззрений и методов, и именно по истории земледелия и земледельческого класса. Исследование английского ученого дало могущественный толчек к изучению истории крестьянского класса и на континенте Европы. До тех пор уже были ценные работы Маурера по истории общины в Германии, Гакстгаузена (1847 г.) об общине в России, Зугенгейма по истории крепостного права в странах центральной Европы по преимуществу и т. д.,—но до Маркса и Роджерса все эти работы являлись какими то одинокими островками среди моря общего невежества в области экономической истории. Отныне историей крестьянства занялись несравненно серьезнее, систематичнее, глубже. В Германии школа Шмоллера, из которой вышли Кнапп и Виттих, успела больше всего сделать по истории земледелия и крестьянства. Во Франции и России прогресс науки сказался несколько позднее. В Англии, как это ни странно, преемники Роджерса выступили позже, чем в Германии, Франции и России. Во всяком случае, с начала семидесятых годов 19-го в. до настоящего времени не проходило года, чтобы в одной из этих стран (а с 80-х г.г. и в Италии) не появилось одной или нескольких, мелких или крупных работ по экономической истории.

И можно сказать, что ни одна область исторического знания в последние пятьдесят лет не сказывалась в таком близком и постоянном соприкосновении с жизнью, с текущею хозяйственною и общею политикою, как именно экономическая история; переход Германии к покровительственной таможенной политике в конце 70-х годов повлек за собою небывалое оживление в области исследования истории промышленности; большие рабочие стачки во Франции в 90-х г.г. вызвали к жизни литературу по истории рабочего класса; возрастающее значение профессиональных союзов в Англии породило классическое двухтомное исследование о тред-юнионизме, написанное Сиднеем и Беатрисою Уэбб; экономический кризис в жизни крестьянства скандинавских стран в последние десятилетия 19-го и в начале 20-го века сопровождался появлением ряда работ по истории местного крестьянства.

Чем об'яснить это явление, эту теснейшую связь между наукою и жизнью в данном случае? Чем об'яснить, что Жорес, говоря от имени социалистической партии во французской палате депутатов в 1899 году о положении французского крестьянства, постоянно ссылался на исторические работы покойного русского профессора И. В. Лучицкого о крестьянах времен революции? Чем об'яснить, что в германском рейхстаге, едва только заходила речь об экономических реформах или их критике, ораторы всех партий, начиная с правых и кончая покойным Карлом Либкнехтом, не переставали приводить в виде серьезнейших доводов те факты и умозаключения, к которым пришли Шмоллер, Инама-Штрнэгг, Шульце-Геверниц и другие деятели чистой науки? Это об'ясняется прежде всего тем, что, действительно, ни в одной области исторической науки нельзя почерпнуть столько уроков, сколько в области истории экономической. Экономика так мало зависит от отдельных людей, напротив, люди с их будто-бы вполне свободной волей так много зависят от экономической эволюции, самые законы и характер этой эволюции еще так загадочны, так таинственны и трудно уловимы, что, конечно, только от ясного знания и понимания прошлого можно надеяться получить хоть какие нибудь руководящие нити для будущего. И немудрено, что именно те политические деятели, которые стоят на точке зрения марксизма, больше всего считаются и должны считаться с выводами, к которым приходит в данной области бесстрастное историческое исследование.

Таким образом, наука должна быть благодарна социальному и политическому движению средины 19-го века за тот благодетельный толчок, который направил ее внимание на разработку экономической истории, до тех пор почти вовсе неизвестной; в свою очередь деятели социально-политической жизни полными пригоршнями черпают из постоянно пополняемой научной сокровищницы то, что им совершенно необходимо для целей практической борьбы за свои идеалы.

Но есть в огромной области экономической истории вопрос, который выделяется своей колоссальною важностью из всех других. История производительных классов общества (и прежде всего, в их числе крестьян и рабочих)—вот на что все больше и все пристальнее направляется мысль ученых исследователей, и вот что ближе всего соприкасается в то же время с заданиями практической политики. Немудрено, что история крестьянства и рабочего класса и на западе, и у нас привлекают к себе внимание (особенно в последние 20—25 лет) больше, чем любая другая отрасль социально-экономической истории. Втечение почти всей всемирной истории до нового времени земля была либо единственной, либо главенствующей формою капитала, земледелие и сельское хозяйство кормили и делали сильными большие народы, крупные державы. Узнать во всех подробностях историю крестьянства любой европейской страны от начала средних веков и чуть ли не до 18-го века, кроме разве северной Италии и, отчасти, Англии, значило бы понять основной смысл едвали не всей социально-политической жизни данной страны. Все остальные классы общества во весь этот долгий период так или иначе вращались вокруг этого главного ядра—крестьянства, и их место в истории определялось их отношениями к крестьянскому классу. С другой стороны, с того момента, когда движимый капитал начинает приобретать все большее и большее значение, другая отрасль труда,—рабочий труд становится все более и более значительным фактором, влияющим на историю. С конца 18-го века, а особенно с третьего и четвертого десятилетий 19-го века, без отчетливого знания истории рабочего класса нельзя уже понять очень и очень многого.

История трудящихся классов (и прежде всего крестьянского и рабочего) не есть вся экономическая история данного народа, но только часть ее, этого не следует забывать, чтобы не впасть в преувеличение и ошибки. Но ко всей громадной задаче построения экономической истории легче и удобнее всего подойти именно чрез построение истории трудящихся классов. Человек, человеческий материал, данный класс общества—это настоящая реальность истории, осязаемая величина, видимая даже неопытному глазу. Следя за изменениями в составе, в настроениях, в политическом поведении каждого из классов общества, теснее и непосредственнее всего связанных с экономическою жизнью страны, мы постепенно доберемся до понимания самых скрытых пружин исторической эволюции. С этой точки зрения трудно назвать какой либо третий класс общества, с которого так же удобно было бы начинать изучение экономической истории, как класс крестьянский для более старого периода европейской истории и классы крестьянский и рабочий для изучения новейших времен.

Что касается практического значения изучения истории обоих упомянутых трудящихся классов, то оно не всюду вполне одинаково. В современной Англии крестьянство, как обособленный класс, почти исчезло, его экономическая и политическая роль сыграна уже давно. Еще в 30-х, 40-х, 50-х годах в Англии происходили судебные процессы и велись горячие споры по вопросу об огораживании былых общинных земель, и писались особые исторические трактаты по этому поводу. Теперь это явление отошло в область прошлого, и вообще, ничто, связанное

с исчезающим крестьянством, уже не может иметь в Англии злободневного характера. В других странах Западной Европы, в Германии, а особенно во Франции, крестьянство не только не исчезло, но, напротив, обнаруживает большую устойчивость. Но крестьянских в о п р о с о в в этих странах тоже почти не существует: крестьянство, вообще переживающее гораздо более медлительную эволюцию, чем классы, связанные с движимым капиталом, еще до сих пор не изжило периода, последовавшего после полного уничтожения всех пережитков старых феодальных отношений. Новые задачи ставятся туго, разрешаются медлительно, внутри-классовое расслоение идет, но далеко не таким бурным темпом, как многие ждали этого после 1848 года.

При этих условиях и в Англии, и в странах континентальной Европы интерес разработки истории крестьянского класса—прежде всего есть интерес научный, и в несравненно меньшей степени—практический. Напротив, история рабочего класса, быстро растущего в Англии и Германии, более медленно во Франции и Италии, сплошь и рядом оказывается нужною для уяснения настоящего положения вещей. В истории рабочего класса нигде не было такой резкой черты, которая, как острым ножом, раз навсегда разрезала историю крестьянства: рабочий класс не знал ни феодализма, ни уничтожения феодализма. То, что было во Франции до 1848 года, является для практического политика, когда речь идет о крестьянстве,—древнею историею, не имеющею ни малейшего касательства к современности. Напротив, рабочие восстания, происходившие во Флоренции в 14 и 15 веках, или эксплуатации рабочего труда в Англии 18-го столетия, или силезийские стачки сороковых годов 19-го века—все это явления, если их рассматривать со стороны общей, с точки зрения их социологической природы, чрезвычайно важные и поучительные для всякого, кто силится понять те или иные черты новейшего рабочего движения. Движение и настроение английских углекопов в 1821 году несравненно более походят психологически на движение и настроение так называемого городского «меньшего люда» (popolo minuto) в северной Италии в 14 столетия, чем быт и стремления французского крестьянства в 1788 году на быт и стремления того же крестьянства при Наполеоне, спустя всего двенадцать лет после начала революции.

Есть только одна страна, для которой и история крестьянства, и история рабочего класса имеют первостепенный не только научный, но и чисто-практический интерес, в почти одинаковой степени. Это Р о с с и я. Революция здесь уничтожила все старые политические и юридические отношения, но экономическая эволюция, хотя при изменившихся условиях, будет продолжаться, и делом первостепенной государственной необходимости является возможность хотя бы приблизительного предвидения, в какую сторону направятся в ближайшем будущем пестрые и сложные течения хозяйственной жизни страны. Крестьянский вопрос или, вернее, ряд крестьянских вопросов существовал в России всегда. Эти вопросы, живо затрагивающие громадное большинство русского народа, занятого земледельческим трудом, не только не разрешены, но и не могут в 3—4 года быть разрешены; мы даже не можем вполне ясно отдать себе отчет в размерах и характере происшедших изменений. Собирание точной статистики в деревне во всероссийском масштабе в данный момент является предприятием, допельзя затруднительным. При этих условиях громадную пользу может принести разработка и научный анализ тех данных, которые уже находятся в архивах. Данные о площадях запашки и посева, о влиянии урожаев и неурожаев, о причинах местных явлений вроде малоземелья или чересполосицы или удачного или неудачного расположения путей сообщения и т. д. и т. д.—сплошь и рядом окажутся весьма мало устаревшими, несмотря на бурю, пронесшуюся над Россией. При известных, уже обозначающихся условиях, могут сказаться полезными и старые сведения о рынках сбыта сельскохозяйственных продуктов и т. п. Трудно даже перечислить все категории практических вопросов, по которым крестьянской России могут понадобиться данные, касающиеся истории земледельческого класса.

Что касается рабочих, то их организации в России (начиная с профессиональных) еще так молоды и им предстоит считаться с такими сложными проблемами в будущем, что внимательное ознакомление с историей своего собственного класса, вероятно, покажется им, рано или поздно, делом не только интересным, но прямо необходимым. Не следует забывать, что, напр., вопрос о значении иностранного капитала для русского рабочего класса, вопрос о повышении производительности труда, о категориях и расценке различных разрядов трудящихся,—все это вопросы не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня, и знать свой вчерашний день—даже с практической точки зрения—оказывается безусловно необходимым.

Но разве можно даже приблизительно предвидеть ту огромную пользу, которую приносит человечеству всякое расширение научного знания, само по себе, даже независимо от прямых практических заданий? Разве можно предсказать, на какие новые пути натолкнется в будущем обобщающая мысль, когда архивы откроют свои тайны и поток новых фактов, новых наблюдений и частичных исследований обогатит науку? Издатели средневековых текстов во Франции

и Германии вызвали к жизни великие исторические исследования Фюстель-де-Куланжа, Вайтца, Маурера, всех этих ученых, написавших историю средних веков; английские фабричные инспектора, когда начали публиковать отчеты о своих поездках, наверно не предвидели, какую бесценную услугу они оказывают этим Марксу и Энгельсу, какое значение эти скромные «синие книги» будут иметь для экономической науки.

Нельзя предвидеть и теперь всех последствий, которые может иметь и для науки и для практической политики систематическая, широко поставленная, неустанно продолжаемая коллективными усилиями многих исследователей разработка громадной массы документов, относящихся к истории труда в России и хранящихся в наших архивах.

Можно лишь сказать с уверенностью, что все, кто прямо или косвенно помогут поставить эту работу на правильную дорогу и будут самую работу делать, принесут бесспорную пользу и науке, и русскому народу.

Е. Тарле.

Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе.

I.

История труда есть ничто иное, как история форм промышленности. Каждая из этих форм имеет свою специфическую, отличную от прочих, физиономию, отличается определенными технических и экономическими свойствами, определенной организацией производства и сбыта, определенными отношениями между участниками в производственных процессах. А все эти свойства ее, вместе взятые, дают представление о состоянии труда при данной форме промышленности — о характере применяемой рабочей силы и условиях ее применения, об участии ее в продукте труда и удовлетворении ее потребностей, материальных и духовных. Конечно, на-ряду с условиями труда (в широком смысле), вытекающими из соответствующей формы промышленности и являющимися необходимыми последствиями этой формы как таковой или результатами совершаемой ею эволюции, вызванными данным фазисом ее развития, есть и такие явления, которые могут рассматриваться в качестве случайных, хотя и не для самой истории труда, но для определенной формы промышленности, возможными при различных формах или могущими обнаруживаться или отсутствовать при той или иной из них. Но все же и такого рода обстоятельства,—мы говорим, конечно, лишь о наиболее существенных, основных в истории труда—при более близком изучении и анализе их проявляют свою связь с определенной формой промышленности в известном периоде ее развития или при наличности определенного подвида или варианта этой формы и обыкновенно при существовании этой формы или подвида ее принимают иной облик, вытекают из иных причин и влекут за собой иные последствия, чем это может быть установлено в отношении других форм промышленности.

Мы различаем обычно четыре основных формы промышленности—производство для собственных потребностей в пределах домашнего хозяйства; ремесло, т.-е. производство для рынка, но местного, ограниченного, а следовательно, в небольших размерах, из чего опять-таки вытекает ручной способ производства и ограниченное применение наемной рабочей силы; далее—кустарную или домашнюю (капиталистическую) промышленность, характеризуемую более широким рынком сбыта и вытекающей отсюда наличностью посредника между производителем и потребителем при мелком характере самого производства; и наконец—фабрику или централизованное предприятие, где производительный процесс совершается на основах широкого разделения (расчленения) труда с применением машин, двигателей и рациональных способов производства и происходит в помещении предпринимателя и под его руководством и надзором.

Эти четыре формы промышленности не означают четырех периодов в истории труда, ибо они могут существовать одновременно и действительно существуют в одни и те же исторические эпохи, хотя в каждую эпоху преобладающей и господствующей является определенная форма. Каждая из этих форм промышленности обнаруживает различные подвиды и варианты в зависимости от времени и места, проходит различные фазисы в своем историческом развитии, переход от одной к другой совершается постепенно, в различных странах и отраслях производства в разное время и разным путем.

Так, от производства для домашних потребностей переход к ремеслу в развитой его форме, т.-е. в той форме, где ремесленник является хозяином мастерской, владельцем сырья и инструментов, совершается нередко через посредство того зачаточного вида его, где руководителем про-

цесса производства является еще сам потребитель, снабжающий производителя материалом и указывающий ему способ обработки, или где потребитель сам же и выполняет необходимую работу, используя лишь принадлежащие ремесленнику приспособления (мельницу, кузницу, печь для обжигания посуды, станок). И в том и в другом случае ремесло, как производство для сбыта, еще не вполне выделилось из работы для собственных нужд, для домашнего хозяйства.

Ремесло, в виду незначительности связанного с производством его капитала и благодаря сбыту на местном рынке, без помощи посредника, не предполагает антагонизма между хозяином и работником, а напротив, построено на принципе единства интересов того и другого, рассматривая состояние подмастерья как переходную ступень к экономической самостоятельности. Однако ограниченность рынка, давая возможность пропитываться определенным промыслом в каждой данной местности лишь небольшому числу производителей, может привести к различным искусственно создаваемым стеснениям доступа к званию мастера и к образованию, вследствие этого, самостоятельной, отдельной от хозяев группы подмастерьев, которые большую часть своей жизни проводят в таком зависимом положении, а вследствие этого, обнаруживают и отличные от хозяев интересы и нужды и ведут борьбу с ними за осуществление своих задач и целей.

Такие условия мы находим в Западной Европе с XIV, иногда и XIII ст.—цеховой строй, всячески затрудняющий подмастерьям приобретение положения мастера, путем всевозможных сложных и требующих значительных материальных затрат требований, к ним предъявляемых. Эти цеховые стеснения, вытекающие, повидимому, из ограниченности рынка, ведут к образованию уже в это время зачатков рабочего класса, хотя еще малочисленного и непостоянного, не вполне выделившегося из прочих групп населения, но все же постепенно формирующегося, это видно из временных и постоянных единений подмастерьев, из забастовок и союзов, из борьбы, которая этим путем ведется с мастерами, из требований сокращения рабочего дня, повышения оплаты труда и т. д., выдвигаемых подмастерьями.

Расширение рынка, возможность производить для других местностей должна была, казалось бы, устранить эти препятствия, открыть всем и каждому доступ к самостоятельному занятию промыслом. Однако, совершившееся в Западной Европе в XVII—XVIII ст. образование широкого рынка, охватывавшего целую страну или, по крайней мере, часть ее, нисколько не разрешило вопроса, ибо сбыт в других городах и областях вызвал необходимость в посредниках, знакомых с требованиями новых рынков, и тем самым поставил прежних самостоятельных ремесленников в зависимых от скупщиков-торговцев, превратил их в кустарей. Положение прежних хозяев и подмастерьев в значительной мере уравнялось, однако, не в смысле поднятия последних до уровня первых, а в виде понижения первых до уровня вторых.

Конечно, кустарь по прежнему работал в собственной мастерской, производил по своему усмотрению, распределял свое время по своему желанию. Самая степень его зависимости от капиталиста была весьма различная: мы находим здесь различные ступени, начиная от производителя, который сам везет изготовленные им товары на базар и там продает их торговцам, вплоть до таких, которые вынуждены изготовлять их по предварительному заказу для определенного скупщика или группы (компании) скупщиков. Во всяком случае зависимость кустарей обусловливается нуждою в посреднике, и получение материала (иногда и орудий) от последних не создает, а лишь усугубляет ее. Развитие, повидимому, идет в направлении закрепощения кустаря, хотя наиболее тяжелым являлось, быть может, на Западе, как это наблюдалось и у нас, положение тех из них, которые не имели такого определенного покупателя, а вынуждены были каждый раз разыскивать его, находясь под угрозой остаться на руках с непроданным товаром и не иметь средств для жизни и для продолжения промысла.

Не только в смысле степени зависимости кустаря различные промыслы обнаруживают много вариантов. Кустарная форма промышленности вообще возникает в разных странах и местностях и в различных отраслях производства не одновременно: мы находим шелковую промышленность, производимую рабочими на дому, в итальянских городах уже в XII—XIII ст., в Константинополе даже в X ст., тогда как сапожный промысел стал кустарным и в Западной Европе не ранее XIX ст. Точно также и у нас находим промыслы, которые из производства для собственных потребностей уже в XVII ст., а быть может, и раньше, успели превратиться в кустарную промышленность, работающую для рынка. В известном своим слесарным промыслом селе Павлове, Нижегородской губ., уже по писцовой книге 1621 г. упоминается об 11 больших кузницах, при Петре выделываемые там ножи и замки распространялись по всей России, а во второй пол. XVIII ст. купцы возят в Сибирь висячие замки с павловских заводов. В селе Дунилове Шуйского уезда, как видно из акта 1667 г., уже тогда занимались выделкой нестрядей и холста и этим платили оброки в казну. В других местностях Шуйской области в XVII ст. развились мыловаренный промысел, кузнечный, калачный; шуяне завели у себя «варити мыльники», строили «мыльни» и развозили свои изделия, ездили для своих бедных промыслиш-

ков . По описи Посова 1710 г., из 174 тяглых дворов Шуи третья часть занималась изготовлением промышленных изделий – было 16 кожевенных заведений, 11 мыловаренных, 14 сыромятных, 4 медных, 7 изб скорняжных, 4 рукавишных.

Раннее (и самобытное) возникновение многих наших крестьянских кустарных промыслов подтверждается и сведениями относительно товаров, сбываемых на таких ярмарках, как Благовещенская (Архангельской губ.) или Макарьевская (Нижегородской губ.). Из записной книги гостиного двора Важской Благовещенской ярмарки 1727 года видно, что заезжие купцы скупали в ней десятками кусков и сотнями, даже тысячами аршин холст разных сортов, сукна белые и серые, там же приобретались меха и овчины, возами закупались ковши и ложки, и все это вывозилось, как видно из выписей, в Москву, Ярославль, Кишерму и даже в сибирские и малороссийские города. Следовательно, имелись многочисленные промыслы, работавшие для широкого рынка. Такой характер имели уже с начала XVII ст. промыслы Семеновского уезда Нижегородской губ., ибо мы знаем, что в 1624 г., при возобновлении Макарьевской ярмарки, лысковское полотно, корженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми на это торжище. Окрестности Валдая, Каргополя и некоторые местности на Двине и Ваге, по словам Кильбургера, производили холст, который вывозился за-границу, точно так же, как и ветлужские рогожи отправлялись в Англию: в 1730 г. на догрузку кораблей английского консула Варда куплено было в Архангельске 12530 ветлужских рогож, одинаких, семичетвертных, по 18 руб. тысяча [1])

Не следует впрочем усматривать в приведенных фактах чего-либо свойственного исключительно нашим кустарным промыслам и отличающего их от западно-европейской кустарной или домашней промышленности (которую вследствие этого различия, нередко именуют «домашней»—в противоположность нашей—«кустарной»). И на Западе в XVII—XVIII ст. и даже в первой половине XIX в. широко была распространена деревенская промышленность; во многих случаях и там она возникла из производства крестьянами изделий из шерсти, льна, дерева, камня и других видов местного сырья для собственных надобностей и лишь постепенно превратилась в работу для сбыта на соседних рынках, а затем и для приезжих купцов. Так возникла известная силезская льняная промышленность, различные промыслы Исполинских, Рудных гор., Тюрингии, Вестфалии, ткацкий промысел в Лилле, Камбре, Дуэ, Амиене и т. д. [2]). Но даже и там, где исходной точкой явилось городское ремесло, все же кустарная промышленность широко распространилась за пределами городов и центром тяжести всех развитых и имевших существенное значение отраслей производства являлись всегда деревенские жители. Лишь с упадком кустарной формы производства и вытеснением ее фабрикой деревенские промыслы стали исчезать, а в городах уже народились новые, составляющие характерную особенность второй половины XIX ст. кустарные промыслы, изготовляющие одежду, белье, обувь, искусственные цветы, игрушки и т. д.

Наконец, был еще и третий путь возникновения кустарной промышленности, на который обратил особое внимание М. И. Туган-Барановский, придавая ему однако чрезмерное значение. Фабрика вызвала к жизни различные кустарные промыслы; последние явились результатом разложившейся фабрики или точнее мануфактуры, ибо в большинстве случаев речь идет о централизованных предприятиях, применяющих ручной труд, а не машину. Отдельные случаи подобного рода, когда владельцу фабрики или мануфактуры казалось выгоднее раздавать работу на дом, чем производить ее в собственном помещении, и он постепенно сокращал выделку товаров в последнем или вовсе прекращал ее, мы находим и в Западной Европе [3]).

Туган-Барановский посвятил целую главу в своей «Русской фабрике» доказательству того, как часто у нас кустарная промышленность обязана была своим возникновением фабрике (мануфактуре) и последняя погибала, не будучи в состоянии выдержать конкуренцию кустаря. Но при этом, он, к сожалению, слишком часто исходит из того, совершенно недоказанного положения, что уже в XVIII ст. в данной отрасли производства (и местности) существовали централизованные предприятия, которые затем прекратили свое существование. «Отдача бумажной пряжи на дом появилась у нас только в конце XVIII в., раньше бумажное тканье производилось исключительно в самом фабричном здании». «На суконных фабриках XVIII в. вся

[1]) И. В. Соколовский. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и в первой половине XVIII ст. Ученые записки Казанск. Унив. 1890. Кн. III, стр. 20—30. Мещерский и Мадзолевский. Свод материалов по кустарной промышленности. стр. 119—420. Корсак. О формах промышленности. 1861. Стр. 186. Борисов Описание г. Шуи с прилож. старинных актов, стр. 61, 156, 282.

[2]) См. Кулишер. Эволюция прибыли. Т. I. 1906. Стр. 546 и сл.

[3]) Stieda. Literatur, heut. Zustände und Entstehung der deut. Hausindustrie. 1881. p. 108 и сл.

работа по обработке шерсти в сукно производилась на одной и той же фабрике (мануфактуре), позже (в начале XIX ст.) в помещении мануфактуры выполнялось только крашение и отделка сукна, а суровье заготовлялось по окрестным деревням». «В Московской губ. еще при Петре были устроены крупные шелковые фабрики» (мануфактуры), «при простоте техники промысел этот не замедлил переселиться в деревню, вместе с возвращавшимися в деревню рабочими шелковых фабрик» [1]).

Однако, как мы видели выше, пряжа и ткачье холста и сукна производились у нас во многих местностях в XVII и даже в XVII ст. и даже там, где речь идет о таких тканях, как бумажные или шелковые, которые не были предметами крестьянского потребления, распространение производства этих изделий нередко находило себе благоприятную почву в ранее существовавшей выделке холста. Конечно, в этих случаях, как и во многих других, возникновение кустарной промышленности происходило нередко под влиянием торговцев, которые стали разъезжать по деревням и раздавать сырье крестьянам, давая толчек для превращения производства для домашних потребностей в работающую для рынка промышленность. Но все же мы имеем здесь дело с децентрализованной промышленностью, а не с централизованным предприятием—с раздаточной конторой, а не с мануфактурой.

О том, насколько широко были распространены крестьянские кустарные промыслы в первой половине XVIII ст., можно судить на основании мнений и наказов, поданных в комиссии о коммерции и о составлении нового уложения в начале 60-х г.г. XVII ст. Здесь к предметам крестьянского промысла депутаты от крестьян относят: выделку лопат, дуг, лаптей, мочал и рогожи, производства столярное, плотничье, кирпичное и каменьщичное, печное, колесное, приготовление кож и овчин, шуб и тулупов, саног, хомутов, седел, даже выделку гвоздей, сошников, серпов, кос, крестов и игл, наконец изготовление веревок, холстов и крашенье шерсти, серых сукон и лент, а также производство солода, мела и бумаги. Торговля всеми этими предметами должна быть дозволена крестьянам; они, следовательно, изготовляются для сбыта и крестьяне частью торгуют сами собственными изделиями этого рода, частью сбывают их другим крестьянам, которые занимаются снабжением ими населения, главным образом опять-таки крестьянского,—в этом смысле и говорится о том, что это предметы «крестьянских надобностей». «Словом, все это принадлежит к крестьянским домашним нуждам, не может сделать никакого подрыва и помешательства купеческому торгу; поэтому и следует дозволить крестьянам невозбранно торговать всеми помянутыми предметами при торжках и при погостах» [2]).

В свою очередь купцы в той же комиссии жаловались на развитие мелкого крестьянского производства, на то, что крестьяне различных сел Нижегородской губ. занимаются кожевенным, мыльным, солодовенным и прядильным производствами, чем «принуждают купечество покупать нужные припасы для вырабатывания оных товаров возвышенными ценами»; купцы северных городов указывают на то, что крестьяне «промышляют кожевенными заводами так точно, как и купцы», крестьяне же Старицкого, Ярославского и Царево-Санчурского уездов, по уверению купечества, занимающиеся кузнечным мастерством, «наймуясь у купцов в работу и обучась гвоздичному мастерству, размножают оное в селах и деревнях собою, сманивают к себе для оного мастерства обязанных задатками»... [3]).

Крестьяне таким образом занимаются и сбытом кустарных изделий, они устраивают у себя и заведения с наемными рабочими, так же, как это делают и купцы. И те и другие выполняют одни и те же функции, но, конечно, при этом сталкиваются интересы «мочных» и «маломочных» людей, ибо крестьяне скупают не только мед, пеньку, лен, скот, но и промышленные изделия—холст, сукна, овчины, шелк, бумагу, и «продавая все это—и по торжкам и ярмаркам в розницу, тем причиняют купечеству подрыв».

Когда М. И. Туган-Барановский говорит о фабрикантах, вышедших из среды крестьянства, противополагая их фабрикантам из купеческого звания, то мы в значительной мере имеем пред собою именно только что упомянутых и «мочных» и «маломочных» торговцев, ибо и в том и другом случае это были не владельцы фабрик или мануфактур, а скупщики промышленных изделий, имевшие раздаточные конторы. С течением времени, правда, многие крепостные крестьяне, например, ивановские и шуйские, стали действительными фабрикантами, но первоначально и в течение продолжительного периода они не выходили из сферы кустарничества, не открывая собственных крупных заведений, а продолжая работать в мастерской с немногими наемными рабочими или ограничиваясь производством в собственных помещениях лишь отдельных операций, напр., на-

[1]) Туган-Барановский. „Рус. фабрика“, 214, 219, 237, 239.
[2]) Лаппо-Данилевский. „Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст.“ 1899, стр. 86.
[3]) Лаппо-Данилевский, стр. 101.

бойкой миткаля и отделкой суконных материй, т.-е. конечных процессов производства, как это было и на Западе в XVIII ст., до появления фабрик и машин [1]).

Такое недостаточно точное разграничение форм промышленности и неправильное применение терминологии и до сих пор господствует в экономической литературе, что не может не отразиться на изучении истории труда, для которой ясное и отчетливое выяснение и определение форм промышленности является необходимой предпосылкой, исходной точкой, базисом для всего дальнейшего. Еще недалеко то время, когда иностранные исследователи, в особенности французские и английские, попросту говорили о мелком и крупном производстве, различали лишь ремесло и фабрику, причем ремесло отождествлялось с цеховой организацией, несмотря на то, что в XVII—XVIII ст. сплошь и рядом цехи уже состояли не из самостоятельных ремесленников, а из зависимых от торговцев кустарей. Кустарную промышленность, как самостоятельную форму, стоящую посредине между ремеслом и фабрикой, французские и английские авторы стали выделять лишь в самое последнее время под названием «домашней системы» (domestic system), децентрализованной фабрики (fabrique dispersée), домашней мануфактуры и т. д., хотя и теперь это разграничение форм промышленности применяется гораздо более к современной эпохе, чем к прежним периодам хозяйственной жизни. В немецкой литературе необходимость проводить различие между ремеслом, кустарной или домашней промышленностью (Hausindustrie. Verlagssystem) выдвигается уже давно. В частности Маркс придавал большое значение разграничению форм промышленности, указывая на то, что наряду с фабричными и мануфактурными рабочими и ремесленниками, которых капитал об'единяет в одном и том же месте и которыми он непосредственно командует, капитал приводит в движение при помощи незримых нитей еще другую армию рабочих на дому, разбросанных по большим городам и по деревням. Характерными особенностями домашней или кустарной формы производства являются для Маркса работа на дому у кустаря или в небольших мастерских, содержимых посредниками, отсутствие машин и изготовление товаров за счет капиталиста. Эту современную форму промышленности Маркс противополагает старой домашней форме производства, которая отчасти совпадает с понятием ремесла, отчасти же обнимает тот вид кустарного производства, где отсутствует сколько-нибудь значительная зависимость кустаря от капиталиста, ибо именно эту зависимость Маркс считает одним из характерных признаков современной домашней промышленности [3]).

При этом Маркс вполне справедливо относит к этой форме промышленности и те случаи, когда в мастерской работает 20—40 человек или когда стоящая во главе ее мастерица дает заработок 18 девушкам (lace-schools), ибо и здесь мы имеем перед собой несамостоятельные предприятия, т.-е. мануфактуры, а лишь мастерские, работающие за счет другого лица, выдающего сырье для производства и заботящегося о сбыте изделий.

Те «мелкие шелкоткацкие фабрички», которые мы находим в 20-х и 30-х годах неподалеку от Москвы, или те маленькие скорняжные фабрики, которые первоначально имелись в Арзамасском уезде и придавали скорняжному промыслу «несколько фабричный характер», являлись, повидимому, такими же кустарными мастерскими, как те заведения по изготовлению патрон, о которых упоминается в эпоху возникновения этого промысла в различных селениях Московской губернии; в последнем случае прямо говорится о том, что «приехал в такую то деревню приказчик от такого-то купца, снял или купил избу и открыл фабричку» или же крестьянин, работавший ранее в Москве, уезжая домой, «уговаривался со своим хозяином, что будет на него работать патроны за известную цену», т.-е. в обоих случаях речь идет о зависимых кустарях или посредниках, производящих на скупщика [2]). Так что едва-ли из этих фактов можно делать вывод о переходе от фабрики к домашней промышленности несамостоятельной, а отсюда к «самостоятельному» кустарному производству. Ни фабрик, ни мануфактур здесь, повидимому, совсем не было, что же касается кустарной промышленности, то разграничивать ее на два вида—самостоятельную и несамостоятельную едва ли возможно. Производство в мастерской посредника создаст для кустаря столь же зависимое положение, как и непосредственная работа на торговца у себя на дому единолично, при помощи членов семьи или наемных рабочих.

Конечно степень этой зависимости, как мы уже упоминали, может быть различная—она определяется в значительной мере характером и условиями сбыта изделий, изготовленных в кустарной мастерской (работающей при помощи наемного труда или без него). Как указывает экономист, писавший под псевдонимом В. В., по мере того, как развивается товарный характер

---

[1]) Туган-Барановский, ук. соч. стр. 96 и сл. 215, 237. Гарелин. „Город Иваново-Вознесенск". Ч. I. стр. 204.

[2]) Marx. Das Kapital. B. I. 2 Aufl., p. 236 и сл., 484, 490 и сл.

[3]) Туган-Барановский, стр. 240, 246, 248.

промысла и места потребления кустарных изделий отодвигается от пунктов их производства— растет и участие скупщика в сбыте. Сначала он является случайным покупателем, потом через с потребителем становится постоянным участником торга, затем почти вовсе оттесняет потребителя, пока, наконец, не делается единственным лицом, имеющим сношения с кустарями. Вместе с указанным изменяется форма сбыта растет и фигура самого скупщика [1]). Тот же автор приводит и различные способы сношений между кустарем и скупщиком. Так, в игрушечном промысле Александровского уезда Владимирской губ. сбыт изделий совершается следующими путями: 1) изделия лично доставляются кустарем в Москву в определенные лавки или предлагаются то тому, то другому торговцу, 2) они посылаются туда чрез посредство возчика, исполняющего роль комиссионера, 3) продаются иногородним торговцам, нарочно для того объезжающим производителей (самый выгодный для последних способ), 4) сбываются местным деревенским торговцам по вольной цене и в 5) им же по предварительному заказу или в счет долга кустаря лавочнику [2]).

Как ни разнообразны по своему характеру приведенные способы сбыта, все же их объединяет один момент—наличность посредника. Между тем тот же В. В., как и многие другие исследователи кустарной промышленности, включает в эту форму производства и случаи непосредственной продажи товаров потребителю, при отсутствии торговца, т. е. ту форму сбыта, которая характеризует ремесло, а Е. Н. Андреев в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» отнес сюда даже крестьянское производство для собственных нужд (домашних ткачих) [3]). Равным образом земские обследования кустарных промыслов, произведенные в 90-х годах и в начале XX ст., понимали под кустарями обыкновенно самостоятельных производителей, работающих на неопределенный рынок [4]), относя сюда и «вольную непосредственную продажу потребителю», но исключая зависимую форму в виде наемной работы на скупщика, так что и здесь в понятие кустарной промышленности попало и деревенское ремесло (хотя, казалось бы, оно работает на определенный местный рынок), но не вошли почему-то те случаи, когда зависимость кустаря наиболее резко выступает наружу.

II.

Переходя к рассмотрению централизованной формы производства, будет ли то мануфактура или фабрика, мы должны отметить, что здесь таких затруднений и недоразумений, какие встречаются при отграничении сферы кустарной промышленности от иных форм производства, не может быть— понятие ясно и определенно. Но есть другое затруднение; оно заключается в установлении самого факта наличности в том или другом случае, упоминаемом в источниках, именно централизованного производства, а не раздачи работы на дом. На важное значение мануфактуры в истории экономического развития Европы указал Адам Смит, выдвигавший на первый план разделение труда как момент, значительно увеличивающий богатство населения, и находивший широкое разделение труда именно на мануфактуре. Еще больше внимания уделил мануфактуре Маркс, для которого она являлась не только выражением т.-наз. сложной кооперации, но и первой формой промышленности, создающей зависимость рабочего от капиталиста в силу владения последним орудиями производства, той формой, при которой «принадлежит капиталисту соединенный из многих индивидуальных рабочих, выполняющих отдельные действия, общественный производственный механизм, и производительная сила, создаваемая комбинацией труда, представляется как бы производительной силой капитала» [5]).

Последующие авторы, однако, далеко не всегда выделяли понятие мануфактуры, либо подразумевая под фабрикой всякое централизованное предприятие, независимо от того, совершается ли производственный процесс ручным способом или при помощи машин и двигателей, либо считая мануфактуру лишь временным и случайным явлением, в отличие от таких коренных и широко распространенных форм промышленности, как ремесло, кустарное производство и фабрика.

В пользу последней точки зрения можно действительно привести аргументы. В самом деле, если принципиально мануфактура, в силу присущих ей особенностей, не может не обращать на себя внимание историка и экономиста, то на практике ее значение сильно умаляется,

---

[1]) В. В. Очерки кустарной промышленности в России. 1886 г. Стр. 133—134.
[2]) Там же. стр. 144.
[3]) Труды комиссии по исслед. кустари. промышл. т. XIV, стр. 461, 464.
[4]) Рыбников. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. 1915 г. Стр. 11—13.
[5]) Marx. Das Kapital. B. I 2. Aufl. p. 373.

вследствие того, что централизованных предприятий мы находим в Западной Европе до применения машин весьма немного. Так что можно без особого преувеличения утверждать, что переход совершался непосредственно от кустарной формы промышленности к фабрике и только машина, применение которой в кустарной мастерской являлось делом невыгодным, а нередко и вовсе невозможным, заставила рабочего покинуть свою кустарную избу и перейти в помещение предпринимателя.

Сравнительно редко мы встречаем действительные мануфактуры в западно-европейских государствах; часто при рассмотрении того или иного случая, упоминаемого в источниках, оказывается, что перед нами не владелец централизованного предприятия, а посредник, занимающийся раздачей сырья рабочим на дом и распространением изготовленных ими товаров [1]). Проф. Е. В. Тарле, на основании архивных материалов, выяснил наличность лишь крайне незначительного числа мануфактур во Франции даже в эпоху Революции [2]). Многих авторов вводило в заблуждение упоминание в источниках XVII и XVIII ст. о мануфактурах и фабриках, тогда как при более близком анализе оказывалось, что и тем и другим термином обозначали производство вообще, независимо от того, какова была в данном случае форма промышленности—ремесло ли, кустарное ли производство или централизованная мануфактура (о фабриках вообще говорить нельзя было, ибо машин не было), или же подразумевали под мануфактурой определенные отрасли производства—текстильную промышленность.

В отношении русской промышленности XVIII и первой половины XIX ст. вопрос относительно степени распространенности централизованных мануфактур решить гораздо труднее, но во всяком случае приведенное выше утверждение М. И. Туган-Барановского относительно того, что суконное, шелковое и ряд других производств при Петре I производились исключительно на фабриках (т.-е. мануфактурах) и лишь впоследствии приняли кустарный характер, вовсе не доказано, ибо мы не в состоянии установить, насколько работа совершалась действительно в помещении предпринимателя, а не на дому у кустарей. Источники по этому вопросу, относящиеся к Западной Европе, в значительной мере изучены и на основании имеющихся в нашем распоряжении данных мы в состоянии во многих случаях довольно точно определить, о какой форме промышленности идет речь, хотя имеются конечно и спорные, недостаточно выясненные случаи. Предприятия петровского времени и екатерининской эпохи, как и последующего периода, с этой точки зрения совершенно не рассмотрены. Наших исследователей эта проблема весьма мало интересовала, и везде, где упоминается о фабрике, они себе рисовали централизованное предприятие, не сомневаясь в том, что оно имело такой характер, и именуемый фабрикантом предприниматель не являлся лишь владельцем раздаточной конторы. И это относится не к одним только описаниям той или другой эпохи в смысле ее промышленного развития; и специальные исследования, посвященные истории отдельных промышленных центров (как, напр., Шуи, Иваново-Вознесенска, Московской губ.), говоря о фабриках, употребляют этот термин далеко не всегда на основании точных сведений о той форме производства, которая обнаруживалась в данном случае, а часто просто заменяют им понятие крупного предприятия, где капиталист совершает значительные обороты, раздавая сырье большому количеству зависимых от него рабочих, передко в свою очередь пользующихся наемным трудом, иногда же концентрируя отдельные процессы производства в собственном помещении, тогда как остальные выполнялись у рабочих на дому; последнего рода явления мы встречаем нередко в первой половине XIX ст. «Многие фабриканты—гласит сообщение, относящееся к 1830 г. и касающееся хлопчатобумажной промышленности Владимирской губ.—имеют при своей фабрике малое только число станов, раздавая пряжу для тканья по деревням крестьянам, работающим на собственных своих станках, и получая от них сотканные изделия, дают окончательную отделку при фабрике» [3]).

Когда Я. Гарелин говорит, что в начале XIX ст. совершился переход многих кустарей набойщиков в крупные фабриканты, то не равнозначуще ли это попросту его же утверждению, встречающемуся в другом месте его книги, что «таким путем кустарь при некоторой изворотливости и предприимчивости мог сделаться сначала мелким, затем и крупным капиталистом» [4]), так что вопрос о форме производства остается открытым. Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843 году, упоминает неоднократно о различного рода фабриках, находящихся в той или другой местности, которую он посетил. Напр., в одной из деревень, прилегающих к Арзамасу, он нашел 6 клееваренных фабрик, 2 фабрики восковых свечей, 8 больших фабрик, изготовляющих ковры и валенки, и много сапожных фабрик, причем «большинство жителей входят

[1]) Кулишер. Эволюция прибыли с капитала, Т. I. Стр. 598 и сл. Лекции по истории экономического быта, изд. 5-ое, стр. 313 сл. 318 сл.
[2]) Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху Революции. Т. II. 1911 г. Стр. 67, 81.
[3]) Журн. Мануф. и Торговли. 1830 г. Цитир. у Туган-Барановского, стр. 215.
[4]) Гарелин. Город Иваново-Вознесенск, стр. 204.

в состав ассоциации сапожных фабрикантов» [1])—т.-е., очевидно, артели сапожников, состоящей во всяком случае не из фабрикантов в том смысле, как мы теперь понимаем это слово, а вероятнее всего из мелких производителей, самостоятельных или работающих на [illegible]; и, вообще, лишь относительно тех «больших» ковровых фабрик, которые упоминаются у Гакстгаузена, можно с известной вероятностью утверждать, что это были централизованные предприятия, но отнюдь не обо всех остальных, приведенных выше.

Еще менее думали несомненно о форме производства Петр I и Екатерина II, когда они [illegible] фабрики и заводы заводить или размножать, или Фоккеродт, когда он сообщал, что Петр старался о [illegible] фабрик в царстве, каких обыкновенно заводится в чужих [illegible] [2]). Если здесь под заводами и фабриками разумеется [illegible] в России новых отраслей [illegible], то и самые фабрики (или мануфактуры) без [illegible] иностранцев для того [illegible]. Тем более в этом смысле говорится в известном указе Петра 1712 г. «завод суконный размножать не в одном месте, так чтобы через пять лет не покупать мундира заморского, а именно [illegible] не в одном месте завесть, а заведчик дать торговым людям, собрав в компанию, буде волею не похотят, хотя и неволею» [3]). В последнем случае «завод суконный» употребляется в том же смысле, как во Франции говорили в XVIII ст. la fabrique de soie lyonnaise, что обозначало лионскую шелковую промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских.

Тот же Петр I в 1696 г. говорит кузнецу Актуфьеву (родоначальнику Демидовых): „постарайся, Демидыч распространить свою фабрику, а я тебя не оставлю“ [4]). т.-е. предлагает ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое выполнялось в то время тульскими казенными кузнецами в своих же избах ремесленным способом; они работали на московскую оружейную палату. Здесь, в Туле, уже с 70-х годов XVII ст. упоминается о существовании чугунно-литейного, затем и оружейного завода. История последнего подробно изложена в появившейся еще в 1826 г. книге Гамеля, причем у различных авторов, описывающих, на основании этого сочинения, оружейное производство Тулы, положение изображается таким образом, как будто речь идет о едином предприятии, о заводе в том смысле, как мы применяем этот термин в настоящее время; на самом деле, если внимательнее изучить книгу Гамеля, то оказывается, что и выражение „тульский оружейный завод“ для всего почти двухстолетнего периода существования этого промысла (вплоть до 1873 г.) означало лишь нечто собирательное в смысле целой группы мелких самостоятельных заведений, работавших главным образом на казну, но также и для вольного рынка.

В 1712 году последовал приказ Петра: «для лучшего в оружейном деле способа, при оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а палаши и ножи точить водою, и ежли к тому оружейному делу и ко всяким заводам надлежит быть какового мастерства иноземцам, или русским людям, и таких людей изыскивать и употреблять. Для лучшего же на Туле в оружейном деле усмотрения и поспешения построить оружейный двор, дабы то ружье делать всеми мастеровыми на том оружейном дворе безостановочно, а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не делать». В этом указе характерно то, что „заводам“ противополагается „оружейный двор“. Под первыми, очевидно, разумеются мастерские, которыми пользуются отдельные оружейники для совершения тех или иных операций, нуждающихся в специальных приспособлениях, в особенности приводимых в движение водой. Все же остальные работы могут ими выполняться либо у себя дома, либо в особом здании—оружейном дворе. Указ настаивает на переходе оружейников в последнее, желая сосредоточить производство в одном месте, повидимому, в целях „безостановочной“ работы и лучшего надзора за качеством ее. Но это не удалось, ибо после того, как каменный оружейный двор в 1718 г. был действительно построен и оружейники были переведены туда, они оказались очень стесненными при работе, так как вместе с учениками имелось выше 1100 человек, не считая еще состоявших при них работников. Поэтому ими было подано прошение

[1]) Haxthausen. Studien über die inneren Zustände etc. Russlands. T. I. 1847. p. 327.
[2]) Фоккеродт. Россия при Петре Великом. (Чтения в Общ. истории и древностей Российск. 1874 г. Книга 2).
[3]) Первое полное собрание законов. IV. № 2324.
[4]) Первое полное собрание зак., № 2324.
[5]) Труды Ком. по исслед. куст. промышл. в России. Вып. IX. 1883. Стр. 2247.
[6]) Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношениях. 1826.

о разрешении работать попрежнему на дому, на что последовал ответ генерал-фельдцейхмейстера „оружейных кузнецов на каменный двор до указу не переводить, а делать им ружье попрежнему в домах своих“. Таким образом прежний способ производства сохранился. Вскоре после этого, в 1733 г., часть каменного оружейного двора, т.-е. большая часть палат и кузниц была сломана, тогда как упомянутые выше „заводы“, приводимые в действие водой, продолжали служить для выполнения различных работ по производству оружия.

Мастерам поручались для производства на-дому различные работы, [illegible] способности каждого, а одновременно с этим они приготовляли при [illegible] инструментов и своего материала и различные предметы, как, напр., пистолеты, штуцера, кортики и [illegible], стремена, шпоры и для свободного рынка. [illegible] были разбиты на пять цехов, по специальностям, а цехи делились на артели [illegible] проект постройки каменного оружейного завода с отдельными [illegible] артели рабочих, но из этого ничего не вышло и оружейный завод [illegible] все время — снова не превратился в завод. Наряду с казенными мастерами [illegible] Туле, и в ведении того же завода, оружие также вольные мастера, [illegible]. Это видно из рескрипта Александра I, посланного начальнику Тульского завода в [illegible] г. [illegible] ежемесячно приготовлять в Туле на заводе „ружей разного калибра 7.000 казенными мастерами, 3.000 вольными фабрикантами, старых ружей переделывать вольными фабрикантами 3.000, а всего в месяц приготовлять 13.000». В 1823 г. было издано новое положение о заводе, согласно которому принадлежавшие к нему (прикрепленные) три тысячи оружейников распадались на шесть цехов (ствольный, замочный, белого оружия, приборный, ложевой и стальной), причем каждый из цехов имел своего старосту и старшину и судей цехового разряда.

При этом любопытно, что оружейникам разрешалось теперь не только производить в свободное от казенных работ время различные изделия для продажи, но и устраивать у себя специальные заведения, именуемые в источниках „фабриками“, для выделки не только оружия, но и различных иных железных и стальных вещей, изделий замочно-слесарного производства. В 1825 г. уже насчитывалось 43 различных „фабрики“, принадлежавших оружейникам, для выделки мундштуков, оконных и дверных задвижек, замков; существовали и чугунно-литейные заведения, из которых одно (оружейника Гайтерева), имело даже паровую машину; были мастерские по выделке самоваров, ножей, гвоздей, печных изразцов, экипажей, кузнечных мехов. Железо оружейники покупали для своих надобностей в двух лавках, и вырученные от продажи его суммы, за вычетом расходов, поступали в общественный фонд оружейников.

Как мы видели, оружейный завод представлял собою ничто иное, как поселенную в определенной местности и пользовавшуюся особыми льготами группу лиц, которая лишь отчасти работала на казну, в значительной же мере на собственный страх и риск, и притом не совместно, а каждый в отдельности, при помощи собственного материала и инструментов, а также наемных помощников, лишь отчасти пользуясь и казенными приспособлениями „заводами“, снабженными машинами и двигателями (установленные на них в начале XIX ст. паровые машины, впрочем, с 1816 г. в течение двух десятилетий бездействовали). В таком положении дело находилось вплоть до 1864 г., когда после освобождения тульских оружейников от крепостной зависимости казенный завод был передан в аренду частному лицу. К этому времени на заводе насчитывалось 20.500 человек обоего пола, причем из 10 тыс. душ мужского пола состояло оружейными мастерами почти 4 тыс. человек, а из этого числа работало в помещениях завода 1276 чел. и на дому 2362. После освобождения часть прежних казенных мастеров совершенно прекратила работу для завода, занявшись исключительно своими промыслами, или поступив в иных местах на фабрики и заводы, другие, как и вновь нанимавшиеся на заводе мастера, производили оружие попрежнему главным образом ручным способом в своих домах и лишь отчасти пользовались казенными мастерскими.

Мы остановились несколько подробнее на рассмотрении характера Тульского оружейного завода, так как последний является ярким примером того, как мало можно полагаться на термины, встречаемые в источниках, а тем более в описаниях различных промышленных предприятий или в монографиях, посвященных истории промышленности. Необходимо, очевидно, в каждом отдельном случае внимательно изучить все обстоятельства, сопутствующие учреждению того или другого предприятия, и все условия, характеризующие его деятельность, ход и развитие. Архивные материалы в состоянии в этом направлении выяснить очень многое и тем самым содействовать разрешению вопроса о том, в каких случаях мы имеем перед собою действительно промышленный капитализм, концентрацию производства вполне зависимых от предпринимателя рабочих, и где имеется лишь подготовительная стадия его—торговый капитализм.

На основании тех данных, которыми мы располагаем в настоящее время в исторической литературе, освещение этого вопроса связано с огромными затруднениями. В самом деле, хода-

тайства предпринимателей об отводе им земельных участков для постройки фабрики и получение ими земли для этой цели, как и установление факта возведения строений или передачи им каких-либо зданий казной,—все это еще мало доказывает. Земли могли быть использованы для иных надобностей и строения могли вовсе не сооружаться или они могли служить для жилья предпринимателя, для конторы и складов сырья или готовых изделий. При таких условиях предпринимателю не трудно было в любой момент сократить или даже вовсе прекратить раздачу материалов рабочим и скупку изготовленных ими товаров, и в результате оказывалось, как это было установлено в 1730 г., что у многих фабрик и заводов так же, как и у торговых компаний „одно имя", они заведены не для производства, а для пользования различными привилегиями [1]).

С другой стороны, отсутствие централизованного предприятия не доказывается такими фактами, как. напр.. уплата ткачами своим помощникам бабеньщикам, сновальщикам и шпульникам известной суммы с каждой изготовленной штуки материи и даже обязанность этих ткачей покупать на свой счет свечи, необходимые им при выделке ткани [2]). Один из рабочих шелковой фабрики графа Апраксина и К-о в Москве писал в 1719 г. в поданной им компании челобитной следующее: „разделяю пряжу сию, сырцовые шелки на своем иждевении и за оные работы дается мне за работу: за основной шелк от всех работ по 22 алтына с фунта, за утошный от всех работ по 15 алт. с фунта; да на упаль шелков, которая бывает при навивании сырцовых шелков и при мельницах в усушке и в других тратах, также и на починку инструментов, на дрова, на свечи, на масло и на прочие всякие харчи по 4 алтына на фунт. А за вышеписанную упаль вычитывают у меня деньги из заработанных денег все сполна" [3]). Здесь и производство на собственном „иждевении" рабочего, и обязанность его нести расходы на починку инструментов, на приобретение дров, свечей, масла, которые ему затем покрываются, указывают, повидимому, на то, что работу он выполнял у себя на дому, но все же с уверенностью мы не решились бы это утверждать.

Гораздо больше внимания необходимо уделить указаниям о продолжительности рабочего дня, жалобам рабочих на то, что их заставляют работать и по большим праздникам и в субботу не отпускают до вечера. Такого рода заявления рабочих, встречающиеся в делах о волнениях на фабриках и заводах, использованных, напр., В. И. Семевским, или в сведениях, собранных в 1803 г. мануфактур-коллегией относительно положения рабочих на находившихся в ее ведении поссессионных фабриках, во многих случаях несомненно свидетельствуют о централизованном характере предприятия. Если, напр., мы читаем, что „в полчаса шестого поутру имеет караульный солдат звонить в колокол, дабы все мастеровые люди в шесть часов на работу шли, и работать им до полудня, а в полдень имеет караульный солдат звонить в колокол, чтобы все мастеровые люди шли обедать" [4]),—то это резко противоречит сущности кустарной или домашней промышленности, где каждый рабочий устанавливает продолжительность своего рабочего дня, начало и конец его и перерывы в работе по собственному усмотрению.

Любопытно, что этот «регламент мастеровым людям, в которые часы им работать», относится к той самой шелковой мануфактуре графа Апраксина с товарищами, на которой работал упомянутый выше рабочий на своем «иждевении» и покупал сам для себя дрова, свечи, масло, производил починку инструментов и т. д. Если бы однако в последнем случае действительно оказалась работа на дому, то это все же нисколько не противоречило бы регламенту о рабочем дне, а свидетельствовало бы лишь о смешанном характере предприятия, производившего часть работ в особых помещениях мануфактуры, а другие раздававшего по домам. Мы приводили указания относительно такого рода явлений в нашей промышленности 20-х годов XIX ст., когда нередко наибольшая часть пряжи и тканей выделывалась крестьянами на дому и только апретура совершалась в фабричном здании. Но это, повидимому, практиковалось и в XVIII веке. Так, напр., из упомянутого выше обследования мануфактур-коллегии 1803 г. видно, что на полотняных мануфактурах женщины на дому с помощью детей разматывали пряжу на катушки. Широко распространен был женский труд в шелковом производстве, причем однако разматыванием шелка женщины часто занимались не на фабрике, а на дому. В предприятиях по выделке сукна в это время женский труд также применялся уже в значительных размерах, но это совершилось, повидимому, лишь во второй половине XVIII ст., ибо составленный в 1741 г., хотя и не примененный на деле, суконный регламент настаивает на том, чтобы «мастеровым

[1]) Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII ст. 1896. стр. 53.
[2]) Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Т. I. 1881 стр. 465-466.
[3]) Лаппо-Данилевский. Русск. промышленные и торг. компании, стр. 77, прим.
[4]) Лаппо-Данилевский, ук. соч. стр. 82.

и рабочим людям отнюдь не допущать, чтоб жены и дочери их, кои работать в состоянии будут, дома праздно пребывали или гуляли», причем допускает работу для женщин, как в помещении самой мануфактуры, так и на дому, утверждая, что мастеровые «таким двойным рачением знатно в лучшее состояние прийдут и больше домашнего благословения ожидать имеют».

III.

Одним из основных и существенных вопросов, на которых останавливалась русская историография в области развития нашей промышленности, вопросов, имеющих не менее крупное значение, чем мало затронутая проблема относительно форм промышленности является вопрос о зарождении нашей крупной промышленности при Петре, относительно тех условий, при которых она возникла и тех результатов, которые получились, а в связи с этим и о дальнейших судьбах ее, о тех фазисах, которые можно подметить в ее развитии. Что представляла собою петровская фабрика (понимая под этим словом вообще капиталистическую промышленность) по отношению к экономической жизни московской Руси, была ли она естественным ее плодом, дальнейшим и успешным развитием ранее зародившихся начал, порождением уже раньше возникшего торгового капитала, который теперь вступил в новую промышленную фазу,—или же эта фабрика явилась искусственным созданием, чуждым русской жизни наростом, а потому и неудачной, недолговечной попыткой? Вопрос этот отчасти находится в связи с общей оценкой реформ Петра I, с взглядом на степень их подготовленности, на отношение между ними и дореформенной Россией, как и Западом того времени, с мнением о силе влияния и глубине действия петровских реформ, а с другой стороны, проблема эта соприкасается с общими построениями хода экономического развития вообще и хозяйственной эволюции России в частности и соотношения между обоими моментами [1]).

Если обратимся к более старым сочинениям, посвященным промышленности петровского времени, то найдем у них положительную оценку деятельности Петра в этой области—она создала крупный переворот в хозяйственной жизни, вывела Россию «из небытия в бытие». Так А. Н. Афанасьев в своей статье «Государственное хозяйство при Петре Великом» утверждает, что до Петра ремесла удовлетворяли одним первым, неизбежным потребностям и поддерживались одним навыком, рутиной, привычкой и наследственностью ремесл в семействах, а не специальным техническим изучением; некоторые из них «мы знали и мало и худо, а другие и совсем не знали». Напротив, при Петре ремесла (под которыми автор разумеет и кустарную промышленность) делают огромные успехи, появляются новые технические познания, создается организация ремесленного класса. Что же касается крупной промышленности, то по мнению Афанасьева, в этой области «Петр является преобразователем, нововводителем и творцом. Почти не встречая до него фабрик и заводов в России (зачатки были и до Петра, но большею частью слабые и безуспешные), мы после него находим двести тридцать три казенных и частных фабрики и завода. Разнообразие предметов новозаведенного мануфактурного производства и это, по времени, значительное число, ясно свидетельствует, как был широк план Петра. Он хотел перенести на русскую почву мануфактурную деятельность в полном и целостном ее об'еме и много успел в этом» [2]).

Равным образом и Семевский указывает на то, что Русь до Петра в продолжении 900-летнего существования почти бездействовала на поприще промышленности вообще и мануфактурной в особенности, тогда как Петр не только учреждает у нас разнообразные фабрики и поддерживает их привилегиями, но и возбуждает дух предприимчивости, стремится обеспечить производство верным и скорым сбытом посредством заграничной торговли [3]).

Сочувственно к деятельности Петра в промышленной области относится и историк С. М. Соловьев и хотя от собственной оценки он воздерживается, но в связи с общим взглядом на реформу Петра, как на великий подвиг, на огромный, всесторонний переворот, сопровождавшийся крупными всемирно-историческими последствиями, и заложивший новые начала во всех сторонах внутренней жизни народа, Соловьев не может не признать влияния этого блестящего подвига и на экономическую жизнь России, на создание ее промышленности [4]).

---

[1]) Семевский, ук. соч. I. стр. 462—63, 478—79.

[2]) Афанасьев. Государственное хозяйство при Петре Великом (Современник. 1847. Кн. VII.).

[3]) М. И. Семевский. Очерк управления мануфактурной промышленностью от Петра I до Екатерины II. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859.

[4]) Соловьев. История России. Т. XVIII гл. III.

Однако, подчеркивая заслуги петровской реформы, всю ее широту и размах, и в частности придавая важное значение деятельности Петра в области промышленности, приведенные авторы не задавали себе вопроса, насколько подготовлена была та почва, в которую бросались эти новые семена. Впервые поставил этот вопрос Корсак в своей замечательной книге «О формах промышленности», и пришел к отрицательному выводу. «Самое важное условие для развития фабричной промышленности в стране—говорит он—есть подготовка значительной части населения в роли искусных и дешевых работников... Россия в эпоху Петра находилась в положении, далеко неблагоприятном для введения в ней фабричного или мануфактурного способа производства. Петр между тем хотел перенести на русскую неподготовленную почву мануфактурную деятельность в полном и целостном ее объеме. Он разом захотел ввести у нас почти все отрасли промышленности, существовавшие в то время на Западе. В одно и то же время нужно было и подготовить работников, и основывать фабрики, и открывать сбыт для их произведений. Средства, которые избрал Петр для исполнения своих планов, заключались большею частью в тех мерах и той регламентации, которые были произведением меркантилизма на Западе» [1]).

Корсак находит, что «самый прямой и естественный переход к фабричной и мануфактурной форме производства должен бы состоять в соответственной организации тех местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых прежде имели довольно обширный сбыт... Вместо того, чтобы простых сельских ремесленников, которые до сих пор работали на шпоалу в свободное время самостоятельно, делать фабричными работниками, было бы [illegible] сделать их самих фабричными предприимчивыми,— и вместо того, чтобы строить на счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, не лучше ли было бы [illegible] целым местностям, которые были заняты тем же промыслом при помощи домашних [illegible] средств... [illegible] форма промышленности была решительно противоположна [illegible] народной [illegible] жизни» [2]).

[illegible], что Петр направил развитие нашей промышленности по ложному пути [illegible] характер [illegible] крупного производства, повторялась затем много-[illegible] в несколько [illegible] форме, является П. Н. Милюков. Он касается этого вопроса уже в своем «Государственном хозяйстве в России в первой четверти XVIII ст.» «В необходимости целей,—читаем здесь—в которой сомневались современники Петра, было бы теперь поздно и бесполезно сомневаться; относительно своевременн… [illegible] постановки могут быть, к сожалению, два ответа, смотря по тому, будем ли мы их рассматривать по отношению к внутреннему или внешнему положению России. По отношению к внешнему положению России своевременность постановки этих целей доказывается уже их успешным достижением... По отношению к внутреннему положению ответ на вопрос должен быть отрицательный. Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие... Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы» [3]).

Указывая на то, что на Западе «домашняя форма промышленности мало-по-малу превратилась в чисто-капиталистические формы», в другом своем сочинении тот же автор противопоставляет Западу Россию, где «мануфактура и фабрика не успела развиться органически из домашнего производства, под влиянием роста внутренних потребностей населения», а «создана была впервые правительством, которое руководилось при этом как своими нуждами (напр., в [illegible] для армии), так и теоретическими соображениями о необходимости развития национальной промышленности... Старинные русские кустари при этом были забыты и новая форма производства перенесена с Запада готовою. В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без потребителей эта форма могла держаться только искусственными средствами и держалась лишь благодаря продолжительному и усиленному покровительству. Рабочие даны были [illegible] в лице приписанных к заводам крестьян (т. наз. посессионных крестьян), потребители даны были обязательные, так как фабрики получили монополию на [illegible] и одновременно иностранные продукты были обложены тяжелыми ввозными пошлинами... Результат все же получился слабый. При поверке в 1730 г. многие фабриканты оказались [illegible], а в 1744 г. «за неразмножение у фабрик и за худым мастерством [illegible] товаров» закрыты были 44 фабрики; не мало предприятий закрылись

1) Корсак. О формах промышленности. 1860, стр. 121 сл.
2) Корсак, там же, стр. 128 сл.
3) Милюков. Государственное хозяйство в России в первой четв. XVIII ст. и реформа Петра Великого. 1892. Стр. 735.

и сами собой. В результате «в списке 300 важнейших фабрик, существовавших в 1780 году, мы находим только 22 уцелевших от петровских времен; между тем общее количество фабрик и заводов, открытых при Петре, доходило до сотни» [1]).

Однако тот же автор признает, что позже «с воцарением Екатерины II русская промышленность поднялась на высшую степень развития. Екатерина покончила с системой личных монополий и очень последовательно проводила систему свободной внутренней конкуренции. Правительство перестало смотреть на занятия фабрикой как на своего рода службу». Правда «и для екатерининской фабрики вольнонаемный труд еще слишком дорог и потому лишь постепенно и медленно начинает входить в употребление», но все же появляется фабрикант-доброволец, находивший выгодным не только работать крепостным трудом, но и приглашать со стороны все в большем количестве вольнонаемных рабочих. «Только в 1809 году впервые разрешено было условно суконным фабрикантам работать на посторонних покупателей, и только в следующем десятилетии предложение сукон начало превышать размер спроса на них со стороны правительства». Но в то же время «народное потребление развивалось в XVIII веке, параллельно с ростом государственных потребностей» и «русская фабрика уже ко времени Екатерины стала отвечать действительным потребностям русского населения.» [2]).

«Новый тип вполне капиталистической фабрики—продолжает П. Н. Милюков—развивается лишь в XIX ст. постепенно вытесняя петровский тип посессионной фабрики с принудительным трудом приписанных к ней рабочих и екатерининский тип—помещичьей фабрики с переведенными на нее крепостными крестьянами». С 40-х годов «наемный труд окончательно восторжествовал даже в излюбленных некогда казной производствах, в других отраслях вольнонаемные рабочие и раньше постепенно вытесняли крепостных... Тем не менее, собственно капиталистический тип фабрики развивался на смену посессионному и крепостному типу лишь при сильнейшей правительственной поддержке» [3]).

Против этих взглядов решительно выступил М. И. Туган-Барановский в своем труде «Русской фабрике», дающем яркую картину промышленного развития, хотя и вызывающем различные возражения. Постановка у него вопроса о зарождении русской крупной промышленности и рабочего класса и последующем ходе их развития означает дальнейшее углубление проблемы.

М. И. Туган-Барановский исходит из того факта, что «Петру несомненно удалось вызвать у нас крупное производство»—это подтверждается количеством и размерами возникших при Петре фабрик; о дальнейшей их судьбе, о «подложных» фабриках он не упоминает. Возвращаясь таким образом к старому, приведенному выше, взгляду об огромном значении деятельности Петра в области создания нашей промышленности, Туган-Барановский однако, в отличие от указанного направления, не ограничивается констатированием факта, а старается показать, что «случайные личные воззрения Петра и его преемников» отнюдь не играли решающей роли в истории нашей промышленности. Он пытается установить, что хотя в «допетровской Руси не существовало промышленного капитализма, но был вполне развит торговый капитализм. Концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в до-петровской Руси, была вызвана не правительственным мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли, перед мелкой». Дело в том, что ничего не может быть ошибочнее представления о Московской Руси, как о государстве исключительно земледельческом, почти не имевшем торговли. Наоборот, всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и вообще склонность русских к торговле. Мало того, торговый капитал успел к этому времени проникнуть и в область промышленности. Уже в XVII веке кустарь был в руках торговца, владевшего рынком», «торговец являлся необходимым посредником между производителем (в огромном большинстве случаев деревенским кустарем) и потребителем» [4]).

«Этот-то торговый капитал по мнению М. И. Туган-Барановского—и явился базисом, на котором основалось крупное производство в эпоху Петра». Но «торговец отнюдь не обнаруживал наклонности делаться самостоятельным предпринимателем и обращать своего поставщика-кустаря в наемного рабочего, работающего в мастерской хозяина». Перемена произошла лишь благодаря тому, что на сцену выступил новый фактор—государство. Последнее нуждалось в целом ряде предметов вооружения, обмундирования и т. д., и самые крупные фабрики и заводы, оружейные, пушечные, литейные заводы, суконные, парусно-полотняные, инсце-

---

[1]) Милюков. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. 6 изд. 1909, стр. 85—87.
[2]) Там-же, стр. 87, 89, 97.
[3]) Милюков, стр. 90.
[4]) Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. 3 изд. 1907, стр. 2, 11.

бумажные фабрики—поставляли свои изделия исключительно или главным образом в казну. «Поэтому-то те заводы и фабрики, которые Петр признавал особенно нужными, устраивались самой казной и затем передавались частным лицам. В других случаях казна ссужала значительные капиталы без процентов, снабжала инструментами и рабочими частных лиц, устраивавших фабрики на свой собственный страх и риск» и т. д. При этом автор подчеркивает, однако, то обстоятельство, что «значительная и большая часть петровских фабрик, устраивавшихся частными лицами, обходилась без денежной помощи со стороны казны», и «даже в том случае, когда фабриканты получали денежные и иные пособия от казны (фабричные строения, материалы, мастеровых и проч.), им самим приходилось прилачивать крупные суммы на ведение фабрики». Поэтому-то значительно большая часть фабрикантов петровской эпохи была из торгового сословия, это были «старинные московские капиталисты-купцы». «Итак—заключает он — хотя без мер, принятых Петром, крупное производство не имело никаких шансов развиться в тогдашней России, эти меры имели успех лишь вследствие подготовленности русской экономической почвы к новым формам промышленности». Да и самая промышленная политика Петра совершенно не была случайна, диктовалась экономической необходимостью. Промышленное производство России по западно-европейскому образцу было так же необходимо, как и переустройство ее армии на европейский лад. Для того, чтобы успешно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порох, оружие, солдатское сукно, полотно» и т. д. Наконец,—это автор считает необходимым подчеркнуть,—если «крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства», то это вовсе не является чем-либо характерным именно для русской промышленности, ибо «не существует ни одной страны в мире, на Западе или на Востоке все равно, где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства». Об «искусственности» русского капитализма таким образом говорить не приходится [1]).

Установив таким образом, что уже в Московской Руси существовал торговый капитал, который успел подчинить себе и кустарную промышленность и что этот торговый капитал создал и крупную промышленность при Петре, хотя и под давлением правительства и для удовлетворения потребностей казны, как это было впрочем и на Западе,—Туган-Барановский, однако, в дальнейшем делает существенную оговорку. «Тем не менее—говорит он—Петр не может считаться насадителем капиталистического производства в России по той простой причине, что вызванная им крупная промышленность не была капиталистической. Социальное и экономическое положение тогдашней России было таково, что капиталистическое (т.-е. основанное на наемном труде) производство у нас было невозможно. Для последнего в России не хватало самого главного—класса свободных рабочих». Отсюда приказ Петра 1721 г., на основании которого на «купецких людей» распространено право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни «под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»; отсюда, на ряду с пользованием таким крепостным трудом приписанных к заводу крестьян (впоследствии именуемых «посессионными»), низкая производительность которых возмещалась усиленной эксплоатацией, появляется закрепощение свободных мастеров, работающих на фабриках, и превращение последней в «рабочий дом, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной». Лишь в 1753 г. право фабрикантов не-дворян покупать к фабрике рабочих было ограничено определенным максимумом, а в 1762 г. совсем отнято; последствием этого было изменение состава фабрикантского класса: в то время, как в среде петровских фабрикантов дворяне почти отсутствовали, при Екатерине II их имелось уже много, причем дворянские фабрики отличались крупными размерами [2]).

Поощрение правительством крупной промышленности путем привлечения иностранных капиталистов и рабочих, выдача ссуд фабрикантам и разного рода привилегии продолжались и при Екатерине II, да и главным потребителем изделий крупного производства оставалось государство, на которое работали и суконные предприятия, и горные заводы. К концу царствования Екатерины правительственная опека над частной фабрикой ослабела,—в этом отношении М. И. Туган-Барановский сходится с П. Н. Милюковым,—система монополий и исключительных привилегий не применяется более, появляются и фабрики с вольнонаемным трудом, причем и развитие промышленности с этого времени идет быстрее. «Фабрика, которая в начале была таким же чуждым (хотя и необходимым) элементом нашего хозяйственного строя—признается автор—как были чужды московскому политическому строю новые административные формы, созданные Петром, постепенно органически срастается с этим строем». Сравнивая далее XVIII ст. и первую половину XIX в., М. И. Туган-Барановский приходит к тому выводу, что во вторую

[1]) Туган-Барановский. Стр. 4-8-11.
[2]) Там-же, стр. 20 и сл. 30—31.

эпоху «промышленность решительно перерастает государственный спрос», те отрасли производства, в которых крепостной труд продолжает господствовать, перестают развиваться»—крепостной труд оказывается несовместимым с новыми требованиями техники, с машинным производством, становится решительным тормазом промышленного развития [1]). Напротив, успешный рост обнаруживает новая отрасль производства,—хлопчатобумажная, которая развивается при совершенно иных условиях.

Автор подробно останавливается на возникновении и развитии русской хлопчато-бумажной промышленности, причем он проводит параллель между ней и прочими отраслями текстильной индустрии, аналогичную той, которую мы находим в отношении хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности Англии в «Крупном производстве» Шульце-Геверница. Последний, как известно, выяснил тот весьма важный факт, что отраслью английской промышленности, приобревшей мировое значение и положившей основу всему экономическому могуществу Англии, явилась не искони существовавшая и пользовавшаяся всевозможным покровительством правительства шерстяная промышленность, строго регламентированная и имевшая цеховую организацию, а хлопчато-бумажная промышленность, которая впервые зародилась в Англии в XVIII веке и не только не пользовалась защитой государства, а напротив, подвергалась первоначально гонениям, ввиду того, что она наносила ущерб старинной и столь важной шерстяной промышленности. Но именно это то отсутствие защиты заставило предоставленную своим собственным силам хлопчато-бумажную промышленность напрягать все усилия к завоеванию рынка—она не могла почивать на лаврах, подобно суконной промышленности, вполне обеспеченной во всем государством; ради сокращения издержек производства ей пришлось не рейти к машинной технике, применить новейшие усовершенствования, и это то создало ей первое место среди английской индустрии, дало ей возможность—ибо нигде в мире машины еще не применялись—захватить всюду рынки в свои руки [2]).

Подобным же образом и у нас эта отрасль производства успешно развилась без помощи правительства, причем однако в России, в отличие от Англии и других западно-европейских государств, раньше всего получила развитие «завершительная операция хлопчато-бумажного производства—ситцепечатание (ручная набойка), затем бумажное ткачество и только значительно позже бумагопрядение. Но существенно то, что к «бумаготкацким фабрикам не приписывались крестьяне, им не давалось казенных строений и земельных участков, они почти не пользовались ссудами от правительства. Правительство не признавало нужным заботиться о развитии хлопчато-бумажной промышленности так усиленно, как оно заботилось о развитии суконного, парусного и кожевенного производств по той простой причине, что в бумажных тканях военное министерство не нуждалось». За 50 лет (1812-15 г. по 1856-60 г.) «количество перерабатываемого в России хлопка возросло более, чем в 50 раз», а в тоже время, «быстрый рост хлопчато-бумажной промышленности у нас, как и в других странах, вызвал тяжелый кризис в области обработки льна и пеньки», суконное же производство, излюбленное детище нашего правительства, стало успешно развиваться лишь после того, как оно было освобождено от правительственной регламентации и обязанным суконным фабрикам было предоставлено право сбывать сукна на вольный рынок. Точно также и в чугунно-плавильном производстве получился полный застой, ибо правительство, признавая его необходимым для целей государства, щедро наделяло заводчиков даровыми рабочими руками—причиной отсталости была система принудительного труда [1]). В дальнейшем М. И. Туган-Барановский приводит целый ряд данных, из которых видно, что постепенная замена вотчинных и посессионных рабочих вольнонаемными в течение первой половины XIX ст. и в результате полная отмена крепостного права, которое «стало действовать угнетающим образом на общее экономическое и в частности промышленное развитие страны», являлось экономической необходимостью.

Из затронутых М. И. Туган-Барановским многочисленных вопросов, относящихся к истории промышленности и рабочего класса в России, наибольшее внимание обратила на себя первая указанная нами проблема об условиях возникновения крупной промышленности. Различие точек зрения П. Н. Милюкова и М. И. Туган-Барановского вызвало полемику между обоими авторами, в которой приняли участие и другие. К мнению первого примкнул, например, В. А. Мякотин, на точке зрения второго стоял П. Б. Струве. Все они признавали, что в противоположность «непрочности фабричного производства в первое время после Петра», совершается «его постепенная акклиматизация» в России со времени Екатерины» и «об искусственности капитализма в России вообще» никто из них не говорил. Весь спор сводился к условиям зарождения крупной промышленности в первой половине XVIII ст. В. А. Мякотин находит, что факт существования тор-

[1]) Там-же, стр. 34-35, 44-45, 50-51, 59-60, 82, 89, 91.
[2]) Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb, 1891.

гового капитала в московском государстве общеизвестен, но одного этого факта, пожалуй, еще недостаточно, чтобы признать петровскую фабрику порождением именно этого капитала. Необходимо ранее установить, какие именно причины побудили представителей торгового капитала перейти к организации крупной промышленности, заключались ли эти причины в условиях самого экономического процесса и далее необходимо выяснить, «достаточны ли были силы торгового капитала для задачи создания крупного производства». На оба эти вопроса дается ответ отрицательный [1]).

Наоборот, П. Б. Струве утверждает, что у нас для создания капиталистической промышленности имелись на-лицо особо благоприятные условия, более выгодные, чем на Западе, ибо в то время, как там «промышленный капитал столкнулся с ремеслом, — самостоятельным производством на заказ, для известного потребителя, с созданными ремеслом традициями и учреждениями, словом с целым ремесленным строем», в России капитализм не встретил никаких «антикапиталистических традиций и учреждений», а нашел здесь кустарную промышленность, которая «поскольку она имела для населения серьезное экономическое значение и не сводилась к примитивной обработке малоценного или дарового сырья, всегда была plus ou moins капиталистической формой», ибо «как производство на широкий и неопределенный рынок, кустарная промышленность не только не стоит — подобно ремеслу — в антагонизме с капитализмом, а наоборот, является предестинированным и размеченным самой историей полем приложения капитала» [2]).

П. Н. Милюков отвечает на это, что «ни ремесленный строй (Запада) не находился в таком антагонизме с капиталом, ни русская кустарная промышленность не представляла такого [illegible] с [illegible] капитализмом, как утверждает П. Струве, но в то же время он указывает [illegible], что [illegible] вопрос заключается в том, действительно ли уже до Петра торговый капитал превратил [illegible] производство в капиталистическое и петровская фабрика так или иначе воспользовалась [illegible] уже выработанными предыдущим экономическим развитием формами». В пользу [illegible] существования подобного подготовительного процесса я и теперь считаю возможным [illegible], но доказать, что он существовал при [illegible] и [illegible] материала, было бы очень трудно» [3]).

Здесь мы имеем пред собой, таким образом, проблему первостепенной важности, которая может быть решена лишь на основании новых архивных данных; изучение истории крестьянских промыслов и деятельности торгового класса в эпоху XVII столетия, отчасти и характера городского производства в этот период может и должно дать возможность выяснить спорный вопрос об условиях возникновения нашего капитализма и о той почве, на которой создалась промышленность XVIII ст. и той форме, которую в действительности принимали «фабрики» петровской и екатерининской эпохи.

Мы приводили уже выше некоторые данные о развитии кустарной промышленности в XVII и первой половине XVIII ст. В сочинениях Мещерского и Менделеевского, в трудах по исследованию кустарной промышленности в России начала 80-х г. г., в приведенной выше статье Н. В. Соколовского, как и в различных монографиях, посвященных описанию отдельных городов, губерний и уездов в экономическом и статистическом отношении можно найти данные по этому вопросу. М. И. Туган-Барановский также ссылается на различные факты существования скупщиков-капиталистов в Московской Руси и подчеркивает рост кустарного производства в эпоху Екатерины II. При этом он утверждает, что «фабрика XVIII в. выделывала, главным образом, или товары, поставляемые в казну (напр. сукно, полотно, писчая бумага), или предметы потребления высших классов населения, кустари же изготовляли грубые товары, рассчитанные преимущественно среди простого народа», так что «даже если на фабриках и в кустарных заведениях выделывались товары одного и того же рода (напр., на ситценабивных фабриках и у кустарей набойщиков), качество фабричных и кустарных изделий было настолько различно, что [illegible] конкуренции между ними» [4]). Но действительно ли это так? Была ли уже столь велика разница между кустарной и фабричной набойкой, когда и та и другая производились ручным способом при помощи одних и тех же аппаратов и приспособлений? При крайне низкой технике производства, факт, подчеркиваемый неоднократно тем же автором в отношении не только XVIII, но и первой половины XIX ст., могла ли получиться сколько-нибудь значительная разница в изделиях того и другого рода? [illegible] и по поводу других видов изделий [illegible], которые вообще выделывались одними фабриками, как например, полотно, писчая бумага, будучи поставляемы для надобностей казны. Ведь здесь речь идет не о тонком полотне, а о

1) [illegible]. Попытка общей истории русской фабрики. «Рус. Богатство». 1899. Январь.
2) Статьи Струве в «Новом Слове», окт. 1897 г. и в «Мире Божьем», Апрель 1898 г.
3) См. предисл. к 4 изд. «Очерков по ист. рус. культ.» 1906.
4) Туган-Барановский, стр. 55—56.

солдатском холсте и парусине для кораблей, палаток и т. д. Между тем нам известно широкое распространение прядения и ткачества льна по деревням уже в XVII ст., а в эпоху Екатерины, как указывает Шторх, полотно уже в готовом виде через посредство скупщиков, державших кустарей в полном подчинении, поступало на рынок (что приводит и Туган-Барановский). Мельницы для производства бумаги существовали у нас в качестве мелких предприятий уже в XVII ст. и могли также развиваться и помимо фабричной формы производства. Наконец и выделка таких товаров, как шелковые материи, могла иметь форму кустарной промышленности. Все эти вопросы, конечно, требуют детального архивного изучения, но любопытно, например, то обстоятельство, что вся шелковая промышленность Западной Европы, насажденная в XVII и XVIII ст. во всевозможных странах, и в Лионе, и в Цюрихе, в Пруссии, Австрии — везде, вплоть до начала XIX ст., имела характер кустарного производства; централизованных мануфактур этого рода почти совершенно не было.

Почти одновременно с книгой М. И. Туган-Барановского появились два других сочинения, которые проливают свет на некоторые вопросы из истории промышленности и промышленного труда в России в XVIII ст.—речь идет в обоих случаях о первой половине этого века и притом главным образом о предприятиях, принимавших форму компаний. Мы имеем в виду исследования И. И. Фирсова и А. С. Лаппо-Данилевского.

И. И. Фирсов указывает на то, что «в Московском государстве к концу XVII века создалась, благодаря своему официальному положению, небольшая, сравнительно, группа значительных по своему капиталистов». Это были «именитые купцы», «гости», «[illegible]», как их именует Кильбургер, которые были торговыми уполномоченными царя, так как [illegible] он главным образом и вел свои торговые дела». Из них правительство первой половины XVIII ст. создает торговые компании, которые заменяли казенный торг, [illegible] более устойчивые выгоды, чем от непосредственного участия казны [illegible]. Оно же создает и промышленные компании. Подобно чисто торговым [illegible] выросли естественно из туземной промышленности, а были «учреждены» государственной властью, которая, испытывая великую «нужду» и руководствуясь западно-европейскими [illegible] «избывать» эту материальную «нужду», раньше своего торгово-промышленного [illegible] необходимость в крупных промышленных предприятиях, а следовательно, и [illegible] европейской организации» [1]).

И. И. Фирсов приводит слова Фоккеродта, что «большая часть фабрик, заведенных Петром Великим с помощью иноземных мастеров, вынуждена была прекратить [illegible] за малой доходностью предприятия». Впрочем—прибавляет автор—и 300 фабрик 1730 года [illegible] своим числом пока ровно ничего положительного не доказывают; возможно, что многим из них также, как многим фабрикам 1730 года, было «одно имя». Тем не менее—подчеркивает он—Петр Великий дал тему для дальнейших правительственных мероприятий в этой области: «эта западно-европейская «тема» повторялась в русском законодательстве и эксплоатировалась русской жизнью» и впоследствии, с той, однако, разницей, что при Петре «преобладает серьезный государственный взгляд», тогда как при его приемниках государственные цели «на практике начали сильно эксплоатироваться видными властными деятелями для личных целей. Официальные лица, близкие к правительственной власти, захватывают в свои руки наиболее выгодные промыслы — они образуют компании для эксплоатации рыболовных, китоловных, звериных промыслов, горных заводов, становятся «содержателями» этих казенных предприятий —как именуется в источниках— и эти компании затмевают собою даже самые крупные купеческие товарищества. При этом «с каждым новым правительством на место прежних влиятельных людей вставали новые, желавшие, подобно своим предшественникам, при помощи связей, приобрести себе экономические блага на законном основании». И. И. Фирсов подробно излагает авантюру иностранного барона Шемберга, который при содействии Бирона, вызвавшего его из Саксонии, добыл себе привилегию на Благодатские горные заводы и на земли в Лапландии и по Белому морю для рыбных промыслов и для торговли; при этом он сам состоял генерал-берг-директором и стоял во главе берг-коллегии, в ведении которой находились горные заводы, так что производил [illegible] самим собою. С падением Бирона и ему пришлось отказаться от своих выгодных операций и покинуть Россию, причем обязательств своих по отношению к казне он не выполнил. Его сменил с еще более обширными планами и еще более широкими привилегиями подвизавшийся при Елизавете Петровне гр. Шувалов, который образовал компанию с различными иностранными капиталистами и в интересах этого товарищества—как выяснил автор—добился уничтожения внутренних таможен в пределах Великороссии [2]).

---

[1]) Фирсов. Русские торгово-промышлен. [illegible] в 1-ую пол. XVIII ст. 1896. стр. 2, 11, 36 55.

[2]) Фирсов. там-же.

Больше указаний по интересующему нас вопросу дает, однако, другое сочинение на ту же тему о торгово-промышленных компаниях первой половины XVIII ст., принадлежащее перу А. С. Лаппо-Данилевского. И он обращает внимание на образование класса капиталистов в Московском государстве: «гости получали от казны товары на комиссию, для чего, вероятно, и плодили царские монополии», и наживали капиталы и затем пускали их в оборот, покупая лучшие товары от иностранцев, утаивавших их от казны, или же отдавая их под проценты. В этот период и сложился класс самостоятельных «купецких людей», из которых правительство в начале XVIII ст. стало набирать компанейщиков. Однако—подчеркивает автор—«члены компаний далеко не всегда отличались состоятельностью, да и самое образование их, по признанию современников, вызвано было между прочим, редкостью крупных капиталов; принимая сравнительно небольшие вклады (сумму в 3—4 тыс. руб. считали уже значительною), компании превратились в складчины, отчасти восполнявшие недостаток в таких капиталах». Вообще говоря, в капиталах чувствовалось сильная нужда. В противоположность М. И. Туган-Барановскому, А. С. Лаппо-Данилевский находит, что компании без правительственных субсидий возникать не могли—одна из них жалуется на недостаток сырья, другая на невозможность привлечь людей со средствами; в 1744 г. при осмотре фабрик асессором Мещениновым оказалось, что некоторые из них прекратили свою деятельность «за неимением капитала». В виду этого, казне приходилось выдавать и даровые материалы, и инструменты, и в особенности денежные суммы, которые нередко достигали значительных размеров, так что «казна превратилась в банкира, ссужавшего предпринимателей более или менее крупными капиталами» [1]). Но и это еще не обеспечивало их, ибо опытных русских мастеров не было, а иностранцев не легко было добыть и трудно было ладить с ними, да и изделия выделывались низкого качества и нередко не находили себе сбыта. «Плачевное состояние многих фабрик не подлежит сомнению» [2]).

А. С. Лаппо-Данилевский не соглашается с М. И. Туган-Барановским и по вопросу о характере нашего крупного производства XVIII ст.: нельзя утверждать, что оно было исключительно крепостным, а не капиталистическим. К середине столетия «наряду с крепостными контингент вольнонаемных рабочих постепенно увеличился». По данным начала 1760 годов из почти 38 тыс. рабочих и мастеровых на всех фабриках, состоявших в ведомстве мануфактур-коллегии насчитывалось около 14 тыс. казенных и приписных по ревизиям, около $11^1/_2$ тыс. собственных и купленных и около $12^1/_2$ тыс. вольных и наемных, так что последняя группа вскоре после издания указа 1762 г. составляла уже третью часть всех рабочих [3]).

Из вышедших в последние два десятилетия сочинений мы можем назвать лишь общие курсы по русской истории, но они в сущности никаких новых положений в интересующей нас области не выдвигают. Так В. О. Ключевский изображает общий характер реформы Петра, указывая на то, что он «взял из старой Руси силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений», и все же произвел «коренной переворот», или «скорее потрясение»; «оно было революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников [4]).

Что касается промышленности, то для развития ее Петр применял два средства, «льготы и принуждение». «Фабрика и завод при Петре являются преемниками древне-русского монастыря: подобно последнему, они получают значение нравственно-исправительных учреждений». «На смену старого боярства теперь рядом с вельможами табели о рангах становилась знать ткацкого станка и чугунно-плавильной печи». Он ведь «дал мужику-капиталисту дворянскую привилегию, право владеть землей с крепостным населением» [5]).

Но каковы были результаты в экономическом отношении? «Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII ст. о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность нести усиленные государственные тягости,—эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после него: здесь он стоит одиноко в нашей истории... Он внес в народно-хозяйственный оборот такое количество нового производительного труда, которое трудно взвесить и оценить. Но осязательные признаки этого обогащения обнаружились не в подъеме общего уровня народного благосостояния,

---

[1]) Лаппо-Данилевский. Рус. промышленные и торговые компании в перв. пол. XVIII ст. 1899 г., стр. 11—13, 29 и сл. 33 и сл. 37 и сл. 41.

[2]) Там-же стр. 64 и сл.

[3]) Там-же, стр. 61 и сл.

[4]) Ключевский. Курс русской истории. Ч. IV. 1916. Стр. 285—292.

[5]) Там-же, стр. 152—53.

а в ведомостях казенного дохода... В широких народно-хозяйственных замыслах Петра—основная мысль его реформы, неудачей этих замыслов обозначился ход этой реформы, в финансовых успехах выразился главный результат ее» [1]).

Н. А. Рожков в своем кратком очерке экономической истории России («Город и деревня») указывает на то, что с половины XVI ст. в Московской Руси система натурального хозяйства «стала подтачиваться и разрушаться»—обнаружилось «широкое развитие внешних меновых сношений», но «еще большее значение в этом отношении принадлежало торговле внутренней», «Москва представляла собой в то отдаленное время такой же туго завязанной узел гужевых путей сообщения, каким она является в наше время в отношении железных дорог». В XVIII ст. развивается фабрика и на-ряду с ней товарно-кустарное производство: в конце царствования Петра было 233 фабрики, в 1762 г.—984, в 1796 г.—3.161. Однако наиболее быстро развитие фабрики совершалось в первой половине XIX ст., причем принудительный труд оказывался мало производительным, вследствие чего основанные на кустарном труде дворянские фабрики составляли в 30-х годах уже только 15 проц. общего числа фабрик, в 40-х годах всего 5 проц., а после издания закона 1840 г., закона, по которому фабриканты получили право освобождать своих поссессионных рабочих за деньги или бесплатно более половины поссессионных фабрик очень скоро перешли к вольнонаемному труду. А это «вызывая усиленный спрос на свободных рабочих, неизбежно выдвигало вопрос о необходимости освободить крестьянское население от крепостной зависимости» [2]).

На роли торгового капитала и торгового класса, который он называет зачатком крупной буржуазии, останавливается и М. Н. Покровский, указывая на то, что «ни при одном перевороте в Москве, в XVI—XVII веках, и даже ранее, дело не обходится без участия буржуазии», во главе движения мы всегда встречаем «гостей», откупщиков и тому подобных представителей торгового капитала. У современника Петра Посошкова «уже намечается тот пункт, где торговый капитализм переходит в промышленный, «без купечества — читаем у Посошкова—никакое не только великое, но и малое царство стоять не может; купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает». Только—прибавляет М. Н. Покровский—параллель Посошкова можно бы перевернуть: «в петровской политике роль души приходилась на долю купечества, а воинство было телом, той материальной силой, которая «уготовляла потребности» торговому капиталу [3]).

В дальнейшем автор показывает, как при Петре происходит «поиски суррогатов свободного рабочего» и в распоряжение фабрикантов отдаются арестанты обоего пола, бродяги, нищие, проститутки и наконец, «солдатские, матросские и разных других служилых людей жены» и как затем обращаются к прямому пути, к крепостным крестьянам, ибо «готовый источник несвободной рабочей силы был под руками». Он изображает появление дворянских фабрик и развитие двух поконившихся всецело на принудительном труде отраслей производства — винокурения и уральских горных заводов [4]).

IV.

Мы ограничиваемся, за недостатком места, этими немногими сочинениями, посвященными истории промышленности или затрагивающими вопросы развития последней. Мы не упоминаем о старых работах Кириллова, Чулкова, Шторха, Семенова, Германа [5]), ибо во всех этих сочинениях имеется в сущности лишь сырой материал, хотя несомненно весьма ценный, но не приведенный в стройную систему и выражающийся не столько в данных действительной жизни, сколько в различных усердно собранных законодательных актах. Разбору последних посвящена и книга Нисселовича по истории фабрично-заводского законодательства России [6]). Мы не останавливаемся, наконец, и на исследованиях иностранных авторов, посвященных развитию русской промышленности, как напр. Ордега, Штида, Витчевского Шульце-Генерница и др. [7]).

---

[1]) Ключевский, IV, стр. 284—85.
[2]) Рожков. Город и деревня в русской истории. 1913. Стр. 51—52, 78, 97—98.
[3]) Покровский. Очерк истории русской культуры. Ч. I. Изд. 2-ое. 1917 г., стр. 104, сл. 111 сл.
[4]) Там-же. стр. 128 сл.
[5]) Кириллов. Цветущее состояние Всероссийск. государства. 1831.—Чулков. Историческ. описание российской коммерции.
[6]) Нисселович. История фабрично-заводского законодат. Россійск. Имперіи. 1883.
[7]) Ordega. Die Gewerbpolitik Russlands von Peter I bis Katharina II. 1885. Schulze-Gävernitz. Volkswirtsch. Studien aus Russland. 1899. (Рус. пер.: Крупное производство в России). Witschewsky. Russland Handels-Zoll: und Industriepolitik. 1905.

Во всяком случае, уже из приведенного можно усмотреть, что в русской историографии выдвинут ряд существенных вопросов по истории промышленности и промышленного труда и на них дан определенный ответ, который затем повторяется довольно однообразно у самых различных авторов. Такова и мысл о значительном развитии торгового капитала в Московской Руси, о созданной на почве последнего Петровской фабрике, первоначально чуждой русской жизни, и постепенно входящей в нее в качестве необходимого элемента, о необходимости применения [illegible] труда, о [illegible] переходе к вольнонаемному труду [illegible] обнаружи- [illegible] крепостного труда, и об [illegible] в связи с этим крепостного права. [illegible] производства в XVIII ст. [illegible] XIX [illegible] рост [illegible].

[illegible] отраслей промышленности в первой половине XIX [illegible] последний вопрос только поставлен, но отнюдь не разрешен.

Если утверждение П. В. Струве, что капитализм нашел в России гораздо более подготовленную почву, чем на Западе, является не более, как софизмом, ибо, как известно, и до эпохи меркантилизма в западно-европейских государствах существовала домашняя промышленность и цеховая организация вовсе не была равнозначуща ремесленной форме производства,—то, с другой стороны, нельзя усматривать несвоевременности создания у нас крупной промышленности в том, что для этого необходимы были усилия со стороны правительства и что эта новая промышленность работала для армии или для высших классов населения. Вся крупная промышленность Запада, возникшая в XVII — XVIII ст. носила такой же характер производства предметов вооружения или обмундирования армии или изготовления предметов роскоши для двора и придворных кругов [1]), вся она создавалась при помощи «искусственных» мер, вроде выдачи денежных пособий, беспроцентных ссуд, исключительных привиллегий, освобождения от налогов, вызова иностранцев для насаждения новых отраслей производства, установления высоких запретительных пошлин на изготовляемые в стране товары. Последние две меры практиковались даже в Англии; хотя других она не применяла, в особенности деньгами не снабжала предпринимателей, ибо у них имелись достаточные собственные капиталы. Но Кольберг во Франции вынужден был это делать, Фридриху Великому и Марии-Терезии создание новых производств стоило огромных сумм—мы находим длинные списки лиц, получавших пособия на создание и расширение производства [2]).

И при всем том успех был и там не больше, чем у нас при Петре или Екатерине II. Вся с таким трудом созданная Фридрихом Великим шелковая промышленность к концу его царствования почти совершенно погибла, так же как индустрия, насажденная им во вновь приобретенной Силезии, являлась мертворожденной и сообщаемые ему в донесениях цифры относительно числа предприятий и рабочих имелись лишь на бумаге, но отнюдь не в действительной жизни. Столь же медленно и плохо прививалась и новая крупная промышленность в Австрии в XVIII ст. И все же, как и у нас, эти первые, хотя и нередко неудачные, шаги положили основу для будущего развития капитализма.

И даже пользование принудительным трудом не свойственно одной лишь России. В Австрии напр. мы находим большое количество предприятий, применявших труд собственных крепостных крестьян—текстильная промышленность в деревнях в значительной мере покоилась на таком несвободном труде. А кроме того, тот труд арестантов, преступников, бродяг, сидельцев работных домов, наконец сирот из приютов, о котором у нас упоминается в различных законодательных актах, был широко распространен во всех западно-европейских государствах. Тюрьмы не даром именовались «прядильными домами», они превращались в построенные на коммерческих основаниях и сдаваемые промышленникам в аренду предприятия. Нищих и бродяг повсюду ловили и сажали в работные дома, чтобы таким путем создавать новую крупную про-

---

1) См., напр., Sombart. Krieg und Kapitalismus. 1912. Его же. Luxus und Kapitalismus. 1912.

2) См. напр. Beer. Oesterreichs Volkswirtschaft unter Maria-Theresia. 1897. Hintze-Schmoller. Gesch. der preuss. Seidenindustrie im 18. Jahrh. (Acta Borussica, изд. Берлинской акад. наук).

мышленность. Те приходские ученики, ужасную эксплоатацию которых мы находим в Англии в начале машинной эры и в защиту которых был издан первый фабричный закон 1802 г., и задолго до того применялись в кустарных мастерских и мануфактурах. Вообще, поскольку мы находим в XVII—XVIII ст. в Западной Европе централизованные мануфактуры, они в значительной мере работали при помощи принудительного труда, хотя конечно были и такие, которые пользовались частью или всецело свободными рабочими [1]).

Вопрос о характере применяемого на русских фабриках труда подробно рассмотрен В. И. Семевским, сочинение которого о «Крестьянах в царствование Екатерины II-й» содержит особый отдел о посессионных крестьянах. Он указывает на существенное различие между [illegible] на которых работали крестьяне, принадлежавшие их [illegible] [illegible] крепостные [illegible] посессионные рабочие [illegible] полной собственности владельца, а были прикреплены к самому заводу [illegible] [illegible] продать [illegible] можно было лишь [illegible] вместе с заводом, и то [illegible] без разрешения и [illegible] соответствующих учреждений. [illegible] [illegible] содержателями заводов.

Из всех этих разрядов заводского населения в XIX в. было найдено общее название (прежде его не было) «посессионных» мастеровых и крестьян. В. И. Семевский подразделяет их на несколько групп. Во-1-х сюда относятся казенные мастеровые, отданные заводчикам вместе с казенными заводами, к которым они были приписаны. Положение этих мастеровых нередко с передачей заводов частным лицам значительно ухудшалось и заводчики, применявшие и труд собственных крепостных, не проводили различия между теми и другими, заставляли их выполнять работы, которых они ранее не производили, сдавали в рекруты, подвергали тяжелым наказаниям. Такое понижение казенных мастеровых на уровень крепостных вызывало среди них нередко волнения и отчаянную борьбу за свои права: но не легко было им добиться признания своих прав, ибо и государственные органы, которые, казалось бы, должны были разбираться в различиях между категориями заводских рабочих, как напр. мануфактур-коллегия, рассматривали казенных мастеровых «равно яко крепостных» и никаких особых прав за ним не признавали [2]). Вторую группу поссессионных крестьян составляли крестьяне, купленные к фабрикам, что практиковалось в течение 40 лет со времени известного указа Петра I 1721 г. до отмены его Петром III; только Павел вновь разрешил такую покупку; в 1816 г. она была совершенно запрещена (кроме горных заводов). Крестьяне покупались к фабрикам, главным образом купечеством, которое, вообще говоря, не могло владеть крепостными, но покупали и дворяне, причем, однако, деревни, купленные последними к фабрикам, в отличие от остальных их имений, принадлежали им не на полном, а на ограниченном праве собственности [3]).

Наконец третья категория поссессионных мастеровых состояла из тех самых элементов, пользование трудом которых, как мы указали, было широко распространено и в Западной Европе. Сюда относились беглые, далее свободные гулящие люди и «непомнящие родства»—из тех и других вербовались «вечно отданные» к фабрикам. Сюда же входили незаконнорожденные, «зазорные дети», как они именовались, заштатные церковники и солдатские дети. Кроме вечной отдачи—со времени Петра III она прекратилась—была и временная, хотя обычно и временно отданные навсегда оставались при фабрике. На фабрики отсылались женщины, виновные в различных преступлениях, публичные женщины, нищие—«бедные и малолетние, которые ходят по улицам и просят милостыню», просящие милостыню солдатки, «подлые и неимущие люди» из купечества и разночинцев мужского пола; в 1753 г. было предписано «шатающихся по миру мужского пола разночинцев, кои в службу не годны, а работать еще могут, отдавать на фабрики в работу, также баб и девок и малых ребят, и из богаделен определенных на жалованье отнюдь по миру ходить не пускать» [4]).

В. И. Семевский приводит много интересных данных относительно волнений казенных мастеровых на уральских горных заводах во второй половине XVIII ст., из которых видны условия жизни этих рабочих, а затем подробно останавливается на быте поссессионных крестьян на суконных фабриках, в особенности пользуясь регламентом (не вошедшим в силу) 1741 г. и наконец рассматривает положение поссессионных рабочих в первые годы XIX в.

---

1) См. об этом мою Эволюцию прибыли, т. I, 1906 г., стр. 610 и след. и мои Лекции по истории экономического быта Западной Европы. 5 издание. 1918 г. стр. 316. и след.

2) Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Т. I. 1881 г., стр. 404, 406, 413 и сл. 436 и сл.

3) Там-же, стр. 393 и сл.

4) Там-же, стр. 401 и сл. 472 и др

Картина получается весьма нерадостная. Рабочие жалуются на промедление в уплате заработанных денег, на то, что их не вознаграждают за остановки в работе, происходящие не по их вине, что им приходится выполнять и не-фабричные работы, что их заставляют покупать продукты в хозяйской лавке по повышенным ценам, что им вместо денег платят припасами, что им не дают отдыха в субботу после обеда, в праздничные и воскресные дни. На горных заводах они вынуждены были, так как они были заняты другими работами, нанимать за себя для различных работ посторонних лиц, напр. для рубки дров, которым они платили не по 25 к., как получали сами, а по 35 и 40 к. На горных заводах рабочий день обычно продолжался 11 часов, на фабриках (поссессионных) 12 часов, но были и случаи более продолжительной работы—в 13 и 13½ часов, иногда и до 15 часов, так что работники прядут и чешут шерсть «и стригут сукно в темноте». Определялось количество годовой выработки, обязательной для каждого мастерового, но оно устанавливалось на ревизскую душу, почему рабочим приходилось работать не только за себя, но и за стариков и малолетних. На многих фабриках и даже горных заводах применялся труд малолетних. На большой московской суконной фабрике жизнь рабочих была настолько невыносима, что они просили лучше отдать их в солдаты,—а ведь отдача в солдаты производилась за преступления и одно слово солдатчина вызывало в те времена представление о всевозможных ужасах. Какова была эта жизнь можно судить и из обследования 1803 г., в котором говорится, что «поныне очень срамно было видеть, что большее число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них пасилу и целую рубаху на плечах имеют» [1]).

О разрядах рабочих, приписанных к заводам, в особенности к горным заводам, переданным гр. Шувалову, и о волнениях среди них упоминает и П. П. Фирсов [2]). Подробно на этих вопросах останавливается А. С. Лаппо-Данилевский, приводящий любопытные данные о размерах заработной платы в первой половине XVIII ст. на различных фабриках и по отдельным видам труда (на петербургских полотняной казенной фабрике и коломянковой мануфактуре, на казенных суконных и каразейных фабриках в Москве и Сокольском уезде, на нескольких частных шелковых фабриках в Москве—Апраксина с тов., Павлова с тов., Памфилова с тов. на бумажных фабриках в Петербурге и Москве). Эти сведения заимствованы из Мемориала о российской торговле, составленного повидимому в 1760-х г.г. и хранящегося в архиве департамента таможенных сборов [3]). О положении рабочих и о волнениях на горных заводах трактует большая статья В. И. Семевского (период Екатерины II), с юридической точки зрения их условия рассмотрены В. А. Удинцевым, истории поссессионных горных заводов посвящена статья И. Сигова [4]).

Наиболее внимательно изложены вопросы, относящиеся к истории фабричного труда в тесном, смысле М. И. Туган-Барановским, причем, в отличие от других исследователей, горной промышленности он совершенно не касается. У него мы находим описание ряда случаев перехода промышленников от принудительного к наемному труду в 40-х г.г. XIX ст. и в связи с этим освобождения поссессионных рабочих [5]), далее он подробно рассматривает волнения поссессионных рабочих в первой половине XIX ст., давая таким образом продолжение исследования, произведенного В. И. Семевским для второй половины XVIII ст. Сведения эти почерпнуты из архива департамента торговли и мануфактур. Автор отмечает, что одним из наиболее частых поводов к волнениям были неудовольствия на слишком низкую заработную плату, причем нередко поссессионные рабочие были недовольны тем, что работавшие вместе с ними вольнонаемные мастера получали большую, иногда даже вдвое большую, чем они, плату. Но были и другие причины волнений—чрезмерно длинный рабочий день или трудность работы, принуждение к другой не-фабричной работе (в поле, во дворе хозяина) работа в праздничные дни, пользование трудом престарелых и малолетних, жестокое обращение, побои и истязания, отдача в рекруты вместо своих крепостных, штрафы и вычеты, принуждение покупать продукты из фабричной лавки, наконец, приравнение их, поссессионных мастеровых, к крепостным [6]). Как мы видим, основания волнений были во многих отношениях те же, что и в екатерининскую эпоху.

М. И. Туган-Барановский рассматривает далее попытки создать фабричное законодательство в первой половине XIX ст., которые, конечно, не могли привести ни к чему, так что первый

[1]) Там-же, гл. II—V.
[2]) Фирсов, ук. соч., гл. VIII, стр. 164 и сл.
[3]) Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 69 и сл.
[4]) Семевский. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в, Русск. Мысль. 1900. Кн. I, III, IV, V. Удинцев. Поссессионное право. И. Сигов. Народ и поссессионные владения на Урале. Русск. Богатство. 1899, кн. 3,
[5]) Туган-Барановский, ук. соч., стр. 130 и сл.
[6]) Там-же, стр. 141 и сл.

закон, изданный в 1845 г. в защиту малолетних, остался на бумаге, и наконец подробно останавливается на размерах заработной платы на фабриках в дореформенную эпоху. Данные о заработной плате на целом ряде фабрик и притом на одной и той же фабрике в различное время, что позволяет сделать вывод о движении заработной платы и при сопоставлении его с изменением цен на хлеб выяснить перемены в реальной плате, заимствованы автором из различных дел архива департамента торговли и мануфактур; дела эти являются результатами волнений, происходивших на фабриках, подачи жалоб рабочими и обследований, произведенных комиссиями и специально командированными чиновниками, причем цифровой материал нередко покоился на записях в конторских книгах или же на показаниях самих рабочих. М. И. Туган-Барановский приходит к тому выводу, что во второй четверти XIX ст. заработная плата значительно повысилась и стояла сравнительно весьма высоко; это об'яснялось быстрым ростом фабричной промышленности и, следовательно, большим спросом на рабочие руки и недостаточным предложением их, в виду закрепощенности массы населения и применения крестьянами своего труда в кустарных промыслах.

Во всяком случае, выяснение движения заработной платы и условий труда в XVIII и первой половины XIX ст. находится еще в зачаточном состоянии, между тем уже из тех сравнительно немногих данных, которые приведены Семевским, Лаппо-Данилевским и в особенности Туган-Барановским, как и Гарелиным и некоторыми другими исследователями промышленности в различных районах, можно усмотреть, насколько обильны должны быть те источники, из которых они черпали свой материал, сколько драгоценного для науки несомненно содержат еще не изученные, а во многих случаях и не разобранные архивы, такие архивы, как, напр., департамента торговли и мануфактур, коммерц-коллегии и департамента таможенных сборов, горного департамента, министерства внутренних дел и т. д. Они способны пролить яркий свет на то, что до сих пор покрыто почти мраком неизвестности.

Что выяснение всего этого представляет огромный интерес для историка-экономиста, это само собою понятно. И едва ли необходимо в настоящее время доказывать, насколько необходимы сведения об условиях зарождения и развития нашей промышленности, об эволюции различных отраслей и в различных местностях (нередко весьма различной), о том, как сложился, из каких элементов состоял и какие требования пред'являл наш рабочий класс,—на сколько все это существенно для экономиста-практика, для того, чтобы экономическая политика не бродила виотьмах, а вышла на ясную и прямую дорогу.

И. Кулишер.

Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения.

I.

Россия—страна крестьянская. Часто так ее называют, имея в виду характерное преобладание во всей истории ее народно-хозяйственного быта земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда и производства. Город с его особым социальным и экономическим укладом никогда не имел на Руси (если не считать древнейшего, «Киевского» периода) такого решительного, определяющего влияния на развитие общественных отношений и политического строя, как в странах Западной Европы. В течение ряда столетий на широких пространствах Восточно-Европейской равнины медленно строилась гражданская и государственная жизнь страны, постепенно колонизуемой русским славянством. И в этом вековом строительстве был главным основным деятелем русский земледелец-промышленник, колонизатор-крестьянин. То шире расселялись по свободным землям, то вытесняя с них прежнее население, инородческие племена, все дальше к северу и востоку, то сменяваясь с ними и их ассимилируя, то отступая под напором азиатских орд и сплачиваясь гуще в некоторых областях, в разливах и отливах колонизационного движения по течению рек и водоразделам речных систем, шло русское население вглубь обширной Восточно-Европейской равнины и постепенно превращало ее в Европейскую Россию; а затем перешло и за ее пределы в дальние страны Сибири и Средней Азии. Начавшееся в далекой древности колонизационное расселение восточных славян имеет свое вековое продолжение в переселенческих передвижениях русской народной массы.

В ранние века своего появления на исторической сцене русские славяне заняли-было плодородные места черноземной и степной полосы Восточной Европы. Но тут их встретила упорная борьба со степными кочевниками, туркскими племенами, а завершилась она отступлением русских в лесные области и продолжительным господством монголов-татар. Только сплотившись заново в государственных организациях Московской Руси и Литовско-русского государства, сломили славяне татарскую силу, сперва на юго-западе, потом и на востоке, и шире развернули оккупацию средних и южных областей великой равнины, об'единенные в большом московском царстве, которое само себя переросло и стало Российской Империей. Но и ее территория не удержалась в пределах Восточной Европы; переселенческое движение понесло ее и дальше—в области Северной и Средней Азии до дальних восточных вод Великого Океана.

Вот в каком смысле иногда называют всю историю России—историей колонизуемой страны. На ряду с широким внешним расселением шла внутренняя колонизация в тяжкой борьбе с природой—под'емом новин, распашкой земли из-под леса, развитием лесных и водных промыслов, основанием новых и новых поселков и выселков, волосток и волостей.

Руководящей и организующей эту вековую народно-колонизационную работу силой стало надолго крупное землевладение, соединенное с экономическим и политическим господством землевладельческого класса над трудовой народной массой. Еще в ранний период «первоначального накопления», когда власть над этой массой была сосредоточена в руках засевших по городам князей и их дружин, а экономическая эксплоатация населения сбором с него натуральной дани служила основой для оптовой внешней торговли, из общественной массы выделились господствующие группы с землевладельческим боярством и княжеской властью во главе. Князья и бояре с примкнувшим к ним духовенством сосредоточили в своих руках значительные производственные средства: даровую рабочую силу рабов (холопов, челяди) и людей «полусвободных»;

...павших под владельческую зависимость либо в поисках пропитания и защиты, когда горькая судьбина выбила их из привычной житейской колеи (изгои на княжих и церковных землях), либо по задолженности и отработке долга (закупы на землях боярских), а также запасы зерна, скота и мертвого инвентаря, главное, платежных средств (ценных мехов, служивших средством расплаты, серебра и золота). Эти накопленные средства они вкладывают в землевладельческое хозяйство, становятся крупными землевладельцами-вотчинниками обширных имений.

Крупное землевладение отнюдь не означает еще крупного хозяйства. Напротив, характерной чертой средневекового крупного землевладения было его соединение с мелким хозяйством. Вотчинник-рабовладелец сажал на землю своих холопов и иных зависимых людей (изгоев, сирот, ролейных закупов) на пашенную и промысловую работу, организуя ее не как плантатор, а как землевладелец, раздающий участки для разработки за более или менее крупную долю в продуктах труда и сбора. Обычно только небольшая часть имения оставалась в непосредственном хозяйственном его пользовании, а значительно большая отходила под трудовое крестьянское хозяйство. Поэтому и холопы, посаженные на пашню, становились «задворными людьми», получая некоторую экономическую самостоятельность и бытовую обособленность от господского двора. Применение к землевладельческому хозяйству рабочего труда должно было в древнейшую эпоху сыграть свою не малую роль в самом создании крупного землевладения: через своих людей владелец овладевал землей, осваивая ее себе. Но дальнейшее развитие этого личного и потомственно-вотчинного землевладения скоро переросло убогие рамки рабовладельческого хозяйства. Князья и церковные учреждения развивают рабочие силы своих имений, забирая в их состав бездомных и безработных изгоев, привлекая и обедневшие элементы трудового населения возможностью устроиться на налаженном хозяйственном участке, да еще с помогой богатого владельца для почина и обзаведения,—конечно, за цену утраты экономической независимости и не только ее одной. Тем же путем шли и светские землевладельцы бояре, вовлекая в состав живого инвентаря своих вотчин, со стороны, свободных людей, то опутанных сетью в голодную годину (закупы), то соблазненных помогой и защитой сильного человека (закладники).

Дело в том, что политические порядки и отношения средневековой Руси отдавали в руки крупных землевладельцев, как и на Западе в эпоху феодализма, значительную правительственную власть над населением их имений. Не только холопы, но и свободные люди, поселившиеся на земле такого владельца, подлежали его вотчинному суду и управлению. Он собирает с населения дани и пошлины вместе со своими хозяйскими доходами, набирает отряды вооруженной силы, которую ведет в княжеское войско, творит суд и расправу среди своих людей. Вотчина крупного землевладельца, светского или духовного, была, по выражению одного из наших историков, учреждением «не только землевладения, но и управления». Тяжела бывала рука такого управителя; но иногда еще тяжелее бывали зависимость от княжеских чиновников (наместников и волостелей с их помощниками) и беззащитность от обид сильного соседа; и вольные люди из сельского населения, гонимые либо экономической нуждой, либо бесправием, шли под защиту и опеку сильных вотчинников.

Это экономически сильное и властное землевладение стало опасным соперником вольному расселению народной массы. В упорной борьбе с природой заселяла она страну, богатую лесом и водой; приходилось с большим трудом выбирать и отвоевывать у леса участки под пашню, расселяться мелкими поселками, раскидываться на больших расстояниях; крупное значение в народном быту лесных и водных промыслов (звероловства, рыболовства, лесного пчеловодства) усиливало экстенсивность расселения в погоне за удобными угодьями. Хозяйственный труд, работая первобытными приемами, скользил по поверхности страны, овладевая территорией неустойчиво и неглубоко при разбросанности редкого и передвигавшегося на новые места населения. Поскольку оно оседало прочнее в занятой местности и сохраняло соседские связи между поселками, возникали крестьянские волости. Территории этих волостей были весьма значительного объема, по сотне и по две квадратных верст, но слабо очерчены, мало организованы. Их границы определялись крайними пунктами поселения, но леса и земли, не взятые в хозяйственную разработку, оставались неразмежеванными между отдельными волостями и долго служили областью вольного захвата. Население такой волости составляло волостную общину с выборными, старостой и собраниями крестьянского мира. Но волостная община не была хозяйственным союзом, и земледельческое и промысловое хозяйство велось отдельными дворами и поселками иногда союзами складников. Однако, пользование лесом и пастбищами, заселение новых участков и распоряжение старыми, разработанными, но почему-либо покинутыми «в пусте», вызывали потребность некоторой регламентации, которая была делом волостного мира, «старосты со крестьянами». От них должен был получить участок новый поселенец, чтобы вступить в состав общины; они и защищали, как могли, волостные земли и угодья от слишком утеснительных

сторонних захватов. А волость была заинтересована в пополнении своего состава, чтобы не ослаблять своей трудовой и платежной силы, особенно с тех пор, как старинная дань в пользу князи стала тяжелее и определилась крепче в связи с «неминучею данью» в пользу татарского хана, которую князья собирали в свою казну для выплаты «выхода татарского» и «ханских запросов». Все дани и платежи, как и изделные трудовые повинности, налагались княжеской властью гуртом на всю волость, а крестьяне сами разверстывали их между собой «по животам и промыслам» и «по силе» каждого хозяйства, собирали их промежь себя и выплачивали общей суммой или отбывали сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущих за неимущего, хозяйственных «жильцов»-волощан за пустые заброшенные участки. Понятно, что волость заботится не меньше, чем землевладельцы-вотчинники, через своего выборного старосту о привлечении поселенцев («жильцов») на опустелые участки, принимает их на льготных условиях пока не обживутся, сдает угодья на оброк. С другой стороны, волостная община была и в делах общего управления деятельным особым миром. Старинная княжеская администрация была до крайности слабосильна. Князь назначал для суда и управления своих наместников и волостелей редко на одну обширную волость, обычно на несколько волостей, соединенных в наместничий округ. Такой округ, часто в несколько сотен верст, наместник ведал с ничтожной силой пяти-шести помощников (тиунов и доводчиков), как представитель судебной и полицейской правительственной власти. Понятно, что до наместничьего суда и расправы доходили только важнейшие дела об убийстве, разбое и грабеже, а мелкие текущие дела решались выборными людьми в волости. Но те же волостные люди были необходимым орудием и самого наместничьего управления. На них лежала обязанность преследовать, задерживать и выдавать властям «ведомых лихих людей», т. е. профессионалов разбоя и конокрадов, вести обыск по всякому делу под страхом уплаты всем миром крупных уголовных штрафов, которые пали бы на виновных, за нерозыск их. Волостные люди сами должны собрать весь следственный и обвинительный материал для наместничьего суда, а их представители сидят к тому же в качестве «судных мужей», сведущих в своем обычном праве, в своей «старине и пошлине», на суде наместника, который без них не имеет права творить свой суд. Деятельна крестьянская волость и в удовлетворении духовных потребностей населения; она строит церкви, подыскивает для них причт, обеспечивает его содержание. Так крестьянская волость стоит рядом с вотчинами крупных землевладельцев в строе старинного русского управления. И великокняжеская власть опирается на них в своей деятельности; она, в сущности, мало «управляет» народной и общественной жизнью; ее основная забота в эксплоатации народного труда для обеспечения средств, нужных правительству, путем организации платежей и повинностей населения. И, в то же время, эта власть сама вошла в состав крупно-землевладельческих сил страны, широко развивая свое дворцовое землевладение и хозяйство пахотное и луговое, ловчее, бортное и рыболовное силами своих дворцовых крестьян и «деловых людей», а также трудовой повинностью окрестного волостного крестьянства помогать нарядом на работу потребностям дворцового хозяйства в рабочей силе. Примыкая к землевладельческому классу экономически и социально, власть эта опирается на него в своей правительственной деятельности, организует его ратную службу, обращая землевладельцев в военно-служилых людей, находит в их среде личный состав своей администрации. С помощью крупных землевладельцев, светских и духовных, строит эта власть свое «государство» над трудовой народной массой. Она стоит во главе землевладельческого класса, об'единяет и организует его, и, в то же время, постепенно подчиняет его себе, приучает и принуждает его видеть в своей «милости», в своем «пожаловании» источник и опору всех прав и преимуществ.

А в такой властной опоре крупное землевладение нуждалось, прежде всего, ради борьбы своей с волостным крестьянством.

В союзе с властью великих князей всей Руси нашло оно надежную опору для своего развития и преобладания. Роль этого землевладения, боярского и монастырского, в процессе внутренней колонизации Великороссии была весьма значительна. Все расширяя свои захваты, оно клином врезывается в волостные территории, подымая новину в неразмежеванных пустошах, а то и захватывая земли и угодья, которые волостные люди считали «извечно» своими. При обилии свободных земель такие захваты часто, на первых порах, и не вызывали возражения со стороны волостных общин. Но разрастаясь и умножая свои починки и деревни, вотчинное землевладение постепенно все более утесняло развитие волостного хозяйства, отнимая у него более близкие и удобные участки. Кроме прямого земельного захвата наступление вотчины на волость принимало также иные формы: скупки разработанных («жилых») участков у отдельных членов волости и перехода части волостного населения «во крестьянство» на земли вотчинников-землевладельцев ради «помоги», «ссуды» и покровительственной защиты. Крестьянская волость теряла в этой борьбе, как сторона более слабая и экономически, и социально, удобные земли, угодья, живую силу, и тщетно пыталась найти защиту в княжеской волости, к которой

обращалась с жалобами на то, что «деревни и пустоши волостные разымают бояре, митрополиты и монастыри за себя», что уходят из волости к крупным землевладельцам ее трудовые «жильцы», бросая свои участки «в пусте» и тем ослабляя ее рабочую и платежную силу. Конечно, правительственная власть была заинтересована в охране волостей от расхищения, так как на них ведь лежало «тягло» государевых платежей и повинностей: она и принимала, по временам, некоторые меры для такой охраны, с ранних пор (еще в междукняжеских договорах XIV века) и позднее (в законодательстве московских царей). Но крупное землевладение имело слишком большое значение для этой власти во всем строе ее военной и правительственной силы, чтобы она могла решительно стать на сторону волости в ее борьбе с вотчинниками-землевладельцами. Напротив, власть эта широко содействует росту и укреплению вотчинного землевладения, утверждая его захваты и привилегии своими жалованными грамотами, устраняя тем самым притязания волостей, основанные на их «старине и пошлине».

Такова, в общих чертах, была социально-политическая обстановка, в которой развивался «крестьянский вопрос» старой Руси, поскольку она выяснена нашей историографией. Крупные перемены в политическом строе Великороссии конца XV и XVI столетий—образование самодержавного Московского царства—внесли в эту обстановку ряд новых условий, которые сделали положение крестьянства только еще более тяжелым. Правительство Московского царства собрало в своих руках все властные полномочия, которыми прежде великие князья делились с мелким удельным княжьем и землевладельческой аристократией. Все классы населения должны были склониться перед единой самодержавной властью. И эта власть значительно расширила социальную базу, на которую опиралась, ослабляя и ограничивая крупное землевладение, княжеское и боярское, отчасти церковное, в пользу среднего и мелкого землевладения своих служилых людей-помещиков, получавших населенные земли в поместье для обеспечения средств на их содержание и служилую годность, так как они обязаны являться на государеву службу «конны, людны и оружены». Та же повинность службы с «земли», на коне и в доспехе полном с вооруженными людьми лежала и на владельцах собственных земель, на вотчинниках, права которых стали столь же условными—под условием исправной службы. Организация этого служилого землевладения повела к широкой раздаче тяглых волостных земель вместе с их крестьянским населением в поместья, а то и в вотчинное обладание служилым людям—боярам, детям боярским и дворянам. В итоге получилось полное уничтожение самостоятельных волостных общин в большой части Московского государства. Они уцелели, преимущественно, на севере, в Поморских уездах, где почти не было служилого землевладения.

Так, при развитии служилого землевладения крестьянские волости шли в поместную и вотчинную раздачу и гибли во владельческом дроблении. Исчезала волостная организация; права и обязанности волостного мира с его выборными переходили к служилому землевладельцу (помещику или вотчиннику), власть которого становилась между крестьянами и государством. Про землевладельца официальные акты говорили, что это он, а не сами крестьяне, «тянет за всякия государевы подати», так как его дело собрать и внести подати со своих крестьян, он отвечает за податную исправность имения пред правительством, которое и не вмешивается в его расчеты с крестьянами. Служилый землевладелец—наследник волостного мира и в надзоре за полицейским порядком в имении, получая тем самым и низшую судебно-административную власть над сельским населением; он же преемник волости в хозяйственном управлении, распределяет по-хозяйски пустые участки, призывает и сажает на землю новоприходцев и т. п. Все управление деревнями становится хозяйственным делом помещика или вотчинника, властно распоряжающегося «своими крестьянами». Но сам он—слуга государства, которое его «верстает» в службу, наделяет землей, определяет всю его деятельность по своим нуждам, прежде всего, в ратной службе. Оно держит надзор и над его хозяйничаньем, запрещая ему «пустошить» поместье, чтобы крестьяне не разошлись, и не оскудел он сам для службы, не оскудели и подати, наложенные на «тяглое» крестьянство; а то землю «отнимут на государя» и передадут в другие руки. На таком «служилом землевладении» строилась вся московская государственность.

И та же землевладельческая основа осталась фундаментом русской государственности в той Российской Империи, которая выросла из Московского Царства. Не даром Россию 18-го века называют «дворянским царством». Землевладельческое дворянство стало «опорой престола» и, по выражению одного из историков наших, «через правительство управляло страной». Дворянские интересы вдохновляли внутреннюю политику власти, давали опору и направление политике внешней. Немаловажное значение крупного землевладения в самом созидании обширной империи еще недостаточно выяснено в нашей историографии. Его развитие во вновь приобретенных областях—в Малороссии и Остзейском крае, в землях, отнятых у Польши, в Черномории, в Новороссии—укрепляло новые связи с государственным центром, служило значительным средством расшир-

ния великорусской колонизации путем переселения владельческих крестьян на новые места, как ту же роль частью на юге, частью на наиболее далеких окраинах—за пределами Европейской России сыграло дворцовое-династическое землевладение. И во всем строе государственного управления старой «дореформенной» Империи ярко отражается преобладающее значение дворянского землевладения, крупного и среднего, господство помещичьего класса во всех сторонах государственного и общественного быта. Предоставляя землевладельцам-помещикам полную власть над их «крепостными» крестьянами, правительство удешевляло и упрощало задачи своего управления—и полицейского, и финансового, а видело в них, по крылатому слову одного из поклонников высшей власти, «своих даровых полицмейстеров». С деспотизмом этой власти дворянское общество, в конце концов, легко мирилось, несмотря на слабые вспышки дворянской оппозиции и на дворцовые перевороты, которыми оно, от времени до времени, низлагало докучных правителей и расправлялось с наиболее ненавистными, чтобы передать власть в руки более нежного для дворянских интересов государя. И более ярки представители самодержавной и помещичьей России времен Николая I решительно настаивали на неразрывной связи крепостничества и самодержавия: «власть помещичья необходима для поддержания власти самодержавной», говорили они: «у того и другого одно историческое начало и законность их одинакова».

Веками строилась русская государственность на землевладельческой основе. Эта особенность русского исторического процесса определялась направлением народно-хозяйственной жизни и тем положением, какое заняла Россия в мировом хозяйстве, в международном торговом обмене. Преобладающее значение в русском экономическом быту земледелия и сельско-хозяйственных промыслов, вообще промышленности добывающей, сделало Россию поставщицей сырья на международный рынок, а ее землевладельческие силы—господами и над торговым капиталом, и над зарождавшейся постепенно более крупной промышленностью. Сказалось это в старой Руси тем, например, что торговлю Великого Новгорода держало в руках новгородское землевладельческое боярство, у которого местное купечество находилось на положении торговых агентов; сказалось и в обширной торговой деятельности московских государей, крупнейших землевладельцев. В 18-м и 19-м столетиях широко развивается участие дворянства и непосредственно и через оброчных помещичьих крестьян в торговле хлебом, в устройстве заводов, а затем и фабрик. Экономическая сила землевладельческого класса встречает на этом поприще правительственное покровительство, часто в ущерб интересам купечества. Значение этой дворянской торговли обусловило то явление, что в рядах русского купечества весьма значительное место заняли в 19 веке потомки не старинных торговых людей, а крепостного крестьянства, помещичьих крепостных, отпущенных на оброк из деревни в город для торговли и промышленной деятельности. Торговля дворян-помещиков и оброчных крестьян существенно подрывала развитие на Руси сколько-нибудь сильной торгово-промышленной буржуазии, как особого и самостоятельного класса. Являясь приспособлением дворянского крепостнического хозяйства к развитию на Руси хозяйства денежного, она постепенно перерабатывала помещика-барина в предпринимателя, который эксплуатировал предоставленный ему крестьянский труд для производства на рынок. В таких условиях медленно, но неуклонно созревал экономический быт России для перехода от крепостнической организации народного хозяйства к иной, основанной на «буржуазных» началах свободы труда и свободной частной собственности. Этого требовали нужды разросшегося международного и внутреннего торгового оборота, окрепшей крупной промышленности и новой общественности. Россия все глубже входила в фазу капиталистического развития.

Освобождение крестьян в 1861 году и связанные с ним остальные реформы шестидесятых годов открыли последний предреволюционный период русской исторической жизни. Это был типичный, своего рода «переходный», период в силу «незаконченности» реформ, проведение которых в жизнь оказалось сразу пропитанным реакционными тенденциями, которые искажали основные «начала» преобразования и тормозили переход России всецело к новым формам общественных отношений и государственного строя. Пережитки «дореформенных» отношений не рухнули сразу под напором новых потребностей страны, а сравнительно медленно разлагались в постепенном вырождении с прорывами реакционных возвратов к изжитому прошлому.

Политическим результатом «освободительных реформ» оказался расцвет бюрократизма, освобожденного от сюзеренства сословно-дворянского владычества в стране, а крестьянство не стало свободным и полноправным элементом гражданской жизни. Жизнь сельского населения скована тесными рамками «податного сословия», круговой поруки и тяжелых платежей, рекрутчины и бесправия перед властями. Удержалось, в значительной мере, и преобладающее значение помещичьего землевладения в сельско-хозяйственном производстве на внутренний и на внешний рынок. Быстрый рост хлебного вывоза, начавшийся еще накануне «освобождения» в Николаевские времена, развивался, в конечном итоге, не только за счет подъема производства, но и за счет необходимого народной массе потребления. Развитие производительных сил страны

оказалось недостаточно напряженным для глубокой перестройки государственного и общественного быта на тех новых «буржуазных» началах—политической свободы и гражданского равенства, какие имели в виду, волей-неволей, деятели реформ шестидесятых годов. В таких условиях творческие силы и власти, и общества были надолго парализованы затяжной и напряженной внутренней борьбой—героичной борьбой интеллигентских революционных групп и полицейских сил правительства. Однако, жизнь делала свое глубокое дело. Втягиваемая все глубже в международный экономический оборот, Россия переживает в последние десятилетия 19-го века ускоренным темпом капиталистическое развитие своего народного хозяйства. Существенной особенностью этого развития была огромная роль в его питании иностранного капитала, настойчиво проникавшего на русскую почву не только путем финансирования многих крупных предприятий или прямой их организации, но и путем все возраставших иностранных правительственных займов. Это дало на время сильную поддержку старой самодержавной власти. Приемами деятельной политики своего министерства финансов сосредоточена в руках правительства значительная экономическая власть; покровительством крупной промышленности создавалась видимость высоких экономических конъюнктур при несомненно грозном положении благосостояния масс; все шире развертывалась захватная, империалистическая политика при отсутствии для нее крепкой внутренней базы в достаточном развитии производительных сил страны. Внешняя политика вырождалась в опасный и бесплодный авантюризм; внутренняя—в систему реакционных попыток восстановить и укрепить землевладельческую основу старого самодержавного строя особым покровительством поместному дворянству и закреплением сословной обособленности и правового приниженья крестьянства, а также найти этому строю новую опору в связи его с интересами крупного торгового и промышленного капитала. Однако, и в таких условиях ускоренное развитие капиталистического хозяйства в стране подтачивало, а не укрепляло устарелый государственный строй, и «переходное» время от старой дореформенной России к новому порядку всех отношений завершилось запоздалой и слабосильной попыткой 1906—1916 годов перейти к буржуазно-конституционному строю. С точки зрения «судеб крестьянства» характернейший момент этой попытки—Столыпинская программа «ставки на сильных», которых он усмотрел в зажиточных крестьянах, ища в них новую социальную базу для пошатнувшегося самодержавия. Дело, конечно, в том, что развитие капитализма, все глубже проникая в жизнь страны, разлагало дворянство, как класс, особый от буржуазии, а в то же время разлагало и крестьянство, которое в своем принудительном сословном обособлении представлялось ранее (например—народниками) таким цельным определенным классом со своими особыми «общинными» идеалами. К концу 19-го века крестьянство оказывается сильно дифференцированным по степени экономического обеспечения и переродившимся в мелкую буржуазию в то время, как из него же выделялся в пореформенный период все более значительный городской и сельский пролетариат.

Всю эту элементарную общую схему казалось не лишним напомнить, чтобы иметь ее в виду при характеристике положения в нашей исторической литературе основных вопросов по истории крестьянства. Такими основными вопросами, наиболее занимавшими внимание исследователей, были: происхождение, характер и развитие крепостного права, происхождение и значение крестьянской общины и самое понятие о «крестьянстве», как особом общественном классе.

II.

Вопрос о «прикреплении крестьян», один из важнейших вопросов русской истории, можно и теперь считать «открытым». Один из усерднейших его исследователей, недавно скончавшийся М. А. Дьяконов, писал в 1893 г., что это вопрос, который все еще разделяет мнения исследователей, как разделял их и в ту пору, когда М. П. Погодин впервые выступил против общепринятого в те времена взгляда, что закрепощение крестьян произошло по указу, изданному Борисом Годуновым от имени царя Федора Ивановича в 1592 году. Погодин писал свою статью о том, «должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права» в 1858 году, и с тех пор пошли разногласия по вопросу о происхождении крепостного права, до сих пор далеко не исчерпанные. Ответ на этот вопрос, согласный по существу с тем, какой давался на него старыми историками—от Татищева до Карамзина, т.-е. что «прикрепление крестьян было создано правительственным указом, отменившим знаменитый «Юрьев день», отстаивал, например, до конца дней своих В. И. Сергеевич (см. его «Древности русского права», т. I, изд. 3-е, стр. 278—280; 1909 г.); он только несколько иначе определял время этого указа, полагая, что «общее прикрепление крестьян надо относить к первому или второму году царствования Федора Ивановича (1584—1585)». Мнение Погодина, что такого указа вовсе не

было, что крестьянское закрепощение не создано каким-либо законодательным актом, а образовалось само собой, вытекая из обстоятельств народной жизни», развивали дальше и углубляли другие исследователи, особенно В. О. Ключевский и М. А. Дьяконов. При этом к разногласию относительно происхождения крепостного права, узаконили-ли законодательным путем это явление, или бытовым и обычноправовым, присоединилось другое, о самом существе этого права. Для старых историков, как и для Сергеевича, сущность прикрепления в том, что «крестьяне прикреплены к земле». Дерптский профессор русского права Энгельман, чей труд («Die Leibeigenschaft in Russland», 1884 г.) вызвал первую работу В. О. Ключевского («Происхождение крепостного права в России», в журнале «Русская Мысль», 1885 г., № 8, а затем в сборнике его статей: «Опыты и Исследования»), представил дело так, что в конце 16-го века возникла поземельная зависимость, соединенная с прикреплением крестьян к земле, а рядом с этой крестьянской зависимостью существовало с древнейших времен «крепостное право» господ над холопами; первая была, по Энгельману, учреждением государственного права, а вторая—права частного, гражданского. Постепенное привлечение холопов к государственным повинностям, которые легли и на крепких земле тяглых крестьянах, привело к смешению крестьян и холопов в один разряд населения, завершенному в податной реформе Петра Великого, когда и те, и другие одинаково зачислены в состав «ревизских душ»—плательщиков подушной подати; а это об'единение крестьян и холопов в общих обязанностях по отношению к государству уничтожило и различие их положения относительно владельцев, которые распространили и на крестьян сверх прежней их «поземельной зависимости» и холопскую, личную—крепостную зависимость, чем и создано настоящее крепостное право (Leibeigenschaft).

Пересматривая этот вопрос в упомянутой работе и в другом исследовании («Подушная подать и отмена холопства в России», 1886 г., там же), Ключевский пришел к выводу, что под крепостным правом следует разуметь именно личную, а не поземельную зависимость, что «крепостной... был крепок только землевладельцу и прикреплялся к земле лишь насколько этого требовали интересы землевладельца и надарине в конечном счете на крестьян требования государственной власти. Действительно, крепостными назывались люди, принадлежавшие владельцам «крепкой собственности» по каким-либо крепостям, т. е. документам, удостоверяющим законность привязаний этих владельцев, а выражалась их власть над крепостными в почти неограниченном распоряжении их личностью: продаже, переселении с места на место, переводе с земли на дворовую службу, наказании за провинности и т. п. Эта рабовладельческая сущность крепостного права роднит его с древним холопством, которое Ключевский и признает первичной формой крепостного состояния на Руси. Стало-быть, вопрос о происхождении крепостного права на крестьян может быть разрешен, если выяснить не то, как государство создало его посредством поземельного прикрепления крестьян, а то, как оно допустило распространение на крестьян прежде существовавшего крепостного холопского права. Поэтому поземельное устройство крестьян и их поземельные отношения к помещикам и вотчинникам, а также положение крестьян в государстве по податной, рекрутской и другим повинностям, по их подсудности и административному управлению ими, представлялись Ключевскому явлениями особого порядка, которые хотя и развивались в тесном взаимодействии с развитием собственно крепостного права, и сильно осложняли «крепостное состояние» крестьян, но прямого отношения к крепостному праву не имеют. Исследования Ключевского и направились всецело на выяснение истории не «земельного прикрепления», а «развития и изменения личной крепости» крестьян, причем источником этого развития «личной крепости» он признал рост задолженности крестьян у землевладельцев по получаемой ими помоге и ссуде и в применении к положению крестьян, по их отношению к кредиторам-землевладельцам, кабального холопства, которое своим основанием имело отработку обязательств по задолженности.

Однако, всем этим еще не исчерпывалась вся сложность вопроса о «прикреплении» крестьянства, так как перед исследователями стояло в изучаемых ими судьбах крестьянства наряду с «прикреплением к земле» и «личной крепостью землевладельцу» еще государственное «прикрепление к тяглу». И правительственная власть, и волостные крестьянские общины с ранних пор образования Московского государства борются против свободы отдельных крестьян уходить из волости, покинув «в пусте» тяглый податной участок; такой вольный выход ослаблял рабочую и платежную силу и углублял тяготу платежей волости, которая собирала и вносила их в государеву казну общей суммой за круговой порукой всех волощан. Еще в 14-м и 15-м столетиях князья обязывались в договорах между собой не принимать к себе тяглых людей, плательщиков дани, и запрещали, оберегая интересы своей казны, частным землевладельцам переезжать на вотчинные земли тяглых волостных людей. В 16-м веке волостным общинам предоставлено право «старых своих тяглецов крестьян», которые ушли на частновладельческие земли, выводить назад и сажать по старым местам. Так и в 17-м в. предписано

уложением царя Алексея «беглых крестьян и бобылей сыскивая, свозить в государевы дворцовые села и черные волости на старые их жеребьи», а «крепостью» служили при этом писцовые книги, где беглецы эти были записаны на старых своих «жеребьях». В эпоху Петра Великого, когда слияние владельческих крестьян с холопами окончательно оформило помещичье крепостное право, верховная власть установила взгляд на остальную массу крестьянства, как на крестьян государственных, обложила их сверх общей подати еще особым оброком, подобным тому, какой помещичьи крестьяне платили своим господам, а в 19-м веке передала их в заведывание министерства «государственных имуществ». И если правительство не торговало крепостными людьми в розницу, то жаловало населенные земли в поместье и в вотчину, разрушая крестьянские волости, а в императорские времена носители верховной власти щедро раздаривали государственных крестьян в частную собственность своим слугам за придворные услуги, за военные и гражданские заслуги; а в распоряжении землепользованием государственных крестьян власть правительственная действовала вполне по-помещичьи, ломая своей надельной политикой крестьянские обычные порядки.

При всем различии положения владельческих и волостных государевых крестьян в Московском государстве общим у них было то, что и те, и другие—тяглые люди, причем ответственность за их податную исправность лежала в одном случае на землевладельце, в другом—на волостной общине. Обстоятельство это, несомненно, осложняет представление о закрепощении владельческих крестьян вопросом, как на него влияла их тяглая повинность: для них «прикрепление к тяглу» перекрещивалось с крепостью землевладельцу, и все отличие крепостных крестьян от холопов в эпоху полного их закрепощения покоилось на том, что они—тяглые люди, плательщики податей, так что самое смешение крестьян и холопов в начале 18-го века было формальной отменой холопства, хотя на деле привело к полному порабощению крестьян.

На почве таких наблюдений слагалось представление о государственной основе крестьянского закрепощения, которой подготовлено и обусловлено закрепощение крестьян землевладельческих имений—помещикам и вотчинникам. Так еще в пятидесятых годах Б. Н. Чичерин (в статье: «Холопы и крестьяне в России до 16-го века») об'яснял, полагая, что первоначально «свободный переход крестьян повсеместное явление в древней России», что первые ограничения перехода «возникли из поземельного значения князей», что власть правительственная стала в 14-м и 15-м столетиях проводить в жизнь отдельными распоряжениями стеснение крестьянского перехода для того, чтобы обеспечить исправное отбывание платежей и повинностей; а по мере усиления этой власти такие «частные и произвольные ограничения перехода» примыкают к целой системе «государственных требований, которые впоследствии поведут к всеобщему укреплению сословий». Во времена Ивана Грозного все тяглые люди «считались, по мнению Чичерина, уже крепостными», причем под «крепостными» он разумеет потерявших право перехода с одного места жительства на другое, прикрепленных по повинностям и жительству к земле. Общий указ о прикреплении владельческих крестьян (Чичерин полагал, что такой указ был издан правителем Годуновым в 1592 или 93 году) был только распространением на них той мысли, что «каждый подданный должен нести на своем месте наложенное на него государственное тягло», которое применялось и к служилым, и к тяглым людям; владельческие крестьяне подлежали ей, так как зависимость от землевладельца не освобождала их от государственного тягла. Стало-быть, установление «крепостного права» землевладельцев на крестьян их имений имело с этой точки зрения тот смысл, что правительственная власть, блюдя интересы своей казны, противодействовала их превращению в частновладельческих холопов, которые государственными податями не облагались, а, с другой стороны, обеспечивало их трудом содержание своих служилых людей (помещиков и вотчинников), а прикрепляя крестьян к земле, достигало цели иметь на учете всю трудовую силу, эксплоатируемую для финансовых надобностей и вообще экономического обеспечения государственной и служило-сословной организации. Эти основные суждения Чичерина получили дальнейшее развитие в исторической литературе, напр., у М. Ф. Владимирского-Буданова («Обзор истории русского права»), который подчеркивает (против Ключевского), что «холопство есть личная зависимость, крестьянство—поземельная», что правительство, проводя рядом мероприятий общее прикрепление крестьян в пользу частных землевладельцев, обращает его «в общую меру в пользу государственной службы», и что только в императорский период крепостное состояние «становится частною зависимостью (а не государственным учреждением) и поглощает в себе прежнее холопство», так что «единственное отличие его от холопства заключается в признании за крестьянами значения тяглых людей.» Близко к этому и мнение С. Ф. Платонова о происхождении «крепости» владельческих крестьян: «возникшая в практике правительственно-податной, она легко была усвоена и частновладельческою практикой» («Очерки по истории смуты»).

Столь значительные различия, не только в ответах на вопрос о «происхождении крепостного права в России», но и в самом подходе к нему, зависит, очевидно, от того, что отдельные исследователи по разному понимают самую задачу, то суживая ее до вопроса о закрепощении собственно помещичьих крестьян, то расширяя до размеров вопроса о «закрепощении» всей массы сельского населения и даже шире—вообще «тяглых» людей в связи с тем, что называют «общим закрепощением сословий» по службе и повинностям. Эта двойственность сказалась особенно характерно на трудах М. А. Дьяконова. В его работах по истории сельского населения процесс закрепощения трудовой массы, по существу единый и составляющий социально-экономическую базу всего построения русской государственности на землевладельческой основе, неизбежно двоится. Утрата свободы передвижения и переселения «крестьянами-старожильцами», основным контингентом сельского населения в отличие от «новоприходцев»—подвижного элемента этого населения, находит свое об'яснение с двух разных точек зрения. Либо закрепощающая их «старина жительства» возникает «в связи с потерей свободы выхода под влиянием потребностей государственного хозяйства и финансовых интересов», либо создает ее «долговая зависимость земцików земли от землевладельцев». Поэтому «старожильство», как основание прикрепления, имеет совсем разные основания по отношению к тяглым волостным крестьянам и ко крестьянам владельческим. Для первых—таким основанием было «прикрепление к тяглу», которое закрепляло их «к тяглым участкам или к тяглой общине»; а для вторых «основанием была невозможность использовать право перехода по несостоятельности и задолженности». Задолженностью крестьян-старожильцев землевладельцам, об'ясняет Дьяконов (вслед за Ключевским) возникновение «личной зависимости» крестьян от помещиков и вотчинников. «Прикрепление к тяглу» и «крепость по старине» у Дьяконова два разных явления, мало связанные между собой, несмотря на то, что и владельческие крестьяне были тяглыми, и члены тяглых волостных общин были старожильцами, так что оба основания «закрепощения» касались, очевидно, и тех, и других. Но соотношение этих понятий безнадежно спутано представлением, что источник «старожильства» владельческих крестьян в их задолженности землевладельцу. Такое значение крестьянской задолженности отрицали В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов, а кроме того, нельзя не упомянуть о содержательной критике всей Дьяконовской теории старожильства в двух очерках П. Е. Михайлова. «Происхождение земельного старожильства» (в «Журнале М-ства Народ. Просв.», 1910, кн. 6) и «Обычный институт старожильства и крепостное право» (там-же, 1912, кн. 1). Старожильцы—это старожилы крестьянских обществ, одинаково на землях частновладельческих и волостных, а задолженность захватывала и утягивала, преимущественно, новоприходцев, вводя их крепкой петлей в основной состав крестьянства—в среду «застарелых», обжившихся и обычно более «домовитых». Не только в «происхождении» крепостного права, но и в дальнейшем его развитии, вплоть до смешения крестьян с холопами и полного их закрепощения, едва ли есть основание приписывать этой задолженности столь крупное, решающее значение.

Для отдельных элементов в крестьянской среде эта задолженность, несомненно, имела значение условия, закабалявшего их землевладельцам, как для закупов древней Руси, крестьян-серебренников 14-го, 15-го в. в., так и особенно широко в эпоху экономического кризиса 16-го века. Но исторические корни личной зависимости владельческих крестьян, которая постепенно сближала их с холопами, а в 18-м веке обратила в «шляхетских подданных», шире и глубже. Исследователи, сосредоточившие внимание на экономической зависимости, закабалявшей крестьянство в форме ссуды и помоги, пришли, как Дьяконов, к заключению, что другие стороны крепостного права, как подчинение крестьян вотчинному суду и управлению землевладельца и его «финансовым правам» над ними в связи с его ответственностью за податную их исправность,—вошли готовым элементом в состав крепостного права по уничтожении крестьянского перехода. Но землевладельческая власть над крестьянами старше уничтожения «Юрьева дня». Эта вотчинная власть—исконная черта средневекового крупного землевладения и органическая основа средневековой государственности, землевладельческой по всему своему укладу (этот вопрос правильно поставлен в работе П. И. Беляева: «Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение», в «Журнале М-ства Юстиции», 1916 г., октябрь и ноябрь).

Так подлинно можно еще и до сих пор считать вопрос о прикреплении крестьян открытым в нашей историографии. А в основе всех разногласий, по прежнему, спор о том, было ли крепостное право создано правительственным указом, отменившим Юрьев день, или как утверждал Погодин, «образовалось само собой», т.-е., по словам Дьяконова, «без всякой законодательной отмены постепенно отмирал крестьянский выход», подавляемый трудными экономическими условиями сельского быта.

И дело тут далеко не в одних только теоретических разногласиях и методологических приемах. Важнее количественная скудость материала, на котором строится все изучение истории крестьянства и все выводы. Недаром Дьяконов и в 1893 году отмечал, что все разноречивые

мнения строятся «на одном и том же старом материале», и в 1909 г. повторял, что «сказать, что в руках исследователей имеется уже достаточный материал для окончательного сведения итогов, едва ли возможно».

Эта недостаточность материала сказывается на изучении всех основных вопросов истории крестьянства.

Начать с обычного в нашей историографии представления, что все земледельческое население 14 и 15-го веков пользуется свободой перехода и «сначала без всяких ограничений (Дьяконов). Едва-ли не один Владимирский-Буданов сохранил в своем изложении связь дальнейшей истории крестьянства с памятью о том, что еще в 12-14 вв., «значительная масса населения попала в состояние прикрепленных путем личной экономической зависимости («ролейные закупы», «старые озорники», «смерды»), и что другая часть сельского населения образовалась уже тогда из поселенных несвободных людей». А, между тем, и в грамотах великорусских 14-го и начала 15-го века встречаем, под именем «сирот», крестьян, которые противополагаются «вольным людям», и правом перехода не пользуются. Грамот от этой ранней поры известно крайне мало, но так как большая их часть сохранилась в позднейших списках, то не безнадежно думать о пополнении их состава новыми находками, особенно в монастырских архивных фондах.

Другой пример: лишь недавние публикации («Архивный материал» Самоквасова 1905—1909 г., «Акты писцового дела» и «Арзамасские акты» 1915 г. Весловского) дали возможность ближе присмотреться к ряду особенностей поместного хозяйства; на основании этого нового материала Дьяконов (в статье: «Поместье и крестьянская крепость») значительно углубил представление о развитии личного закрепощения наблюдениями над помещичьим хозяйством 16-го века, где обычными оказываются разделы между владельцами не только крестьянских дворов, но и крестьян отдельно от дворов, перевод крестьян с земли во двор помещика, их переселение и вывоз на новые места, сделки на крестьян без земли, словом значительный рост помещичьей власти над личностью крестьянина вне связи ее с поземельными отношениями (и независимо от какой либо задолженности).

Далее, те же новые материалы дали повод заново поставить вопрос о роли правительственной власти в деле крестьянского прикрепления. Правда, и ранее были известны два (всего два!) документа конца 16-го века, где упоминалось о запрете тяглым людям уходить и землевладельцам вывозить крестьян «в заповедные лета»; издание Самоквасова добавило еще пять таких документов, а затем Дьяконову удалось разыскать еще несколько актов, упоминавших о летах «заповедных» и «выходных». Толкование этих терминов осветило по-новому старый спорный вопрос. Приходится вспомнить с почтением о прозорливости старика Погодина, которую он проявил более полувека тому назад в таком, несколько неуклюжем рассуждении: «общего закона как запретительного, так и позволительного о переходе крестьян при Борисе, кольми паче при Федоре, еще не было, а бывали ограничения в частности, по времени и месту, по обстоятельствам, разные позволения и разные запрещения». Общего указа об отмене Юрьева дня не было, но в конце 16-го и начале 17-го вв. ряд правительственных распоряжений приостанавливает крестьянский переход то для отдельных землевладельцев по особым пожалованиям, то в целых областях государства, притом, то на определенный указный срок, а то вообще «до государева указу», т.-е. до нового особого распоряжения, которое заменит «заповедные годы» «выходными», и в 17-м веке, как видно из некоторых актов, крестьянский выход, исчезнувший из жизни, хранится, как мечта, в крестьянских толках, полных укора, что-де «при прежних государях бывали выходы, а при нынешнем государе выходов нет». С. Ф. Платонов в недавней книге своей «Борис Годунов» дал ценный итог нынешнему положению вопроса о происхождении крестьянского закрепления, причем связал начало политики «заповедных лет» с особым «уложением» Ивана Грозного о выходе и вывозе крестьян.

Так даже сравнительно небольшие по количеству извлечения из обширного архивного материала дают крайне ценную пищу научной работе историка. Но твердое основание и надлежащую широту эта работа может получить только при значительном усилении разработки существенных архивных залежей. В частности для истории крестьянства очередной задачей должно бы стать насущное дело систематического разбора и описания, а затем и издания богатого материала актов Поместного приказа и вообще Вотчинного архива, входящего в состав Московского архива юстиции. Тут хранится еще непочатая масса материала для истории землевладения, крепостного хозяйства и судеб крепостного хозяйства в 17-м (и более ранних) и 18-м веках. Для 19-го века мы не имеем такого основного фонда, так как губернская реформа Екатерины II разрушила прежнюю централизацию вотчинного дела, и для следующей эпохи архивные материалы расходятся по разным ведомственным архивам.

А, между тем, только значительно обширного соответственного материала дало бы возможность поставить изучение крестного хозяйства, задачи, в которой интересным пионером выступил П. Б. Струве в книге «Крестное хозяйство» (1913 г.); едва ли, с другой стороны, надо доказывать на мысли, что только изучение крестного хозяйства даст надлежащую опору исследованию и крестного быта, и крестного права. Разработку как государственных, так и частных (ведомственных) архивов с этих точек зрения надо признать очередной задачей того отдела историографии и трудового населения, который относится к историческим судьбам русского крестьянства в эпоху его освобождения от крестной зависимости.

III.

В эпоху «освобождения» перед сознательными элементами русской общественности, принимавшими более или менее активное участие в работе над реформами, стал на очередь во всем его объеме вопрос о крестьянстве, как общественном классе. По широко распространенному суждению, Россия вступала в период перестройки всего своего социально-политического строя на новых началах и, прежде всего, на обновленной освобождением крестьян социальной базе—всенародной, бессословной, демократической. «Народ пробуждается, народ призывается к действию», такова была не особенно определенная суть больших ожиданий. Но как воплотятся эти ожидания в живой действительности, было не ясно. Одни полагали, что формой их воплощения будет буржуазный строй, основанный на свободе труда и личной собственности, с правовой стороны—на формальном равенстве перед законом, со стороны политической—на конституционализме. Другие не мирились с мыслью о конституционно-организованном господстве обеспеченных материально классов (землевладельцев-помещиков и торгово-промышленной буржуазии) над трудовой массой населения, а главное не верили в силу и зрелость буржуазных (землевладельческих и капиталистических) элементов русской общественности для такого «западнического» направления и развития русской жизни.

Известное дело, как характерны для нашей интеллигенции пятидесятых и, особенно, шестидесятых годов, сознание своего бессилия для подлинного обновления русской жизни и мечты о том, что надлежащую мощную опору для творческой борьбы за это обновление дадут народные массы, пробужденные к деятельной активности. Самые «начала» грядущего нового строя всех социальных и политических отношений предстояло, с этой точки зрения, угадать и осмыслить для содействия их торжеству—путем изучения народного быта и народного мировоззрения. А под «народом», от которого так много ожидали и в который так крепко верили, разумели крестьянство. Точка зрения Карла Маркса, определенно установленная еще в сороковых годах, что только городской рабочий пролетариат представляет собою революционную силу, призванную заменить выродившийся феодально-землевладельческий и сменивший его буржуазно-капиталистический строй новым и в корень иным (социалистическим), не могла быть усвоена даже наиболее широкой и смелой русской публицистической мыслью по сравнительной слабости развития в России капитализма, а, стало-быть, и пролетариата.

Формула Герцена: «человек будущего в России—мужик, точно так же, как во Франции—рабочий» и выражала это состояние русской общественной мысли. На «народ», на «величие простой народной массы, которого никогда не можем достичь мы, со всей нашей отвлеченной образованностью и прививной гуманностью», оглядывались с надеждой революционно настроенные горожане-разночинцы, на него же не без страха озиралась дворянская интеллигенция, видя на Руси только две реальные силы—государственную власть и народную массу, силы, при сближении которых «все, что в промежутке, будет раздавлено и смято».

Спрашивали себя и те, и другие, чего ждать от этого «третьего лица» исторической драмы, переживаемой правительством и обществом, лица, которое еще не проявило себя, а в молчаливом ожидании «не раскрывает своих тайн»? Народ—крестьянство представлялся определенным цельным классом со своими глубокими навыками общественного быта, со своими особыми идеалами, которым суждено лечь в основу нового строя социальных и политических отношений. А среди представлений о тех особенностях народного быта, которым предстояло столь широкое развитие и столь огромное значение, первое место занимала крестьянская община с ее мирскими порядками, с ее отрицанием личной земельной собственности, с ее уравнительным землепользованием. Славянофилы идеализировали эту общину, как носительницу «внутренней правды», справедливых общественных отношений и общинной свободы, а русский утопический социализм видел в ней залог того, что «социализм, революционная идея может у нас сделаться народною» и воплотиться в жизни, почти не переживая борьбы с развитым буржуазным строем. Однако, преобладали среди деятелей крестьянской реформы иные суждения:

полагали, что с завершением «освобождения» и наделения землей, по осуществлении выкупной операции, крестьянство станет классом мелких земельных собственников, исчезнет сословная обособленность крестьянства с распространением на него общих узаконений, исчезнут постепенно и общинные порядки землепользования, поддерживаемые круговой порукой в уплате казенных податей. Споры и разногласия о значении и судьбах крестьянской общины получили в таких условиях большое практическое и принципиальное значение.

Научная историческая литература откликнулась на интерес к крестьянской общине рядом исследований об ее происхождении и об основах ее строя. И подобно тому, как говорилось недавно о происхождении крепостного права, можно и про вопрос о происхождении русской земельной общины сказать, что он «продолжает и теперь оставаться столь же спорным, как и 50 лет тому назад, во времена Чичерина и Беляева»: к такому заключению пришел в 1913 г. последний, кто сделал обзор этого вопроса в нашей литературе (см. «историко-критический очерк» Н. Архангельского: «К вопросу о происхождении русской общины» в «Сборнике статей», посвященных Д. А. Корсакову. Казань, 1913 года: ср. Владимирского-Буданова, «Происхождение древне-русского общинного землевладения» в его «Обзоре истории русского права»).

А, между тем, разноречивые выводы о происхождении земельной общины имели, в борьбе различных идеологий той эпохи, не только научное значение: ими как бы обосновывались и, отчасти, предопределялись различные воззрения и предвидения относительно заложенных в быту и навыках народной массы возможностей грядущего развития—буржуазного или социалистического. Основные противоположные точки зрения были высказаны, как известно, с одной стороны, «западником» Б. Н. Чичериным, с другой—«славянофилом» И. Д. Беляевым. Чичерин (в двух статьях 1856 и 57 года: «Обзор исторического развития сельской общины в России» и «Еще о сельской общине»—см. в его «Опытах по истории русского права», М. 1858) ребром поставил вопрос о земельной общине с уравнительными переделами, как о результате правительственного воздействия на народную жизнь; «настоящее устройство сельских общин—писал он—вытекло из сословных обязанностей, наложенных на земледельцев с конца 16-го века, и преимущественно из укрепления их к местам жительства и из разложения податей на души». Уравнительность землепользования—следствие подушной раскладки податей; «обычай делить землю по душам не мог укорениться раньше подушной подати», т.-е. раньше 18-го века. Так называемое «юридическое обезземеление крестьян», т.-е. отрицание крестьянских прав собственности на землю, которая вся либо помещичья, либо государственная, стало, с этой точки зрения, рассматриваться, как необходимая предпосылка для всякого «уравнения» и всех распорядков общинного землепользования. Но связывать все эти явления с последствиями установления при Петре Великом подушной подати оказалось невозможным. Чичерин и сам признал земельную общину 18-го века лишь последним моментом в долгом историческом развитии общинных отношений. Против Беляева, который отстаивал мнение, что крестьянская земельная община—наследие глубокой древности, а не новое явление, созданное закрепощением крестьян землевладельцам и государству, Чичерин возражал только упреком, что Беляев «не видит исторического хода в развитии нашей сельской общины», и попыткой наметить это историческое развитие от древней, по его представлению, «патриархальной»—общины к общине «владельческой», и далее—«государственной». В такой, более широкой, постановке вопроса спутывалось, однако, само понятие о предмете обсуждения; расширяясь, это понятие становилось слишком многогранным, захватывая ряд явлений из области не только поземельных отношений, но также административного строя и финансового управления Московского государства и даже более ранних эпох. Крестьянская община позднейшего времени представилась результатом вековой эволюции социальных форм, друг друга сменявших, от «родового быта» времен доисторических через территориальные общины исторического времени (волости) к сельским обществам с их общинным землевладением и землепользованием 18-го и 19-го столетий.

Для многих историков-социологов история сельской общины оказалась связанной с наследием «первобытного коммунизма» времен так называемого «родового быта», который представлялся особой стадией развития, проходимой всеми народами. Однако, представление это, усвоенное историками и социологами в 30-х и 40-х годах 19-го века из тогдашней этнографической литературы, остается в наше время не согласованным с выводами современной этнологии, которая выяснила большую сложность этого вопроса и сильно ограничивает мнение о распространенности и единообразии так называемых «родовых организаций» у разных племен (см. хороший обзор вопроса в статье А. Н. Максимова, «Теория родового быта»; «Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина, М. 1913 г.). Понятно, что попытки выяснить, как развились территориальные общины из родовых союзов, не могли дать прочного вывода; самая задача установить такое развитие, тем более не в какой-либо общей социологической конструкции

а на определенной исторической почве—в условиях колонизации Восточной Европы русскими славянами, должна быть признана мнимою.

Вопрос о русской общине есть вопрос об исторической связи крестьянской общины, какую мы наблюдаем в быту помещичьих и государственных крестьян 18-го и 19-го в.в. с волостными общинами 14—17 в.в. Изучение этих волостных общин (особенно в трудах А. Я. Ефименко, «Исследование народной жизни», М. 1884; П. И. Иванова, «Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян». М. 1901; М. М. Богословского, «Земское самоуправление на русском севере в XVII в.», 2 тома. М. 1909—1912 г.; Н. П. Павлова-Сильванского, «Феодализм в удельной Руси», Спб. 1910, ч. I: «Община и боярщина»; М. А. Островской, «Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVII веках». Спб. 1913) выяснило их значение, как территориальных союзов и самоуправляющихся организаций, сложившихся в эпоху колонизационного расселения, а затем, как административных и финансовых единиц в составе Московского государства; выяснило это изучение также большую сложность их внутреннего быта, в частности—экономического в области поземельных отношений и промысловых предприятий. Но черт общинного землевладения и землепользования, подобных тем, какие характеризуют позднейшую сельскую общину, в этих волостных общинах не оказалось. Однако, развитие волостного быта под давлением все нараставших финансовых требований государства, которое вело дело к закрепощению волостных старожильцев, постепенно усиливало ограничение прав отдельных хозяйств, а затем и всей волости распоряжаться земельными участками и угодьями, и усиливало воздействие административной власти на поземельные отношения волостного населения, применительно к нуждам и выгодам финансовой системы раскладки и сборов. Этим подготовлено то уничтожение крестьянской собственности на земельные участки, которое оформлено знаменитыми «межевыми инструкциями» 18-го века и проводилось в жизнь с большой последовательностью во второй половине этого века и в начале 19-го. Политика эта находила опору в требованиях малоземельного меньшинства в среде севернорусского крестьянства, сильно дифференцированного по степени благосостояния с конца 16-го в. по мере усиленного развития архангельской торговли и промышленных предприятий в поморских областях. Так общинно-переделъные порядки, так уравнительное землепользование возникают не только на землях государственных крестьян, но и во владельческих имениях, где «тяглая разверстка» и неравнение обусловлены тем же стремлением использовать всю наличную трудовую силу земледельцев как для обеспечения податной исправности населения, так и для нужд барского хозяйства. «Юридическое обезземеление» крестьянства является, действительно, существенной предпосылкой для возникновения и развития уравнительного землепользования.

О происхождении этого «юридического обезземеления» особую теорию построил В. И. Сергеевич («Древности Русского Права», т. II): он усмотрел его исторический источник в конфискации частновладельческих земель московскими государями, особенно в известных обширных новгородских конфискациях Ивана III, а затем в многочисленных конфискациях вотчин удельных князей и опальных бояр. На этих землях, ставших «землями царя и великого князя», как и вообще на землях, принадлежащих великим князьям, возникло землевладение крестьянских общин, о котором крестьяне выражались так: «земля царя и великого князя, а нашего владения»; общий оброк, налагаемый на целые крестьянские общества, имел следствием ряд мероприятий по их землеустройству, которыми подготовлено возникновение общинного землепользования с равными наделами тяглецов после введения подушной подати и под ее воздействием. В изложении Сергеевича не ясно и не убедительно оставалось представление, что «все землевладение крестьянских общин возникло на землях, составляющих собственность московских государей»; непонятным оставалось, как это совершился переход от порядков и отношений, возникших на определенных категориях земель, к распространению этих порядков и отношений на «все землевладение крестьянских общин». Впрочем, немногим лучше обстоято дело, когда другие исследователи просто относили встречающиеся в актах по отчуждению земельных участков выражения: «земля царева и великого князя, а моего владения» просто ко всей тяглой крестьянской волостной земле: происхождение представления, что вся земля—великокняжеская, оставалось невыясненным. Большую заслугу по выяснению всех этих недоумений надо признать за А. П. Андреевым, который установил (в исследовании: «Отступные грамоты», П. 1916), что упомянутые формулы, говорящие о «земле царевой и великого князя» (иногда: «земля Божия да государя великого князя» или: «государева царева вотчина») при продаже крестьянского участка, встречаются только в особой разновидности грамот, именно—отступных, и касаются сделок на участки оброчных земель великого князя; а земли эти первоначально отнюдь не смешивались с черными волостными. Лишь постепенно, со второй половины 16-го века, идет уравнение их в податном отношении с этими последними, причем начинает исчезать и различие между купчей на черную волостную землю и отступной на землю оброчную (великокня-

жескую). Много тут еще невыясненного, требующего дальнейших разысканий и нового материала.

Но если в деталях, требуемых отчетливым и точным изучением, еще многого надо ожидать от новых разысканий (особенно архивных), то в общем историческом воззрении можно, кажется, признать, что образование общинного уравнительного землепользования явилось результатом подчинения земельного быта народной массы государственному строю, опиравшемуся на землевладельческие основания как служило-сословного строя, так и всего государственного властвования. Крестьянская община—одно из проявлений того нивелирующего сельскую массу воздействия, какому она подвергалась со стороны владельческой силы и государственной власти. А воздействие это выковывало из массы сельского населения особый общественный класс, входивший как трудовая сила в экономическую систему землевладельческого крепостного хозяйства, по типу которого строилось и хозяйство государственное, поскольку оно относилось к положению крестьян государственных, зачисленных, в конце концов, в состав «государственных имуществ».

Как вопрос о происхождении крестьянской общины, и об условиях ее развития на частных и казенных землях, так и вопрос о составе крестьянства (оброчного и барщинного), т. е. о том, насколько по мере развития денежного хозяйства, торговли и промышленности, работы на рыночный сбыт, зарождалось и нарастало расчленение крестьянства в экономическом отношении еще при господстве крепостного права, вопреки его угнетающему развитие экономического быта и нивелирующему давлению, требуют, прежде всего, широких разысканий в государственных и вотчинных (частных) архивах по истории крепостного хозяйства. Только такие разыскания дадут возможность уяснить на прочном основании, пока только намеченные в общих чертах экономические причины, с одной стороны, падения крепостного права, с другой-же, устойчивость его пережитков после «освобождения», медленность поворота всей народной жизни на новые пути.

Крестьянская община не оправдала ни одного из ожиданий, какие с нею связывали разные группы «людей шестидесятых годов». Она не исчезла бесследно, уступая место индивидуалистическому буржуазному землевладению, но, представляя собою соединение общинного землепользования с индивидуальным, подворным хозяйством, не стала ячейкой коммунистического развития, так как осталась чуждой общинному производству. Не сохранила она от разрушения «устоев» крестьянского быта и единства крестьянства, как особого класса, так как даже до освобождения, и тем более после него не устраняла все нараставшего разложения крестьянской массы на разные слои по степени зажиточности от более или менее крупной сельской буржуазии до сельского безлошадного, а то и бездомного пролетариата. «История крестьянства» после освобождения есть, преимущественно, история его постепенного разложения в новых условиях народного хозяйства. Процесс этот,—осложненный правительственными мероприятиями, тщетно направленными на его задержку, и переселенческим движением, которое разрежало, по местам и временам, напряженность новых отношений, и аграрными движениями—ярким свидетельством этой напряженности,—подлежит еще обстоятельному изучению по материалам, частью изданным, частью еще покоющимся в архивах. Довольно обширная литература по этим вопросам не столько исторического, сколько экономического и публицистического характера, не входит в задачи настоящего очерка, хотя общий ее обзор представляется весьма желательным.

А. Пресняков.

Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие.

Из истории крестьянских волнений.

I.

Возникновение первого в России горного завода относят к 1628 году. То было, однако, единичное явление. Да и заводы, позже строившиеся иноземцами и богатыми боярами при содействии правительства, представлялись, можно сказать, случайными. Условия политической и экономической жизни России в 17-м веке не благоприятствовали развитию фабрично-заводской деятельности. Только со времени Петра I правительство принимает известные меры к созданию крупного производства. Для обеспечения государства организованной военной силою оно стало устраивать горные и оружейный заводы, парусные, полотняные и суконные фабрики, каковые нередко передавало частным лицам; вместе с тем оно поощряло разного рода пособиями частную инициативу. С этого лишь времени начинается живая история русского завода [1]).

Много трудностей приходилось заводчикам преодолевать при разрешении вопроса о р а б о ч е й с и л е. Имелись три вида рабочих рук: вольные люди, казенные крепостные крестьяне и помещичьи крепостные крестьяне. Число вольных рабочих не могло быть велико, так как сельское население находилось в крепостной зависимости, а городское было малочисленно. К тому же, помимо своей недостаточности, вольные рабочие не удовлетворяли заводчика и тем, что их труд был неустойчив: искусных мастеров было мало, их надо было создавать, между тем вольный рабочий, научившись мастерству у данного предпринимателя, мог в любое время уйти к конкуренту. В виду этого, несмотря на то, что правительство, в угоду заводчикам, ограничивало свободу вольных рабочих, а также отправляло на частные предприятия бродяг, незаконнорожденных, женщин, присужденных к наказанию за проступки, и проч., превращая их порою в крепостных данного предприятия, заводчики все-же всячески добивались возможности пользоваться трудом крепостного крестьянства.

Правительство вообще снабжало частные заводы рабочей силою, приписывая к ним деревни с казенными крестьянами; но дорожа своими крестьянами, а вместе с тем стремясь принудить предпринимателей набирать для заводов вольных безработных, «гулящих» людей, оно не всегда предоставляло казенных крестьян заводчику, а если и давало их, то отнюдь не в требуемом количестве.

Оставались еще помещичьи крестьяне, но первоначально заводчики, не принадлежавшие к дворянству, не могли в силу общих постановлений иметь крепостных; дворяне же, владея «душами», не могли по своему усмотрению обращать их на заводские работы. Но в целях размножения фабрик и заводов Петр I разрешил (18 января 1721 г.), как дворянам, так и «купецким людям» покупать с дозволения берг- и мануфактур-коллегии деревни, становившиеся принадлежностью самого предприятия, но не его хозяина. Позже (17 января 1752 г.) было определено, какое именно количество крестьян может покупать каждый заводчик в отдельности:

---

[1]) Ср.: *В. И. Семевский*, «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II», том I (1881 г.), часть «Поссессионные крестьяне»; *М. Туган-Барановский*, «Русская фабрика в прошлом и настоящем,» т. I (1898 г.). Рукописный очерк сенатского секретаря К. Крамаренкова, составленный около 1776 г., «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» (извлечение из очерка напечатано во 2-ой части настоящей книги).

напр., для железных заводов на домну не более ста дворов, считая во дворе четыре души мужского пола, да к двум молотам по тридцать дворов. Это правило не было распространено на дворян: однако вообще деревни, купленные дворянами для завода, брались на особый учет, подлежали правительственному контролю; поэтому другие деревни дворянина (находившиеся в его владении на вотчинном праве) не могли быть причислены им самовольно к заводу. Лишь в конце 18-го века дворяне получили возможность всецело без контроля правительства распоряжаться крестьянами, купленными для завода, если таковой не пользовался пособием от казны землей и лесом (тем не менее в 1820 г. авторитетные законоведы [1]) признавали, что дворянин, в роли заводчика, не имеет права переводить своих крестьян на завод в другую губернию).

Право покупать помещичьих крестьян для заводов приобрело сугубое значение, когда в 1760 г. была приостановлена приписка казенных крестьян к частным предприятиям. Между тем вскоре последовало также запрещение покупать помещичьих крестьян для заводов (указ 29 марта 1762 г., подтвержденный 8 августа того-же года), что особенно дало себя чувствовать купцам. К тому времени число вольных рабочих возросло, однако заводчики по-прежнему нуждались в крепостном труде, вследствие чего всячески обходили запрет. В виду этого было вновь разрешено (16 марта 1798 г.) покупать для заводов населенные деревни [2]) на следующих основаниях: число покупаемых крестьян определяется указом 1752 г. (вышеупомянутым); деревни навсегда остаются при заводе: крестьян нельзя переводить на другой завод одиночками или семьями; половина купленных крестьян работает на заводе, прочие остаются при сельском хозяйстве. Последние два условия имели, как видно, целью ограничить купленные деревни от разорения, удержать крестьян на их земле. Законодатель, очевидно, не допускал и мысли о возможности полного увода всех крестьян из купленной деревни на отдаленный завод, благодаря чему крестьяне остались бы без земли, а земля без крестьян. Но уже в 1802 г. пришлось издать закон в том, что деревни покупать к заводам можно только в местности, лежащей вблизи завода, дабы не было надобности переселять крестьян на завод, что лишало их возможности обрабатывать свою землю и владеть своим имуществом.

Но это постановление и в дальнейшем не всюду соблюдалось, вследствие чего и возникли те крестьянские волнения, которые описываются в настоящем очерке.

В 1807 г. по отношению к горным заводам Уральского хребта [3]) было постановлено: вместо приписки целых деревень с казенными крестьянами, впредь давать частному заводу лишь по 58 душ с каждой тысячи крестьян, приписанных к нему; крестьяне, переходящие таким образом на заводские работы, именуются «непременными работниками»; прочие, остающиеся на земле, обязаны материально поддерживать «непременных работников» (устройство дома, лошадь с упряжью). При этом правительство попрежнему желало, чтобы заводы «как можно меньше брали казенных крестьян» в виде непременных работников, чтобы заводы наполнялись вольными рабочими, а при отсутствии последних—помещичьими крестьянами, специально покупаемыми для завода; с этой целью была уменьшена подать с тех заводчиков, которые откажутся от казенных непременных работников (и от казенных земли и леса). Но так как в области Уральского хребта было мало помещичьих деревень и, следовательно, предусматривалась необходимость переводить туда крестьян из отдаленных мест, то, в виде отступления от закона 1802 г., требовавшего, чтобы заводчики покупали крестьян лишь в окрестностях, были установлены для Уральского хребта следующие правила: заводчик может издалека переселять крестьян на завод, но он обязан давать им то пособие, какое полагается «непременным работникам»; переселять можно, не разлучая членов семьи; жалованье и провиант выдаются в размере, определенном для непременных работников; крестьяне могут быть привлекаемы только к работам по заводу и к хлебопашеству на заводских дачах или отводах: переселенцы, прослужившие 30 лет, а их дети 40 лет, вправе требовать личной свободы [4]).

[1]) Журнал совета комиссии составления законов от 26 ноября 1820 г. Архив госуд. совета, департ. законов, 1820 г., дело № 10, стр. 160—9.

[2]) Предоставленное купцам право покупать помещичьих крестьян рассматривалось правительством как «пособие от казны», за каковое купец должен был платить казне; «пособие со стороны казны заводчикам недворянам состоит не в одних только людях казенных, но и в праве иметь людей, купленных собственным капиталом». Первое полное собрание законов, № 22198, стр. 1056.

[3]) Высочайше утвержденным 15 марта 1807 г. доклад министра финансов. Первое полное собрание законов, № 22498, стр. 1062—63.

[4]) Эти условия были менее благоприятны, чем те, которые были установлены для суконных фабрик в 1806 г., так как покупка крестьян к суконной фабрике нуждалась в каждом отдельном случае в высочайшем разрешении; свобода давалась после 20-тилетней работы. Первое полное собрание законов, № 23132, стр. 411—12.

II

В Череповском уезде Новгородской губернии, а также в Вельском и Кадниковском уездах соседней Вологодской губернии были расположены селения, принадлежавшие некогда княгине Дашковой и ее сыну; в селениях Новгородской губернии насчитывалось 1312 мужчин, а в Вологодской — 319. Владельцы хорошо относились к своим крепостным крестьянам и намеревались передать их по завещанию в род Воронцовых или же освободить от крепостной зависимости. Но наследием Дашковой овладела ее дочь, по мужу Щербинина. В конце 1811 г. она продала указанные селения надворному советнику Александру Ивановичу Яковлеву [1]), которому принадлежали Холуницкие железные заводы в Слободском уезде Вятской губернии в расстоянии около восьмисот верст от купленных имений [2]).

Уже один переход в руки нового владельца не мог не взволновать бывших дашковских крестьян, обладавших денежными средствами, лелеявших надежду стать свободными. Но еще более сильное движение должна была вызвать страшная весть, что новый хозяин тотчас-же приказал отправить здоровых людей на Холуницкие заводы. Крестьяне отказались признать Яковлева за своего господина, настаивали, чтобы им разрешили вернуть Яковлеву деньги, уплаченные им Щербининой, дабы они стали свободными, или же, чтобы их перечислили в казенные крестьяне.

Яковлев торопился использовать для нужд заводов вновь приобретенную живую силу. Он прислал с этой целью своего дворового человека Ведерникова, которому и удалось отправить на заводы из деревень Новгородской губернии 200 крестьян; но в Вологодской губернии, откуда надо было забрать 70 душ, его постигла неудача: здешние крестьяне отказались повиноваться. Яковлев прислал собственноручно подписанный приказ (25 января 1812 г.) о немедленной высылке людей. Но это не помогло. Крестьян, как видно, поддерживало то обстоятельство, что вельский земский суд дал знать, что без распоряжения высших присутственных мест нельзя переводить крестьян не только из одной губернии в другую, но даже за пределы округи. Однако земские полицейские начальники стали на сторону Яковлева, и это позволило Ведерникову похваляться, что он переселит на заводы не только семьдесят человек, но и многих иных, а прочих выведет в другие места, а дома их сожжет. Угроза привела крестьян в такое смятение, что все молодые выразили желание пойти в солдаты (т.-е. на ту службу, хуже которой, казалось, ничего не могло быть!), лишь бы избавиться от Яковлева. Убедившись, что на помощь местных властей нельзя рассчитывать, крестьяне, в лице своего выборного Иванова, обратились с жалобой к Вязмитинову, главнокомандующему в Петербурге и управляющему министерством полиции. Описав случившееся, Иванов указывал в прошении, что Яковлев отправил крестьян на заводы как-будто лишь для временной работы, но все знают, что навсегда.

Вологодскому губернатору не удалось склонить крестьян к признанию Яковлева; они отвечали, что пока не последует решения государя по просьбе, отправленной чрез ходоков, Тихонова с товарищами, до тех пор они никому повиноваться не будут и «произвольно живые в руки не дадутся»; под господство Яковлева не пойдут, разве их изрубят и он возьмет их трупы. Присутствие вызванного воинского отряда не смущало крестьян. Между тем комитет министров (ознакомившийся с происшествием в имении Яковлева по докладу Вязмитинова), оставив без внимания указ 1802 г., запретивший переселять крестьян на отдаленные заводы, предписал (2 июля 1812 г.) губернатору потребовать от крестьян именем государя, чтобы они повиновались новому хозяину...

Несчастье сплотило бывших дашковских крестьян: Тихонов, родом из Вологодской губернии, хлопотал и за новгородских собратьев; а Степанов, живший в Новгородской губернии, выступал на защиту и вологодских крестьян. Они действовали сообща. В июне 1812 г. Тихонов подал Вязмитинову прошение, в котором заявил, что Яковлев, вовсе не интересуясь приобретенным имением, хочет перевести на завод всех дашковских крестьян, а затем продать земли вопреки закону, воспрещающему покупать и продавать крестьян без земли. А два месяца спустя узнав,

---

[1]) Родоначальник Яковлевых, известных своим богатством, Савва (дед Александра Ивановича), мещанин г. Осташкова, прибыв в Петербург (по семейному преданию—пешком), стал сперва заниматься рыбною торговлею, а накопив капитал—откупом таможенных сборов, нажив миллионы, купил несколько заводов у Демидова и у др., устроил полотняную фабрику в Ярославской губернии. В 1762 г. был произведен в коллежские ассессоры, что дало ему потомственное дворянство *(А. Б. Лобанов-Ростовский,* «Родословная книга», 2, стр. 453—459). См. также «Русское Богатство», 1899 г., кн. 3, стр. 209.

[2]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1812 г., дело № 159/677 „Об ослушании крестьян, купленных надворным советником Яковлевым у помещицы Щербининой".

повидимому, о решении комитета министров, Тихонов решился послать прошение государю; из этой бумаги мы узнаем, что Ведерников немилосердно высек 150 человек, у многих забрал имущество, у иных разрушил дома, отобрал скот, запретил производить сельские работы, увеличил размер подати; выборного Иванова, который привез из Новгорода бумаги, говорившие в пользу крестьян, неизвестно куда отправили. Но это прошение, как и дальнейшие, остались без ответа.

Время шло. Вологодские крестьяне были непоколебимы. Когда Яковлев, вызвавшись, в виду войны, дать 87 конных и пеших воинов, распорядился набрать их из числа вологодских крестьян, губернатор сообщил, что это неисполнимо, так как крестьяне остаются «в дерзновенном неповиновении».

А между тем началось волнение также и среди новгородских крестьян. По их жалобе новгородский губернатор в свое время послал заседателя, чтобы остановить отправку 200 человек, но заседатель, поселившийся у Ведерникова, стал избивать крестьян, доискиваясь, все ли дали доверенность Иванову, хотя никто не отрицал своего участия в этом деле; а Ведерников по ночам вязал спящих крестьян, старосте обрил половину головы и бороды; от побоев многие умерли, и их семьи пошли по миру. Губернатор не обратил внимания на таковые притеснения, и это заставило крестьян выйти из повиновения. Прибывшая сотня казаков не только не усмирила их, но—по словам губернатора—еще более раздражила. И не удивительно. По заявлению Тихонова и Степанова, введенные в деревню башкиры стали чинить крестьянам тяжкие обиды: избивали, грабили крестьян, насиловали их жен и дочерей, хватали молодых людей и полуобритыми, связанными отправляли в Череповск. Наконец, крестьяне подняли восстание. До шестисот крестьян вооружились пиками, бердышами, рогатинами, ружьями и даже двумя пушками. Ставя себе в пример вологодских собратьев, они поклялись не выдавать друг друга, не признавать ничьей власти, кроме государевой. Казаки, как видно, были изгнаны, и губернатор обратился в Петербург за разрешением усилить воинский отряд, так как крестьяне «явно показывают свою неустрашимость».

Новгородские крестьяне нашли-было защитника в лице губернского депутатского дворянского собрания, к которому они обратились (март 1813 г.) с жалобой, что хотя срок, на который 200 душ были отправлены на завод, истек, они не возвращены; вместе с тем крестьяне указывали, что лишены возможности уплачивать государственные подати, так как разорены новым хозяином. Губернский предводитель дворянства уведомил об этом губернатора, прося принять надлежащие меры, но губернатор ответил, что депутатское собрание не должно было дозволить крестьянам представлять подобные бумаги. В виду этого предводитель дворянства, имевший счеты с губернатором, уведомил Вязмитинова о жалобе крестьян.

В это время по пути из Вологды в Петербург ехал сенатор граф Хвостов. Узнав о волнении в новгородском имении Яковлева, он вызвал небольшой воинский отряд и быстро усмирил крестьян, арестовав двух вожаков; после сего он отослал прочь воинский отряд. Возмущенный тем, что Яковлев отправил на завод двести крестьян, Хвостов поспешил известить обо всем председателя комитета министров.

Имея пред собою донесения влиятельных Хвостова и предводителя дворянства, комитет министров иначе, чем раньше, отнесся к событию в Яковлевой вотчине; он (4 апреля 1813 г.) постановил: расследовать жалобы, принесенные крестьянами депутатскому собранию, и запретить Яковлеву переселять крестьян на заводы, обязав его подпискою вернуть домой двести человек.

Вологодский и новгородский губернаторы не могли быть довольны таким оборотом дела; оба они не намеревались направить волнения к благополучному для крестьян исходу.

За несколько дней до получения последнего распоряжения комитета министров новгородский губернатор был извещен, что земский исправник посетил деревню Давыдово, чтобы проверить, действительно ли крестьяне раскаялись вследствие увещевания Хвостова. И оказалось, что крестьяне твердо решили ни при каких обстоятельствах не покориться Яковлеву; если иные обещали Хвостову подчиниться новому хозяину, при условии, что никто не будет арестован, то лишь для того, чтобы были выведены башкиры; губернатору и земскому суду крестьяне не верят, так как все действуют в угоду Яковлеву; они ждут вестей от своих ходоков. Это сообщение, повидимому, не заключало в себе преднамеренного преувеличения. По сведениям, собранным в соседних селениях, причиною возмущения новгородских крестьян была не только отправка на заводы, но также «привычка к вольности, какою они прежде пользовались при владетельнице Щербининой». После мирных дней, проведенных у Дашковых, жизнь под господством заводчика должна была казаться ужасной, и легко допустить, что даже будучи обнадежены Хвостовым, что отправка на заводы будет отменена, новгородские крестьяне не в силах были преодолеть страх пред завтрашним днем, так как понимали (и это впоследствии оправ-

далось), что, лишившись теперь возможности использовать вновь купленных крестьян для нужд заводов, Яковлев позже вновь станет добиваться перевода их туда. Если верить свидетельству вологодского губернатора, то и вологодские крестьяне даже после об'явления им, что предполагавшаяся пересылка 70 человек не состоится, отказались подчиниться Яковлеву, требуя, чтобы их отдали законным наследникам Дашковых или казне. Но все же надо помнить, что не только в ту пору, когда прибыл на разведки исправник, но и позже новгородские крестьяне ничего не знали о состоявшемся распоряжении комитета министров: такая неизвестность должна была держать их в воинственном настроении; этим следует об'яснить также поведение вологодских крестьян: предполагая, что в отношении новгородских крестьян пересылка на заводы не отменена и не имея благоприятных известей от ходоков, они могли опасаться, что об'явленная им отмена переселения 70 человек является частной временной мерой и может быть даже только уловкой.

Как бы ни было, получив донесение исправника, что Хвостов вовсе не привел крестьян к раскаянию, новгородский губернатор приказал вернуть в деревню башкирский отряд. Выразив благодарность Хвостову за усмирение волнений и извиняясь за отмену его распоряжения о выводе башкир, губернатор об'яснил, что он потому так поступает, что от большого пожара остаются искры, а главное потому, что хотя «сам Яковлев виноват, но право помещика золотит худую его пилюлю», т.-е., если только мысль губернатора нами верно понята, и беззаконный поступок помещика не должен служить причиною умаления его прав. Такому взгляду на отношения между господином и крестьянами губернатор не изменил и тогда, когда ему пришлось выполнить постановление комитета министров: он сообщил Вязмитинову, что поведет следствие по жалобам крестьян секретно, дабы оно не было истолковано «в худую сторону» соседними селениями, которые также могут оказать неповиновение и выдумать, будто их обременяют поборами. Но заслуживает особого внимания то, что губернатор, как уже было выше отмечено, не оповестил крестьян о состоявшемся к тому времени постановлении комитета министров об отмене переселения их на завод. При таком условии посылка башкирского отряда в деревню приобретала провокационный характер.

Башкирский отряд, в течение продолжительного времени, не смог войти в деревню встречая организованное сопротивление со стороны крестьян. Эта неудача об'яснялась тем, что военное начальство имело из Петербурга предписание избегать кровопролития. В виду этого губернатор обратился к Вязмитинову за разрешением применить вооруженную силу. Об этом хлопотал и вологодский губернатор. Еще не осведомленный о постановлении комитета министров, он донес Вязмитинову, что все старания «тронуть ожесточенные сердца бунтующих крестьян и переловить главнейших из них» не удались: они изгоняют из селений «увещателей», угрожая оружием, а их старейшины не покидают деревни из осторожности; по общественным делам отправляются такие крестьяне, которые к бунту не причастны; «таким образом—назидательно говорил губернатор—упорное сопротивление означенных крестьян, продолжаясь с одинаковым ожесточением более уже года», служа вредным примером для соседей, требует принятия воинских мер. А между тем он отлично сознавал, что крестьяне без вины виноваты. Позже, уж зная, что комитет министров отменил переселение крестьян, губернатор осмелился откровенно сказать, что главною причиной неповиновения крестьян явилась «поспешность, с которой Яковлев потребовал отправки людей на заводы из имения, где жители, обыкнув упражняться почти в едином хлебопашестве, постоянно находились при домах своих, отлучаясь для работ только в близкие места и то на короткое время, и потому будучи привязаны к месту рождения своего сильнее, вообразили, что они с тех заводов никогда в дома свои не возвратятся, а останутся там вечно в работниках».

Хвостов пришел в негодование, узнав, что новгородский губернатор позволил себе нарушить его распоряжение. Он не замедлил сообщить об этом высшим властям, и, повидимому, под его личным воздействием было решено ближе ознакомиться с тем, что происходило в вотчине Яковлева.

Домогательства обоих губернаторов о предоставлении им полноты власти не были удовлетворены. Комитет министров поручил (13 мая) ликвидацию волнений полковнику свиты его величества Чуйкевичу, предписав ему прежде всего об'явить крестьянам, что их требования касательно оставления на месте приняты; но если и после этого крестьяне не подчинятся Яковлеву, тогда Чуйкевич обязан, обеспечив себя достаточным количеством войск, захватить зачинщиков и предать их суду с тем, чтобы приговор был тотчас же приведен в исполнение.

В это время (быть-может, по желанию Чуйкевича) Вязмитинов запросил новгородского губернатора: об'явил-ли он крестьянам, что их не переведут на заводы? Губернатор ответил, что не имел соответствующего предписания свыше, «самому же собою сделать оное—так оправдывался губернатор—я не осмеливался». Это об'яснение не удовлетворило Вязмитинова. Он не

дминул возразить губернатору, что, получив уведомление о постановлении комитета министров, он должен был дать знать об этом крестьянам, «поелико оное всего ближе могло служить к их спокоению», «кажется ничто—писал Вязмитинов в заключение губернатору—не препятствовало довести сие до сведения крестьян». Однако было бы ошибочно думать, что губернатор поступил в данном случае легкомысленно. Нет, это был, очевидно, человек рассудительный, дальновидный. Он уклонился от инициативы в столь щекотливом деле, опасаясь, что самовольное объявление крестьянам резолюции комитета министров повлечет за собою выговор со стороны Вязмитинова. Это не было безосновательно: Вязмитинов заинтересовался вопросом, послал-ли губернатор крестьянам добрую весть, только тогда, когда комитет министров потребовал, чтобы Чуйкевич первым долгом сообщил крестьянам, что их желания удовлетворены; но за месяц до того, в конце апреля, то самое министерство полиции, во главе которого стоял Вязмитинов, отказало ходоку Степанову в выдаче копии с постановления комитета министров...

Когда Чуйкевич, собрав вокруг себя достаточное войско, вступил в сношение с бунтовавшими крестьянами, волнение среди них улеглось. Они встретили его миролюбиво, узнав, что останутся на месте. Но в тупору пришли с завода давно жданные собратья. И это обстоятельство оказалось роковым. Стало известно, что многим из них не суждено было вернуться домой. По об'яснению Яковлева он хотел в своих же интересах вернуть крестьян к сроку, и что он вообще не осмелился бы, в нарушении указа 15 марта 1807 г., обратить в число постоянных работников тех крестьян, которых отправил на завод, разлучив с семьями; но в 1812 г. по Слободской округе свирепствовала эпидемическая болезнь; жители зараженных окрестных селений, приходившие работать на завод, были так слабы, что не могли возвращаться на ночь домой, а потому они жили вместе с крестьянами из Новгородской губернии: благодаря этому многие крестьяне заболели и умерли: отпустить же остальных нельзя было, так как это было сопряжено с опасностью для их жизни, а кроме того таким путем болезнь всюду распространилась бы. Возможно, что в этих словах была доля правды. Однако вернувшиеся с заводов вероятно рассказали своим односельчанам много горестного о жизни на заводах, и тогда крестьяне вновь заволновались. Чуйкевичу пришлось покинуть селение. Убеждения начальства и проповедь вызванного архимандрита не имели успеха. Тогда ночью войска двинулись на крестьян. Завязался упорный бой: крестьяне «дрались и отражали башкирцев отчаянно», Чуйкевич и многие из его отряда были ранены; среди крестьян насчитали до 20 убитых. Возмущение было подавлено. Стало спокойно. Но вместе с тем и безлюдно. Крестьяне разбежались. По словам Чуйкевича, они стали возвращаться в большем количестве лишь с прибытием 170 солдат вологодского полка, так как только тогда крестьяне поняли, что правительство, действительно, решило их усмирить, а ранее они полагали, что башкиры действовали, будучи подкуплены Яковлевым; многие, однако, продолжали скрываться в ожидании возвращения ходоков: запретить окрестным селениям снабжать беглых хлебом нельзя было, так как все были на стороне восставших.

В Вологодской губернии суд над крестьянами состоялся без всякой задержки. Так как уездный город Вельск был далек от места происшествия, то во избежание проволочки губернатор предложил уголовной палате миновать вельский уездный суд, и палата согласилась. Был вынесен следующий приговор: старосту, сотского и еще одного крестьянина подвергнуть телесному наказанию (200 и 150 ударов), а затем, вырезав им ноздри и поставив на лбу и щеках «указные штемпелевые знаки», сослать в Нерчинск в вечную каторжную работу; одного крестьянина наказать ста ударами и сослать в Сибирь на поселение. Прочие были освобождены от кары.

Новгородская палата оказалась менее уступчивой, чем вологодская; она направила дело о семи зачинщиках (другие семеро скрылись) в череповский уездный суд для производства следствия; это обидело Чуйкевича и военного министра, который заявил, что свидетельства одного Чуйкевича достаточно для вынесения приговора виновным в возмущении, и что надо немедленно наказать зачинщиков, дабы башкиры могли затем выступить в поход. В результате комитет министров предписал новгородской палате вынести приговор, не требуя расследования дела уездным судом.

III.

Яковлев не мог примириться с тем фактом, что крестьяне, купленные им для заводов, остались на своих местах. Он не имел надобности в земледельцах: ему нужны были рабочие. К тому же и самолюбие не позволяло ему признать себя побежденным. В 1813 г. Яковлев возобновил попытку перевести на завод бывших дашковских крестьян [1]). Пермское горное правление донесло министру финансов, что согласно закону 1752 г. на заводах Яковлева должно быть 4.556 человек, однако имеется всего 903; хотя недостающее число можно было бы частью пополнить путем найма вольных людей, но местные крестьяне, забрав на заводе много денег вперед, не выполнили работу в надлежащее время и в должном размере; в виду этого, а также недостаточного числа вольных рабочих, правление просило дозволить Яковлеву перевести на заводы бывших дашковских крестьян «сколько для безостановочного действия заводов, столько и для умножения горных податей». Министр финансов обратился за разрешением в комитет министров, об'ясняя, что закон 1802 г. неприменим к Вятской и Пермской губерниям, так как здесь нет возможности приобрести помещичьих крестьян в близком от заводов расстоянии. Но комитет министров отклонил домогательство Яковлева (23 января 1814 г.), так как он в свое время нарушил требования закона 1807 г., не испросив предварительно разрешения властей на перевод крестьян, не оказав им пособия, не предоставив им те «выгоды», которые предусматривал упомянутый закон, да к тому же под предлогом временной работы перевел туда многих крестьян, разлучив их с семьями, оторвав от дома.

Тогда Яковлев задумал купить новые деревни, чтобы перевести крестьян, придерживаясь требований закона 1807 года. Министр финансов дал на это свое принципиальное согласие, вследствие чего горное правление позволило Яковлеву приобрести в Вятской губернии четыре деревни, в расстоянии 350 верст от заводов, с 514 душами мужского пола. Прежде всего были куплены у помещиц Свешниковой и Рехенберг деревни Аристова и Шишелева в Яранском уезде с 361 мужч. Крестьянам было об'явлено (13 октября 1815 г.), что они проданы Яковлеву, и они обязались при первом требовании перейти на заводы. Очевидно, они дали такую подписку или по невежеству, или рассчитывая, что их будут отправлять на заводы лишь для временных работ. По словам их ходока Петрова, они «предполагали быть в рабстве все равно, как у прежних помещиц». Вот почему, когда 1 декабря им заявили, что их тотчас отправят на заводы, они пришли в крайнее смятение. Крестьяне были зажиточны; хорошая земля, скот в достаточном количестве, избы, крытые тесом,—все это создавало благоприятные условия жизни. Прибывший в деревню Аристову знакомый нам Ведерников приступил к описи крестьянского имущества. Он согласился дать крестьянам отсрочку до 6 декабря; он готов был и далее отложить перевод, но старший приказчик велел немедленно ехать. Тогда крестьяне послали в Москву, к Яковлеву, двух ходоков, чтобы, опираясь на закон 1802 г., запрещавший перевод на дальние заводы, выпросить отмену распоряжения или, по крайней мере, отсрочку до умолота хлеба и продажи имущества (Ведерников уменьшал при описи цену имущества, дабы поживиться крестьянским добром!). Но Яковлев отказал и велел наказать выборных [2]).

Яковлев об'яснил властям свой отказ тем, что крестьяне добивались отсрочки лишь с целью вовсе совсем отказаться от переселения. Действительно, они надеялись, что им удастся выхлопотать отмену перевода, как это было с дашковскими крестьянами, с которыми вятские

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1815 г., дело № 140 «О крестьянах надв. сов. Яковлева, оказавших непослушание в переселении их в заводы»; архив госуд. совета, департамент законов, 1816 г., №№ 2 и 13 „О пересмотре закона о переселении и переводе помещиками крестьян"; там же, 1820 г. №№ 10 и 30, 1829 г. № 28 (одно дело). К делу 1816 г. приложено оставшееся в делопроизводстве госуд. совета дело министерства полиции от 1815 г. № 88 (о возмущении крестьян Яковлева).

[2]) Заподозрив Ведерникова в покровительстве крестьянам из личных корыстных видов, Яковлев послал ему грозное письмо: «Душевно скорблю, что за дальним расстоянием—так писал между прочим Яковлев—не имею столько силы и власти, чтобы сию минуту быть бы мне так близко возле тебя, чтобы руки мои на голове твоей не оставили ни одного волоса, а спину твою сделали мягче брюха... Скажи мне, изверг человечества, какой имеешь ты в голове гнусный план против меня, что в течение шести недель не можешь ты купленных мною крестьян на заводы перевести?.. Предписываю тебе, что если ты хочешь уберечь своей головы, чтобы она не была поставлена в станок, то с получением сей эстафеты купленных мною крестьян, руководствуясь посланным к тебе наставлением в рассуждении которых оставить следует, всех до единого на заводы отправляй». Письмо Яковлева, как и другие сведения, приведены в сборнике «Столетие Вятской губернии», том II (1881 г.) в главе «Волнения между крестьянами, купленными заводчиком Яковлевым и т. д.».

находились в сношениях. Вятские крестьяне обратились за помощью к местным властям. «Но богатство господина Яковлева,—по словам ходока Петрова,—заслепило всем глаза». В виду этого, они отправили двух ходоков в Петербург просить не лишать их «кормилицы»-земли и дозволить им или выкупиться на волю, или остаться у Яковлева на оброке. Извещенный об этом, губернатор потребовал, чтобы крестьяне немедленно перешли на заводы. Но крестьяне решили не покидать деревни, о чем уведомили губернатора письменно в торжественных выражениях, заявив, что готовы отдать в военную службу всех своих мужчин в возрасте от 17 до 40 лет, лишь бы не пойти на заводы.

Губернатор ясно сознавал, в какое отчаяние должно было привести крестьян требование расстаться навсегда с деревней, где они жили из поколения в поколение, покинуть привычный труд, разрушить отчий дом. В частном письме к министру полиции Вязмитинову (24 января 1816 г.) он указывал: «Яковлев впредь предвидеть был должен, что общая привычка крестьян к земледелию, приемлемая ими еще от прадедов своих, оставить свое водворение и переместиться в заводские работники не есть маловажная перемена, а когда бы господин Яковлев брал работников только для работы, оставя старых и малых в своих положениях, то верно сего бы быть не могло. Когда же сих крестьян силою водворять в заводы, не ручаюся, чтобы оные не чинили побегов и разных злодеяний». Но все-же губернатор ничего не сделал для разрешения конфликта, всецело охраняя лишь интересы заводчика. И поэтому случилось то, что губернатор имел в виду, говоря: «сего бы быть не могло», а именно—кровавое столкновение крестьян с солдатами.

Неоприемые депутатами от вологодских и новгородских крестьян, вышедших победителями из борьбы с Яковлевым, вооруженные дубьем и ружьем, ярапские крестьяне, к которым присоединились также женщины, а равным образом и чужие крестьяне, принудили земского исправника отозвать приведенных им солдат и понятых в числе всего трехсот человек. Тогда был вызван воинский отряд в сто штыков под командою полковника. Начальник высланной вперед команды поручик Захаров, встретившись (21 января 1816) с 500 крестьянами, приказал солдатам стрелять, но крестьяне бросились на них и смяли: Захаров, избитый крестьянами, бежал; из его отряда один был убит, девять тяжело ранены, пятнадцать легко. Со стороны крестьян оказалось девять раненых, из коих вскоре двое умерли.

Крестьяне, как они на другой день писали советнику губернского правления Трусову прибывшему к месту происшествия, «не хотели драться», думали, что с ними будут говорить но вдруг стали стрелять; у них даже дубинок еще не было, когда раздались выстрелы, и только после выстрелов они вооружились ими, чтобы отбить ружья и положить их под сохранение. Далее крестьяне писали, что они от «помещика Яковлева не прочь», но пусть подождут распоряжения из Петербурга; если там их просьба не будет удовлетворена, они сами, без солдат, пойдут на заводы, «а до получения бумаги,—так заявили в заключение крестьяне,—сказать сущую правду—не поедем». Трусов ответил, что губернатор, посылая его, знал о ходоках, а потому нельзя ждать бумаги из Петербурга; пусть несколько лучших крестьян явятся для беседы, они не будут задержаны, как не был задержан крестьянин, доставивший письмо. Но и в новом письме на имя советника крестьяне настаивали на своем,—«не пролейте христианскую нашу кровь», «нам не хочется до помянутых наших ходателей ехать со своих земель к господину Яковлеву в заводы»: далее они просили распоряжения, чтобы поп не отказывался похоронить убитого крестьянина.

Переписка оборвалась, так как было вытребовано подкрепление из Костромы и Нижнего Новгорода. Набралось 483 солдата при 8 офицерах под командою бригадного начальника: на место происшествия поспешил также окружной генерал: был вызван архимандрит Феофилакт. Губернатор, по болезни, доехал лишь до Ярапска. Оттуда он отправил (30 января) через драгуна «об'явление» крестьянам, предлагая им прислать выборных для переговоров, гарантируя им личную неприкосновенность и оставляя драгуна в заложниках. Явились пять выборных, которые и стали просить отложить переселение до распоряжения из Петербурга. Но губернатор приказал им раз'яснить собратьям, что они должны немедленно покориться. Однако в ответном послании губернатору крестьяне заявили, что по прочтении его бумаги «мы, мирские люди, в один голос завопили, что рабочих людей не даем господину Яковлеву, что они будут ждать возвращения ходоков,—каков будет приказ государя, так они и поступят. Заключили же крестьяне письмо заявлением: «еще доложим..., что с нарочно посланным драгуном и возвратно посылаем и что ваше превосходительство трудить не желаем и все равно мы посылаем и засим писать более смыслу нашего нету». Смысл этих нечетких слов становится понятным из нового письма губернатора к крестьянам, в котором было сказано: «вы воспретили начальнику губернии приезд в деревню вашу, который хотел румить и успокоить вас». Таким образом крестьяне отвергли всякие сношения с местными властями. Они волевым «по-

надежды на государя. Им казалось, что вот-вот придет желанная бумага, которая вернет их к прежней жизни. Они не знали, с какими трудностями были сопряжены в столице хлопоты ходоков, от которых не было известий. Отправившись из деревни в декабре, выборные от деревень Аристовой и Шишелевой прибыли в Петербург в начале января. Разыскав человека, «принимающего просьбы», они подали прошение в сенат, а вместе с тем приготовили прошение для государя. Но сильные морозы мешали увидеть государя; надо было ждать случая. Ходоки написали об этом в деревню, прося сообщить, не притесняют ли крестьян, и прислать деньги. Однако это письмо, адресованное священнику в Яранске для передачи по назначению, попало в руки властей. Крестьянам оставалось неизвестным, что делается в столице; они не знали, что сенат вскоре вернул ходокам прошение без последствий, и что прошло не мало дней, пока им удалось, дождавшись государя у под'езда дворца, передать ему лично прошение; государь принял его среди других.

В деревне Аристовой каждая минута была дорога: военные начальники тяготились бездействием, а крестьяне не могли не тревожиться, видя вблизи солдат. Между тем всеподданнейшее прошение медленно совершало свой канцелярский путь: только 1-го февраля оно попало в комиссию прошений, от которой государь потребовал заключения. Самый вопрос о переводе крестьян на заводы вызвал к себе в ту пору острое внимание со стороны Александра. 16 января 1816 г. было дано знать государственному совету, что так как из-за переселения помещичьих крестьян происходят волнения, заканчивающиеся пролитием крови, особливо при переводе на заводы, то государь повелел рассмотреть этот вопрос и, если нужно, выработать новый законопроект; а вслед затем, впредь до выработки нового положения, было приостановлено переселение вновь купленных крестьян в область войска донского [1]). Но об отношении государя к переводу крестьян не знали в Вятской губернии, и событие, в Аристове рассматривалось лишь с точки зрения неповиновения крестьян своему помещику.

Ни проповедь Феофилакта, ни воззвание бригадного начальника не могли склонить крестьян к повиновению, и тогда было решено приступить к военным действиям. Однако обе стороны не хотели дойти до пролития крови, а потому между ними состоялось соглашение: крестьяне впустили военную команду, а окружной генерал дал три недели сроку, чтобы ждать решения из Петербурга. Сообщив 12 февраля об этом Вязмитинову, окружной генерал просил его или исходатайствовать им разрешение остаться на местах, или же выслать ходоков из столицы, чтобы крестьяне удостоверились, что переход на заводы невозможен.

Между тем, осведомившись, что вооруженное столкновение было предотвращено покорностью крестьян, комитет министров (22 февраля) постановил: воздержаться от переселения крестьян впредь до рассмотрения их ходатайства. Но это решение комитета опоздало.

Когда деревни были заняты солдатами, крестьяне стали вновь хлопотать о предложении отсрочки: губернатор согласился при условии, чтобы хоть часть работников была отправлена на заводы, так как там выполняются казенные заказы. Но, повидимому, предполагалось, что крестьяне не выполнят это требование, а потому губернатор запрячел Вязмитинова, следует ли применить к ним вооруженную силу? Впрочем, вскоре оказалось, что в ответе Вязмитинова нет нужды, так как исправник под видом следствия по земскому суду вызвал 16 «самых возмутителей» и отправил их на завод, а потом еще 5 человек; после этого, в виду истечения трехнедельного срока, губернатор приказал принудить прочих к переселению, и все покорились, несомненно рассчитывая, что их вернут домой, когда выяснится благоприятный исход ходатайства. К 1-му марта в деревне остались лишь те, кого Ведерников не велел переводить. А известие о постановлении комитета министров воздержаться от переселения было послано Вязмитиновым губернатору лишь 3-го марта.

Вскоре поступило сообщение, что крестьяне ведут себя на заводах вполне спокойно. Но, то была обманчивая тишина.

Комиссия прошений, рассмотрев ходатайство крестьян, нашла, что, дозволив Яковлеву переселить вятских крестьян на заводы в качестве «непременных работников», горное правление имело в виду закон 1807 г., но он относится лишь к Уральскому хребту, а не к Вятской губернии, а потому водворение крестьян на заводы в Вятской губернии являлось неправильным. Однако комитет министров отверг это толкование, так как Вятская губерния, почти лишенная помещичьих имений, была включена в отношении заводов к Уральскому хребту. Поэтому, принял

[1]) Часто встречающееся в литературе (напр., Туган-Барановский, «Русская фабрика», стр. 88) указание, что в 1816 г. было окончательно запрещено покупать крестьян к фабрикам и заводам, неточно: указом 6 ноября 1816 г. была приостановлена покупка к фабрикам и заводам, подведомственным министерству внутренних дел но не всех вообще; таким образом указ не распространялся на горные заводы, находившиеся в ведении министерства финансов (см. Первое полное собрание законов, № 26504).

во внимание, что почти все крестьяне уже переведены на заводы, где они остаются спокойными, комитет министров постановил (28 марта) не возвращать крестьян домой, выслать на заводы оставшихся в деревнях и поручить вятскому вице-губернатору, управлявшему губернией вместо больного губернатора, отправиться на заводы, чтобы лично убедиться, выполняет ли заводчик все обязательства по отношению к крестьянам, предусмотренные законом 1807 года.

Чем объяснить решение комитета оставить крестьян на заводе, хотя тогда в других случаях господствовала тенденция противодействовать обращению крестьян в рабочие? В деле Яковлева сыграли роль казенные интересы, тесно связанные с выгодами заводчика. Именно эта связь позволила Яковлеву, когда крестьяне отказались повиноваться ему, обратиться (15 декабря 1815 г.) к помощи Вязмитинова. Допуская, что одной из причин возмущения крестьян «может быть свойственная каждому, особливо в простом народе, привычка к месту своего рождения», Яковлев патетически восклицал в письме к Вязмитинову: «но могут ли быть уважены подобные причины в таковом деле, в котором польза частного человека соединена с пользою государственною, ибо казна получает с заводов доходы по количеству выплавляемого на них чугуна», а оно зависит от числа рабочих рук. Эти-то казенные интересы, побудившие в свое время министра финансов разрешить Яковлеву покупку крестьян для завода, а комитет министров—примириться с состоявшимся переводом их, заставили и департамент законов государственного совета сделать для Вятской губернии исключение из общего правила. Обсуждая вопрос о правилах для перевода крестьян на заводы (а также вообще для переселения их), департамент поставил себе в задачу согласовать свободу заводчика в праве перевода, требуемую общественной и государственной пользою, «со всевозможным облегчением и выгодою переселяемых»: он знал, сколь тягостно переселение для крестьян, но история соответствующих постановлений, заявил департамент, показывает, как затруднительно сочетать нужду заводов в рабочей силе с улучшением участи крестьян, переводимых туда; законы 1802 г. и 1807 г. служат к этому иллюстрацией. Горные заводы доставляют припасы военному и морскому ведомствам и изготовляют металлические изделия, нужные обществу и государству, а потому, раз в местах расположения горных заводов нет вольных рабочих, нельзя запретить переводить туда крестьян, но вместе с тем надо позаботиться и о крестьянах. Поэтому, имея в виду стремление правительства, чтобы заводы работали вольными людьми, государственный совет запретил переводить крестьян на сибирские заводы и дозволил покупать крестьян внутри России лишь при соблюдении закона 1802 г., допускавшего покупку в близких местах, но он признал вместе с тем необходимым для Уральского хребта и, в частности, для Вятской губ. сохранить в силе закон 1807 г., которым для этих мест было сделано отступление от закона 1802 г., т. е. разрешено переселять на заводы крестьян из дальних мест; при этом госуд. совет наметил лишь следующие меры для облегчения положения крестьян: заводчик обязан заблаговременно приготовить для них «водворение» (т. е. дом, обзаведение); в течение первого года со дня перевода крестьян на завод он оплачивает из своих средств подати, причитающиеся с них; срок 40-летней работы исчисляется для детей с 12-тилетнего возраста. Это все [1]).

Вице-губернатор представил такой отзыв о положении крестьян на заводах Яковлева, который, казалось, не допускал сомнения, что там все обстоит благополучно: заводчик заботится о снабжении крестьян жильем и обзаведением, крестьяне не выражали недовольства. Комитету ничего иного не оставалось, как «принять его к сведению». Однако до государя дошли, как видно, слухи, опровергавшие достоверность сообщения вице-губернатора: отказав в утверждении мемории комитета министров, Александр повелел, чтобы и губернатор обревизовал Яковлевские заводы (20 июня). Это оказалось вполне своевременным. Сам вице-губернатор разрушил идиллическое представление о жизни крестьян на заводах новым донесением (24 июня), что шестеро крестьян, с которыми в заговоре были еще 15, запасшись топорами и ножами, бежали в деревню, чтобы убить Ведерникова; оставшиеся в деревне вместе с ними возмутились, требуя собственноручно подписанного государем указа о переводе на заводы, так как другим документам не верят; они послали в Петербург двух ходоков, Петрова и Федорова, и, вооружавшись, стали ждать их возвращения, но военная команда в 50 человек овладела деревней, не встретив впрочем сопротивления, так как все, кроме женщин и дряхлых, разбежались.

Губернатор столь же поверхностно ознакомился с положением крестьян на заводах, как и вице-губернатор: он засвидетельствовал, что администрация надлежащим образом относится к крестьянам, оплачивая их труд даже в большем размере, чем полагалось; иные уже связались с прочим местным рабочим населением путем браков; однако некоторые крестьяне все еще убеждены, что перевод на заводы состоялся без ведома правительства. Так как доклад губер-

[1]) Журнал департ. законов, 23 мая 1816 г., № 13 (стр. 230—35).

натора по своему характеру ничем не отличался от доклада вице-губернатора, то и на этот раз комитет министров ограничился «принятием к сведению» (12 сентября).

Когда месяц спустя мемория комитета министров была представлена государю, он велел запросить губернатора: что сделано с крестьянами, оставленными в деревне, не переведены ли они на заводы? Этот запрос был вызван просьбою ходоков о принятии крестьян Аристовой и Шишелевой в казну. Прибыв в столицу в августе, ходоки поспешили к государю с прошением, но он не принял, сказав, что надо передать по назначению. Однако в октябре Федорову все же удалось вручить лично государю прошение [1]). Федоров вскоре уехал в деревню, а Петров стал ходить к Аракчееву, чтобы проследить ход дела. Когда от губернатора поступило сообщение, что все крестьяне уже находятся на заводах, за исключением 12 беглых (в том числе Петрова и Федорова) и 9, заключенных в тюрьму, Вязмитинов, по поручению Аракчеева, об'явил Петрову, что в виду фактического перехода крестьян на заводы, дело считается законченным, рассказал ему, что крестьяне живут там в спокойствии, и велел ему туда отправиться (15 января 1817 г.).

Но дело оказалось еще не законченным. В мае 1817 г. от Петрова прибыло новое всеподданнейшее прошение. Увидя, как страдают его товарищи, и сам испытав ужасы заводской жизни, он ушел с завода без вида: из Софии (по соседству с Царским селом) он отправил нарочитою эстафетою» прошение. Петров имел мужество поведать со всей правдивостью о том, что сделал Яковлев с крестьянами, пользуясь поддержкой местных властей. «Я осмеливаюсь— говорил Петров в прошении—пред высочайшей твоей особою признаться, если бы не богатство Яковлева склонило начальников губерний, то какая необходимость предстояла им пренебречь законами [2]), которые даже крестьянин помнит, а чиновники забыли: крестьяне—писал Петров—напоминали об этих законах, «кричали, просили оными ограждения, но никто слышать и взирать на закон не хотел, чинили это только в угоду господину Яковлеву». Далее, указав, что дважды всеподданнейшие прошения оставлены без удовлетворения и напомнив о вторжении войск в деревни, жертвою чего пали двое крестьян, Петров говорил, что наверно местные власти донесли, будто войска были вызваны в виду буйства крестьян, но пусть государь рассудит, возможно-ли, чтобы 350 крестьян, среди коих были старцы и дети, ничего не имея в руках, кроме «крестьянского к пашне доспеха», выступили против нескольких сот регулярных солдат? Крестьяне надеялись на силу закона, а победа полководца была куплена богатством Яковлева. Крестьяне разорены, доведены до такого состояния, о котором страшно сказать государю, потому что «несвойственно и хищному зверю то делать»; к этому присоединились мучительные работы на заводах, жестокие наказания, от которых не избавлены даже старцы. Как же мог Вязмитинов—воскликнул Петров—сказать, будто крестьяне добровольно остались на заводе, дабы улучшить свое положение, якобы бывшее в деревне бедственным! Кто «может согласиться из воли быть в каторжной работе, в которую Яковлев верителей моих и меня употребляет»: какую хитрость должен был выдумать Яковлев чрез вятское начальство, чтобы обмануть Вязмитинова; «если бы таковой поступок сделал не Яковлев, многие бы темницы для него готовы», а этому богачу «вся губерния, что только возмыслит», содействует. В заключение Петров просил вернуть крестьян в деревни и передать их в казенное ведомство; они готовы уплатить Яковлеву деньги, истраченные на покупку деревень.

Ознакомившись с прошением Петрова, Аракчеев вытребовал от Вязмитинова, для представления государю, доклад вятского губернатора о положении крестьян на заводах. Эти бумаги поступили в комитет министров. Признав, что прошение не заслуживает внимания (кроме жалобы на то, что крестьяне не получили полностью деньги за хлеб, проданный Ведерниковым), и высказав подозрение, что Петров просто избегает отчета в израсходовании мирских денег, а потому подает прошения, комитет министров (15 мая) нашел все же необходимым для совершенного прекращения дела послать на заводы кого-либо из «доверенных чиновников», дабы узнать истинное положение крестьян, и с ним послать Петрова, которого предать суду, если его жалоба окажется неосновательной. Государь согласился, но приказал командировать туда флигель-адъютанта Никиту Панкратьева.

Нижеприводимый доклад Панкратьева (18 июля 1817 г.) свидетельствует, что Панкратьев оправдал доверие, оказанное ему государем. Он не пошел по пути губернатора и вице-губернатора. Не придавая значения формально-правильным счетам, он заглянул в глубь жизни крестьян

---

[1]) Во время двухмесячного отсутствия государя из Петербурга ходоки работали в Новгороде, чтобы пропорциться. Там они разминулись. Подав прошение государю, Федоров высказал государю опасение о судьбе Петрова, неизвестно где находящегося; государь приказал полиции разыскать его, но Петров сам отыскался. Петрову был продлен срок вида, чтобы он мог оставаться в Петербурге до рассмотрения ходатайства.

[2]) Закон 1802 г., а также закон 1810 г. о покупке крестьян к суконным фабрикам.

как материальной, так и духовной. Если даже предположить, что при оценке заводских порядков Панкратьев пощадил Яковлева, то в очень малой степени: во всяком случае он раскрыл правду о несчастной участи крестьян, переведенных в непривычную им заводскую обстановку. Возможно, что тут сказалось общение с Петровым в пути из Петербурга на заводы.

«Переселенные крестьяне, размещенные на Холуницком и Чернохолуницком заводах [1], расположены по сих пор довольно тесно, так что в одной избе живут по два и по три семейства, и хотя строения для них уже готовы, но контора боится разместить их вдали от старожилов, опасаясь побегов.—Они находятся в таком же положении, как и прочие Яковлева крестьяне.—Плату за работу получают такую же, как и вольные работники.—Довольствуются из экономии провиантом и одеждою.

«Из приложенной при сем записки [2]) можно видеть все подробности их положения — сколько платится им за каждую работу, и сколько денег выручено за проданные имущества на прежнем местопребывании их. Рассматривая все сие, никак нельзя сказать, чтобы заводчик старался делать им особенные какие-либо притеснения, напротив того, контора и управитель всегда будут правы по всем бумажным документам и счетам. Но входя в истинное положение переселенцев сих, а не в одни формальные наружности, я нашел, что они находятся в самом бедственном состоянии.

«Привыкши с давних лет обрабатывать поля свои и жить в счастливом избытке, они внезапно лишены были всякой собственности и погнаны, как стада скотов, из мирных жилищ своих в каторжную работу,—я говорю каторжную, ибо работа на Холуницких заводах столько же трудна, как и на Нерчинских. Ужасный переход сей от сельской жизни к заводской столь труден, что из бедных переселенцев сих 77 душ обоего пола умерли в течение одного прошлого года, что составляет шестую часть целого. Работают они ежедневно по 10-ти и 12-ти часов в сутки, имея в виду всегда единообразную тяжкую работу; и хотя плата, им производимая, кажется довольно велика, но контора, снабжая их провиантом и одеждою, и имея совершенный монополь сих предметов, высчитывает за оные деньги из следующих за работы, так что выработка остается весьма малая. Я смотрел счетные листы переселенцев, в коих пишется то, что они зарабатывают, и то, что должны экономии, и нашел, что по сих пор почти никто из них еще ничего не заработал, но напротив многие должны экономии. Сие тем менее удивительно, что контора даже и на вольных работниках считает большие недоимки, что видно из приложенной ведомости. К сему прибавить надобно, что отпускаемый конторою провиант состоит в одной муке и соли, и иногда в солоде, от чего и происходит, что переселенцы, не имеющие у себя огородов, питаются весьма скудно. Сие должно быть им тем ощутительнее, что они в прежней жизни своей имели привычку к избытку; хотя контора и старается о заведении им огородов, но они имеют столь сильное отвращение от заводской жизни, что не хотят за оные приняться. Также заметить надлежит, что хотя плата мастерам и изрядная, но может ли иметь каждый дарование отличиться в мастерствах.—Во время переселения их отняты у них конторою все лошади и деньги из опасения побегов, и хотя контора и ведет счет следующим за сие деньгам так, как и за проданный хлеб в деревне Аристовой, но деньги по сих пор переселенцам не возвращаются, и они не имеют теперь никакой собственности, а в виду одна только тяжелая работа. В похвалу конторе надобно сказать, что она дает теперь некоторым семействам по корове.

«Рассматривая все сии обстоятельства, хотя и нельзя особенно ничего опорочить в действиях г. Яковлева, но нельзя не согласиться, что состояние сих несчастных переселенцев весьма бедственно, и что участь их весьма похожа на участь негров, кои томятся в американских плантациях. Переселенцы сии об'явили мне, что лучше желают быть взяты все в солдаты или пойти на поселение в Сибирь, чем оставаться на заводах Яковлева. Будучи очевидным свидетелем несчастного положения крестьян сих, я осмеливаюсь возбудить внимание правительства вообще на систему насильственного правления (отправления?) на заводы. Жестокая мера сия столь же противна известным чувствам человеколюбия и милосердия Государя Императора нашего, сколь и пользе государственной.

«Не входя в рассмотрение, можно ли из сострадания к несчастным возвратить их на прежние жилища или сколь вредно будет сие для общественной пользы, я представляю все на рассмотрение правительства.

«Посланный со мной крестьянин Евдоким Петров оставлен мною на Холуницких заводах: мне предписано было отдать его под суд, в случае ежели найду просьбу его неосновательною

---

[1]) 10 семейств были поселены на Богородском и Нижнетроицком заводах, 44—на Холуницком, 56—на Чернохолуницком.

[2]) См. дело департам. полиции исполнит., 1815 г., № 110.

Но уверясь, на самом деле, что он точно был поверенным всего общества аристовских крестьян, и что он ничем более других не виновен я не счел себя в праве сделать его несчастным. При сем поставляю себе обязанностью представить, что наказание так называемых зачинщиков бунта аристовских крестьян должно быть произведено весьма осторожно, ибо в деле сем виновны не некоторые буйные люди, но вообще отчаяние».

При обсуждении доклада Панкратьева комитет министров стал на ту точку зрения, что горное производство, «как необходимая и знатная отрасль внутренней и внешней торговли», должно быть поддерживаемо, а потому мысль о возвращении крестьян в деревню была отвергнута, «по крайнему недостатку в людях» на заводах; комитет постановил: поручить губернатору убедиться на месте, выдают ли крестьянам вещи и припасы по действительным ценам, или контора допускает злоупотребления, и изыскать меры, дабы крестьяне сверх питания и одежды получали за работу также деньги; причитающиеся крестьянам деньги за их проданное имущество, хранящиеся в заводской конторе, немедленно роздать по принадлежности; предложить государственному совету ускорить разработку законопроекта о переводе крестьян.

Это постановление не пришлось по душе Александру. Он лишь «на сей только раз» утвердил решение об оставлении крестьян на заводах: далее он приказал немедленно выдать крестьянам также деньги, вырученные от продажи их хлеба; наконец, государь повелел государственному совету заняться не одним только вопросом о переводе в будущем крестьян на заводы, но и об улучшении положения крестьян, уже находящихся на частных и казенных горных заводах, причем он указал, что по его мнению «никакие препятствия не могут и не должны существовать, раз идет дело о страждующем человечестве».

Таким образом затаенное желание Панкратьева вернуть крестьян домой не осуществилось. С другой стороны, его призыв к осторожности при наказании крестьян за возмущение не дошел до слуха тех, в чьих руках оказалась их судьба.

24 октября губернатор частным образом узнал, что на Холуницких заводах готовится экзекуция над крестьянами, для чего заводский исправник вытребовал на завод слободский земский суд, а вместе с тем обратился в вятскую городскую полицию за катом. Губернатор заволновался. Ему было известно содержание доклада Панкратьева, столь чутко относящегося к печальной доле крестьян; к тому же губернатор получил предписание позаботиться об улучшении их положения. Надеясь предотвратить не только самую экзекуцию, но даже оглашение судебного приговора, он немедленно отправил на завод находившегося в Вятке слободского земского исправника с предписанием не подвергать крестьян наказанию до получения распоряжения от него, губернатора. Но когда слободский исправник прибыл на другой день на Холуницкий завод, то оказалось, что уже были наказаны из числа приговоренных те 16 крестьян, которые жили на Холуницком заводе, так как слободский земский суд был вынужден поспешить на завод в виду угрозы заводского исправника, что он и без присутствия суда подвергнет крестьян наказанию. Лишь в день экзекуции губернатор получил от горного правления уведомление о приговоре, вынесенном вторым департаментом горного правления и утвержденном берг-инспектором: одновременно о приговоре известил губернатора заводский исправник, заявив, что, получив указ горного правления, он остановил работы заводов, дабы одних крестьян взять под стражу, а других под присмотр, вследствие чего на Черноholуницком заводе уже не работают три дня: длить такое состояние нельзя, но и отпустить арестованных он не может, так как, зная об ожидающей их участи, они способны, впав в отчаяние, совершить злодеяние как над собою, так и над заводами. Губернатор оказался в затруднительном положении: у него не было никакого формального повода вмешаться в дело, так как оно было подсудно горному правлению, которому в таких случаях были обязаны подчиняться местные судебные установления. Губернатору пришлось приказать довести экзекуцию до конца.

Главными виновниками буйств были признаны двое старост, которые внушали крестьянам, что их переводят на заводы вопреки закону 1802 г., и трое ходоков, разглашавшие, будто их ходатайство было высочайше уполномочено, и еще один крестьянин, склонивший некоторых других к побегу с завода; их приговорили к наказанию кнутом и ссылке в Нерчинские каторжные работы (с вырезанием ноздрей и наложением клейма), но двое из них, в том числе Петров, столь потрудившийся для спасения своих односельчан, бывшие в бегах, подлежали предаванию суду, когда будут пойманы; что касается прочих, то, принимая во внимание, что они не были вожаками, и что нельзя лишить заводы людей, суд приискал к ним меньшую кару: 34 человека, в возрасте от 40 до 70 лет, наказать тридцатью ударами плетьми; 20 человек, в возрасте от 30 до 40 лет, двадцатью-пятью ударами батожьем; 93 человека, в возрасте от 20 до 30 лет, тридцатью-пятью ударами наказать; крестьян, включенных в последние три отделения, наказать не всех, а третью из жребия.

Комитет министров был потрясен описанной экзекуцией. Он решил (1 декабря) довести обо всем до сведения государя, а председатель комитета предложил постановить на будущее время, чтобы по делам, по которым к наказанию присуждается много людей, приговоры приводились в исполнение не прежде, как сенат рассмотрит дело, а министр юстиции испросит высочайшее повеление на исполнение приговора. Государь это вполне одобрил и повелел сенату сделать надлежащее распоряжение [1]).

Губернатор представил подробный доклад (26 ноября 1817 г.) о положении вятских крестьян на заводах, причем коснулся и прочих рабочих на яковлевских заводах. Из числа вятских крестьян только четыре семейства получили денежный заработок за первый год пребывания на заводе, причем не более 33 рублей на семью, но на 55 семействах накопились долги заводской конторе, достигшие у одного семейства до 228 рублей; долги числились и на старых рабочих: из крепостных крестьян, поселенных на заводах ранее вятских крестьян, 141 семейств имели заработок, достигший у некоторых до 154 р. (максимум), а 106 вошли в долги, причем у иных долг возрос до 139 р.; из государственных крестьян, издавна живших на заводе, 84 семейства имели заработок (максимум 153 р. на семью), а 109 семейств вышли в долги, доходившие у некоторых до 159 р.. Эти цифры являлись разницей между суммой, причитавшейся рабочему за выполненный труд, и тем, что рабочие брали в конторе сестными припасами и одеждой, а изредка и наличными деньгами. Контора объясняла слабый заработок одних рабочих и задолженность других тем, что вятские крестьяне не хотели работать, надеясь вернуться домой, а некоторые были в бегах, между тем как контора выдавала продукты их семьям; долги же старых мастеровых происходят от неприлежания, от пьянства, недозволенных отлучек, а также благодаря случаям смерти кормильца семьи, долговременной болезни, когда на семьях накопляются долги за выдаваемые им припасы и одежду. Губернатор был склонен удовольствоваться внешней правильностью счетов, а потому он, напр., не остановился подробнее на вопросе о ценах, по которым рабочим отпускались продукты и одежда; но выраженное свыше желание, чтобы рабочие помимо пропитания и одежды имели также деньги, заставило губернатора критически отнестись к слабому заработку одних и к задолженности других рабочих и набросать проект тех изменений, которые должны быть внесены в способы расплаты с рабочими установленные конторой (напр., отменить вычет за продовольствие во время болезни). Затем губернатор произвел расчет между конторой и вятскими крестьянами по ликвидации их имущества: крестьянам причитались: взятые у них наличными 1604 р. 20 к.; за отобранных лошадей — 3218 р.; за снятый хлеб и проч.—17500 р.; с крестьян причиталось: за похищенные беглыми крестьянами у Ведерникова деньги и вещи—1046 р.; за разъезды по поимке беглых—466 р. 65 к.; таким образом крестьянам следовало уплатить 20809 р. 55 к. Но в конторе не оказалось всей суммы, а потому им уплатили только 5900 р.; на остальную сумму каждому крестьянину была выдана соответствующая расписка конторы.

Доклад губернатора о выработанных им правилах был заслушан комитетом министров; затем Вязмитинов предложил (декабрь 1817 г.) передать их на рассмотрение министра финансов. И дело на этом остановилось. Только два с половиной года спустя вновь назначенный на пост министра внутр. дел В. Кочубей освежил дело. Он запросил губернатора (7 июня 1820 г.), не следует-ли внести изменения в его правила и роздал-ли Яковлев крестьянам их собственные деньги?

Губернатор отправился на завод, но не для того, чтобы проверить, требуют-ли предложенные им правила изменений, а чтобы побеседовать с заводчиком. Губернатор узнал, что горное правление самостоятельно собирает сведения об оплате труда рабочих для представления в особую комиссию, учрежденную комитетом министров. Что касается собственных денег крестьян, то оказалось, что, игнорируя высочайшее повеление, Яковлев в течение трех лет не роздал их, мотивируя это тем, что крестьяне плохо работая, покупаются целыми десятками к побегу, а другие проматывают деньги, а потому, в целях предотвращения побегов и мотовства, Яковлев не отдал денег крестьянам. Только теперь, по требованию губернатора, был произведен расчет.

Получив об этом донесение губернатора, Кочубей предложил комитету министров объявить Яковлеву чрез губернское начальство, чтобы он не смел в будущем повторять нечто подобное, что он должен в положенные сроки и полностью выдавать крестьянам припасы и деньги, в противном случае его заводы будут взяты в опеку, а он сам предан суду. Вместе с тем Кочубей указал на необходимость передать выработанные губернатором правила министру финансов.

---

[1]) Александр живо интересовался делом яковлевских крестьян; он велел напомнить губернатору, что от него ожидаются подробные сведения о положении крестьян на заводах; будучи в Москве, он выпребовал сперва донесение губернатора от 1816 г., а потом и вновь поступившее.

которому поручено совместно с государственным советом составить правила к улучшению положения крестьян, приписанных к заводам. Комитет министров одобрил эти предложения и довел о них до сведения государя (14 июня 1821 г.). И все же дело не двинулось вперед. Шесть лет спустя, покидая должность государственного секретаря, Оленин сообщил (20 мая 1827 г.) своему преемнику, что, разбирая бумаги, накопившиеся за 15 лет, он нашел дело о переселении крестьян, которое остановилось в своем движении в виду того, что оно было поставлено в связь с вопросом о продаже крестьян одиночками и без земли, а этот вопрос не был разрешен из-за того, что члены государственного совета не представили своих мнений.

Когда же, наконец, в 1829 г. государственный совет обсудил вопрос о продаже крестьян врозь и без земли, то, желая затянуть дело, он предложил образовать для рассмотрения вопроса особый комитет из лиц, назначенных государем, так как затрагивались права дворян на крепостных...

Такой комитет был учрежден, и этим решение вопроса о заводских крестьянах было отложено.

Юлий Гессен.

Судьба указа о свободных хлебопашцах [1] в царствование Александра I.

Вопрос о свободных хлебопашцах очень слабо разработан в нашей исторической науке. На него твердо установился взгляд, как на гуманную, но бесплодную затею «дней Александровых прекрасного начала», как на мероприятие, отразившее на себе либеральные настроения эпохи, но бессильное претворить их в действительную жизнь. Этим определялось все значение вопроса для русской истории вообще и истории русского крестьянства в частности, и соответственно этому значению уделялось внимание на его разработку. Не подлежит спору, что в учреждении свободных хлебопашцев нашел отзвук поверхностный либерализм начала Александровского царствования, не менее справедливо и то, что законодательство о свободных хлебопашцах имело мало реальных результатов (к 60-тым годам цифра уволенных не достигала 150.000 душ). Однако неверно, будто этим исчерпывается весь интерес изучения вопроса. Изучение его важно не только для характеристики отношения правящих кругов к крестьянскому вопросу, но и для анализа той социально-экономической среды, во взаимодействие с которой вступило законодательство о свободных хлебопашцах при своем практическом применении.

Вокруг вопроса о свободных хлебопашцах, начиная с момента его зарождения, сплелись интересы, стремления, взгляды различных общественных и политических групп и учреждений, и потому, следя за судьбой мероприятия среди реальной обстановки эпохи, мы вскрываем ту историческую атмосферу, которая определяла не только участь данного либерального начинания, но в значительной степени участь многих современных ему и позднейших начинаний по крестьянскому вопросу.

Для составления настоящего очерка мы воспользовались, кроме имеющегося в печати материала [2]), неизданным материалом архива министерства внутренних дел, комитета министров и комиссии по составлению законов.

I.

Как известно, инициатива закона о свободных хлебопашцах принадлежит гр. С. П. Румянцеву, фигуре очень видной среди немногочисленного лагеря тогдашней либеральной знати. Писатель, меценат, прикоснувшийся к западной культуре во время частых поездок за границу, усвоивший некоторые идеи освободительного века, чрез призму Версальского и Петербургского дворов, и своеобразно сочетавший их с сословно-дворянским умонастроением [3]), гр. С. П. Румянцев в ноябре 1802 г. обратился с прошением на высочайшее имя по поводу разрешения ему отпустить крестьян своих на свободу на особых условиях, которым он предлагал придать форму общего узаконения. Свое прошение гр. Румянцев начинает восхвалением указа 12 дек. 1801 г. [4]) и указанием на историческую законность и оправдание постановки вопроса о ликви-

---

[1]) В следующей книге «Архива истории труда в России» имеет появиться статья того же автора о хозяйственном быте свободных хлебопашцев. *Ред.*

[2]) Архив Гос. Совета, изданный (до 1825 г). Калачевым, и журналы Комитета Министров т. I и II за 1802—1812 г.г. СПБ. 1888 и 1891 г.

[3]) О Румянцеве—см. «Русск. Архив» 1869 г. стр. 839—882 и 1953—1966.

[4]) О праве лиц всех свободных состояний приобретать не населенные земли. Первое Собрание Законов т. XXVI, № 20075.

хании крепостного права: после того, «как Петром Великим истреблено насильственным образом невежество... нечувствительно и без всякого опасения начаться может постепенное уничтожение и самого рабства, которое иное ли что, как положительное и ужасное бедствие»? Далее следует изложение средств для уничтожения «крепостной зависимости».

Главный принцип для разрешения вопроса формулируется гр. Румянцевым следующим образом: «в предложениях моих разрешение трудностей основывается на добровольных соглашениях и взаимных равно для дворянства, как и для крестьян выгодах».

Этим принципом очерчиваются прежде всего рамки допустимых средств освобождения. Исключается принудительная государственная реформа, и принимается лишь путь частных соглашений между крестьянами и помещиками. Точка зрения, типичная для большинства проектов по крестьянскому вопросу времен Александра, и хорошо отражающая страх современного дворянства перед последствиями радикальной ломки сложившихся на почве крепостничества хозяйственных и правовых отношений.

Формулировка этого принципа содержит еще и указание на счет характера добровольных соглашений: они должны основываться на взаимных и равных выгодах обеих сторон, крестьян и дворянства. Каким же путем достигается это равенство в выгодах при резком неравенстве хозяйственного и юридического положения сторон?

Ответ дается такого рода: «кажется бы, можно было установить, что невозбранно никакому помещику, пользующемуся свободным именем, увольнять и целыми селениями, утверждая крепостным порядком участки и угодья за каждым крестьянином особливо, или же всю дачу за обществом, на таких условиях, кои согласуются с государственными узаконениями, и кои полезными найдены будут обоюдно. Правительству же остается тогда быть лишь беспристрастным и строгим таковых постановлений ручателем; а крестьян, покупающихся быть несостоятельными, брать в рекруты, давая помещикам квитанции и возвращая сих последним земли».

Таким образом в глазах Румянцева гарантии взаимной выгодности соглашений в значительной мере служит уже сама их добровольность. Источником такого убеждения служит признание за факт одинаковой правоспособности сторон при заключении договора об увольнении, что на самом деле являлось, конечно, чистейшей фикцией. Очевидно, для того, чтобы сделать увольнение крестьян привлекательным для дворянства, гр. Румянцев выдвигает невмешательство правительственной власти в соглашение их с крепостными. С той же целью гарантировать помещичьи интересы предлагается в прошении наложение тяжкого взыскания на «крестьян, покупающихся быть несостоятельными».

Эти положения в совокупности сводили бы все рассуждение о необходимости взаимных выгод к, прикрытому звонкими фразами о бедствиях рабства, поползновению расширить дворянское право распоряжаться своим именем путем дозволения помещикам отпускать крестьян целыми селениями, если бы не одна черта, существенно меняющая картину: отпуск совершается с укреплением за крестьянами земельных наделов.

В этом требовании нельзя не видеть желание оградить права крестьян при их увольнении. Отпуск их не иначе, как с землею, ограничивал свободу помещика распоряжаться своим именем, и на столько же не соответствовал в силу этого его хозяйственным соображениям, насколько отвечал жизненным потребностям русского крестьянства.

Эта благоприятная для крестьян сторона Румянцевского проекта дополняется указанием на необходимость создания из уволенных крестьян особого сословия, наделенного правом собственности на землю и пользующегося благами указа 12 декабря 1801 года о предоставлении людям свободного состояния приобретать ненаселенные земли.

В образовании сословия свободных поселян гр. Румянцев усматривает как бы conditio sine qua non всего проектируемого учреждения, так как переход уволенных крестьян в разряд государственных не избавил бы их от опасности «попасть в раздачу, могущую последовать от государей».

Таким образом, исходя в упразднении крепостничества из обоюдных выгод сторон, гр. Румянцев приходит к компромиссу между тенденцией к распространению уже существовавшего права дворянства на увольнение крепостных по одиночке и семьями на целые селения и стремлением к удовлетворению первейшей нужды крестьян в свободном обладании землею. Компромисс, обнаруживший свою безжизненность при соприкосновении с действительностью, но прекрасно отразивший благодушный оптимизм инициатора закона о свободных хлебопашцах, проникнутого духом умеренного аболиционизма.

Именно этот дух умеренного аболиционизма вызвал, вероятно, в Александре полное сочувствие к предложению гр. Румянцева: с одной стороны, оно вполне отвечало его собственному взгляду, «что следует удовлетворить массу народа, которая, волнуясь, может сделаться опасною»,

и с другой—все предложение было, как будто бы, вполне приемлемо и для дворянства, суля ему выгодное расширение прав; следовательно, и антитеза взгляда Александра, выставлявшаяся его «либеральными» сотрудниками по комитету, что «не следовало слишком обижать дворян, составлявших также значительную массу, легко могущую приобресть влияние»,—эта антитеза, с которой не мог не считаться Александр, также получала своего рода удовлетворение [1]).

Государь поспешил передать прошение гр. Румянцева в Госуд. Совет, который 12 января 1803 г. приступил [2]) к обсуждению, как прошения, так и составленного Румянцевым проекта указа.

Обращаясь прежде всего к проекту указа, мы замечаем в нем наряду с повторением и развитием мыслей, выраженных в прошении, и кое-что новое.

В декларативной части указа излагается мотивировка нового мероприятия. В мотивировке мы не встречаем никаких одиозных для дворянства выпадов по адресу крепостного права, даже самая освободительная идея проекта выступает в тщательно замаскированном виде. Указу придается форма дарования дворянству новых преимуществ в свидетельство «отличных заслуг и тех давных на пользу общую пожертвований, коими блестят в бытии прошедших Российские дворянские поколения» [3]). Освобождение крестьян оказывается не целью закона, а очень искусно изображается каким-то хорошим, но механическим следствием осуществления выгодной для дворянства привилегии. И в формулировке статей наблюдается нарочитое желание сбить все острые и неудобные для дворянства углы нового мероприятия, при чем подтверждается незыблемость того самого крепостного права, которое в прошении осуждалось.

В одной статье проекта мы читаем: «дозволяется благородным не только отпускать на волю людей или крестьян, им принадлежащих, как доселе указами установлено, но е щ е у в о л ь н я т ь и ц е л ы м и с е л е н и я м и, о б я з ы в а я к р е с т ь я н к р е п о с т н ы м у с л о в и е м, так как всякий из пользующихся господским правом лучше то придумать может к умножению ли дохода или каких для себя личных выгод». А другая статья говорила: «Указом нашим 12 декабря 1801 г. повелено укреплять земли за людьми состояний свободных. Вследствие сего всякий д в о р я н и н, у в о л ь н я ю щ и й и ц е л ы м с е л е н и е м, м о ж е т, п о у с м о т р е н и ю к а к о й д л я с е б я о с о б о й п о л ь з ы, у т в е р ж д а т ь з а к а ж д ы м у в о л е н н ы м т а к о й у ч а с т о к з е м л и, к а к о й з а б л а г о р а с с у д и т с я».

Таким образом увольнение крестьян целыми селениями и наделение их землею, фигурирующие в прошении, как два неразрывно между собою связанных акта, здесь как бы расчленяются: право помещика уволить крестьян селением не обусловливается непременным обязательством укреплять за увольняемыми землю и приобретает самостоятельное значение.

Мы не думаем, чтобы сам Румянцев желал придать этим статьям указанный смысл, но такое толкование их делалось возможным благодаря неясности формулировки, проистекавшей из стремления, во что бы то ни стало, построить весь проект, исходя из дворянских прав и преимуществ. Эта конструкция выдерживается и в следующих двух статьях (IV и V), трактующих об условиях выкупа крестьян, которые предполагаются возможными в тройной форме: 1) в форме полного и единовременного выкупа крестьянской земли и свободы, 2) в форме выкупа земли и свободы в рассрочку, 3) в форме выкупа земли с сохранением обязательства уплачивать оброк, при чем гарантия для соблюдения условий крестьянами устанавливается та же, что и в прошении, с тем лишь отличием, что к отдаче несостоятельных крестьян в рекруты присоединяется еще определение их в какую-нибудь государственную работу.

Но конструкция эта ломается, когда проект делает робкую попытку пойти несколько дальше по сравнению с прошением в обеспечении крестьянских интересов. Статья четвертая, «оставляя каждому из дающих свободу придумывать все то, что к выгодам его собственным и к благу увольняемых способствовать может», повелевает, однако, «вносить всегда предусмотрительно о том просьбу в Сенат, к о т о р ы й, у д о с т о в е р я с ь, в о - п е р в ы х, о н а с т о я щ е й п о л ь з е к р е с т ь я н, рассматривает, не находится ли чего расстраивающего согласие государственных по разным частям узаконений», после чего уже следует императорское подтверждение. Итак, Румянцев решился все же вывести правительственную власть из пассивной роли «ручателя» сделок о купле и продаже крестьянской земли и свободы и отвел сенату активную роль инстанции, контролирующей соглашение и притом с точки зрения интересов увольняемых крестьян.

В результате Государственный совет мог найти в прошении Румянцева более или менее откровенное изложение мотивов и цели предполагаемой меры, а в проекте указа, приемлемое для дворянства обличье нового закона.

---

[1]) *Богданович:* «История царствования Александра I», т. I, прилож. стр. 90.

[2]) В состав Гос. Сов. в то время входили: гр. Завадовский, гр. Зубов, гр. Румянцев, Вязмитинов, кн. Лопухин, гр. В. Кочубей, Трощинский и Державин. См. *Вишняков,* «Крестьяне-собственники в России», с. 16

[3]) «Русский Архив», 1869 г., с. 1957.

Протоколы заседаний совета (12, 19, 20 января и 9 февраля 1802 г.) слишком кратки для того, чтобы представить картину обсуждения и выработки закона о свободных хлебопашцах. Однако некоторые черты ее удается все же наметить.

На первом же заседании Государственный совет выявил свою позицию по отношению к проекту Румянцева. Были выделены две стороны вопроса: 1) главная мысль об увольнении крестьян по условиям их с помещиками; 2) образ, каким предполагается провести ее в действие [1]. К первой стороне вопроса совет отнесся положительно, признав, что увольнение путем добровольных условий с крестьянами, сообразно с законами, доселе существовавшими, (сообразно и во многих случаях действительно как помещикам, так и крестьянам может быть полезно» [2]. Зато предложенный способ осуществления этого принципа подвергся жестокой критике. Прежде всего была отвергнута мысль об издании общего положения об увольнении крестьян. Издание общего закона об освобождении крестьян — указывали члены совета — «по условиям (т. е. в силу добровольных условий) может произвести превратные толки, и вместо того, чтобы вы[illegible] устанавливаемое, на прежних законах основанной пользы обоюдное, многие помещики, корыстные случаи, усмотрят в нем первое нарушение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе» [3].

Известный поэт Державин, в то время министр юстиции, который, по собственным словам, больше всех других членов совета настаивал на ненужности нового закона [4], присовокуплял типичное для реакционного большинства дворянства замечание в том смысле, что «обычай сей (т. е. крепостное право), утвержденный временем, соделался столько священным, что прикоснуться к нему без вредных последствий великая нужна осторожность» [5].

Совет выступал против идеи издания общего закона и с другой стороны. Издание такового общего положения об освобождении крестьян по мнению совета, многих помещиков, по жадности к прибыткам, вовлечет в свои корыстные расчеты. Пользуясь расположением крестьян к свободе, они будут предписывать отяготительные им условия, а крестьяне, прельщенные призраком вольности и не быв в состоянии ни измерить всей тяжести сих условий, ни рассчитать возможности их силы, войдут с помещиками в сделки, все разорительные, а конец их будет тот, что трудолюбивые земледельцы будут в нетрудах или в работах, а исправные из заботливых помещичьих крестьян превратятся в свободных бобылей» [6]. В этом любопытном рассуждении аргументация бьет мимо цели. Задачей членов совета, очевидно, было доказать недопустимость общего закона об увольнении, исходя из интересов отпускаемых на свободу крестьян, а между тем из критики явствует только то, что для крестьян должен оказаться безусловно невыгодным закон, построенный на принципе добровольности и свободы сделок между увольняемыми и помещиком. Таким образом компрометируется не отрицательная тенденция мероприятия, а идея добровольности соглашений, опасные последствия которой для крестьян указаны очень верно и оправдались вскоре на деле. Но ссылка на интересы крестьян для совета всего лишь оружие для борьбы с неприятной для него стороной проекта, и совет ради них вовсе не желает отказаться от выгодной для дворянства свободы сделок. Наоборот, он протестует против предложения Румянцева поставить соглашение об увольнении под контроль совета, так как это повлечет за собой ряд технических затруднений по собиранию сведений с мест.

Обращает на себя внимание то, что совет не выступил с возражением против весьма существенного и далеко не вполне приятного для дворянства положения о наделении крестьян землею. Чем это объясняется? Протоколы совета не дают прямого ответа на этот вопрос. Мы полагаем, что разгадку можно найти в следующем замечании гр. Кочубея, сделанном при обсуждении указа: «Главное основание закона сего, писал Кочубей в 1814 г., состояло в том, чтобы твердым образом устроить участь крестьян, в свободные хлебопашцы увольняемых, с непременным охранением права владельцев и благоустройства в Государстве. Твердо основать участь крестьян не можно было иначе, как, во-первых, устранением всякого к ним прикосновения со стороны владельцев с того времени, как сделались свободными, а во-вторых, доставлением им вместе с сим в полную собственность нужного количества земли, дабы посредством сего именно избежать того неудобства, которое существует в других иностранных государствах, где при свободе находится самых беднейших неоседлых людей, единственно в тягость обществу служащих» [7].

1) «Арх. Госуд. Совета», т. III, ч. 1, с. 781.
2) Ibid.
3) Ibid.
4) «Записка Державина», стр. 486.
5) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, 1, с. 785.
6) «Арх. Гос Сов.», т. III, ч. 1, с. 785.
7) Архив М-ства внутр. дел., Деп. общ. дел., дело № 1811.

Отнюдь не аболиционист, но, вместе с тем, и не крайний крепостник в духе Державина или Ростопчина, гр. Кочубей, можно полагать, в данном случае выражает среднее мнение совета, отвечавшее точке зрения большинства его членов. При решении острой дилеммы о расширении прав дворянства на свободное распоряжение своим имением или об ограничении этого права в смысле обязательного укрепления за крестьянами земельных участков не упускалось из виду соображение о безопасности существующего государственного строя над узкой сословной точкой зрения. Впрочем, позднее совет делал не [illegible] [illegible], [illegible] самим [illegible] обязанность. Советом были выработаны положения, которые должны были лечь в основание указа. Прежде всего, дабы указ не имел формы общего узаконения, решено было издать его на имя гр. Румянцева и только в конце указа дать ему расширение с позволением распространять дозволение освобождать крепостных людей с отдачею им земли по условию на остальных помещиков с тем, однако, чтобы каждый непременно испрашивал на сие высочайшее соизволение. Относительно порядка заключения соглашений совет предоставил, не подвергая их никакому контролю высших инстанций, приравнивать их к прочим крепостным обязательствам, в силу чего следовало ограничиться явкою их в те же присутственные места, где записываются купчие. Неисполнение договора со стороны крестьян должно было обеспечиваться способом, для уклоняющихся не менее жестоким, чем в проекте гр. Румянцева, но более выгодным для помещиков. Крестьянин, не исполнивший своих обязательств, подлежал возвращению помещику с землею и семейством его во владение по-прежнему.

О дальнейших перипетиях обсуждения указа наши сведения чрезвычайно скудны. Известно только, что в январе и феврале 1803 г., при участии самого гр. Румянцева, приглашенного по воле Государя, рассматривались три проекта: из них один был составлен на основании изложенных выше положений совета, другой внесен по высочайшему повелению Трощинским и третьим был новый проект гр. Румянцева [1].

Указ Сенату в окончательной редакции, равно как и инструкция министру внутренних дел, в которую решено было заключить правила практического применения указа, были утверждены Госуд. советом 9 февраля 1803 г. [2].

Получив утверждение Александра, проект указа должен был поступить в Сенат для распубликования, но здесь указу пришлось натолкнуться на препятствия, уготованные ему Державиным, к которому, как генерал-прокурору, он поступил для доклада Сенату. Не отсылая указа в Сенат, Державин отправился во дворец, чтобы отклонить Александра от уже принятого решения. Перечислив перед ним все те же доводы против закона, которыми аргументировал членам совета, и особенно напирая на тот вред, который может повлечь за собою такое мероприятие и для крестьян и для государственного хозяйства, Державин почти успел в своем предприятии. Александр, если верить Державину, оказался настолько нетверд в своих симпатиях к указу о свободных хлебопашцах, что приказал ему возвратить его в Госуд. совет для нового рассмотрения. Однако, уже на следующий день к Державину явился Новосильцев с повелением передать указ в Сенат для обнародования. Это не обескуражило Державина, который решил воспользоваться правом Сената делать государю представление о неудобствах новых законов. Но сенатор Водоводов, которому Державин поручил устроить эту сенаторскую фронду, вместо того, чтобы склонять сенаторов к неодобрению указа, предпочел вовсе не явиться на заседание Сената, и указ был молчаливо принят. Однако, Державин не сложил оружия. Ему удалось уговорить сенаторов внести снова проект указа на рассмотрение общего собрания, под предлогом разногласия по поводу его исполнения в первом департаменте, куда он был отослан для распубликования. Новая попытка затормозить издание закона была парализована, по словам Державина, тем влиянием, какое на Александра оказывали в то время «француз Лагарп» и прочие его окружавшие наперсники. Осведомленный своими либеральными друзьями о новых шагах Державина, Александр, призвав его к себе, упрекнул в некорректном исполнении им своих обязанностей. Державин пытался защищать свою позицию, вторично изложив свой отрицательный взгляд на мероприятие. Однако, Александр приказал ему, не обращая снова указа в общее собрание, немедленно привести его в исполнение.

20 февраля 1803 г. указ был обнародован, а 21 февраля вышли высочайше утвержденные правила для руководства министру внутренних дел [3].

Не зная содержания нового проекта Румянцева и проекта Трощинского, мы можем сопоставить окончательную редакцию лишь с первым проектом указа и прошением Румянцева, а также с положениями, первоначально выработанными Госуд. Советом. С этой точки зрения

[1]) Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, стр. 787—788. Проект Трощинского и новый Румянцевский нам неизвестны.

[2]) Подробности см. «Дневник Державина», стр. 186—190, а также Семевский, «Крестьянский вопрос в России», т. I, стр. 251—255.

[3]) Полн. собр. зак., т. XXVII, № 20620 и 20625.

закон 1803 г. представляется компромиссом между предложениями Румянцева и взглядами совета. Из указа тщательно вытравлен дух аболиционизма. Он издан на имя Румянцева с распространением дарованного им права на всех остальных помещиков и с усиленным ударением на достигаемое им выгодное расширение дворянских преимуществ. Основной предпосылкой увольнения крестьян признается заключение «условий, какие по обоюдному согласию признаются лучшими». Заключенные помещиком и крестьянами условия записываются у крепостных дел в гражданской палате, при чем, в случае неустойки, с той или другой стороны, жалобы потерпевших разбираются присутственными местами, которые и чинят взыскание. Несостоятельные крестьяне «возвращаются помещику с землею и семейством его во владение его попрежнему».

Таким образом, выгодная для дворянства сторона проекта была закреплена законом, но в него вошла и та сторона мероприятия, которая ограждала интересы крестьян, стесняла использование его помещиками исключительно в своих хозяйственных рассчетах. Указом были установлены: обязательное наделение увольняемых крестьян землею и контроль органов высшей государственной власти над договорами об увольнении. Были заимствованы из проекта Румянцева подразделение условий на три различные по своему правовому и хозяйственному смыслу категории. Допускался, во-первых, выкуп крестьянами свободы и земли путем единовременного взноса условленной суммы; во-вторых, выкуп того и другого в рассрочку, при чем до полной уплаты условленной суммы крестьяне остаются «в некоторых известных к помещику повинностях»; в-третьих, заключение такого договора между помещиками и крестьянами, в силу которого последние, оставаясь крепкими земле помещикам, получают ее в пользование, обязуясь «на известное число лет, но жизнь или навсегда, исправлять известные повинности, или платить подать деньгами или продуктами», при чем договор сохраняет свою обязательную силу и для всякого лица, которому имение перейдет в собственность путем покупки или наследования. Что касается порядка утверждения договоров об увольнении, то инструкция создает крайне сложный аппарат контроля, возглавляемый министром внутр. дел.

Во избежание принуждения со стороны помещика, договоры скрепляются подписью земского исправника и уездного предводителя дворянства в том, что «условия точно сделаны по согласию крестьян, и что в подписи их не было ни принуждения, ни подлога». Далее условия поступают на рассмотрение к губернскому предводителю, который препровождает их к министру внутренних дел. Последний должен следить, чтобы уступаемая крестьянам дача была разделена на участки между всеми увольняемыми по отдельности, и чтобы каждому из них был выдан план с подписью землемера и помещика. В последнем пункте Госуд. совет разошелся с Румянцевым, который предусматривал так же и утверждение дачи *за общиной*. Своей склонностью к частному крестьянскому землевладению совет, вероятно, отдал дань популярному в ту эпоху увлечению Адамом Смитом, с его проповедью частной хозяйственной инициативы, но эта статья, на несоответствие которой укладу русской деревенской жизни, уже в 1857 г. указал Кошелев [1]), и на которую обрушился позже В. И. Семевский [2]), на практике редко соблюдалась. Министру внутр. дел вменялось также наблюдать за тем, чтобы прочие крестьяне, остающиеся закрепощенными, не были совершенно лишены земли в пользу увольняемых. Затем договор поступал по докладу министра на высочайшее одобрение.

Вопрос о юридическом положении уволенных крестьян был разрешен в том же смысле, что и гр. Румянцевым, т.-е. в смысле создания «особого состояния свободных хлебопашцев». Кроме права собственности на землю, крестьяне наделены были правом продавать, закладывать и передавать ее по наследству, не раздробляя, однако, участков менее 8-ми десятин, а также правом вновь покупать землю и переселяться с ведома казенной палаты из одной губернии в другую. Получили они также очень важное право входить во всякого рода обязательства и в том числе принимать на себя, с согласия кредиторов, долги помещика. Этот пункт был весьма выгоден для дворянства, позволяя ему перекладывать долги, лежавшие на имении, на увольняемых крестьян, но и с точки зрения крестьянских интересов, раз уже была признана добровольность сделок, он был вполне целесообразен, так как в противном случае задолженность помещика обратилась бы в непреодолимое препятствие к их увольнению.

Хлебопашцы должны были уплачивать подушную подать и нести рекрутскую повинность натурой, исправлять земские повинности.

Действенность принципов, положенных в основу закона 1803 г., с одной стороны, как мероприятия, направленного на расширение дворянских привилегий, а с другой, как первого шага на пути к освобождению крестьян на основе удовлетворения их жизненной потребности в обладании

[1]) См. дела секрети. Комитета для рассмотрения постановлений о крепостных людях 1857 г. № 5. «Записка о свободных хлебопашцах».
[2]) «Крестьянский вопрос в России», т. I, стр. 256.

землей, предопределила в значительной мере бесплодность его для действительной жизни, но бесплодность эта была неизбежна. Если бы позднейшее законодательство усилило и расширило ту сторону его, которая была благоприятна для раскрепощения крестьян и образования свободного и наделенного землей крестьянства, то он мог бы послужить отправной точкой для ликвидации крепостного права государственной властью. Но дальнейшая практика закона обнаружила нежелание и боязнь правительства Александра I (то же самое с равным правом можно было бы сказать и о правительстве Николая I) вступить на путь ликвидации крепостного права вообще, а тем более на выгодных для крестьян условиях. Наоборот, правительство, не переставая колебаться между двумя противоположными принципами, заметно склонялось в сторону сословно-дворянской точки зрения, что неизбежно влекло за собой скрывшихся в законе освободительных тенденций.

Главный интерес истории закона 1803 г. за этот период сосредоточивается вокруг нескольких центральных вопросов, выдвинутых его практическим применением, характер разрешения которых и предопределил его окончательную участь.

Такими основными вопросами были вопросы: 1) о безземельном увольнении крестьян, 2) об освобождении их по духовным завещаниям и 3) о предоставлении им денежной помощи со стороны государства для увольнения на свободу.

II.

Вопрос об отпуске крепостных целыми селениями б е з з е м л и возник в практике указа впервые в 1807 г. по следующему поводу.

В 1805 г. помещик Таврической губ., гр. Коховский, заключил условие об увольнении принадлежавших ему крепостных погайцев. По этому условию Коховский освобождал всех своих крепостных, всего 328 душ, но без земли и за весьма высокую плату — 90.000 руб., из которых 25 000 руб. увольняемые внесли при заключении договора, а остальные 65.000 руб. обязались уплатить в течение следующих двух лет, после чего они должны были покинуть землю помещика, те из увольняемых, которые не уплатят в срок всех назначенных взносов, теряют вместе со свободой и уплаченные уже деньги.

Своекорыстное использование Коховским добровольности сделок с крепостными было очевидно, а главное—сопровождалось нарушением правила о наделении увольняемых землею, поэтому министр ин. д. Кочубей не рискнул взять на себя утверждение условий и внес дело на решение Госуд. совета. И что же? Совет не нашел в деле Коховского ничего противоречащего закону о хлебопашцах, так как было соблюдено условие о добровольности сделки.

В том же году министр доложил совету об увольнении крестьян помещиком Виленской губ. Нагурским. Суть дела состояла в том, что Нагурский в 1800 г. уволил крестьян своих с движимым имуществом, но без земли, обязав их притом в течение его жизни состоять в совершенном послушании. Наследник Нагурского, Жуковский счел для себя невыгодным даже безземельное освобождение крестьян и стал оспаривать законность акта. Совет признал, что акт, как согласный с литовским статутом, имеет законную силу; но затруднение состояло в противоречии его с положением указа о наделении крестьян землею. На этот раз совет отнесся серьезно к этому противоречию и, утвердив отпуск крестьян на волю, постановил издать общее распоряжение, в силу которого отпуск крестьян целыми селениями допускался не иначе, как по закону о свободных хлебопашцах. Постановление совета было подтверждено указом 14 декабря 1807 г. [1]. Совет в данном случае принял во внимание, что «за людей, отпущенных на волю, в исправлении рекрутской повинности и в платеже податей отвечает помещик, чего к целым селениям приложить, конечно, не можно..., а как в законах наших нет никакого постановления, каким образом крестьяне без земли могут быть увольняемы без нарушения общей рекрутской обязанности, и о платежем казенных податей, то случай сей требует нового и особенного положения» [2]).

Следовательно, препятствием для увольнения крестьян без земли послужили на этот раз соображения фискально-государственного характера. Когда же казна не страдала, освобождение без земли не возбранялось. Однако, с изданием указа 14 декабря не изменилось в дальнейшем отношение правительства к безземельным освобождениям крестьян.

В 1810 г. Госуд. совет утвердил увольнение без земли 7000 крестьян по духовному завещанию помещика Виленской губ. Корня, найдя возможным «в сем случае отступить некоторым образом от сих постановлений, предположив неведение помещика о правилах, по предмету

[1]) П. С. З., т. XXIX, № 22714.
[2]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 814—818.

сему изданных». К этому доводу министр. вн. дел кн. А. Б. Куракин присоединил еще другой, более веский—ссылку на то, что в случае неутверждения акта «крестьяне должны остаться в крепостной зависимости», но совет, усмотрев в этом нарушение крепостного права ограничился первым доводом [1]).

Еще ярче характеризуется настроение совета делом таврического помещика Попова. Последний, по примеру Коховского, отпустил на свободу своих крепостных-нагайцев, оставив за собой всю землю. Министр вн. дел Козодавлев отстаивал утверждение отпуска, при этом он подверг краткой ссылку на ущерб, претерпеваемый казной при такого рода освобождениях, указал, что уволенные крестьяне во всяком случае должны приписаться к тому или иному податному состоянию, а следовательно платить налоги и нести все государственные повинности. И для того, чтобы избежать в дальнейшей необходимости санкционировать отдельные случаи нарушения указа, он предложил изменить самый указ, исключив из него статью о наделении землею увольняемых крестьян. Что касается положения последних, то оно могло быть, по его словам, вполне обеспечено предоставлением им права покупки земли и поселением их на казенные земли.

Однако, гражданский департамент Госуд. совета, присоединившись к заключению Козодавлева по делу Попова, не решился согласиться с его предложением об изменении указа [2]).

С 1816 г. дела о свободных хлебопашцах стали вноситься в комитет министров [3]). В 1820 г. Комитет без колебаний утвердил увольнение крепостных помещика Рогозина (Тверск. губ.), которые получили настолько незначительный надел (70 десятин на 73 души), что были признаны освобождением без земли [4]), а в 1825 г. счел действительным безземельное увольнение помещиком Таврич. губ. Годлевским 313 крепостных нагайцев [5]). В обоих случаях уволенные долго не могли найти подходящей земли для поселения.

Несмотря на такое покладистое отношение правительства к нарушениям статьи о наделении крестьян землею, освобождение без земли встречается не часто. Объяснение этого следует искать в глубокой привязанности крестьян к земле: они скорее соглашались терпеть крепостнические тяготы, чем получить свободу ценой обезземеления.

III.

Если в вопросе о наделении увольняемых землею правительство в значительной степени руководилось соображениями о выгоде дворянского землевладения, то в вопросе об освобождении крестьян по духовным завещаниям они уже целиком определили линию его поведения.

Вопрос этот возник впервые в 1804 г. Министр. вн. дел. внес в Госуд. совет прошения двух помещиков о дозволении им отпустить своих крестьян из родового имения с тем, чтобы, оставаясь при их жизни в крепостном состоянии, крестьяне после их смерти вступили в свободные хлебопашцы. Этот случай вполне подходил под третий вид условий об увольнении, допускаемых правилами 21 февраля 1803 г. но Госуд. совет, желая по возможности стеснить переход дворянских земель в руки крестьян, приравнял его к отпуску по духовному завещанию, а так как закон запрещал распоряжаться родовым имением по завещанию, то и подобный отпуск попадал под запрещение. Совет постановил в качестве общего правила не утверждать сделок, по которым крестьяне родовых имений поступают в свободные хлебопашцы по смерти помещика, что и было закреплено указом 19 декабря 1804 г.

Новая законодательная мера сыграла роль сильного тормоза для практического применения закона, преграждая наиболее удобный и легкий путь, так как при освобождении крестьян завещанием помещики могли избежать сложной процедуры утверждения акта, переложив заключение его на своих наследников. Задерживая освобождение крестьян, оно тяжело отзывалось на крестьянской жизни, внося в нее болезненные конфликты, нередко трагически завершавшие участь крепостных. В применении указа 19 декабря очень продолжительное время наблюдаются заметные колебания. Правительство сначала снисходительно относилось к нарушениям постановления совета.

Так, уже в 1805 г. в министерство вн. дел поступило прошение нижегородского помещика Трофимова, который, покупая в 1801 г. своих крестьян, занял деньги не только у

[1]) «Арх. Госуд. Сов.» т. IV, ч. I, с. 593.

[2]) «Арх. Госуд. Совета», т. IV, ч. I, с. 612—13.

[3]) О внесении министром. вн. дел. всех дел о своб. хлебоп. на рассмотрение Комитета Мин. в 1816 г. было дано особое высочайшее повеление. См. Дело Комит. Мин. журн. 4-го августа 1816 г.

[4]) Дела Комит. Мин. журн. 2 марта 1820 г. № 418.

[5]) Дела Комит. Мин. журн. 8 марта 1823 г.

своих «благодетелей», но и у самих крестьян. В свою очередь, Трофимов уже при покупке дал крестьянам обещание отпустить их по завещанию на свободу. Болезнь и приближающаяся старость заставили Трофимова, по его собственным словам, озаботиться скорейшим исполнением данного крестьянам обещания; тем более, что родственники Трофимова, к которым должно было перейти имение, не имели дворянских прав и потому принуждены были бы распродать доставшихся им крепостных. Все это побудило Трофимова составить завещание, по которому после смерти его крестьяне переходили к его жене, а по смерти последней получали безвозмездно свободу и все земли. За утверждением этого завещания Трофимов и обратился к правительству; просьба Трофимова получила (5 мая 1806 г.) высочайшее утверждение [1].

Одновременно Госуд. совет (в августе 1805 г.), рассматривая вопрос, однако затрагивавший постановление 19 декабря, Помещица Вологодской губ. Аникиева в декабре 1804 г. заключила со своими крепостными договор об увольнении их в хлебопашцы; он уже прошел через низшие инстанции, крестьяне успели внести 3000 р. в счет выкупа, когда помещица умерла. Оставаясь верным решению 19 декабря, совет мог бы счесть освобождение крестьян недействительным, но на этот раз он признал увольнение вполне законным. По предложению министра коммерции гр. Н. П. Румянцева решено было даже издать общее постановление, предписывающее «условия, помещиками и крестьянами сделанные, хотя бы за смертию первых и не прошли они узаконенные формы, в своем течении не пресекать» [2]. Это заключение подтверждено было особым указом 3 октября того же года [3]. И в дальнейшем мы находили новые примеры готовности правительства поступиться прямым соблюдением указа 19 декабря. Так, в 1808 и 1811 г.г. советом были утверждены освобождения крестьян по завещаниям двух помещиц [4].

Отношение «Комитета [5]» по рассмотрению особых случаев по делам об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы» к нарушениям указа 19 декабря было еще мягче. Так, напр., им было признано действительным освобождение крестьян помещика Оренбургской губ. Можарова, хотя случай этот был совершенно аналогичен тому, который послужил поводом для запрещения отпускать по духовному завещанию, при чем дело осложнялось тем, что распоряжение помещика Можарова, которым он увольнял после смерти своей крестьян на свободу, оспаривалось его наследниками. В том-же духе было разрешено подобное же дело крестьян помещицы Хвостовой.

Благожелательное отношение комитета к крестьянам об'ясняется в значительной мере той влиятельною ролью, какую в нем играл министр вн. дел О. П. Козодавлев, который несомненно сочувствовал освобождению крестьян, хотя и считал допустимым сохранение права собственности на землю за помещиками. Проводить свои взгляды Козодавлеву приходилось далеко не без борьбы, следы которой сохранились в бумагах комитета. Его противником, и очень влиятельным, был Кочубей, отвергавший право помещиков увольнять крестьян по завещаниям, мотивируя тем, что это право является „законоположением, на искушениях, так сказать, основанном“, потому что, зная о содержании завещания, крестьяне могут соблазниться мыслью ускорить получение свободы путем убийства помещика завещателя [6]. Козодавлев доказывал несостоятельность такой аргументации, ссылаясь на то, что если принять довод гр. Кочубея, то на основании его следовало бы взять под подозрение всех вообще наследников завещателя, и не одних только крестьян, „чего однакож никакие законы никогда не предполагали“. Козодавлев предлагая бесповоротно признать законным увольнение крестьян по духовным завещаниям помещиков, приводя следующие доводы:

1) подобные увольнения были уже неоднократно утверждаемы правительством;

2) если такие, вновь поступившие, требования оставлены будут без утверждения, то около 2.000 душ обоего пола, ожидающих свободы, должны будут обратиться в крепость;

3) неутверждением таковых актов уже за несколько времени пред сим остановилось увольнение крестьян, а после и совсем прекратиться может и, наконец,

---

[1]) Архив Мин. вн. дел. Деп. общ. д. № 25. 1805 г.

[2]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 789—796.

[3]) П. С. З. т. XXVIII. № 21. 933.

[4]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 824—825.

[5]) Комитет был утвержден в 1813 г. высоч. рескриптом на имя С. П. Румянцева, в составе гр. Кочубея, сенатора Болотникова, министра вн. дел. Козодавлева и самого гр. Румянцева, в качестве председателя. Но гр. Румянцев по болезни не мог принять в нем участие. Работа Комитета была мало продуктивна. Вскоре из него выбыли Кочубей и Болотников. В 1816 г. в него возвратился Болотников, и были назначены для присутствия кн. Салтыков и сен. Сиверс., но и в обновленном составе Комитет просуществовал недолго. В 1817 г. он имел всего лишь 3 заседания, а в 1818 г., после смерти Козодавлева, он окончательно распался. См. арх. Мин. в. д., Деп. Общ. д., № 131 и № 132, а также Дела Ком. Мин., журналы 30 декабря 1816 г. и 1 марта 1820 г.

[6]) Арх. Мин. в. д., Деп. Общ. д. № 132.

4) по многим актам нет в виду никаких споров со стороны помещиков и крестьян, но от посторонних людей» [1]).

Когда распался Комитет 1813 года, Комитет министров в Госуд. совет., которые обычно решали в последней инстанции дела о хлебопашцах, встали в вопросе об освобождении по духовным завещаниям на точку зрения Кочубея, который, заняв после Козодавлева пост управляющего министерством в. д., в качестве докладчика по делам о хлебопашцах, стал давать направление всей практике закона.

Однако, эта линия не сразу обнаруживается из решений, каковые на первый взгляд, и по существу, и по мотивировке, кажутся противоречивыми, друг с другом не связанными.

6 Марта 1820 г. Комитет министров рассматривал доклад об отпущенных помещиком слободско-украинской губ. Иваповым 16-ти крестьянах, по духовному завещанию, с обязательством до смерти помещика «пребывать в полном ему повиновении». В 1816 г. крестьяне обратились с просьбой о причислении их, согласно с волей завещателя, к свободным хлебопашцам, при чем завещание никем не оспаривалось. Комитет принял предложение Кочубея об удовлетворении просьбы крестьян на том основании, что имение было благоприобретенное и, следов., помещик был в праве распорядиться им по завещанию [2]). На этого решения как-будто вытекает, что запрещения отпуска по завещанию могли относиться исключительно к родовым имениям. Но на деле было иначе. В 1814 г. ярославский помещик Добротин духовным завещанием отпустил на волю своих благоприобретенных крестьян. Наследники стали оспаривать законность распоряжения Добротина и Комитет Министров, не взирая на благоприобретенность имения, решил вопрос в пользу наследников [3]).

То-же было и в другом случае. Помещица Новоладожск. уезда Насильева завещала в 1802 г. все свое благоприобретенное имение своему мужу с тем, чтобы после его смерти крестьяне в числе 1000 человек были отпущены на свободу с наделением землею. После ее смерти между мужем и крестьянами, с одной стороны, и прямыми наследниками, с другой, возник процесс по поводу законности завещания. Наследникам удалось добиться признания недействительности завещания. Госуд. совет, в своей резолюции, чтобы оправдать применение указа 19 декабря к благоприобретенным имениям, ссылается на неизвестную нам высочайше утвержденную записку 25 января 1805 г., которой постановлено «по завещаниям, с целок. предположенных помещиками на увольнение родовых и приобретенных крестьян в свободные земле дельцы, по смерти не утверждать». Таким образом был установлен тот usus, согласно которому исчезало различие между приобретенными крестьян и родовыми, когда дело касалось их увольнения по завещаниям [4]).

В чем состоял истинный критерий для утверждения или неутверждения подобных увольнений, обнаруживается из решения по делу об освобождении по завещанию крестьян помещицы Московской губ. Феронтовой. Они были родовыми и, не взирая на это, воля завещателя была утверждена. В принятом Комитетом заключении Кочубея подчеркивалась незаконность акта, но в оправдание его утверждения приводился следующий характерный довод: «Сие (т. е. противоречье с законом) было бы достаточно к уничтожению распоряжения сего, если бы предъявлены были какие-либо законные противу оных распоряжения, но духовное завещание сие, пройдя весь порядок, для предъявления и свидетельствования актов сего рода установленный, и быв утверждено судебным местом, не встретило никакого сопротивления, как свидетельствует губернское начальство ни при жизни помещицы Феронтовой, ни после смерти ее» [5]).

Итак, сопоставляя приведенные случаи, мы видим, что судьба завещания об освобождении родовых крестьян зависела от того, оспаривалось ли завещание, или нет. При отсутствии протеста со стороны наследников завещание утверждалось безразлично, относилось-ли оно к благоприобретенным имениям или родовым.

Когда представлялся выбор между освобождением крестьян и неприкосновенностью дворянских интересов, правительство становилось на сторону последних. Любопытен следующий инцидент. В 1820 г. рассматривалось Комитетом дело об отпусках крестьян по завещаниям помещиц Баиновой и Юрловой. Оба увольнения не были признаны действительными. Для соблюдения либерального декорума, министр. вн. дел предложил «употребить только некоторое ходатайство со стороны правительства у наследников, ежели они согласятся, чтобы заключили с крестьянами добровольное условие на увольнение их в свободные хлебопашцы». Это показа-

---

[1]) Дела Комитет. Мин., журн. 25 сентября 1823 г.
[2]) Дела Комитет. Мин., журн. 6 марта 1820 г.
[3]) Дела Комит. Мин. журн. 25 сентября 1823 г.
[4]) „Арх. Госуд. Сов." т. IV, ч. III, с. 61—72.
[5]) Дела Комит. Мин. журн., 2 марта 1820 г.

лось комитету слишком смелым; он нашел «неприличным и неудачным употреблять оное (ходатайство) со стороны правительства, потому что наследники в праве отказаться от предложений, какие будут им сделаны, и следовательно предприятие сие было бы бесполезно, а между тем ходатайство таковое произвело бы в крестьянах одну только мечтательную надежду и могло бы подать повод к неудовольствиям на помещиков своих и чрез то возродить между ними разные безпорядки». Утверждая эту резолюцию, Александр все же пожелал испытать «некоторое ходатайство» за судьбу крестьян, но входя в положение комитета, согласился сделать его «не от лица правительства, а от своего и в частном виде» [1]).

Результаты такой установившейся в последнее пятилетие рассматриваемого периода точки зрения правительства на увольнения по духовным завещаниям выразились в том, что из 13 завещаний, поступивших за это время на его решение, только 5 получили утверждение. Количество крестьян, оставшихся в силу этого в крепостном состоянии, не может быть исчислено точно, но их было не менее 2000 человек.

Обычно крестьяне стойко защищали свое право на свободу, вели разорительные для них долголетние процессы и неохотно подчинялись окончательным приговорам. Дважды Комитету министров пришлось столкнуться даже с активным проявлением недовольства крестьян в подобных случаях.

В 1823 г. помещица Ярославской губ. Ошанина подала прошение, в котором об'ясняла, что умерший дядя ее Озеров желал отпустить крестьян своих из имений в Ярославской и Костромской губернии, но не успел за болезнью заключить с ними условия и потому постановил в своем духовном завещании, чтобы костромские его крестьяне были тотчас после его смерти уволены на свободу с обязательством уплатить долг опекунскому Совету, ярославские же оставались бы во владении сестры его Ошаниной, а по смерти последней перешли во владение дочери ее, т. е. самой просительницы, которой платили бы в течение ее жизни по 2.000 р. в год, после чего они так же, как и костромские крестьяне, должны были получать свободу вместе с землею. Ошанина просила, чтобы были освобождены тотчас же не только костромские крестьяне, но и ярославские, так как мать ее и она сама предпочитают уволить доставшихся им крестьян под условием уплаты ими ежегодно определенных в завещании 2.000 р. Ошанины уже приступили к сделке с крестьянами, когда брат девицы Ошаниной пред'явил протест против увольнения крестьян и завещания Озерова, ссылаясь на свои наследственные права. Дело приостановилось. Ошанину удалось вскоре добиться от сестры отказа от намерения освободить крестьян, а от гражданской палаты—как признания недействительности завещания, так и укрепления увольняемых крестьян за ним, как за единственным прямым наследником. Уже во время производства дела в гражданской палате крестьяне подавали министру внутренних дел жалобы на притеснения, которые им приходится испытывать со стороны Ошанина, и на заключение многих из них под стражу по распоряжению земского суда. После решения дела в пользу Ошанина крестьяне открыто воспротивились вводу его во владение. Меры, принятые земским судом, оказались тщетными. Волнение произошло, по выражению Ярославского губернатора, нестолько «от упорства крестьян, сколько наиболее от уверенности их, что сделанное умершим помещиком Озеровым в пользу их духовное завещание неот'емлемо дает им право быть свободными хлебопашцами». Лишь прибегнув к силе, удалось усмирить движение. По этому делу комитет министров согласился с Кочубеем, что так как «узаконениями, о свободных хлебопашцах изданными, вообще увольнять крестьян в сие звание по духовным завещаниям воспрещено, то засим и не возможно приступить к какому либо дальнейшему со стороны министерства внутренних дел на счет увольнения крестьян распоряжению».

В октябре 1821 г. помещик Мельницкий составил духовное завещание, согласно которому освобождались после его смерти все принадлежавшие ему крестьяне и дворовые, как родовые, так и благоприобретенные, со всеми землями и угодьями в трех губерниях Новгородской, Тверской и Вологодской. Мельницкий не требовал с крестьян никакого вознаграждения и предоставил им разделить между собой даже все его движимое имущество, выделив из него лишь 14-ю часть в пользу его сестры. Петербургская гражданская палата не согласилась, однако, утвердить завещание, предложив Мельницкому заключить с крестьянами формальное условие. Вскоре после этого помещик умер, не успев войти в сделку с крепостными, а завещание его послужило предметом продолжительной тяжбы между крестьянами и наследниками имения.

Во время рассмотрения этого дела в сенате, крестьяне дважды подавали прошение на высочайшее имя, жалуясь на несправедливые приговоры низших судов. Но комитет министров, постановив (15 декабря 1823 г.) предоставить окончательное решение по делу Сенату, не согласился даже с предложением Кочубея сделать наследникам представление: не пожелают ли

---

[1]) Дела Комит. Мин. журн. 2 марта 1820 г.

ли „из уважения к благонамеренному предприятию помещика на счет крестьян привести завещанную им о том волю в исполнение". Комитет опасался задеть неосторожно права наследников и «подать чрез то крестьянам к превратному толкованию, что правительство поставляет сие наследникам в обязанность». Дело в Сенате было проиграно крестьянами. Однако, этим оно не кончилось. В 1827 г. комитету министров пришлось вернуться к делу о крестьянах Мельникого, но уже не по поводу их увольнения, а их неповиновения.

Со времени перехода дела в Сенат, т. е. с осени 1822 г., новгородское имение Мельникого было отдано под опеку племянницы умершего помещика Маврачей и помещика Хрипунова. Лаврина, стремясь поправить свои хозяйственные обстоятельства, а отчасти, может-быть, желая вымостить разоренное на своих соперниках по судебному процессу, повернула дело круто и перевела крестьян с оброка на месячину, т. е. прибегла к наиболее жестокому способу эксплоатации крепостного труда. В результате, по словам губернатора, крестьяне „не получали в свое время месячины и оставались вовсе без пропитания, а дети ходили по миру". Только надежда на скорое освобождение удерживала крестьян от открытого протеста. Наконец резолюция Сената поставила их перед перспективой остаться навсегда в полной власти помещицы Маврикой и в тисках ее хозяйственного режима. Тогда „крестьяне и дворовые люди отказались вовсе от повиновения". Пришлось прибегнуть к вооруженной силе. Доведенные до отчаяния, крестьяне оказали упорное сопротивление.

Приехавший в губернию для решения сенатор Баронов, отправившись на место происшествия и найдя деревню Березку покинутой мужским населением, приказал, „дабы обуздать как сих бунтовщиков, так и всех тех, кто отважится покуситься на подобное действие", сжечь деревню, предварительно выведя женщин и детей с их имуществом [1]).

IV.

В последние годы царствования Александра обнаружилась тенденция признать полную свободу сделок между помещиками и крестьянами.

В недрах государственных учреждений назревала реформа закона о свободных хлебопашцах. Схема этой реформы очень проста: уничтожалось положение о наделении землею крестьян, упрощался или даже устранялся правительственный контроль актов об увольнении, и тем самым отпадала в значительной мере надобность в запрещении освобождать крестьян по духовным завещаниям. В результате получилась реформа, вполне отвечавшая стремлениям к превращению закона о хлебопашцах в выгодное расширение помещичьих прав.

Кампания в пользу реформы нарастала постепенно. Первым шагом было обсуждение Гос. советом дела Рычкова (в декабре 1822 г. и январе 1823 г.).

Помещик Рычков за два года до смерти заключил с крестьянами условие об увольнении их на свободу, без всякого вознаграждения, со всей принадлежащей ему землей. Но было оговорено, что помещик сохраняет до смерти свое право владения, как крестьянами, так и землею, обязуясь не продавать ни крестьян, ни земли, а также не покрывать долгов из доходов имения. Акт был записан в уездном суде, но засвидетельствован не исправником и уездным предводителем дворянства, как полагалось, а дьяконом, дьячком и еще тремя частными лицами. После смерти Рычкова наследники стали домогаться уничтожения акта, ссылаясь на указанные формальные упущения. Местные власти пошли на встречу этим притязаниям. Но Сенат, не смотря на несоблюдение формальностей, признал акт Рычкова за обоюдное условие, вступившее в действие при жизни помещика, и на этом основании утвердил его. Гражданский департамент Гос. совета присоединился к этому решению, общее собрание Госуд. совета также склонилось было к нему, когда неожиданный протест Кочубея нарушил единодушие. В течение двух заседаний Кочубей развивал доводы против утверждения сенатского решения и, несмотря на противодействие кн. Куракина, взявшего это решение под свою защиту, достиг того, что на его стороне оказалось 14 членов из 22. Этот раскол голосов побудил одного из членов совета (протокол не сохранил его имени) высказать следующее мнение, устранившее самый повод для подобных разногласий путем исключения из указа одного для дворянства предписания об укреплении за увольняемыми земли. „Крестьяне, получившие единожды свободу, должны по существующим на это законам остаться при оной навсегда, и надлежит предоставить им на произвол, записаться ли в сословие свободных хлебопашцев или в казенные поселяне: землю же, по ее совершенно на оную уступочного права, оставить во владении наследников. Вероятно, что отпущенные на волю крестьяне пожелают остаться на земле родины своей, и яко свободные поселяне будут в добре

[1]) „Дела Комит. Мин. внутр.", 2 марта 1827 г.

вольных с владельцами земли условиях нанимать их землю. Тогда ознаменуется на самом опыте та непреложная истина, что свобода и недвижимая собственность суть две различные между собою вещи, суть два отдельные и не могущие в существе своем слешаны быть понятия, и свободный поселянин не будет вечно укрепленным рабом земли, которую пашет. Новое еще в России свободное сословие тогда только в существе составится, когда на истинных началах учреждено будет, и когда отчеты будут существующие ныне пренены: помещикам освобождать, а крестьянам получать свободу». Однако, это предложение не встретило сочувствия в совете, потому, что оно влекло за собою ломку существующих законов. Между тем совет предпочитал нарушать закон в отдельных, частных случаях, чем преобразовать его в общем виде, так как эта тактика сохраняла иллюзию незыблемости и твердости правительственной политики. Александр встал на сторону меньшинства со следующим пояснением: «Неоспоримо, что формы не соблюдены, а если бы неясность существовала на счет намерения помещика уволить сих крестьян, то всеконечно следовало бы остановить исполнение сего дела. Но воля помещика несомненна. По сему нахожу я, что сурово будет препятствовать улучшению участи сих людей, единственно за несоблюдение формальностей» [1]).

Эта резолюция сводила на нет значение указа 19 декабря 1804 г. При таком положении вещей изменение закона 1803 г. становилось настоятельной потребностью. Необходимо было устранить те его положения, которые заставляли, ради соблюдения дворянских интересов, устанавливать тормазы для увольнения крестьян. Подобное решение и было принято при рассмотрении Госуд. советом (января 1821 г.) дела о крестьянах Кузьмина.

Помещик Владимирской губ., Кузьмин в 1811 г. уволил по двум отпускным на свободу с землею 19 душ своих крестьян с тем, чтобы они воспользовались свободой лишь после его смерти. Отпускные были явлены у крепостных дел, но все дальнейшие формальности не были соблюдены. В следующем году Кузьмин сделал духовное завещание, в котором подтверждал освобождение крепостных. В 1816 г. воля завещателя была исполнена, и крестьяне были причислены казенной палатой к свободным хлебопашцам. Но сестры Кузьмина стали протестовать против увольнения крестьян, так как они были отпущены в конечном счете по духовному завещанию, между тем имение родовое.

Московский Сенат нашел (в феврале 1821 г.) это обстоятельство достаточным, чтобы возвратить в крепостное состояние крестьян, которые уже в течение пяти лет пользовались свободой [2]). Крестьяне подали всеподданнейшее прошение о перенесении их дела в Госуд. совет. В комитете министров, где прошение было подвергнуто предварительному обсуждению (1823 г.), Кочубей и министр юстиции кн. Дм. Н. Лобанов-Ростовский настаивали на утверждении решения Сената, находя пересмотр дела в Госуд. совете излишним в виду очевидного нарушения Кузьминым закона 1803 г. и дополнительного указа 19 декабря, но остальным членам комитета помешала согласиться с ним приведенная выше резолюция Александра по делу Рычкова [3]). Гражданский департамент совета сразу пришел к правильной постановке вопроса. С одной стороны акт Кузьмина не соответствует законам, с другой же стороны, намерение помещика очевидно: выгоды крестьян соблюдены в полной мере, и согласие их не подлежит сомнению, поэтому, если руководствоваться последней высочайшей резолюцией, то необходимо оставить крестьян Кузьмина на свободе, а наследникам в иске отказать. В последнем смысле дело и было разрешено. Но тотчас вслед за этим решением департамент занялся вопросом об изменении законодательства о крестьянах. Было признано с полной откровенностью, что многочисленные формальности, требующиеся законом, вместо того, чтобы защищать крестьян, были «обращаемы часто против крестьян», а также, что «несправедливо уничтожать условие, если крестьяне желают удержать оное в его силе, как сие доселе нередко случалось». Но как быть с охраной землевладельческих прав дворянства? Приемлемое и выгодное для дворянства решение вопроса было выдвинуто уже при рассмотрении дела Рычкова—следует допустить увольнение целыми поселениями без земли, тогда отсутствие формальностей не только перестанет быть опасным, но наоборот, сделается выгодным для землевладельческих интересов. Департамент постановил предоставить комиссии по составлению законов выработать новое положение о свободных хлебопашцах на основании как высочайшей резолюции по делу крестьян Рычкова, так и пожеланий Департамента. В общем собрании Госуд. Совета за пересмотр закона высказалось пятнадцать членов против трех [4]).

В 1825 году Совет комиссии для составления законов закончил в главных чертах законопроект, подвергнув старое законодательство жестокой критике. Стеснение завещательных

[1]) «Арх. Госуд. Сов.», т. IV, ч. I, с. 682—693.
[2]) Дела Комит. Минист., приложение к журналу 4 сент. 1823 г.
[3]) Дела Комит. Мин., журнал 4 сент. 1823 г. № 1449.
[4]) «Арх. Госуд. Сов.», т. IV, ч. I, с. 706—710.

распоряжений и обилие непужных формальностей были признаны «одной из причин, почему сей способ отпущения, высокий в своей цели, имеет мало успеха»; особое раздражение было вызвано положением закона о праве помещиков увольнять крестьян обязательно с землею и притом, как из приобретенных, так и родовых имений. В этом положении члены комиссии узрели самое непозволительное попрание землевладельческих привилегий дворянства. «Сие распоряжение, превращая недвижимое имение в наличный капитал, не только благоприятствует расточительности, но и лишает дворянство способа поддержать прочным и приличным образом достоинство своего сана и благосостояние своего потомства. Сверх того оно выводит крестьянское сословие из того круга прав, которое состоянию их свойственно, ибо владение недвижимыми населенными имениями во всех монархических землях принадлежит дворянству, поелику сим токмо способом может оно сохранить силу свою и наследственный блеск своего сана».

Комиссия нашла возможным отменить ограничение права отпуска крестьян по завещаниям, но только для благоприобретенных имений, а не родовых: с готовностью уничтожила сложный порядок утверждения условий, установив вместо него простую запись у крепостных дел в Гражданской палате; наконец, по пункту о земле признала, что «гораздо было бы сообразнее с целью, если бы помещик, отпуская на волю своих крестьян, удержал право собственности на землю, предоставив им пользоваться оною временно за отправление условленных работ или из платежа в его пользу, определенного оброка. При таковом распорядке, выиграли бы обе стороны: дворянство сохранило бы недвижимое имение, а крестьяне, приобретши личную свободу, получили бы на уступленные участки право полезной собственности (dominium utile) временное или постоянное, которое наиболее приличило их состоянию» [1]).

Таким образом вместо сословия свободных хлебопашцев проектировалось создание нового крестьянского состояния срочных и бессрочных арендаторов, закон «о свободных хлебопашцах полностью превратился бы в новую дворянскую привилегию. Но перемена на престоле поменяла проекту комиссии стать законом. Вопрос о свободных хлебопашцах перешел в комитет 6 декабря 1826 г., а затем в «комитет 1839 г.», где и получил частичное разрешение в виде указа об обязанных крестьянах, правда на основаниях, во многом отличных от выработанных комиссией по постановлению законов.

V.

У правительства Александра I был, казалось, один способ усилить значение закона о хлебопашцах, как освободительной меры, не задавив интересов дворянства — это предоставить увольняемым крестьянам денежную помощь от государства.

Мысль об этом возникла вскоре после издания указа 20 февраля 1803 г. Уже в ноябре 1803 г., по словам гр. Строгонова, в неоффициальном комитете велись разговоры о содействии выкупить помещичьих крестьян сродами из казны. Но вопрос этот стал принимать более конкретные формы к 1809 г., когда выяснились уже несколько реальные результаты применения указа. Заслуга возбуждения его принадлежит кн. А. Б. Куракину.

Будучи министром вн. дел., кн. Куракин из составленных по его приказанию статистических таблиц убедился, что выкупные суммы, назначаемые помещиками, во многих случаях настолько велики, что не могли быть покрыты крестьянами из собственных средств. Это побудило его представить в комитет министров особую записку.

«Могло ли предвидеть правительство, писал он, что помещики (как то было при большей части важнейших в сем роде сделок) отяготят все бремя обязанностей над выкупающимися крестьянами и вместо простого способа даровать им свободу без собственной потери, выведут из сей операции предприятие единый прибыток нелию имеющее». Напомнив о трагическом положении, в какое ставит несостоятельных крестьян указ 20 февраля, заставляя их снова обратиться в подданство, т. е. в состояние, коего горесть они испытали, которое тем несноснее, что насладились уже они свободой и познали чувство обладания называемое собственностью». Куракин предложил меры двоякого рода: во-первых, ссуды крестьянам из казны, а во-вторых, установление правительственной опеки над несостоятельными крестьянами. Первая мера имеет тот крупный недостаток, что может непосильным образом обременить государственый бюджет; вторая же не требует от казны никаких особых расходов. Поэтому Куракин останавливается на второй. По обнаружении несостоятельности крестьян собирается комиссия из губернатора, и губерниск. и уездных предводителей дворянства. Приведя в известность запла ченные за прошедшее время суммы, они приостанавливают действие обязательств. Затем, зачтя уделанные крестьянами взносы в оброк за прошедшее и неизвестное число следующих лет»,

[1]) Дела комиссии по составлению законов. Разр. VI, № 408.

и наложив секвестр на крестьянскую недвижимость, об'являют крестьянам, что условие вступит в силу лишь по истечении того срока, на который зачтен оброк. Только в случае вторичной несостоятельности крестьяне возвращаются уже окончательно в крепостную зависимость.

Преподнося эту горькую пилюлю комитету, Куракин напомнил о «благотворительной цели правительства, желавшего всеми способами освобождению помещичьих крестьян благоприятствовать» [1]). Но, как и следовало ожидать, его предложение не встретило отклика, за исключением министра юстиции кн. Лопухина, развившего мысль о предоставлении десятилетних ссуд несостоятельным крестьянам и об обращении последних в случае неуплаты в казенные крестьяне; все остальные члены (5 мая 1809 г.) высказались против изменения закона, ссылаясь на то, что уверенность крестьян в правительственной поддержке «сделает их несостоятельными плательщиками, и что всякая слишком быстрая перемена в законе произведет неминуемо в народе предосудительные правительству слухи» [2]).

Но если установление опеки не было приемлемо для правящего дворянства, то выдача ссуд в некоторых случаях могла содействовать благополучному окончанию выгодных для помещика финансовых операций. Поэтому, отвергнув денежную помощь крестьянам, как законодательную меру, Комитет нередко соглашался на ассигнование ссуд в порядке частных решений. По приблизительному подсчету за рассматриваемый период было подано со стороны крестьян и помещиков около 20 прошений о ссудах, из коих 13 были удовлетворены. Успеху прошений много содействовал Александр I, который несколько раз лично ассигновывал крупные суммы на выкуп и пособие крестьянам: в 1804 г. крестьяне кн. Куракина получили в ссуду 200.000 р. [3]), в 1819 г. крестьяне кн. Голицына—5.424.168 р., крестьяне Измайлова в том же году—140.000 р. [4]), крестьяне кн. Головкина в 1821 г.—133.150 р. [5]).

Денежная помощь крестьянам оказывалась в форме выкупа их казной, с перечислением на них долга или в форме пособия для уплаты помещику установленных взносов. Первого рода помощь была оказана несколько раз при продаже крестьян из одних рук в другие. Так, в 1810 г. Комитет министров постановил купить в казну крестьян помещика крипе-комиссара Зверева, имение которого, вследствие лишения его дворянского звания, поступило в торги для удовлетворения долга Адмиралтейств-Коллегии в 51.783 р. Крестьяне согласились принять на себя уплату долга с рассрочкой на десять лет и внести немедленно недоимки Опекунскому Совету в 5.734 р. [6]).—В другой раз, в 1825 г., по постановлению Комитета министров были выкуплены в казну крестьяне закрывшегося купоросного завода Шубина за 15.315 р., которые в виду бедности крестьян были разложены на 33 года с уплатою процентов [7]).

Однако, правительство остерегалось удовлетворять часто подобные просьбы крестьян, опасаясь внушить им мысль о праве их при всякой перепродаже ожидать выкупа в казну. Это опасение погубило дело крестьян кавказского помещика Зотова, которые, подлежа продаже кизлярскому армянину Колонтарову, обратились с просьбой о выкупе их в казну для перевода их в свободные хлебопашцы [8]). Та же участь постигла крестьян сенатора Тейльса, которые в 1797 г. были пожалованы помещику из дворовых в числе 300 душ. Вспоминая о тяжких минутах их обращения в крепость, они просили для избавления их от еще более тяжкого будущего, ожидающего их в виду продажи имения с торгов за долги, обратить их в свободных хлебопашцев путем уплаты из казны помещику 36.000 р. единовременно и по 1.200 р. ежегодно. Не взирая на обещание крестьян в пятнадцать лет возвратить казенный долг, государь согласился с Кочубеем, что так как по закону крестьяне «сами обязаны платить владельцам по условию с ними деньги за отпуск и удовлетворив просителей сих о заплате за них из казны помещику следуемой суммы, мог бы дан быть повод и другим крестьянам к подобным просьбам, кои вероятно в таком случае сильно бы умножились» [9]).

Характерный случай подобного рода произошел в 1821 г. Свитский генерал Дьяков подал прошение на высочайшее имя о выдаче ему 575.000 р. за отпускаемых крестьян. Доставшееся ему и его двум братьям имение подлежало разделу между ними, в виду чего крестьяне, опасаясь для себя тяжелых последствий подобного раздела, предложили внести за увольнение

[1]) Архив М. В. Д. Деп. общ. д. 1813 г., № 130.
[2]) «Журн. Комит. Мин», т. 1., ст. 286—7; печатн. изд. С.П.Б. 1888 г.
[3]) П. С. З., т. XXVIII, № 21851.
[4]) *Семевский*, op. cit., с. 270-71.
[5]) Архив Мин. Вн. Д. Деп. Общ. Дел., 1821 г., № 24[illegible].
[6]) «Журн. Комит. Мин»., т. 1, с. 167, т. II, с. 85, 232.
[7]) Дела Комит. Мин., журн. 1 сент. 1825 г., № 167[illegible].
[8]) Дела Ком. Мин., журн. 26 мая 1825 г., № 1021.
[9]) Архив Мин. Вн. Д., Деп. Общ. Д., 1805 г., № 32.

их в свободные хлебопашцы 575.000 р., с беспроцентной рассрочкой суммы на 25 лет. Наследники не могли согласиться на рассрочку, что и побудило Дьякова просить о ссуде. Но обнаружилось, что назначенная Дьяковым сумма несоразмерна со стоимостью имения, и ему удалось получить ссуды [1]). Благодаря тому же обстоятельству пришлось остаться в крепостной зависимости 193 крестьянам помещицы Гурьевой, которые просили в 1817 г. выдать им ссуду 75.000 р. с рассрочкой на 14 лет, дабы расплатиться с помещицей. Комитет министров нашел, что, «просимая помещицей цена в генеральности каждого жителя соответствовать не может» [2]).

Помощь, которую крестьянам, не смотря на все препоны, удавалось порою получить от правительства, в общем содействовала их освобождению и избавлению от тех последствий, какими им угрожала несостоятельность. Но так бывало не всегда.

В этом отношении весьма показателен случай с крестьянами помещицы Соболевской. Помещица Соболевская, владевшая деревней Кренцы, смежной с городом Новой-Ладогой, дабы избавиться от постоянных земельных споров с этим городом, уволила в 1820 г. своих крестьян вместе с землею за 55.000 р. Городское общество согласилось на причисление их к Ново-Ладожскому мещанству и выдало им пособие в 10.000 р., которое они и внесли помещице. Чтобы уплатить остальные 45.000 р., они возбудили просьбу о выдаче им ссуды из казны на 10 лет под поручительство Ново-Ладожского городского общества. Ссуда была предоставлена. Но Соболевская неожиданно отказалась дать крестьянам обещанную свободу, ссылаясь на то, что они опоздали внести ей в срок установленную сумму, на «разные огорчения» с их стороны, неповиновение и неплаты оброка. Местные власти выяснили лживость этих обвинений, истинные же причины, на коих Соболевская не соглашается совершить акт на увольнение крестьян, никакого уважения не заслуживают, ибо она уклоняется от того единственно по причине многих, сделанных ею долгов, с заплатою коих из суммы, предназначенной за увольнение крестьян, едва ли что либо в пользу ей остаться может». Не ограничиваясь присвоением полученных уже 10.000 р., помещица, по словам петербургского губернатора, «собирая с крестьян оброк в излишестве, дурным управлением привела их в расстроенное состояние». Такова была картина, раскрывшаяся перед Комитетом министров при обсуждении дела (29 июля 1824 г.). Как же реагировал на нее Комитет? Он нашел, что «не должно принуждать помещицу к выполнению прежде появленного ею намерения, о котором не было никакого письменного условия, и потому остается только истребовать от нее заплаченные крестьянами деньги» [3]). К счастью для крестьян, сама Соболевская, чтобы не упустить 45.000 руб., согласилась возобновить уничтоженное было условие.

В двух случаях выданная крестьянам ссуда не могла предотвратить печальных для них последствий добровольности сделок.

В 1819 г. помещица Тверской губ. Лебедева отпустила 12 крестьян, обязав их уплатить до 1-го мая 1821 г. 5.279 руб. В первый же год крестьяне внесли 2.000 р., когда-же стал подходить срок последнего взноса, они, не будучи в состоянии сами уплатить его, обратились с просьбой на высочайшее имя о ссуде в 3.279 р. Просьба была удовлетворена, о чем помещица получила извещение. Но в ответ на это Лебедева об'явила, что в виду неуплаты крестьянами денег в срок она считает себя свободной от обязательств, и что, кроме того, ею уже проданы двое детей из семьи, оставшейся на ее попечении, после ссылки на поселение уволенного ею крестьянина Андреева. Впрочем, она готова освободить остальные 10 душ, если за них ей будет выдана вся сумма полностью. Завязалась длительная переписка между Кочубеем и министром финансов Гурьевым. Последний находил действия Лебедевой противозаконными и предлагал принудить ее к исполнению договора с крестьянами, выдав ей ассигнованную сумму с вычетом за двоих детей. Но Кочубей заявил, что Лебедева была в праве нарушить условие и даже продать две души, и видел единственное упущение с ее стороны лишь в том, что она не предупредила об этом своевременно крестьян. Поэтому он полагал оставить вопрос о возобновлении условия на усмотрение помещицы: если же она пожелает освободить крестьян, то вычесть из ссуды стоимость двух проданных ею детей. Это мнение было высочайше утверждено. Тогда Лебедева предложила крестьянам возместить ей вычет, но крестьяне настаивали на прежних условиях, не сознавая, что несогласием на их изменение они превращают себя снова в крепостных; получение ссуды укрепило их в мысли, что они не могут быть лишены раз приобретенной свободы. Убедившись в противном, они в течение ряда лет тщетно просили правительство о защите. Еще в 1826 г. их ходок Андреев добивался потерянной свободы [4]).

[1]) Архив Мин. вн. дел., Деп. Общ. Д., 1821 г., № 244.
[2]) Дела Комит. Мин., журн. 17 апреля 1817 г.
[3]) Дела Ком. Мин. Журн. 29 июля 1824 г. № 1484.
[4]) Архив Мин. в. д., Деп. общ. д., 1821 г., № 249.

Второй подобный же случай произошел с крестьянами кн. Александра Борисовича Куракина, одного из крупнейших русских помещиков. Он задумал в 1804 г. увезти своих крестьян неизвестного села Надеждина в свободные хлебопашцы. Предприятие должно было носить чисто-благотворительный характер и вокруг него Куракин сумел создать достаточно шума [1]). С крестьян он не требовал никакой платы: после его смерти они обязаны были лишь вносить доход от вотчины в размере 20.000 р. в течение 40 лет в пользу различных богоугодных заведений, которые он собирался основать в своем имении: по истечении же 40 лет взносы крестьян ограничивались 3 р. с души в общую кассу для помощи нуждающимся из их среды. В таком виде условия Куракина были утверждены в 1806 г. Госуд. советом [2]). Еще в 1804 г. по его просьбе лежащий на его имении долг переведен был на государственное казначейство с обязательством для крестьян внести его с процентами в назначенный срок. Чтобы освободить от долгов, Куракин предложил крестьянам заключить условие, по при этом платежи были значительно повышены по сравнению с первоначальными. Крестьяне не решались дать свое согласие на изменение условия, и дело оставалось не окончено до 1813 г., когда Куракин предложил новые условия, еще более повысив свои денежные требования, но крестьяне отказались принять их. Тогда Куракин воспользовался этим отказом, чтобы покончить со своими благотворительными планами, и по духовному завещанию передал свое поместье целиком своим родственникам, упрекнув в неблагодарности крестьян, «которые напли свои безрассудные затруднения», чтобы отвергнуть благодеяние.

После смерти Куракина в 1818 г. наследники его были введены во владение. Крестьяне, полагая, что со смертью помещика они получили свободу, отказались повиноваться и подали прошение о признании их освобождения. Однако, Комитет Министров, (1824 г.) признал, что Куракин был в праве изменить условия с крестьянами даже после высочайшего одобрения их в первоначальном виде и полученья денежной помощи от казны. В конечном случае затея Куракина принесла крестьянам лишь порку плетьми и ссылку в Сибирь.

Безправность крестьян, их несостоятельность разбираться в юридических вопросах, даже самая жажда освобождения, подсказывавшая их доверчиво хвататься за малейшую надежду на расторжение уз, все это создавало широкое поле для легальных и нелегальных злоупотреблений со стороны помещиков, фикцией обоюдных и равно выгодных соглашений. Только на основе принудительного определения государственной властью отношений помещиков и крестьян возможно было широко развить денежную помощь увольняемым, как в виде выкупа, так и в виде подобных ссуд, и только на этой основе подобная помощь сколько-нибудь могла служить для крестьян гарантией, что однажды приобретенная свобода не будет ими снова утрачена.

Но правительство Александра I было далеко от подобных мероприятий. Политика правительства в этом вопросе лишь еще подчеркивает основные черты той картины, которая вырисовывается пред нами из общего обзора процесса составления и практики указа 20 февраля.

Правящие круги, оставаясь в границах узко сословного горизонта, были глухи к требованиям жизни, явно указывавшим то направление, какое необходимо было принять законодательству о свободных хлебопашцах для того, чтобы он мог служить действительным средством к ликвидации крепостного права. Правда, мы наблюдали попытки как отдельных членов правительства, так и самого Александра поддержать, а иногда даже и углубить действительность указа 1803 г., как освободительного мероприятия, но эти попытки оказывались слишком робкими. Наоборот, тенденция к расширению дворянских прав в правительственной практике указа получила весьма яркое выражение.

И снисходительное отношение к безземельному освобождению крестьян и законодательство о духовных завещаниях имели целью приноровить практику указа к дворянским интересам; а проекты реформы указа, возникшие в Государственном совете и обработанные комиссией по составлению законов, лучше всего показывают, что если и можно было ожидать в дальнейшем поворота в судьбах указа 1803 г., то никак не в сторону превращения его в орудие освобождения крепостных крестьян, а скорее в сторону окончательного вырождения его в новую дворянскую привилегию.

Вл. Бирюкович.

[1]) Все документы, относящиеся к предположенному им увольнению крестьян (условие, прошения, об'яснительную записку и т. д.). Куракин сделал достоянием публики, издав их в 1807 г. особой книгой, см. Семевский, ор. с., с. 275.

[2]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 806—807.

„Первое мая“ в России.

(По материалам б. архива департамента полиции и особого отдела того же департамента).

В 1889 г. на первом международном социалистическом конгрессе в Париже было постановлено праздновать „Первое мая“. Всеобщее празднование этого дня должно было показать, что интересы пролетариев всех стран солидарны, что рабочие воодушевлены одними и теми же идеалами и что для достижения этих идеалов они готовы бороться до конца. И вот, начиная с 1890 г. 1 мая рабочие всех больших городов выходят на улицы с развевающимися знаменами, выставляют экономические и политические требования и с пением проходят по городу. Еще недавно русские рабочие находились в менее благоприятных условиях, чем их европейские товарищи. „Нам, русским,—говорится в одной прокламации,—отрадно бывает читать описание демонстраций в Париже, Берлине, Брюсселе и др. городах; нам радостно слышать голоса наших товарищей, протягивающих нам руку, напоминающих, что далеко от нас, при совсем других условиях, они борются за тоже, за что боремся и мы, верят в тоже, что и мы... Но наши товарищи по Европе счастливее нас. Они смело выходят на улицу, открыто заявляют свои требования и мирно расходятся по домам. Вспомним же, как жестоко еще недавно расправлялась с нами полиция за такую же мирную демонстрацию. Вспомним, что десятки наших товарищей еще до сих пор сидят по тюрьмам. Вспомним все те преследования, которым подвергались мы за свободное слово, за свободную мысль“.

В этих кратких словах сжато и схематически представлены внешние условия, в которых протекала в ту пору жизнь европейских и русских рабочих.

К 1889 г. русские рабочие были распылены, они не представляли организованной пролетарской массы. Лишь за голодным 1891 годом, когда последовал новый подъем общественного движения, создалась возможность, и появилась необходимость приступить к организационному об'единению деятельности социал-демократических групп. 1-го марта 1898 года в Минске состоялся с'езд делегатов от групп, на котором организовалась „Российская социал-демократическая партия“, об'единившая в России рабочих разных национальностей. Но и до 1898 г. русские рабочие не были молчаливыми зрителями празднования Первого мая их товарищами за границею. Даже в 1890 году они выступили на первомайское торжество, хотя выступление это, как и всякое новое дело, сначала было довольно скромным, но дело не в размерах, а в внутренней силе, толкавшей рабочих на шествие.

Главным лозунгом Первого мая 1890 г. было требование „8-мичасового рабочего дня“. Уже за несколько недель до Первого мая рабочие Варшавы рассуждали о необходимости заявить свою солидарность с рабочим классом Запада и с большим интересом следили за всеми газетными известиями об агитации в пользу восьмичасового рабочего дня на Западе. Революционное общество „Пролетариат“ отпечатало и распространило в нескольких тысячах экземпляров прокламацию с призывом рабочих достойно отпраздновать Первое мая. В самый день Первого мая около 10000 рабочих прекратили работы на нескольких больших фабриках и заводах; также не работало много ремесленников. От неприсоединившихся к забастовке потребовали немедленного прекращения работы, и даже в окна одной из фабрик были пущены камни. Закончилось дело появлением полиции и арестованием человек десяти рабочих.

Остальная рабочая Россия не могла отметить этот день выступлением. В майском „Летучем листке“ № 3 (Екатеринослав. 1902 г.) сообщается о тех затруднениях, с которыми при

ходилось сталкиваться русским рабочим при праздновании Первого мая: „самодержавное правительство полно страха перед революционным рабочим движением, перед социалистическим праздником Первого мая. Когда русские рабочие не решались еще Первого мая выходить на улицу, а тайно собирались в лесу, чтобы скромно, в количестве 100—200 человек, присоединить свой голос к грозному голосу заграничных рабочих,—тогда по приказанию правительства жандармы выслеживали рабочих, нападали на них и арестовывали. Но арестами и ссылкой правительство не только не запугало рабочих, не только не остановило рабочего движения, а, наоборот, только показало рабочим, что кроме капиталистов у них есть еще злейший враг—царское правительство... И начиная с 1899 года, Первое мая рабочие стали праздновать открыто... Впервые Первого мая рабочие вышли на улицу в Варшаве и остальной Польше. В следующие годы в Харькове 10000 рабочих бросили в этот день работу; правительство хотело избить и засадить их в тюрьмы, но побоялось такой массы рабочих и освободило всех арестованных. Наконец, прошлый год в Тифлисе и в Петербурге, на Обуховском заводе, правительство стреляло в рабочих на майском празднике, и много невинной крови рабочих было им пролито там".

Действительно в 1891 и 1892 годах в России не было „открытых" выступлений рабочих. В Петербурге в первый раз они собрались в 1891 году в своем „тайном" собрании и выслушали посвященные моменту речи своих товарищей. Речи эти звучали горячим призывом „на борьбу с сильным политическим и экономическим врагом", воодушевляли „к вооружению себя мощным оружием—знанием законов развития человечества"; указывали на жгучую необходимость „заняться просвещением и организацией рабочих для обеспечения полной победы поставленных рабочими идеалов"; звали на борьбу „за общий прогресс, истину и светлое будущее".

В западных губерниях первое мая 1891 г. рабочие отметили более грандиозным выступлением. Так, в Варшаве бросили работу около 8000 человек; в Лодзи забастовала текстильная фабрика Познанского в 3 тысячи человек. В Жирардове устроившие стачку рабочие, в числе 9000 человек, вступили на улице в схватку с полицией и были подавлены только благодаря вмешательству войск, пустивших в ход оружие и положивших на месте несколько человек убитыми.

Однако, несмотря на эту расправу, рабочие все тех же западных губерний демонстративно подчеркнули более яркими красками свою солидарность с рабочими других стран в следующем же 1892 году.—Правда, Варшава уже уступила свое первенство другим пунктам; Лодзь—стала в этом году центром движения: там Первого мая остановились все фабрики и заводы; 100.000 человек открыли шествие по улицам города, требуя „восьмичасового рабочего дня, увеличения платы и политической свободы". Войска и казаки рассеяли демонстрантов и оставили на улицах убитыми 36 рабочих.

Выступление Петербурга в том году было отмечено в одной агитационной брошюре „Искры" всего двумя строчками: „в 1892 году тайное празднество повторилось в Петербурге". О следующих 1893, 1894 и 1895 годах в делах и литературных воспоминаниях ничего не говорится по поводу празднования Первого мая в Петербурге. Да и в других пунктах России, где в предыдущие годы рабочие отпраздновали этот день, 1893 и 1894 годы были отмечены лишь частичными собраниями по отдельным профессиональным союзам. Однако, в западных губерниях, шедших впереди других Первое мая 1895 г. было поворотным пунктом в истории рабочего движения. Тут на митингах уже слышались речи, призывавшие выступить на борьбу не только за экономические требования, но и за политическое освобождение. В этом же 1895 г. и московские рабочие присоединились к празднованию Первого мая. Впервые собрались они на сходку в числе двухсот человек и, воодушевленные горячими призывами ораторов, указывавших им на необходимость быть во всем солидарными и следовать за своими заграничными товарищами, решили ежегодно устраивать собрания Первого мая.

Ко дню Первого мая 1896 г. появились прокламации и в Петербурге, до сего времени получавшие распространение лишь в польских губерниях. Отмечая безысходную нужду и безрадостную жизнь рабочего, а также призывая рабочих для завоевания лучшего будущего поднять свою „мускулистую руку" на капиталистов и „всех прочих врагов рабочего класса", прокламационная литература, выпущенная ко дню Первого мая 1896 года, послужила толчком к определенному рабочему движению, вылившемуся в форме стачек, вспыхнувших в Петербурге через месяц после того. В Москве из-за коронации весною 1896 года, вызвавшей усиленное полицейское наблюдение, Первое мая не было отпраздновано. В других крупных городах происходили сходки и были выпущены прокламации, в которых, кроме экономических требований, уже проводилась идея борьбы за осуществление политических прав, в виде свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати. В таком же тоне были написаны и прокламации 1897 г. Равным образом этот год был отмечен собраниями и сходками по центрам и большим городам. К Первому мая 1898 г. от имени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии было издано первое общее для всей России воззвание. В нем формулировались общие требования пролетариата: восьми-

часовой рабочий день, политическая свобода, свобода стачек, слова и союзов, а в заключение впервые было прибавлено: «мы требуем созыва парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выборов». В этом году и Харьков примкнул к празднованию; за городом были устроены собрания, на которых присутствовало по нескольку десятков человек. Прошло довольно оживленно Первое мая этого года в Иваново-Вознесенске. В Костроме, Екатеринославе, Одессе появились прокламации. Тифлисские рабочие праздновали Первое мая за городом в ущелье. Западные губернии, по обыкновению, отметили день 1 (14) мая прокламациями и собраниями. С 1895 г. дело борьбы рабочего класса за освобождение труда стало особенно разрастаться, и майский праздник приобрел реальное значение, как символ единения и готовности во всякое время выступить на действительную борьбу и схватку с врагами рабочего класса. Правительство, в свою очередь, принимало меры, имевшие общую тенденцию: задавить рабочее движение и вообще обуздать всякую рабочую оппозицию.

В 1899 г. празднование Первого мая приняло уже настолько внушительные размеры, что заставило правительство усилить гонение. В этом году Петербургом, Москвою, Киевом были выпущены прокламации, в которых уже определенно, путем ссылки на политические требования западно-европейских рабочих и признания общности с ними интересов русских рабочих, последние обращались с призывом, чтобы «русские рабочие шли по тому же пути, как и их западные товарищи, т.-е. по пути завоевания всеобщего избирательного права и политической свободы». Таким образом, требования рабочих, хотя медленно, но все более и более убедительно концентрировались вокруг политических лозунгов, которые, хотя пока еще не обрисовывались яркими штрихами борьбы с самодержавным строем, но уже давали внушительные для того очертания. Да и самое празднование Первого мая из кружкового и тайного все более становится массовым и открытым. Впереди по обыкновению шло рабочее движение Запада России, которое было отмечено в Варшаве, Домбровe—собраниями и шествиями по улицам с пением революционных песен; в Либаве—стачками с демонстративными шествиями 20-тысячной толпы рабочих по городу. В Ростове-на-Дону, Донецком Бассейне, Кривом-Роге были разбросаны прокламации. В Харькове и Саратове также распространялись воззвания; в Одессе происходили собрания. Тифлис снова отпраздновал маевку в ущельях.

В 1900 г. харьковские рабочие стали на путь открытых демонстраций. Выпустив прокламации с требованиями свободы слова, печати, стачек, союзов, повышения платы, восьмичасового рабочего дня и «участия народа в управлении», рабочие, оставив мастерские и заводы, в количестве 10000 человек, подняв красное знамя, двинулись процессией по городу, останавливая рабочих на других заводах. С пением революционных песен они продолжали шествие, пока не были рассеяны казаками. Петербургские рабочие, хотя еще и в этом году не выступали открыто, но прокламации их носили уже ясно выраженный политический характер. Так, в одной из них, распространенной в 5000 экземпляров, говорилось: «мы развернем наши знамена, на которых будут блестеть при всеобщем солнце наши требования: долой самодержавие, да здравствует победа правды и рабочего класса». Из других городов следует остановиться на Екатеринославе, где были выпущены 13 апреля предмайские прокламации, приведшие к провалу типографии и аресту 80 лиц. В Варшаве демонстранты с пением «Варшавянки» и с красным знаменем устроили шествие по городу, вступили в схватку с казаками, при чем было задержано до 2000 человек. В Вильне, Лодзи, Домбровe и друг. городах были собрания рабочих. В Одессе, Ростове-на-Дону были выпущены прокламации.

В 1901 г. рабочий Тифлис, праздновавший до сего Первое мая в ущельях, выступил на улицы с возгласами «да здравствует политическая свобода», заранее подготовленный к тому распространенными за неделю прокламациями; празднование омрачилось налетом казаков, арестовавших до сорока человек и ранивших 24 человека. В Петербурге празднование этого дня приняло грандиозные размеры на Обуховском заводе. Когда часть забастовавших в этот день рабочих была уволена, прочие потребовали возвращения уволенных и пред'явили требования: «8-мичасового дня и приема обратно уволенных товарищей». А когда требования их не были удовлетворены, они большою толпою вышли на Шлиссельбургский тракт, но были остановлены полицией и конными жандармами. Произошли стычка и побоище. Вытребованные эскадрон жандармов, две роты пехоты и отряд городовых открыли огонь вдоль проспекта и разогнали демонстрантов. К суду были привлечены 37 лиц, и из них только восемь оправданы, а остальные осуждены на каторгу и ссылку. Задолго до Первого мая в Петербурге была выпущена общепартийная прокламация, призывавшая рабочих: «начать решительную борьбу за наше освобождение от самодержавия... на ряду с требованием 8-мичасового рабочего дня провозгласить требование политической свободы, созыва выборных от народа для управления государством и контроля над министрами».

1902 год сделал еще более сильный наступательный шаг вперед как в смысле более резкого и определенного подчеркивания в прокламациях идеи борьбы с существующим политическим строем, так и в отношении размеров первомайского движения. Последнее охватывает все больший и больший круг городов и местечек. Созванная в марте этого года в Белостоке конференция организаций Р. С.-Д. Р. П. выпустила к Первому мая прокламацию. В ней выставлены требования: «да здравствует восьмичасовой рабочий день!» «да здравствует политическая свобода!», «долой самодержавие!». При этом более определенно подчеркивается та мысль, что «неограниченное самодержавное управление должно уступить место демократии, т.-е. управлению страны собранием выборных от всего народа». В Орехове и Нижнем-Новгороде состоялось открытое выступление рабочих, благополучно окончившееся для них. Не то было в Вильне. Когда там были разбросаны первомайские прокламации в театре, на галлерее было арестовано 35 человек, которых подвергли, по распоряжению губернатора фон-Валя, сечению розгами от 25 до 50 ударов. Секли в мае этого года в Минске, Екатеринославе и на Воткинских заводах, Вятской губернии.

Первое мая 1903 года, в виду происшедших антиеврейских беспорядков в Кишиневе, было бледно в смысле демонстрации; из опасения погромов и пролития крови партийные комитеты отказались от майских празднований. Последние вылились в формы забастовок, тайных собраний и огромного распространения прокламаций в 63 городах.

Хотя за 1904 год—год войны с Японией—сообщения о майском празднике кратки и однообразны: «выпущены прокламации, произнесены речи, были собрания»,—но правительство все же не могло предотвратить демонстраций. В Риге произошло даже столкновение с полицией, которая несколько раз отступала. В Митаве при звуках марсельезы было поднято красное знамя и рабочие вступили в схватку с городовыми. Но сила и значение празднования этого года не во внешнем демонстративном проявлении рабочего движения, а в том новом взгляде на задачи «Первого мая», который был высказан в прокламации Центрального Комитета соц.-демокр. рабочей партии. В прокламации этой нет призыва к восстанию, но этому дню придается огромное агитационное значение, в смысле воспитания у рабочих сознания и чувства международной солидарности. «Где та сила, где то правительство, которое могло-бы устоять перед солидарностью пролетариев всего мира?... «Правительства должны будут отвечать в парламентах представителям рабочих, должны будут считаться с пролетарскою волею». Выставив требования об осуществлении «всех свобод», прокламация заканчивается словами: «Дайте нам политическую свободу, дайте нам восьмичасовой рабочий день, и мы покажем, как может быть счастлива жизнь на земле». «Да светит нам ясное майское солнце». «Да здравствует Российская, да здравствует международная социал-демократия».

В 1905 году—году первой русской революции—возлагали большие надежды на вооруженное восстание рабочего класса. В одной прокламации фракции «большинства» писалось: «пусть Первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания: давайте ждать сигнала к решительному нападению на... мы свергнем... и назначим временное революционное правительство: готовьтесь же к великому бою». Однако, вследствие колоссальных оборонительных приготовлений правительства пришлось отказаться от мысли о восстании». «День восстания не далек, но он еще не настал... мы не берем на себя невыполнимых организационных обязательств устроить вооруженную демонстрацию», писалось от Бюро Комитетов Большинства, но мы имеем по нашему плану «возможность» устроить и демонстрацию и даже восстание. В свою очередь, меньшевики писали: «мы не предрешаем, в какие формы выльется праздник, но лучшим видом майского выступления мы считаем у нас демонстрацию с вооруженным отпором в виду русских условий». Таким образом, фактически и большевики, и меньшевики готовились к вооруженной демонстрации и смотрели на нее как на рекогносцировку, могущую превратиться в восстание. Дело ограничилось забастовками, собраниями и распространением в большем количестве прокламаций. Однако, Варшава, устроившая грандиозную стачку, пострадала, так как часть рабочих, не будучи заранее предупреждена, вышла на улицу, ее встретили войска, и тогда было убито 30 человек и ранено 100.

В 1906 г. Первое мая приняло характер народного пролетарского праздника, и это было новым по сравнению с прошлыми годами. Кроме того, проявились отпечатки индивидуалистических черт, т. е. той проникновенности каждого участника праздника мыслью, что и он должен сделать что-то высшее его личных интересов во имя общего блага. В прокламациях отмечалось, что «Первое мая» «это мирная, но грозная в своем спокойном величии демонстрация против отжившего порядка и вместе с тем радостный предвестник будущей свободной России»... «Во имя наших требований празднуйте Первое мая, покажите всему миру, что вас не утомила долгая борьба, что вы готовы довести ее до победы».

После весны радостных надежд в 1905 году, разочарования в 1906 году и горького уныния в конце этого года, принесшего кровавую расправу в декабрьские дни восстания,—час 1907 года, стоявший в преддверии третье-июньской думы, должен был, казалось, быть насыщенным и безрадостным. Но надежды не угасли. «С новой силой и мощью расцветает надежда в измученных пролетарских сердцах»,—говорится в одной из прокламаций. «Счастье впереди—имя ему социализм». Указав на огромную пропасть, лежащую между капиталистами и рабочими, и видя спасение рабочих «в солидарности пролетариев всех стран», прокламация усматривает опасность «для угнетения народа» в постоянной армии и провозглашает лозунг: «долой милитаризм». Острый вопрос о сокращении рабочего времени все еще стоит неразрешенным для пролетариата. «Работай, работай... в жару и в холод, с малых лет до глубокой старости, с раннего утра до глубокой ночи: так велит капитал. Меньше труда для других, побольше отдыха: это отстаивает пролетариат. Пусть будет свободное время для себя. Восемь часов для труда, восемь часов для сна, восемь часов свободных». «Пролетариат теперь как-будто притих. Нет открытых выступлений, нет баррикад и битв на улицах и площадях»... «То затишье перед бурей. И будут битвы, и будут победы. Готовьтесь же к ним». Окончательными лозунгами выставлены «Великая Российская революция. Учредительное собрание, солидарность пролетариев всех стран, социализм, восьмичасовой рабочий день, долой войну и милитаризм».

Характерные черты первого мая 1908, 1909, 1910 и 1911 годов отмечены в одной из первомайских прокламаций 1912 года. «С поникшей головой встречали мы, рабочие России, наш первомайский праздник в последние четыре черных года. Не было радостных песен борьбы, не было ликующего красного знамени, не было забастовок, митингов, демонстраций. Правительство душило. Фабриканты и заводчики отнимали все, завоеванное в годы революции. В стране было особенное уныние. Лишь в последний год забрезжил первый луч света. Русский рабочий расправляет спину, он готовится снова к борьбе... Число рабочих стачек увеличилось. В отдельных городах рабочие уже стали вновь устраивать уличные демонстрации». Другая прокламация ссылается на Ленские события. «Утро первомайского праздника займется зарей, обагренной кровью расстрелянных рабочих на далеких приисках Лены. Разве вся жизнь русских рабочих и крестьян не есть массовый ленский расстрел, не есть кровавая расправа, в которой гибнут миллионы людей... Наши западно-европейские братья уже открыто ведут свою социалистическую борьбу с буржуазным строем... русским рабочим мешает царизм... необходимо окончательное уничтожение царизма». Заканчивается прокламация возгласами: «долой капитализм, да здравствует восьмичасовой рабочий день, да здравствует социализм, долой царская монархия, да здравствует демократическая республика».

О праздновании первого мая 1912 года в Петербурге говорит доклад С.-Петербургского градоначальника Драчевского председателю Совета Министров: «С утра 1-го мая в столице начали прекращать работы рабочие фабрик, заводов, мастерских и типографий—кроме правительственных— и к 12 часам дня число бастующих достигло 100.000 человек. Во дворах заводов: Путиловского, Нобеля, Невского, Судостроительного и на фабрике Наля и при выходе на улицу рабочие пытались петь революционные песни, а на Путиловском заводе один рабочий выкинул красный флаг, но демонстранты были немедленно разгоняемы подготовленными заранее нарядами полиции.—Около 3 часов дня, на Невском проспекте, между Казанским и Аничковым мостами, рабочие пытались группироваться отдельными кучками и петь революционные песни; подобные же попытки наблюдались на Троицкой, Владимирской и Семеновской площадях, на Садовой улице, Владимирском проспекте, а также на Выборгской стороне у Литейного и Сампсониевского мостов, но попытки эти были немедленно прекращаемы чинами полиции. В демонстрациях принимали участие, преимущественно, рабочие, учащихся же высших учебных заведений почти не было. Порядок восстановился повсеместно наличными силами полиции и жандармов, без вызова воинских частей. В течение дня было задержано за подстрекательство к беспорядкам до 40 человек; в числе задержанных оказался студент с.-петербургских частных политехнических курсов, сын подполковника, Никандр Еремов, арестованный на Троицкой площади, как предводительствовавший толпою рабочих».—Об этом было сообщено Николаю II по телеграфу.

1914 г.—год двадцатипятилетия празднования дня Первого мая. Большинство прокламаций отмечает этот важный момент в жизни пролетариата. «Майский праздник рабочих всех стран, майский смотр сил пролетариата установлен ровно 25 лет тому назад. За эти четверть века во всех концах мира сплачивались полки сознательных рабочих, закаляя свои силы в борьбе с капиталистами и капиталистическими правительствами, об'единяясь в союзы разных видов и социалистические партии. И теперь десятки миллионов социалистов всего мира представляют из себя армию, которая в недалеком будущем вступит в решительный бой с буржуазией, чтобы свергнуть наемное рабство, чтобы передать в руки самих рабочих землю, фабрики и все орудия

труда». Провозглашены лозунги: «долой капитализм, да здравствует социализм, долой самодержавие, да здравствует демократическая республика, да здравствует восьмичасовой рабочий день».

1915 и 1916 годы отмечены первомайскими демонстрациями за мир. «Рабочий класс заинтересован в создании демократической Европы... Будущий мир не должен быть диктуем только правительствами... Война своими проявлениями укрепила капитализм, для того, чтобы сокрушить эту систему и завоевать свободу, необходимо объединение всего рабочего класса без различия рас и национальностей».

Последние годы у всех в памяти: празднование Первого мая отмечено в газетах, в свободно распространяемых воззваниях, красочных плакатах и всенародных собраниях.

С. [illegible].

Описания архивных фондов и дел, документы, заметки и проч.

Волнения среди фабрично-заводских рабочих.

(С 1824 г. по 1860 г.).

По данным архива 3-го отделения собственной его величества канцелярии [1]).

Период крепостного труда в крупной промышленности представляет собою наименее изученную страницу в истории рабочего класса в России. В особенности это относится к массовым проявлениям недовольства рабочих своим положением и попыткам добиться его изменения,—о них мы знаем чрезвычайно мало. Единственная—и вместе с тем ценная—работа, в которой отводится много места данному вопросу—это книга В. И. Семевского, „Крестьяне в царствование Екатерины II“, но она не идет далее конца XVIII века и рассматривает систематически вопрос только по отношению к приписным крестьянам, выполнявшим вспомогательные работы на горных заводах. Интересный материал, относящийся к более позднему времени, имеется в «Русской фабрике» М. И. Туган-Барановского и в книге того же Семевского, «Рабочие на сибирских золотых промыслах», но тут материал носит отрывочный и случайный характер. Поэтому предстоит еще много работы по собиранию материалов, которые дали бы возможность набросать общую и связную картину движения, охватывающую все важнейшие отрасли промышленности и категории труда. Настоящая статья представляет собою попытку использовать в этих целях те данные, которые собирались 3-м отделением собственной его величества канцелярии. Как известно, это учреждение было создано указами 25 июня и 3 июля 1826 г. под непосредственным впечатлением восстания декабристов и имело своей задачей организовать более успешное, чем раньше, наблюдение за всеми проявлениями общественного недовольства, создававшего угрозу для государственного спокойствия. Естественно поэтому, что его внимание было сразу же обращено на рабочие волнения и беспорядки, происходившие на фабриках и заводах. Правда, о рабочем вопросе, о пролетариате, о классовом самосознании и тому подобном в то время не было еще речи; все же всякое волнение рабочих и проявление вольного образа мыслей среди них, выросшее на почве местных экономических нужд, служило предметом расследования агентов корпуса жандармов, и зоркое око его шефа, гр. Бенкендорфа, тщательно старалось разглядеть, не скрывается ли за ними рука каких-нибудь иных „более дальновидных“ лиц из других сословий и званий...

Первым случаем, относящимся к нашей теме, является дело о волнении среди мастеровых Кирицкого чугунно-плавильного и зеркального завода в Рязанской губ., принадлежавшего на поссессионном [2]) праве бр. Генике. Из справки видно, что в 1797 г. мастеровые этого завода также оказывали непокорное своему прежнему владельцу [3]).

В июне 1824 г. они подали жалобу в земский суд на то, что новый владелец Генике при сенокосе делает вычеты по 20 коп. из платы, положенной в 1818 г. прежним владельцем, и не отпускает им леса из заводской дачи и кирпича. Земский исправник обещал представить жалобу мастеровых в Московское Горное Управление и тем «остановил их от своевольства и уклонения от работы». Но все же они вновь явились большой толпой в земский суд и потребовали удовлетворения. Земский исправник с трудом с помощью воинской команды успел обратить их на завод к работе и, произведя следствие, отправил его в уездный суд с двумя мастеровыми, наиболее оказывавшими буйство.

Однако мастеровые, не выжидая решения дела, „не один раз попускали себя к новым своевольствам и затейным жалобам“, так что земский исправник и даже начальник губернской полиции, нарочно для сего вызванный, не могли привести их в должное послушание.

---

[1]) В силу особенностей делопроизводства 3-го отделения дела, хранящиеся в его архиве, не отражают описываемое событие в законченном и полном виде. Для более подробного ознакомления с данным событием надлежит обратиться в какой-либо другой и даже другие архивы, в зависимости от того, каким путем шло дело (напр., архив сената, министерства внутренних дел и проч.). Материалы, извлеченные из архива 3-го отделения, могут послужить исходной точкой для более детального исследования.

[2]) Поссессионными фабриками и заводами назывались те, которые пользовались в той или иной форме материальной поддержкой со стороны правительства.

[3]) Архив 3-го отделения, „Об ослушании и буйстве мастеровых чугунно-плавильного завода, принадлежащего бр. Генике“ (4 экспед. дело № 81 за 1826 г.).

В январе 1825 г. сам губернатор прибыл на место и с не малым трудом, наконец, склонил их к исполнению своих обязанностей в ожидании решения дела. 12 августа 1826 г. Рязанская Уголовная Палата, рассмотрев дело об ослушании восьми человек, постановила: подвергнуть их наказанию при полиции батожьем. Между тем в мае того же года Генике подала новую жалобу об ослушании еще семи мастеровых, и по этому делу Уголовная Палата 25 сентября признала их виновными, вменив им в наказание тюремное содержание, а также и то, что они до поступления в суд жалобы уже были наказаны розгами на основании указа 15 июня 1811 г. полицейским образом.

Со своей стороны Московское Горное Управление признало их прошения неделыми, но потребовало, чтобы подушные и рекрутские деньги платились не ими, а заводовладельцем. Вместе с тем, с согласия министра финансов, Генике было разрешено сдавать мастеровых за дурное поведение в рекруты натурою, как во время производства набора, так и в зачет будущего, по своему желанию, но не иначе, как с разрешения Горного Управления.

Генике не преминул воспользоваться этим правом, и 24 сентября ему было разрешено сдать четырех человек, замеченных наиболее в буйстве и ослушании. Однако, и при приведении указа в исполнение мастеровые заявили, по донесению губернатора, что „они себя не считают принадлежащими заводо-содержателю Генике, но вольными казенными мастеровыми, к заводу приписанными, и потому распоряжениям его подлежать не могут, а особенно отдавать их в рекруты никто не имеет права". Когда четырех человек, предназначенных в рекруты отвозили в город, по дороге их отбили, и разыскать их не удалось. По распоряжению губернатора 25 июля 1826 г. был образован на месте военный суд, который вынес приговор 6 мастеровым, как зачинщикам: наказать шпицрутенами сквозь 500 человек каждого один раз, а затем сослать в Сибирь на отдаленные казенные рудники: двое были наказаны полицейским образом на жительстве „в страх другим", с отдачей в ведение заводской конторы. 31 человек от наказания были освобождены. Будучи на заводе, губернатор успел обнаружить, между прочим, что мастеровые „питают скрытое единодушие, утвержденное между ими клятвою, чтобы всем распоряжениям начальства, ежели оно приступит к отдаче кого-либо из них в рекруты, противиться даже при самых наказаниях".

---

1 сентября 1826 г., по донесению Омского областного начальника, бежало неизвестно куда 18 крестьян, принадлежащих Колывано-Воскресенским горным заводам. В дальнейшем выяснилось, что в два раза бежало всего 41 человек [1]). Вскоре они были возвращены обратно. Главная причина побега у всех была одна — желание, поселившись за-границей между гор на свободном, никем необитаемом и неизвестном для других месте пользоваться свободой и совершенной независимостью (каковую свободу — по их словам — имели по слухам беглые, именуемые каменьщиками), не платить подушной подати и не отбывать заводские работы.

В конце 1823 г. на Верхне-Исетском заводе, принадлежавшем Яковлеву, была сделана попытка составить нечто в роде тайного общества. Обнаружена она была лишь в мае 1827 г., когда в руки администрации попала бумага, адресованная «президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу и магистру 4-х степеней и 500 Совета Мордвинову», где сообщалось, между прочим, что «семена свободы сеются на хребтах Урала и бесплодные скалы превращаются в плодоносные нивы, представляющие приятное зрелище для сеятелей. Свобода, врожденное чувство человека, здесь распространила ветви свои, под сенью коих после трудов ратных спокойно отдохнут сыны ее; свобода... присоединила в число сподвижников своих, кроме уже известных Вам, Великий Магистр, еще несколько человек, коих стараниями монимы возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних славян, столько же, сколь питают усердие к полному монарху — свободе» [2])...

Автором послания оказался крепостной Яковлева, Андрей Лоцманов, занимающийся письменной частью в конторе и учительством в заводской школе. На допросе он показал, что все содержание бумаги является плодом его вымысла и написано под влиянием чтения рыцарских романов и слухов о масонских ложах, только-что закрытых правительством. Действительно, никаких других членов сообщества не оказалось и адмирал Мордвинов попал в президенты его и магистры 4 степеней помимо своей воли лишь потому, что имя его, как видного патриота, пользовалось широкой известностью. Но кроме вымысла в этом деле было и своя очень жизненная подкладка. Будучи сыном приказчика Яковлева, Лоцманов детские годы провел в Москве, где побывал в нескольких пансионах. Он любил читать книги, из коих упоминает о романе Шпица «Рыцари Льва», записке о якобинцах и сочинении Гельвеция — «Дух разума». После смерти своего отца он подал прошение об отпуске его на волю, но получил отказ; желание его поступить на военную службу также осталось без удовлетворения. Эти неудачи в попытках выйти из тяготившей его крепостной зависимости дали толчок мыслям о составлении общества для распространения идей свободы. Отправленный в возрасте шестнадцати лет на завод для определения на службу, он познакомился там с конторщиком Махотиным, в котором думал найти себе единомышленника. Последний расспрашивал Лоцманова о масонских ложах или его отношении к ним, и эти разговоры навели его на мысль о составлении вышеозначенного документа, который настолько заинтересовал Махотина, что он взял его себе из стола тайно от Лоцманова. Впоследствии их отношения расстроились, и письмо попало в руки начальства.

---

[1]) Дело 4-й экспед. № 77 за 1826 г., „О побеге 18 крестьян Усть-каменогорской округи".

[2]) 1 экспед., дело № 441 за 1827 г., „О возмутительном письме, написанном заводским служителем Лоцмановым".

Гончаров был арестован и посажен в Бобруйскую крепость, откуда был освобожден лишь в 1832 г.

Усиление беспокойного духа среди заводского населения не осталось незамеченным в надлежащих сферах, и в 1828 г. шефу жандармов гр. Бенкендорфу была представлена записка «О положении заводов Уральского Хребта», намечавшая ряд мер для борьбы с этим явлением.

В этой записке, автор которой пожелал остаться неизвестным, отмечается, что «сибирский народ, вообще одарен от природы хорошими способностями и добрым характером, но между тем люди, принадлежащие к заводам Уральского Хребта, есть много умами порочных и что духом своевольны и непокорны к начальству. А как в числе таковых находится не малая часть людей грамотных, то не удивительно, что с сими расположениями бывает тем всегда довольно коварных просителей и ябедников». Между тем утвердительно сказать можно, что заводские люди зажиточнее прочих, занимающихся хлебопашеством крестьян, а на партикулярных заводах они богатее, нежели на казенных» [1]. Последнее утверждение дает основание думать, что записка исходила от лица, принадлежавшего, вероятно, к заводовладельческим кругам, ибо по существу своему оно стояло в противоречии со многими фактами, к числу которых нужно отнести и то, что волнения разыгрывались преимущественно не на казенных, а именно на частных заводах.

Чтобы водворить на последних спокойствие и лучший порядок, автор предлагает искоренить ябедников и возмутителей, не делая тем, кои обнаружатся в преступных своих замыслах или действиях, ни малейшего послабления; издав ясное и определенное положение об уроках и платах по разным горным и заводским производствам, предоставить заводосодержателям управление заводскими людьми на правах, помещикам дарованных; устранить горное начальство от всякого вмешательства в хозяйственные распоряжения по сим последним. Тогда заводские люди «перестали бы обольщаться ложными понятиями о мнимых правах своих и остались бы в должном послушании». В заключение подчеркивается необходимость поставить рабочих в такое положение, чтобы они могли «содержать себя с семействами своими без затруднения и не были вынуждаемы изыскивать к тому другого постороннего средства».

Записка эта была передана на рассмотрение министра финансов гр. Канкрина, но дальнейшего движения не получила.

В 1829 г. происходили большие волнения среди заводских крестьян княгини Белосельской в Оренбургской губ. Крестьяне Юрезень-Ивановского завода, собравшись толпой в 300 человек, избили мастера Сурина и посадили его под караул при заводской полиции неизвестно с каким намерением. Затем на заводе собралось большое число крестьян также с Минского завода и принадлежащих к нему селений. Прибывший сюда вице-губернатор „с первых почти минут заметил особенную строптивость и дух своевольства". Но затем после переговоров крестьяне, „стали на колени, просили войти в их положение и тут же хотели подать особенное прошение о всех своих прежних угнетениях и обидах", но его не оказалось под рукою. Это прошение было подано на следующий день от имени 2571 человека и содержало жалобу на бывшего заводского исправника Гоферланда и на несправедливое следствие, произведенное прежде о крестьянине Тараканове, содержавшемся в Уфе под стражею. Проверив этот список и обнаружив в нем преувеличение числа подписей, вице-губернатор все же должен был констатировать, что количество недовольных, бывших налицо, оставалось весьма велико и простиралось до 1200 человек, которые „с решительным домогательством все желали освободить из-под стражи Тараканова, без коего они, „а говорили, не могут быть покойны и никому другому не доверяют..., а некоторые из них отзывались таким образом, что они миром дали присягу стоять за Тараканова и друг за друга" [2]).

По наведенным справкам выяснилось, что еще ранее крестьяне выказывали неоднократно „грубость и неуважение к заводскому начальству", а именно: заставили исправника удалиться с завода, не исполняли приказаний и нарядов заводского начальства, самовольно собирали с миру деньги и самовольно отлучались, действовали самоуверенно, заключая некоторых под стражу, а других содержащихся по распоряжению заводского начальства освобождали, заставили безвременно удалить от должности приказчика и помощника его, объявив, что не потерпят никакой над собой власти, из Катавского завода поставленной, самовольно отрешили мастера от должности, нанеся ему тяжкие побои, наказанием и угрозой принуждали иных крестьян быть в общем заговоре, задержали посланного начальством нарочного с донесениями главному начальству с намерением принудить заводского исправника прочитать им эти донесения.

По прибытии значительных вооруженных сил вице-губернатор приказал 3-го августа заводскому исправнику собрать крестьян помянутых заводов и деревень в Юрезень-Ивановский завод к раннему обеду, но они начали собираться перед вечером и даже в ночное время. Когда (4 августа) крестьяне собрались на площади у заводской полиции, они были окружены вооруженной командой, после чего часть крестьян „обнаружила раскаяние в своих поступках", но более 1100 человек „пребывали в смущении, величайшем упорстве и непреклонности"; наиболее виновные в возмущении были подвергнуты телесному наказанию, после чего 1076 человек „при священническом увещании и при читанных им от него молитвах обещались впредь быть в полном повиновении и послушании". Но тридцать четыре человека упорствовали, почему были взяты под стражу. Потом еще четырнадцать

---

1) „О положении заводов Уральского Хребта". 1-ая экспед., дело № 23 за 1828 г.

2) „О неповиновении заводских крестьян княгини Белосельской". 4 экспед., дело № 151 за 1829 г.

изъявили раскаяние, прочие же двадцать остались совершенно непреклонны ни к какому послушанию под тем предлогом, что они не хотят изменить присяге, данной за Тараканова и друг за друга". Девять главных зачинщиков были задержаны для производства следствия.

Что же послужило причиной этого волнения? В поданной ранее крестьянами записке содержались следующие жалобы и претензии: 1) на малую против других заводов плату и на неумеренные и отяготительные вычеты из нее за долги; 2) на дорог вывозу хлеба, который отпускается им по 70 коп. за пуд, тогда как конторе обходится по вольной цене 40—50 к.; 3) на то, что контора не делает с ними надлежащего расчета в долгах их и несвоевременно выдает заработанные деньги; 4) на несоразмерность возлагаемых на них работ, особенно по рубке дров; 5) на употребление некоторых стариков в работы, силам их не соответствующие; 6) на то, что контора по прошествии двух или трех лет отбирает у некоторых лошадей не по той цене, по которой они выдавались, а по гораздо низшей, засчитывая остальную сумму в долг, вычитаемый из заработанных денег; 7) на то, что устройство больших дорог падает на их счет, тогда как они, быв непрерывно заняты заводскими работами, не могут нести этой повинности в натуре. К этому нужно присоединить слышанные заводским исправником устные жалобы, что дети менее 12 лет употребляются на рудничные работы—они вывозят в день каждый по 150 пудов руды ручной тележкой, содержатся они не в казармах, а в дурных и тесных балаганах, что за продовольствие их хлебом и пустой пищей взимается по 5 к. в день, если же кто берет говядины или постного масла, то из полагающейся платы в 20 к. ничего не остается; если они вывезут менее назначенной нормы, хотя бы на одну тележку или пуд руды, то лишаются платы за весь день.

Производивший следствие советник Сочемяев доносил, что восстановленная тишина на заводе сохраняется, хотя носились слухи, что между крестьянами еще „скрываются тайные толпы и совещания к новому возмущению, но явного от них волнения не было, замечено", чему способствовало, по его мнению, оставление на заводах воинской команды.

В том же 1829 г. происходило волнение на Нижне-Сергиевском и Атингском заводах в Пермской губернии [1]).

Вследствие жалоб мастеровых и рабочих людей на низкую плату и тягость работ в 1822 г. с согласия министра финансов, было предписано этим заводам содержать их на том положении, какое существовало на казенных Гороблагодатских заводах. Однако приведение в исполнение этого постановления затянулось, и только 22 августа 1822 г. для разъяснения положения был прислан чиновник Максимов, которому крестьяне Нижне-Сергиевского и Атингского завода заявили, что желают перейти на казенное положение, прося, чтобы на них были распространены новые штаты, только-что изданные для Гороблагодатских заводов,—на что со стороны Максимова последовало согласие. Но на другой день, собравшись в большом числе у конторы, крестьяне стали кричать, что «все читанные им указы суть старые, и требовали, чтобы им прочитаны были вновь учрежденные для Гороблагодатских заводов штаты, „за подписью его императорского величества". Когда Максимов отозвался, что нового положения у него нет, они «с дерзостью возразили, что старых положений и указов слушать не будут и к работам не приступят». Вскоре потом они ушли с завода. Заводский исправник донес, что до 150 человек собрались итти в Екатеринбург. Посланный для их увещания берггауптман Тетюев настиг толпу в 85 человек в селе Решетском в 23 верстах от Екатеринбурга и успел остановить их. Крестьяне согласились возвратиться на завод, с условием, чтобы был прислан чиновник «для вразумления тех штатов, которые были объявлены Максимовым». Однако, вскоре решили итти в Екатеринбург. Здесь их окружили солдаты, 83 человека были возвращены на завод, а пятеро отправлены на казенные Березовские золотые промыслы «сколько для того, чтобы впредь не могли расстраивать других к неповиновению, столько и на тот самый конец, чтобы после, по окончании исследования, предать их военному суду».

---

22 июля 1830 г. Вологодский губернатор донес, что фабричные крестьяне, состоящие при Шпрогорской писчебумажной фабрике помещиц Ивановой и Кафтыревой, жаловались ревизующим сенаторам на арендатора Эгансона в обременении их работою, а последний, в свою очередь, жаловался на неповиновение их. Для разбора этих жалоб были командированы чиновники, которые и привели фабричных в повиновение; приписанные же к фабрике крестьяне в количестве 51 души отозвались, что они готовы повиноваться помещицам, но арендатора слушать не хотят. Восемь зачинщиков были преданы суду. Николай I положил резолюцию: «исследовать поведение арендатора» [2]).

Следствием было установлено жестокое обращение Эгансона с фабричными людьми. Несмотря на это, уголовная палата вынесла следующий приговор: 15 человек наказать через палача плетьми по 15 ударов каждому, а одного сослать в Сибирь на поселение. Губернский прокурор подал протест, в котором между прочим отметил что бесчеловечное управление Эгансона подтверждается следующими фактами: 1) неестественной смертью рабочего Петрова, последовавшей от понесенных им истязаний, 2) фабричному Тройникову была

[1]) Дело 4-ой экспед. № 222 за 1829 г.

[2]) 4 экспед., дело № 150 за 1830 г. „О неповиновении фабричных людей бумажной фабрики, принадлежащей помещицам Ивановой и Кафтыревой".

проломлена им голова камнем, и 2) согласно свидетельским показаниям, телесные наказания ротами, линьками и кулаками широко практиковались Эгансоном, как «следствие своенравного произвола без всякого разбора и даже раскрытия вины обвиняемого». Даже начальник 1-го округа корпуса жандармов в своем донесении Бенкендорфу писал, что «таковое действие Вологодской Уголовной Палаты, противное всякой справедливости и законности, заслуживали особого внимания г. министра юстиции». Дело поступило на рассмотрение сената. Из материалов, приложенных к делу, видно, что в 1832 г. все губернские и уездные предводители дворянства, служившие по выборам с 1818 г., были подвергнуты по высочайшему повелению ответственности «за невнимание», ибо Шпрогорская фабрика была «на правах дворянских» [1]).

В феврале 1831 г. происходили волнения среди крестьян Унженского чугуно-плавильного завода, помещиков Тепелевых (Тамбовской губ.). Они бунтовали еще в марте и одиствующего года, а теперь вновь, в числе 222 семейств из трех селений, оказали неповиновение не только вотчинному управлению, но и местному начальству; они заявили, что не получили по прежним своим жалобам удовлетворения и высказали опасение, что в предстоящий 96-ой набор из них будут взяты в рекруты люди не по очереди, а по воле помещика. Когда три эскадрона гусарского полка прибыли в селение Сабурово, крестьяне заперлись в одном дворе и в течение двух дней не склонялись на увещевания. Когда же 60 мастеровых под прикрытием воинского отряда разломали сарай занятого ими двора, то оттуда посыпались камни, поленья, дубины и заостренные палки. Солдаты произвели три выстрела дробью; было легко ранено три человека. После того солдаты вошли во двор с обнаженными саблями и примкнутыми штыками; главный зачинщик Яковлев бросился было на офицера, но был остан влен выстрелом в лицо холостым зарядом и схвачен. Дело поступило в военный суд, но когда приговор был представлен на высочайшее усмотрение, Николай положил резолюцию: «дознать истинные виды и побудительные причины всех происшедших по именно тому беспорядков». В виду этого была образована комиссия военного суда.

Из донесения жандармского полковника Маслова от 15 декабря 1832 г. явствует, что 80 крестьян с мая предшествующего года все еще содержались под арестом, каковая медлительность об'ясняется тем, что некоторые из членов комиссии, «имея желание помогать подвергшимся по делу сему ответственности заводским управляющим, бывшим непосредственной причиной бунта, дают способы умножать дело бесполезной» переписки. Об этом гр. Бенкендорф счел нужным сообщить министру внутренних дел.

(Продолжение следует).

К. Пажитков

---

[1]) Так как фабрика принадлежала дворянам, то местное дворянство, в лице своих представителей, обязано было наблюдать, чтобы рабочие не терпели притеснений.

Материалы для истории рабочих на горных заводах.

Из записки В. Крамаренкова.

Печатаемый ниже материал представляет собою выдержку из имеющейся в моем распоряжении копии с составленной (около 1776 г.) обер-секретарем сената *В. И. Крамаренковым* [1]) записки по истории горного дела в России. Записка эта подразделяется на X глав: в первой, озаглавленной «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов», дается исторический очерк горного дела до образования в 1719 году Берг-Коллегии; вторая носит заглавие «О горных правительствах»; третья—«О должности Берг-Коллегии»; четвертая—«О порядке производства дел по Берг-Коллегии», содержит также «продолжение известия о горных делах после учреждении Берг-Коллегии»; пятая—«О сборе десятины»; шестая—«О приписке и покупке к заводам крестьян»; седьмая—«О обрабатывании крестьянам заводских работ, какие им за то зачеты положены и о происшедших от них непослушаниях»; восьмая—«О бытии заводским крестьянам судом и расправою ведомым в горных правительствах»; девятая—«О отводе под заводы в рудники земель и лесов и о сбережении сих последних»; десятая—«О числе заводов и о вступающих в казну от них доходах».

Примечания принадлежат В. Крамаренкову за исключением отмеченных мною ссылок на полное собрание законов. В некоторых местах текст для ясности исправлен мною по сличении с собранием законов.

А. В. Шебалов.

VI.

О приписке и покупке к заводам крестьян.

Что касается до обрабатывания заводских работ и до приписки и покупки к заводам крестьян, то хотя по первоначальному основанию Пыскорского [2]), яко древнейшего из всех в Перми завода, и видно, что намерение или желание было, чтобы заводские работы отправлять вольнонаемными людьми; но сей завод с начала основания своего не иначе действием продолжаться

[1]) Крамаренков, Василий Иванович, переводчик, сотрудник „Трудов Вольного Экономического Общества", род. в 1730 г.; начал службу в 1746 г.; состоял в 1765 г. при гр. Р. И. Воронцове, затем обер-секретарем сената (1778 г.), председателем харьковской гражданской палаты, председателем слободско-украинской палаты суда и расправы (1793 г.); 18 января 1799 г. уволен по прошению от службы. „Сборник русск. ист. общества", т. 60, стр. 441; „Архив кн. Воронцова", т. IV, стр. 501—506; „Сенатский архив", I, именные указы имп. Павла I, стр. 476 и 487; С. Венгеров, „Источники словаря русских писателей", т. III (1914 г.), стр. 247. *А. Ш.*

[2]) При селе Пыскорском, Пермской губ., Соликамского уезда, на правом берегу Камы, при впадении в нее р. Пыскорки, близ заштатного гор. Дедюхина. Местность была в 1558 г. пожалована Иваном Грозным Григорию Ионикиевичу Строгонову, открывшему соляной рассол по берегам р. Камы, в 1640 г. был основан Пыскорский медеплавильный завод, прекративший свое действие в 1680 г. за бедностью руд. В 1722 г. найдены были новые руды, а потому завод опять начал действие и с 1760—1781 г. находился в частном содержании гр. Воронцова; с 1781 г. перешел в казенное ведомство, а в 1820 г. совсем прекратил действие (П. Семенов, «Географическо-статистический словарь Российской Империи», IV, 257). *А. Ш.*

[illegible] по той причине, что не имел приписных крестьян, а исправлялся вольнонаемными людьми паче в такое время, когда еще и люди к сей горной и многотрудной работе были не за обыкновенны.

Сия причина может быть побудила к тому, что когда внутри России—в Московской губернии в [illegible] и в Боровском уезде иноземцы [illegible] около 1656 года заводили первые железные заводы, то к ним отданы были для работы и [illegible] волость со крестьяны.

По сему примеру при построении в последующее время и казенных заводов всегда уже приписка крестьян чинена была, как то при заведении в Олонецком уезде, в Файмогубской волости медного завода в 1701 году велено к нему приписать крестьян до 40 дворов.

В 703 году января 9, по именному указу к отданным в содержание Никиты Демидова Уктусскому и Невьянскому заводам велено приписать в работу Аяцкую и Краснопольскую слободы, да Монастырское Покровское село с деревнями и со всеми крестьяны, с детьми и с братьями и племянниками и с землею и со всякими угодьи. взимая с него, Демидова, за все то, что с тех крестьян в казну и в монастырь доходу было (брать в казну) железом по договорной цене. А крестьянам за их работу ему, Демидову, считая в правду, зачитать, что за них платить станет.

Но в том же году января 23 дня именным же указом велено давать дозволение во всех городах на всяких землях искать всякие руды, но своими однакож проторьми мастерами и работными людьми без приписки крестьян.

При построении около 700 года в Тобольском уезде, на речке Каменке, Каменских заводов по именному же указу и по приказу ближнего боярина князя Михаила Яковлевича Голицина велено к тем заводам приписать в работу 337 дворов.

Да и к другим казенным заводам крестьяне равномерно приписывались, но чтобы кроме Демидова другим частным заводчикам приписка или хотя дозволение в покупке к заводам крестьян до 721 года даваны были, того по делам не видно.

А именным 1721 января 18 дня указом [1]) для размножения заводов дозволено, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать не возбранно с позволения Берг-и Мануфактур Коллегии, токмо под таким условием, дабы те деревни всегда уже не отложно при тех заводах остались.

Но что работы заводские от самого заведения заводов и потом всегда тягостными казались, сие можно видеть из многих побегов и упорств, приписными заводскими крестьянами в разные времена оказанных, которые не только были не малым препятствием успеху в построении заводов и в размножении при оных действия, но нередко и управляющих заводами подвергали опасности так, что для усмирения их принуждено иногда было употреблять воинские команды; но какие, где были от них непослушание и возмущение, и чем оные усмирены, о том по порядку показано будет ниже сего в особой статье. А поелику самыми опытами по вышеписанной 721-ый году же усмотрено было, что как при казенных, так и при частных горных заводах без приписных или купленных крестьян обойтись не можно, то в 724 году мая 29-го именным указом, за подписанием Правительствующего Сената последовавшим по доношению генерал-порутчика Геннина, велено к Сибирским заводам для работ приписать слободы, без которых обойтись не можно, с особым предписанием, каким образом в заработных деньгах поступать должно.

Но чтобы в то же самое время в Сенате или в Берг-Коллегии сделано было какое учреждение о порядке заводских работ и о платеже за оные, того в делах не видно, а только отыскан взятой справкою из Берг-Коллегии о том проект, учиненный в канцелярии главного заводов правления с тем, что по оному в работах приписными крестьянами и в зачете за оные, как при казенных, так и при частных заводах поступается. И с которого при сем под буквою Л прилагается копия [2]).

А тем же 724 года указом в продолжении оного предписано с тех приписных крестьян подушных, как осьми, так и четырех гривенных денег не взыскивать, а заработывать им те деньги заводскою работою, с зачетом им по указу января 13 дня 1724 года [3]).

Что же с них сбиралось на содержание полков, оной платить с заводов из заводской суммы.

В текущее потом время хотя открывались во многих местах надежные и богатые рудники. однакож с казенной стороны не строили при них заводов по той причине. что опасались, дабы

---

[1]) 1-е П. С. З. т. VI, № 3711.

[2]) Названной копии в моем распоряжении не имеется. *А. Ш.*

[3]) Сим указом предписано платить за работы людям во всех местах равномерно: в летнее время—мужику с лошадью по 10-ти и без лошади по 5 коп., в зимнее—с лошадью по 6-ти, а без лошади по 4 коп. на день.

употребленные на то будущих при них начальников надержки не принесли чаемого от того прибытка, а частные люди по недостатку работников, как то сие точно изображено в данной в 734 году марта 23 [1]) дня отправляемому тогда в Сибирь тайному советнику Татищеву инструкции, и для того в сей инструкции, между прочим, ему предписано объявить обывателям что ежели кто пожелает завести железные заводы, тому кроме объявленного, в привилегии увольнительного времени, дается ко всякой домне из казенных волостей от 100 и до 150 дворов, а к молоту до 30 дворов, с таким обязательством, чтобы он за тех крестьян все належащие подати и накладки платил бездоимки, а за работу считал по плакату, приписывая деревни ближние сподвал, а не выбором с принадлежащими к ним землями.

А в том же 1734 г. по представлению помянутого Татищева от 2 числа октября в бытность тогда Кабинет с тем, не поселено-ли будет и на медные заводы раздавать заводчикам из казенных деревень, хотя на всякую плавильную печь дворов по 50-ти, последним с веду из Кабинета от 23 декабря того же года указом велено и на медные заводы раздачи чинить, так в данной ему вышеписанной инструкции предписано.

В 1736 г. января 7 [2]) числа именным указом 9-м пунктом повелено: которые ныне написанных мануфактур-фабриканты покупали на свои мануфактуры и фабрики людей и крестьян без земель и не целыми деревнями, тем быть при них по крепостям, и впредь покупать не не запрещать, токмо без земель же и не целыми деревнями [3]).

В изданном в 1739 году марта 3 дня [4]), берг-регламенте между прочим в 12 пункте сказано: «Ежели кто государству полезные и прибыточные рудокопные заводы заведет, а больших работников достать не возможно и к тем заводам, по силе нашего в прошлом 1736 году состоявшегося указа, целыми волостями не приписывать, но по рассмотрению давать по нескольку дворов, которые самим заводчикам перевозить и поселять при заводах; но токмо сколько возможно стараться при тех заводах селить деревни покупными людьми и крестьянами.

Но в конфирмованном в 1740 году августа 9 числа представлении, учиненного о горных делах Кабинет-министрами обще с обербергдиректором бароном Шембергом для отвращения того, чтобы иногда излишних противу препорции при заводах крестьян не было, в 3 пункте предписано: «Имеющихся приписных к заводам крестьян разделить по пристойному числу, сколько по необходимой нужде к которой части потребно, а излишних возвратить в губернию, и так смотреть, чтобы заводчики не заводили домен, молотов и медных плавильных печей для одного токмо виду и чтобы им больше дворов и крестьян получить; по всякими мерами старались всякой при своем заводе делать железа больше, а тем приписных к заводам слобод крестьянам зарабатывать при тех заводах токмо по складу положение на них подушные и четырех гривенные и раскольнические деньги, считая за заработы, припасы и проезд, как при казенных заводах о том учреждение учинено.

Когда в 744 году апреля 10 дня по представлению Берг-Коллегии обще с Оренбургским губернатором определено было ради возобновления в Оренбургской губернии, при городе Табынске казенной медный завод отдать в содержание Сибирскому купцу Твердышеву на уставленных кондициях, то в 4-й из оных постановлено приписать к тому заводу и крестьян, считая на каждую 1000 пуд чистой меди по 50 дворов, а в каждом дворе по 4 человека работников.

Хотя по сему указу точно изображено, чтобы при приписке к заводам крестьян числить во дворе работников по 4 человека, однакож не видно, чтобы по 754 год в рассуждении других заводчиков сему правилу следовано было, но всегда наблюдалось предписание, изображенное в данной тайному советнику Татищеву в 734 году марта 23 [5]) дня выше прописанной уже инструкции, считая в положенную к приписке пропорцию только наличное число душ, как-то

В 752 году 17 января Правительствующий Сенат по случаю об'явленного чрез покойного генерал-фельдмаршала и кавалера графа Александра Борисовича Бутурлина именного указа о подаче из Сената ведомости о числе фабрик и заводов, имеющих покупные деревни, с показанием, какое на оных с покупки деревень приращение сделано и на каком основании в порядке оное происходит, имея уже в подаче о порядке в приписке к фабрикам и заводам крестьян общее Берг-Мануфактур Коллегий мнение, в том состоящее: 1-е, чтобы к заводам наперед в положенную препорцию причислять купленных и крепостных заводчиковых крестьян,

---

[1]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6559.
[2]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6858.
[3]) Но сей указ именным же 1744 г. состоявшимся в 27 день июня на докладе Сената указом отменен, а велено покупать крестьян с землями в отвращение того, дабы покупные без земель крестьяне на старые свои жилища побегов не чинили, а покупные с землями более имели привязанности к фабрикам.
[4]) 1-е П. С. З., т. XII, № 9004.
[5]) 1-е П. С. З. т. IX, № 6559.

потом 2-е, приписных, не имеющих родства к незаконнорожденных, хотя из них и излишние явятся, а напоследок 3-е, есть-ли и за тем недостанет в положенное число, то дополнивать из приписных к тем заводам государственных крестьян с таким обязательством, чтобы они в силе берг-регламента в место государственных крестьян купили собственных, а по покупке, тех приписных крестьян от частных заводов отрешая, приписать к казенным, определил: 1-е, покупных в силу, вышеписанных указов, к заводам и фабрикам, сходственно с вышепрописанным во мнении Берг-и Мануфактур-Коллегии положением, крестьян оставить при фабриках и заводах; но как по усмотрению из ведомостей при игольной фабрике компанейщиков Рюминых в числе 2822 душ покупных противно положенной пропорции на одну домну и четыре молота 220 дворов, считая в каждом дворе по 4 человека работников мужеска полу, всего 880-ти душ, найдено излишних 1942 души, то сих излишних приказал продать имеющим право покупки в полгода, или на то число построить вновь доменные и молотовые заводы в те ж полгода, с таковым подтверждением, ежели в те полгода не построят, то таковых заводчиков почитая за преступников против именного 721-го года января 18 [1]) дня указа, в Мануфактур-Коллегии в 723 г. декабря 3-го [2]) изданного регламента 17 пункта, и с ними поступать по силе сих законов. В сем же приказании хотя сказано считая во дворе по 4 человека работников, но излишество исчислено по наличеству числа душ; 2-е, Берг-Коллегии предписал и впредь давать заводчикам о покупке к заводам крестьян дозволение на точном основании вышеупомянутой данной в 1734 г. марта 23 [3]) тайному советнику Татищеву именной инструкции. И именно, считая на одну домну по 100, а к молоту по 30 дворов, считая мужеска полу во дворе по 4 души, к медиплавиленным же заводам велено давать дозволение в покупке крестьян, исчисляя выплавку чистой меди на каждую тысячу пуд по 50 дворов или по 200 душ; 3-е, поелику не всякому из заводчиков случиться отыскать такую деревню, где бы по состоянию его завода пропорциальное число душ было, то не велено ставить в вину, ежели излишнее число душ противу пропорции куплено будет, однакож не более, как по 5 душ на сто, а излишнее противу сего подвергать конфискации. О сем в Берг-, Юстиц-и Мануфактур-Коллегии указы посланы.

Сие положение подтверждено еще Сенатским указом, посланным в Берг-Коллегию по определению следующего 753 года июля 16 дня с тем именно подтверждением, чтобы излишних, за предписанною по мнению Берг-Коллегии препорцию,-крестьян от частных заводов отчисляя, приписать к казенным Екатеринбургским заводам.

В 753 году ноября 9 дня по доношению Берг-Коллегии, а по прошению покойного сенатора, генерала-фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова, к новопостроившемуся тогда его в Оренбургской губернии железному заводу определением Сената к трем домнам и шести молотам велено приписать по тому же положению на каждую домну по 400, а на молот по 120, а всего 1920 душ из черносошных и ясашных крестьян Казанской губернии, о чем между прочим и в Казанскую губернскую канцелярию послан указ.

Но как сия канцелярия, ответствуя на сей указ доношением, просила об'яснения, каким образом ту приписку крестьян к помянутым графа Шувалова заводам учинить, то по определению Сената 1754 г. марта 7 и 10 чисел именно ей предписано: приписать к тем заводам крестьян, известную пропорцию, полагая 1-е, в каждом дворе наличных по 4 души работников, а 2-е, считая сих работников возрастом от 15 до 60 лет с тем дополнением, чтобы в заводы из тех приписных крестьян употреблять с переменою третью часть, а две доли оставлять в домах для крестьянских работ.

На сем точно основании в том же году, по определению Сената мая 2-го дня, велено сделать приписку крестьян к новостроившемуся тогда в Оренбургской губернии графа Сиверса медному Вознесенскому заводу.

В следующих потом 755 и 756 годах по прошениям покойного сенатора, генерала-фельдцейхмейстера графа Шувалова о приписке крестьян к новостроившемуся в Сибире Нижнетуринскому о двух домнах и 10 молотах заводу, по определениям Сената октября 31 и июня 7 чисел, хотя и велено приписать тоже самое число по положенной вышепрописанными указами пропорции 2.000 душ, считая в каждом дворе работников от 15 до 60 лет по 4 человека: но к

---

[1]) 1-е П. С. З. т. VI, № 3711. В сем указе сказано: А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупку отнюдь не допускать и смотреть того накрепко в Берг-Мануфактур-Коллегии, а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием сего движимого и недвижимого имения.

В Регламенте Мануфактур Коллегии 17 пункте написано согласно с сим указом, в том, чтобы деревни покупать к фабрикам и тех деревень без фабрик не продавать, а что с теми чинить, кто, малые фабрики имея, купит крестьян только для лица, того не дополнено.

[2]) 1-е П. С. З., т. VII, № 4378.

[3]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6559.

тому дополнено еще следующее: ту приписку учинить целыми деревнями и дворами, не разбивая семей их в розницу, но всех находящихся в тех деревнях и семействах, как престарелых, так и малолетних и не годных в работу при них же оставить, из которых по возрасте малолетние на места умерших и другими случаи выбылых в число работников комплектоваться имеют.

Между тем, когда о таковой же приписке крестьян к железным Сибирским заводам статской советник Никита Демидов просил в Главной Правления заводов канцелярии с тем, чтобы оных дополнить по числу наличных на его заводах домен и молотов из оставшихся за отдачею Гороблагодатским, бывшим тогда графа Шувалова, заводам крестьян, и та канцелярия представила о том Сенату, то по определению оного 1756 года июня 11 дня велено ту приписку сделать во всем сходственно с тем определением, какое в пред'идущим году октября 31 дня о приписке к заводам графа Шувалова крестьян учинено: 1-е, целыми деревнями и дворами, не разбивая семей их в розницу, но исчисляя годных в работу от 15 до 60 лет; 2-е, всех тех приписных к заводам деревень и дворов, сколько в них с настоящего по ревизии числа душ, ни выключая не токмо престарелых и малолетных, но и умерших, и ни каких убылых по окладу подушных денег, оброчного провианта и других податей к платежу надлежало, оное все бездоимочно тем крестьянем заводскими работами заработывать, а что сверх того переработают, за то получать им указную плату, и 3-е, в казну же все указные с них доходы требовать и принимать от тех заводов без доимочно.

Но в 757 году граф Петр Иванович Шувалов просил в Сенате, чтобы к его Сибирским и Оренбургским заводам приписку крестьян приказать сделать на основании вышепрописанной данной в 734 году Татищеву инструкции уже на домну не по 100, но по 150 дворов, считая во дворе годных в работу от 17 до 60 лет по 4 человека; то и на сие его прошение, сходственное с ним, того года сентября 1 дня определение последовало с такою оговоркою, что хотя по прежнему 753 года июня 16 дня определению Сената пропорция на каждую домну по 100 дворов и положена, но им, господином сенатором и кавалером графом Шуваловым, с отдачи Гороблагодатских заводов в его содержание не токмо по обязательству в 5 лет, но уже и до того времени старанием его и употреблением капитала выковка железа в двое умножена, а для того и велено сделать приписку в числе работников во дворе сходственно с его прошением по силе Татищеву данной инструкции, в которой сказано давать ко всякой домне от 100 до 150 дворов, и при том дополнено тем, чтобы за престарелых, малолетных и не годных к работе подушной оклад заработывали годные, а для обучения и укомплектования мастерств потребное число выбрать из тех же приписных крестьян и поселить при тех заводах.

В 758 году октября 17 дня по прошению заводчиков Твердышева и Мясникова к Оренбургским их железным и медным заводам дозволено прикупать крестьян: к первым на основании вышепрописанной инструкции, данной тайному советнику Татищеву 734 г. марта 23 [1]) дня на каждую домну по 150 дворов, а к медным—по силе сенатского вышепрописанного 1744 г. апреля 10 дня и учиненных с Твердышовым при отдаче казенного медного в его содержание при городе Табынске завода кондиций 4-го пункта—на каждую 1000 пудов чистой меди по 50 дворов, считая в каждом дворе от 15 до 60 лет годных работников по 4 человека, с тем, чтобы оных покупать как порознь, так и селами и деревнями и с находящимися при них, сверх того числа, престарелыми и малолетными, дабы малолетними и новорожденными престарелых и умерших мастеров и работников те места наполняемы быть могли.

Сии последние положения о покупке и приписке к горным заводам крестьян, постановленные Сенатом, Берг-Коллегия приемля за основание, делала приписку ко всем отданным с того времени из казенного в партикулярное по именным и сенатским указам содержание медным и железным заводам, как то 1-е к Верхисетскому железному, отданному сенатору графу Роману Ларионовичу Воронцову 1758 г. декабря 14 числа по Сенатскому указу, 2-е, к Уткинскому и Сыльвинскому, отданным в 759 году по Сенатскому же указу, 3-е, к Юговским, отданным действительному камергеру и кавалеру Ивану Григорьевичу Чернышеву в 157 году марта 21 дня по именному указу, и к другим заводам, и на сем основании раздача к заводам крестьян продолжалась по 760 год, а в сем году начала она остановляться так, что когда заводчик Походяшин в том году просил о приписке крестьян к новопостроенным его в Верхотурском уезде Петропавлевским заводам, то по представлению о том же и от Берг-Коллегии—определением Сената хотя и велено ту приписку сделать на основании 1734 года часто поминаемой данной Татищеву инструкции и последовавших потом указов, однакож уже с сроком только на десять [2]) лет с тем обязательством, чтобы, в сие время купя своих

[1]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6559.

[2]) В 1769 г. сентября 16 дня именным указом, состоявшимся из доклада Сената, за оказанное Походящиным к казенному интересу усердие тех крестьян с прошествии 1-го срока повелено при заводах его оставить еще на 5 лет.

крестьян, переселил к тем его заводам, а после того уже никому никакой приписки не было.

А в 762 г. по именному указу, состоявшемуся в 8 день августа [1]) доклада Сената, в рассуждении того, что в Комиссии Уложенья тогда уже сочинялись права, кому какими преимуществами как дворянству, так и купечеству пользоваться, и покупка к фабрикам и заводам крестьян остановлена, в чем и поныне разрешения еще не последовало. 1756 г. мая 25 [2]) межевой инструкции 23 й главы 6 к пунктам предписано: По предложенным привилегиям и вопросам примечать 1-е, кому дозволено иметь завод или фабрику на наемной земле и производить мастерство наемными людьми, а особого дозволения в покупке людей и земли не дано ли за такими заводчиками и фабрикантами купленных без дозволения собою целых селений и земель? 2-е, кому и дозволено покупать—тех число куплено, или и не превосходит ли постановленную к заводам пропорцию, и ресть они в том звании, к чему куплены, употребляются, или сколько из них состоят на помещичьих заводчикам податях? 3-е, не окажется-ль таких, которым привилегии даны до запретительных указов, а купили они после состояния того в противность оных, и 4-е, словом, о всем, что найдется присовокупленное ими без дозволения и в противность законов, представлять о том Сената нашего в Межевую Экспедицию.

VII.

О обрабатывании крестьянам заводских работ, какие им за то зачеты положены и о происшедших от них неослушаниях.

Отдача крестьян к горным заводам, сколько по делам видно, началась, как вышесказано, с построением первых в Московской губернии, в Тульском, Каширском и Малоярославецком уездах, Истинского, Угодского и Новгородского иноземцами Марселиусом и Филимоном Акемою заводов около 1656 г., к которым отданы для работ Соломенская и Вышегородская волости, но, как видно, что от тех крестьян произошло неослушание, а от заводчиков на них жалобы, то в 1663 году по указу государя царя Алексея Михайловича велено тем крестьянам на заводах работать по наряду стольника Афанасья фон-Визина, который состоял в следующем: дров сечь на угольное сжение всем вообще по 1000 сажень, мерою сажень 3 аршина и 6 вершков, на заводах работать, дрова, руду и угольe и к заводскому делу всякой лес возить, и всякое изделье делать зимою всем с лошадьми, а весною, летом и осенью половине с лошадьми, а другой пешим против прежнего по 48 человек [3]) переменяясь по одной, или по две недели.

В 1683 году подтверждены те же самые работы, а более налагать на них запрещено, а за тех крестьян заводчикам велено платить в казну за все то, что с них сбиралося по окладу стрелецких, ямских и полоняничных денег и всяких дворцовых доходов железом, считая пуд по 45 копеек.

При отдаче в 704 году по именному указу к Невьянскому Никиты Демидова заводу Аяшкой и Краснопольской слобод и села Покровского Монастырского с деревнями велено тех слобод крестьянам зарабатывать на тем заводе в подушной и прочие с них положенные оклады, а какой зачет за работы делать, того в том указе не изъяснено, а велено за тех государственных и монастырских крестьян ему, Демидову, платить за все то, что те крестьяне платили в казну и в монастырь, железом по договорной цене или деньгами.

Невидно также, чтобы и при казенных заводах были какие особые учреждения о работах крестьянских и о зачетах за оные по состоянию 1724 года января 13 числа именного указа, которым предписано за работу людям и лошадям давать во всех местах равно, а именно в летнее время—мужику с лошадью по 10-ти, а без лошади по 5 копеек, в зимнее же время—с лошадью по 6-ти, а без лошади по 4 коп. на день.

Того же года февраля 16 дня именным же указом по доношению генерала-маиора Геннина, между прочим, о приписке к заводам для работ слобод велено: с крестьян тех слобод подушных, как осьмигривенных, так и четырехгривенных денег не брать, а заработывать им те подушные деньги на тех заводах и за ту работу зачитать им по вышеписанному состоявшемуся января 13-го 724 года указу; чтоже с них на содержание полков подушных денег взять надлежало, оные платить в те полки из заводских денег в Москве или Петербурге, а,

---

[1]) 1-е ПСЗ., т. XVI, № 11638.

[2]) 1-е ПСЗ., т. XVII, № 12659.

[3]) В Вышегородской волости показано со вновь прибывшими 318 дворов, а в 714 г. показано сих крестьян 2961 душа.

как тех приписных слобод жители подушные деньги заработают, тогда им заработные деньги платить по вышеписанному ж указу, а без платежа денег в работы их не употреблять.

В изданном в том же 724 году июня 26 дня плакате, в 7 оного пункте предписано, ежели по указам для каких работ потребны будут люди и лошади, то оных собрать со стольких душ, со скольких расположено и повелено будет, буде же без расположения и вскоре велено будет взять работников, то брать с жителей по очереди и таковым работникам давать деньги по вышеприписанному января 13 1724 года указу, а именно в летнее время мужику с лошадью по 10, а без лошади по 5, в зимнее ж с лошадью по 6, а без лошади по 4 копейки на день. А времена считать летнее—апреля с 1 числа, а зимнее—с октября по апрель месяцы.

В генваре 740 года августа 10 дня апробации на поданное тогда из учрежденной при кабинете о горных учреждениях комиссии представление между прочим в 3-м пункте написано: приписных к заводам слобод крестьянам зарабатывать при заводах одни по окладу положенные на них подушные и четырехгривенные и раскольнические деньги, считая за работы, припасы и проезды; как при казенных заводах работа продолжается чрез весь год без перерывно, того ради промышленникам самим должно стараться оные работы наймом и порядком производить, а ежели когда ни ямщиков, ни подрядчиков не сыщут, или будут за работу просить дорогую цену, в таком случае могут в работу употреблять приписных к тем их заводам крестьян, хотя бы они подушные и четырехгривенные и раскольнические и заработали, однакож за такие излишние, сверх надлежащих положенных на них податей, работы платить им заработные деньги по плакату, а без платежа заработных денег тех крестьян промышленникам в работы не употреблять, чтобы они разорены не были, а упомянутые подушные и четырехгривенные и раскольнические деньги платить промышленникам в определенные места без доимки.

В 741 году октября 23 дня, по учиненному в канцеляри Главного заводов правления о работах крестьянских при заводах учреждению, отправлять определено:

— 1-е. Чтобы к добыче медных припасов и к рубке дров на угольное сжение и на топление квартир из домов высылались крестьяне марта к 25 числу со старостами, сотскими и выборными и отдавались бы заводчику или их прикащику все без истов, а по прибытии того же часу принимать и определять их в работу и надлежащие припасы вырубать и оскабливать, также и дрова вырубать и в поленницы складывать, и отдавать приемщикам в апреле, конечно мая до 1 числа, а с того числа отпускать их для пашни и севу хлеба.

2-е. К складке дров угольных в кучу, дернению, осынке и к зжению и разломке куч, добыче и обжигу руды и извести посылать по исправлении пашенной работы и севу ярового хлеба мая с 25, конечно июня к 1 числу и быть при той работе июля до 10 числа, а с того числа отпущать для сенокоса и убрания с поль хлеба в дома, а как они тем исправятся, то к означенным, положенным на них недоделанным заводским работам, высылать их в сентябре месяце так, чтобы они к тем своим работам пришли сентября к 15 числу и были бы до ноября месяца, пока земля замерзнет.

3-е. Лесные припасы, известь, горновой камень и уголь на заводы, также железо и припасы на пристань возить в начале первого зимнего пути.

4-е. Потребной лес на судовое дело становить на пристань летом, или как способнее усмотрится.

5-е. К строению плотины и фабрик пеших высылать к 1-му числу апреля и быть им в работе до того времени, как они отпущаются в домы с мая месяца, а к возке земли в плотину конных посылать по окончании вешняго севу к 1-му числу июня, и быть в работе до 1 числа июля, а с того числа отпущать в их домы для сенокосов и собирания с поль хлеба до сентября месяца.

6-е. В домашние заводчиковы и прикащиковы работы, яко к плотничному и к поставке сена, и к делу домашних уборов, и к другим тому подобным делам, их не принуждать, разве кто сам добровольно пожелает, и договориться за какой платеж работать.

7-е. Им-же, крестьянам, когда они в работу из домов поедут, платить за проход пешим и конным по 6 коп. на 50 верст, за возку извести и горнового камня по плакату по деньге на версту, считая на возу класти 25 пуд., а ежели летом возка бывает, то по копейке на версту с двадцати пуд., а весною и осенью в распутное время по вышеписанному с 15 пуд., а за возку руды и угля по расчислению плакатной платы, считая в час переездку по 3 версты, свалка и гребка по часу, и потому придет, например рудник, или курень от завода в 18-ти верстах, то оные переедут с возвратом в 12 часов, да свалка и нагребка два, итого 14 час., работных же часов считать по адмиралтейскому регламенту в день 12, и потому придет по оной плакатной плате на 18 верст с воза или с короба по 7 коп.; а уголь возить мерными коробами вышиною 7 четвертей, шириною во дне 3-х четвертей, а длиною 3 аршина, в верху

ширина 6 четвертей, длина 3 аршина 2 четверти, и те коробы надлежит заводчикам иметь свои, а крестьянин должен иметь только дровни, сани, телеги и роспуски.

Но как сего учреждения к порядочному наряду в работы еще не довольно было и от приписных крестьян не только произошли о изнеможении их и в утеснении от заводчиков жалобы, но некоторые из них пришли и в непослушание, о которых ниже именно показано будет, то в 1756 июня 16 дня указом Сенат Берг-Коллегии повелено: рассмотрев, каким образом с приписными, к казенными и партикулярным заводам, государственными крестьянами поступать и порядочное употребление их в работы и дачу заработных денег без излишней крестьян тягости производить, также не возможноль миновать высылки их из самых отдаленных от заводов жилищ, и к тому другой полезнейший способ изыскать, дабы чрез то не только крестьянские жалобы, но и самые их противности отвратить было можно, представить со мнением Сенату, то на сие та Коллегия в 761 году июля 19 дня представила:

1-е. Прописывая указ 724 года мая 29 дня о приписке к заводам для работ слобод, без которых обойтись не можно, и о не взыскании с крестьян тех слобод подушного оклада, который положено им заработывать на тех заводах, и за работу зачитать по указу, представляла, чтобы, когда тех слобод жители подушные деньги заработают все, тогда за излишние работы заработные деньги платить им по вышеписанному 724 мая 29-го дня указу, а без платежа денег в работы отнюдь не употреблять.

2-е. Сколько в силу вышеупоминаемого указа, к которому заводу числом душ приписано будет, и сколько с них в год придется в казну заплатить подушных и четырехгривенных и иных по указам положенных сборов, о том сочинить верные ведомости, а по сим же ведомостям заводосодержателям или их прикащикам каждогодно сочинять раскладные ведомости с точным показанием, коликое число приписным крестьянам при каждом заводе за те подушные деньги и прочие сборы заработать заводских работ, сколько к тому потребно пеших и конных работников, к которому заводу и к какому времени выслать надлежит, и сии ведомости заводчику или заводскому управителю, сочиня заблаговременно, отсылать в те приписные слободы и деревни, к которым заводам оные приписаны.

3-е. Приписным крестьянам по получении таких ведомостей каждогодно по годовым своим ведомостям раскладывать к заводским работам на каждый завод самим между собою чрез выборных, под присягою, при своем земском управителе, или от них поверенных по пожиткам и состоянию каждого, дабы ни малейшей обиды и тягости одному пред другим не было и порученные за подушный оклад заводские работы отправлять, могущим и годным быть в работе людям, а за негодных и выбылых располагать к тем годным, взимая к тому в подмогу деньгами по справедливой же в том разверстке, а без таких расположений от команды собственно в работы никого не наряжать.

4-е. В работные и другие земледельные времена пашенных крестьян в заводские работы не наряжать, и по рудным и следственным делам на заводы и никуда от земледельных их работ из домов не брать и не отлучать, кроме татиных и криминальных дел.

5-е. На заводы приписных крестьян в подлежащие времена из слобод, сел и деревень управителям высылать с нарочными старостами, сотниками и другими выборными людьми, которых на заводах управителям отдавать на лицо по списку и в той отдаче получать тем приводным квитанции, смотря и того, чтобы наряженные в работу крестьяне брали с собою назначенные в конную работу лошадей и надобный к ним прибор, и во время работы неимением для себя запасу и для лошадей фуража отнюдь бы уже не отговаривались, и ежели где чего на заводах купить готового не можно будет, то они должны оное возить из домов своих; в случаях же недородов хлебных во время работ при заводах помогать им дачею из казны, из заводских магазейнов провианта, а за оной зарабатывать им или платить деньгами.

6-е. Что крестьяне заработают в подушной оклад, за оной теми работами и зачитать, не имея особой выдачи им денег, дабы тем удобнее избежать излишних затруднений в письменном производстве, волокит и недодач крестьянам; подушные же и прочие положенные подати платить уже с казенных заводов каждогодно казенными, получаемыми за металлы, добываемые при тех заводах, от Берг-Коллегии, а с партикулярных заводов—самим заводчикам и компанейщикам на указные сроки в учрежденные и назначенные от главного комиссариата места, не отговариваясь в том на сроки не платежом, хотяб на который срок, чего крестьяне и не заработали, в чем с ними счет по окончании расположенных работ в надлежащие времена чинить, а за такие недоработы, кто чего за побегами и прочими огурствами не отправит, с таковых помимо деньгами не взыскивать, но заработывать им прежде положенными ими другими работами, дабы впредь того им делать не повадно было.

7-е. Ежели ж при коих партикулярных заводах у заводчиков или их приказчиков с работающими при заводах в делываемых вещах и в заплатах или за подушной оклад зачетах

происходить будут споры, при таких заводах быть от крестьян выборным надежным и добрым и не подозрительным людям в каждом году по одному или по два человека, которым за всех крестьян все деланные работы по ведомостям, на кого сколько по раскладкам положено, принимая от них сдавать приставленным от заводчиков приказчикам и служителям, записывая в особоучрежденные книги, заручая каждую статью с обоих сторон, а по окончании какой либо работы с теми выборными считаться, не волоча уже других крестьян, и оные расчеты чинить им в скорости, не продолжая дале трех дней, под опасением штрафа и наказания прикащикам за излишнюю волокиту: да и деньги крестьянам за то, что они работать будут сверх подушного окладу по окончанию работ, а в прочих каждомесячно или понедельно, кто когда сработает, отдавать самим им в руки при тех же выборных, которым, по окончании дач коей либо артели, в засвидетельствование в том подписываться и при таких заплатах одних за другими напрасно не задерживать.

8-е. Приписных крестьян за огурство, за умышленное и малое ослушание, укрывательство от высылки в работы и побеги от работ, которое кто одноличнo и не во многом числе учинят, наказывать первой и второй раз батожьем, за третий плетьми, и буде кто в том примечится, таковых по наказании водить в работы и при работах держать под караулом, а оные наказания чинить им от земских их управителей, и заводчикам самим и приказчикам их никакого наказания не чинить, под опасением штрафа: буде же такую продерзость укрывательством и побегами или противностями в нарядах учинят многолюдством, то по рассмотрению от главной команды из таких наказывать первейших зачинщиков десятого по жребью кнутом, а прочих — плетьми и батожьем, смотря по вине, и сверх того зачинщиков смирять горными и заводскими работами по рассмотрению на время: с земских же управителей и старост за не высылку в работы на срок крестьян в первой и другой раз вместо штрафа взыскивать убыток, издержанной на посылку для нетчиков. А в третий раз, смотря по вине, штрафовать управителей денежным штрафом, а старост и прочих помощников их наказывать на теле, а буде больше трех раз в том они виновными найдутся, таких наказывать и шрафовать, как за ослушание указов положено; а за недоплаты в выдачах денег и в отводах по явке работ и в записках по сработанию оных и в прочем волокиты и всякие тягости на казенных заводах —управителей, а на партикулярных—заводчиков или их приказчиков, кто в том виновным явится, шрафовать; за взятки же в тех делах с крестьян —управителей и надзирателей и других чинов, кто в том явится виновен, штрафовать и наказывать так, как узаконено за взятки в государственных делах без упущения.

9-е. Ежели при партикулярных к оным государственных крестьян кто в работы наниматься будет по вольной договорной цене для получения наперед денег, или для каких других выгод, в том на обе стороны для собственных их выгод никакого воспрещения не чинить, хотяб та цена и дешевлее определенной крестьянам платы была.

10-е. Впредь с приписных к казенным заводам крестьян из подлежащих ко взятью рекрут по силе указа 1760 г. августа 1 дня для укомплектования мастерств оставлять по потребному числу, без чего миновать не можно, а до остальных отдавать. Ибо чрез то взятие в рекруты и сверх того в выборе в мастерства оные крестьяне понесут великое отягощение и разорение.

11-е. Что хотя при казенных и партикулярных заводах за всякие работы крестьянам в подушной оклад, по учиненным пробам, зачеты происходили, но как те пробы уже давно чинены были и по обстоятельству так много прошедшего времени некоторые поделки переменились, а леса поотдалели, то и почитала Берг-Коллегия, что надлежит о тех работах и поделках вновь верные пробы учинить, и по тем пробам, что к лучшему усмотрится, таким образом с крестьянами и поступать, а между тем покаместь заводским поделкам вновь проба учинится, поступать по учиненному в 741 году вышепрописанному учреждению.

12-е. Сверх всего присуждала она, чтобы заводчики старались по силе берг-регламента удовольствовать свои заводы покупными людьми и на ту покупку и переселение к заводам крестьян оставляла сроку пять лет, по прошествии же оных —приписных крестьян отрешить, ежели же крестьяне похотят добровольно на заработные деньги на заводах работать, в том им запрещение не чинить.

Сие однакож представление подтверждения из Сената не получило потому наипаче, что вскоре после того вступили от приписных заводских крестьян на заводчиков жалобы, а напротив того от заводчиков, из Берг-Коллегии и из других горных правительств — о непослушании и огурстве тех крестьян доношении, и каких таковые обоюдные представления, также и от крестьян непослушании, а иногда и самые противу посланных для усмирения их воинских команд не малые упорства не однократно при разных заводах происходили, то об оных здесь подробнее включается.

Заводские работы с первого их введения в России казались тягостными приписным к заводам крестьянам, однако при оказанных ими непослушаниях, огурствах, а иногда и самых возмущениях противу заводчиков, горных начальств и начальников видно, что не малый к тому повод подавали иногда и сами заводчики излишним наложением в противность законных учреждений, на тех крестьян заводских работ, недоплатою заработных денег, высылкою в деловую пору на заводские работы и другими подобными тому утеснениями, о коих ниже пространнее изъяснится.

И поелику первейшая отдача в заводские работы крестьян учинена к вышеупомянутым уже в Московской губернии Поратовским и Угодтским иноземцов Петра Марселиуса и Филимона Акемы заводам, то первые сии крестьяне еще в 1678 году пришед в непослушание, просили об увольнении их от заводских работ, показывая свое раззорение от того, что якобы на них от тех заводчиков была великая палога, накладывалась сверх указной лишняя работа и повозки, но как сего своего показания ничем не доказали, то тогда уже указом велено им остаться по прежнему при тех заводах в заводских работах [1]).

Из выписки, взятой из Берг-Коллегии, видно, что около 700 или 701 года, которого точно не показано, Кунгурцы, не желая, чтобы по близости их горные заводы строены были, когда приехал с Верхотурья в Кунгур стольник Алексей Калитин для промыслу медных руд, то они собравшись во многих тысячах, оружейною рукою бунтом подошли под город Кунгур в намерении помянутого Калитина за рудной промысел убить там, что он, нашедши себя в осаде, принужден был отбиваться от них пушками, а на последок, боясь превосходной их силы, тайным образом ушед из Кунгура с бывшими при нем воинскими людьми, пробирался до Верхотурья лесами а не настоящими дорогами. Чем за сие дерзновение Кунгурцы наказаны—по тому екстракту в Сенате по делам не видно.

По 722 год были-ли при каких заводах непослушания от заводских крестьян, кроме вышеупомянутых, по делам не видно; а в сем году при самом начинании строения Екатеринбургских заводов и фабрик под распоряжением бывшего там генерал-маиора Геннина, присланные к нему для употребления в заводские работы от Сибирского губернатора князя Черкаского полусолдат и несколько работников ближайших волостей из крестьян сперва по нескольку человек, а потом и все ушли так, что его, генерал-маиора Геннина, почти одного на пустом и тогда еще не обитаемом месте оставили. И хотя к отвращению их побегов, к удержанию при работах употребляемы были разные снисходительные и строгие средства, однако же не пресеклись побеги даже по 726 год. Почему в сем году, когда в Екатеринбурге в Оберберг-амите, что ныне Канцелярия Главного Заводов Правления, от посыланного солдата для приводу в тот Оберберг-амит бежавшего с работы же Камышловской слободы крестьянина Титова получено известие, что многие из приписных к заводам, также и из Тобольских слобод, крестьяне с имеющимся у них огнестрельным ружьем и разным орудием оставя свой скот и хлеб, бежали целыми семьями, и стояли в сборе близ башкирских вотчин при некоем озере в числе 1500 человек с намерением бежать но куда, о том было не известно, то по определению того Оберберг-амита для отвращения того побега было об'явлено башкирцам, дабы они, тех беглых русских людей ловя в своих жилищах, привозили в Екатеринбург, а за поимку оных (кроме лошадей) брали б у них все их пожитки себе, и в поимке тех беглецов вспоможение чинили, дабы тем их злое намерение пересечь.

И как, несмотря на сие средство, и в следующем 721 году приписные к заводам разных волостей крестьяне не переставали чинить побегов, то Берг-Коллегия, получив о том из Оберберг-амита известие в апреле месяце, представляла Сенату, чтобы о высылке тех беглецов на прежние жилища через Иностранную Коллегию писать к башкирцам с тем, чтобы они таких беглецов в свои владения не пускали, а когда пойдут, ловили бы и приводили на прежние жилища, или бы об'являли их Уфимскому воеводе, о чем она в Коллегию иностранных дел и от себя сообщила. А как над теми беглецами предводителем был Самарский казак Гареванов, то присуждала по поимке в страх другим при собрании учинить оному наказание, к Уфимскому воеводе писала, чтобы он о поимке тех беглецов и повороте на прежние жилища приложил всевозможное старание.

А между тем того же года от 26 числа апреля генерал-маиор Геннин, представляя Берг-Коллегии, сколько каких для действия заводов потребно заготовить крестьянами материалов, для наряду которых и высылки в работу хотя он и посылал с указами, но те крестьяне в работы не пошли, показались ослушными, а ежели их к тому принуждать, то опасно было, чтобы они не учинили большого сопротивления, или бы, разбежавшись, не привели сами себя оставлением своих пашен в наступающую деловую пору в скудость и голод, что еще вреднее почитал он для заводов; однако ж поелику они сами были причиною тому, что дрова на угольное жжение ими в надлежащее время не вырублены, без чего заводы приходили в остановку, то в отвра-

[1]) Из выписки, имеющейся в сенатском архиве по делу о заводах иноземцев Миллеров

щение того предприял он тех крестьян и в деловую пору к рубке дров принудить, а от чего произошло непослушание исследовать.

На сие от Берг-Коллегии по определению ее июня 27 числа ему предписано о непослушании исследовать и виновным учинить наказание, из крестьян же нарядить в работу только из тех, кои посемейнее хотя и в деловую пору, и есть ли сими исправиться будет не можно, то в дополнение к ним нанять и стараться, чтобы все показанное от него, генерал-манора, по габели число пудов железа и меди сполна сделано и выплавлено было. Но что по сему исполнено, о непослушании крестьян исследовано-ли и наказание какое начальным того непослушания сделано-ли, того далее по делу не видно.

Не малое сопротивление и возмущение учинили статского советника Никиты Демидова Калужского уезда, Ромадановской волости к Выровскому его заводу приписные крестьяне в 752 году.

Сии крестьяне в апреле месяце того года, вознамерившись отложиться от него, Демидова, собрался не малою партиею и подговоря к себе еще из других железных заводов мастеровых людей, Выровской Демидова завод разорили, из пруда воду выпустили и весь оный опустошили, а похваляясь и самих Демидовых с их приказчиками побить до смерти. А потом посланного из Калужской провинциальной канцелярии для осмотру и описи разоренного ими завода и для взятья от них обязательства в починении того разорения канцеляриста с понятыми сии противники, будучи с ружьем и рогатинами, в волость к себе не допустили, об'являя, что они помещику своему в послушании быть не желают, и ежели кто к ним впредь прислан будет, то они побьют их до смерти.

17 го апреля сысканные в Калужскую провинциальную канцелярию из тех противящихся крестьян 23 человека в допросах показали, что они именно все сговорились в послушании у Демидова не быть, а в вотчину их не пущать, и для драки и сопротивления командам собрали ружья, рогатины, оглобли и прочее дреколие и каменье. Сии по наказании за их дерзновение отданы Демидову.

Мая 4 числа от Рижского полку в Калужскую провинциальную канцелярию представлено было, что те же крестьяне, выходя с дрекольями из своих жилищ, останавливали разные команды и офицера, отправленного для осмотра места и занятия лагеря, не допустили и свое дерзновение так далеко простирали, что человек по сорока и более в Калугу со всяким дрекольем из них входили, а потом, напав на посланных с Дунченского Демидова завода работников, бив их смертно, в волость увезли и денег 1400 руб. взяли; также посланных в ту волость из той же канцелярии для разломания казанов не допустили и многолюдным собранием, человек 1000 и больше, со всяким оружием обучались военной экзерциции и из ружей стреляли, которое их действие и из города Калуги было видно.

Мая 15 посланного по указу Сенатской конторы для увещевания их Рижского полку офицера с командою те крестьяне, выбежав противу него с 500 человек с рогатинами, сбили и в Калугу отослали и следовавшие к ним роты остановили и недопустили, а посланной к ним для об'явления о починении противностей и непослушания указ приняв, сказали, хотя не точию из Правительствующего Сената, но и из Кабинета Ее Величества, а за неподписанием собственныя Ее Величества руки указ будет, то они и того слушать не будут, похваляясь при том, ежели впредь за чем приедет, то убьют до смерти.

Когда все сие дошло до сведения Сената, то по определению оного велено было военной конторе для увещания их в послушание отправить знатную команду с тем, что ежели они от противностей не удержатся, то для страху выпалить по них из ружья пыжами, а есть-ли и за тем не усмирятся и в послушание не придут и будут стрелять из ружья или другие какие нападении на ту команду учинят, то всему Рижскому полку в ту волость вступить и с теми противниками поступить, как с злодеями военною рукою, предостерегая однакож, дабы без крайней нужды ни до какого кровопролития не дайтать, а их противников усмирить. По сему указу командирован был Рижского полку полковник с командою в 500 человек, но многолюдство и скоропостижная наглость тех противников были толь велики, что они и сию команду разбили и, многих офицеров и драгун бив, ружья и аммуницию отбили и полковника схватили, били ж и в волость к себе увезли и под карауло держали, но при сем случае и из противников побито 59 человек.

По полученным о том рапортам по определениям Сената и Военной Коллегии для усмирения их определен был бригадир Хомяков, и ему велено было, оных противников определенными в то команду полками окружа, вдруг поступить военною рукою так, как с неприятелями, а сверх того и именным 8 июня того же года указом повелено определенным для усмерения тех крестьян о скорейшем их от таких злоумышленных поступков отвращения и о приведении в повиновение от Военной Коллегии наикрепчайше подтвердить с тем, что ежели они от злого своего начинания по увещанию в истинное раскаяние не придут и извинения не принесут,

то жилища их выжечь и, не допуская к сражению, палить по них из пушек и, всею командою наступя, бить и разбирать по рукам всех без остатку, чтоб то их зло, как наискорее искоренить и вовсе пресечь и во всем с ними, яко сущими государственными злодеями, противниками и недоброжелателями всеобщего внутреннего покоя, поступить без всякого послабления, о чем показанному бригадиру Хомякову и подтверждено.

Бригадир Хомяков в том же июне месяце рапортовал, что те противники не токмо с повиновением к нему не приходили, но и противу двух полков сопротивление показывали, но когда для окружения сих противников некоторые деревни зажжены и к селу Ромаданову команда приступила, то из тех противников из того села вышедших 200 человек по рукам разобраны, а прочие, хотя и разбежались, но потом все были переловлены.

Следствие об них препоручено было генералу-маиору Аничкину, а потом оказалось, что противников Ромадановской волости крестьян было всех 674 человека, в числе которых первыми заводчиками оказались восемь человек и как сие, так и все вообще винились, что хотя они и показывали на помещика своего Демидова, якобы от него причиняемо было им великое утеснение и тиранское мучение, но сие, показание выдумали они только для одного виду, в самом же деле поводом к их возмущению было желание отбыть от владения Демидова в ведомство Дворцовое по тому примеру, как от того уже Демидова Оболенская волость, купленная им у князя Репнина, взята и причислена к дворцовым с выдачею ему из казны тех денег, которые им князю Репнину заплачены, чего и они желая, бунт начали. И как они во всем винными найдены, то по определению Сената 753 года в марте месяце велено: первых из них 8 человек возмутителей, учиня наказание кнутом и заковав в твердые кандалы, отослать в Сибирь на железные того же Демидова заводы для употребления в работы. А Оболенской волости крестьянам Кондратьеву, Черкасову и Епифанову, кои советы к возмущению подавали, также учиня наказание кнутом отдать по прежнему в ту же волость, чем сие неустройство и кончено.

При построении в Оренбургской губернии в 754 году покойного графа Сиверса Вознесенского завода по указу Сената велено к оному из Казанской губернии черносошных и ясашных волостей приписать 1000 душ крестьян, и когда в следующем 755 году управитель того завода с указами для об'явления оных и для наряду в работы сдил в приписные волости, то из оных двух сел, Хмелевки и Большого Толкиша, крестьяне указов тех не послушали, и требуя именного указа за собственным ручным подписанием в работы без того идти отказались, прочих же приписных сел крестьяне третью часть из своих в заводские работы отправили.

Посему, по определениям Сената и Берг-Коллегии, для высылки тех крестьян в работы посланы были сперва при капрале 5 человек солдат, потом 10 человек драгун, напоследок при капитане велено отправить пристойную воинскую команду, которыми хотя те крестьяне в работы по временам и высланы были, однако же и с заводов, иногда не вступая еще и в работу, а иногда с работы бегали, продолжая сие по 763 год, в котором Оренбургское горное начальство в Берг-Коллегию рапортами представляло, что за противностию и побегами тех крестьян по недостатку угля того Вознесенского завода действие нужно было остановить, однако же от того начальства в заводскую контору указом предписано, чтобы пока те крестьяне в завод высланы будут, уголь заготовлять вольнонаемными людьми и находящимися при том заводе обывательми и заводского действия не остановлять.

В 760 году 14 дня августа Сенату Берг-Коллегия представила, что приписанные к заводам дворянина Никиты Демидова Юрмыцкой и Куяровской слобод крестьяне, взволновавшись, отказались от заводских работ, об'являя, что они в те работы до тех пор не пойдут покаместь от стороны Демидова с ними в заработных деньгах расчета сделано не будет.

А в то же время вступили в Сенат от Оренбургской губернской и Главного заводов правления канцелярий представления о таковых же тех приписных крестьян противностях с тем об'яснением о жалобах тех крестьян, что того Демидова заводские приказчики налагали на них, крестьян, противу подушного и прочего положенного с них платежа излишние работы, и за оные не производили им платы, что на те работы высылали их не в указанные времена и сверх того они же, приказчики, чинили на них тяжкие и несносные налоги, причиняли нестерпимые побои и над некоторыми произвели и смертное убийство.

Таковые же представления и еще присланы в Сенат, как в том же году, так и потом в 761 и 762 годах из Казанской, Оренбургской и Сибирской губерний, а напротиву того и от самих приписных крестьян поданы в Сенат прошения с жалобою на заводчиков, в коих они показывали о причиняемых им от заводских приказчиков несносных притеснениях побоями, тиранскими мучениями и смертными убийствами, взятками и малопроизводимою за заводские работы платою и тому подобными; то по определениям Сената велено было отправить на те заводы для исследования о всем том парочных, куда и были отправлены полковник Лонатин и надворный советник Шамшев, а Ее Императорскому Величеству по таковому же Сената 762 году

августа 14, 21 и 22 чисел определено поднесен доклад, в котором вследствие данного Сенату того же августа 9 числа именного указа о рассмотрении о заводах и о приписных к оным крестьянах обстоит: 1-е, малые с розданных из казенного в партикулярное содержание заводов в казну доходы. 2-е, на каком основании велено по указам те заводы раздать и крестьян к ним приписать, приложа при том и ведомость, какие заводы кому и по каким указам розданы, с которой и при сем под буквою Р прилагается копия [1]). 3-е, о причиняемых приписным крестьянах от заводчиков и их приказчиков утеснениях и о происшедших от них жалобах между прочим представил, чтобы обнародовать, не сыщутся ли ко взятью тех заводов такие охотники, которые бы компаниями или каждый особо пожелали взять те заводы в свое содержание, но только уже без приписных крестьян, а с одними мастеровыми людьми, и работников к тем заводам нанимать за добровольную плату, да и мастеровых оставить только на 10 лет, а после того иметь своих по добровольному договору, оставляя однако заводчикам право в покупке крестьян, сколько по числу домен, молотов и печек потребно: покаместь-же на сем основании ко взятью заводов охотников не сыщется, то тех пор оставить оные в содержании прежних заводчиков, но без крестьян, с одними потребными мастеровыми, а ежели на сем основании кто за собою удержать не захочет, то оставить оные в казенном содержании на том же основании, на каком оные до отдачи частным владельцам были.

По сей доклад не получил конфирмации, а между тем того же года от 6 июня получено в Сенат известие, что при усмирении приписных к Гороблагодатским, тогда за покойным генерал-фельдцейхмейстером и кавалером графом Шуваловым бывшим, заводам при селе Костеневе крестьян побито из них 16, ранено 5, переловлено 40 человек, да при деревне Нижней Тойме побито 12, ранено 4 человека, то того же 1762 года декабря 6-го дня именным за его писанием собственные руки указом дано Сенату знать, что Ее Императорское Величество, уведомясь из поданного от Сената доклада о некоторых от приписных к горным заводам крестьян беспокойствах, заблагорассудили для усмирения и рассмотрения оных послать генерала-квартирмейстера князя Вяземского, ныне действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер, которого и снабдили от себя же особою инструкциею, повелевая впрочем Сенату приложенной при том манифест напечатать секретно и ему, князю Вяземскому, вручить для публикования в потребных местах 200 экземпляров, дав ему тогда же в команду потребное число офицеров для вспоможения, а при том и открытый указ во все места, где медные и железные заводы находятся, дабы губернаторы, воеводы и все в Казанской, Оренбургской и Сибирской губерниях находящиеся воинские команды ему, князю Вяземскому, делали по его требованию такое вспоможение, какового только он по комиссии ему вверенной востребует, а в канцеляриях и во всех приказных местах исполняли бы по его требованиям, как наискорее, и такие уведомления и справки письменные подавали, каковые по сему делу ему понадобятся, так как и служителей приказных, которых он для своей комиссии изберет, отпускали, а прежде посланному полковнику Лопатину и надворному советнику Шамшеву для следствия о приписных к заводам крестьянах и их обидах, разорениях и смертных убийствах, быть с их комиссиею в его же, князя Вяземского, команде.

Таким образом господин действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземской в силу того Высочайшего указа, получив от Сената и от других присутственных мест в нужных своей комиссии надобностях по своим требованиям удовольствие, тогда к порученному ему следствию отправился, где вступя в оное и при рассмотрении обоюдных, как от заводчиков на непослушание крестьян, так и напротив того—от сих последних на утеснения, причиненные им от заводчиков жалоб, в соответствие возложенной на него от Ее Императорского Величества столь важной доверенности, старался в самой точности исполнить Монаршую волю, как в рассуждении самих заводов, их состояния, количества выковки железа и выплавки меди, числа приписных ко оным крестьян, полагаемых на них заводских работ, возможность и невозможность в обрабатывании оных, так и в рассуждении самих причин, побуждавших до того крестьян к непослушанию, а иногда и к самой отчаянности, не оставил ни чего без исследования и все то соображая с заводскими учреждениями, какие им найдены злоупотребления, неудобства и излишности, и что им к отвращению всего того определено и заводским конторам предписано, с кого какое взыскание положено, и что впредь к поправлению им за нужное признано, о том в разные времена донес Ее Императорскому Величеству реляциями, а с определенной своих в Берг-Коллегию сообщил копии, и всю тогда важную запутанную и многотрудную комиссию в следующем же 763 году окончя, в Санктпетербург возвратился.

[1]) Названной копии у меня не имеется. А. Ш.

При следствии же том к отбывательству крестьян от заводских работ и к непослушанию их найдены главные причины следующие.

1-е. Что крестьяне до приписки их к заводам, будучи ясашными, имея хорошие и довольные земли и платя напред сего в казну небольшую подать, приобыкли к праздности и лености так, что когда вошли они в приписку в заводские работы, за которые положена им столь малая плата, что оная не только не сравнительна с выгодами, получаемыми ими самым легким трудом по доброте обитаемых ими земель, от изобильного хлебопашества и велнкого скотоводства, но еще нарочито уменьшительна, то сии заводские работы, сделавшись им большею тягостию, оставили в них навсегда негодование, которое инако и отвратиться не может, как только тогда, когда положена будет за заводские работы плата, соравнительная с выгодами, от земли ими получаемыми.

2-е. Что по приписке к заводам с начала положенные на них тогдашние подати заводскими работами заработывали они с праздничными и воскресными днями только в 122 дни, по умноженному же потом на них подушному окладу должны уже стали заработывать в 158 дней; а сверх того и на дальней на заводы и с заводов до жилищ своих проход не менее 56 дней употреблять принуждены.

3-е. Сею прибавкою хотя убавилось у них в домашнем их управлении дней, но за работы никакой прибавки однако ж им не сделано.

4-е. А когда указом 1762 года марта 21 дня запрещено фабрикантам и заводчикам деревни покупать до утверждения вновь сочиняемого уложенья с тем, чтобы они в заводских работах довольствовались вольными работниками, то сей указ начальники, бывшие над крестьянами, протолковали так, что будто и приписные крестьяне от работ освобождены.

5-е. Сверх того разглашались еще и ложные, последовавшие якобы в том же году, указы в такой силе, что все приписные крестьяне от заводов отрешены, чему поверив, начальники запрещали крестьянам ходить в работы и, стращая их, об'являли, что если работ не оставят, то сечены будут кнутом.

6-е. К тому же все таможние начальники и купцы под скрытом старались и поощряли крестьян к отбытию от заводов, первые для того, чтобы, получив их попрежнему в свое управление, пользоваться с них доходами, а купцы и гражданство чрез то для своих работ могли б их дешевлее нанимать.

7-е. От некоторых приписных крестьян заводские управители требовали подписок с обязательством таковым, яко бы они сами желали быть вечно при заводах.

8-е. Некоторые, указ 1760 г. октября 12 дня [1]) о прибавке на государственных крестьян по 60 коп. на душу, в котором между прочим напечатано за прибавкою того числа на крестьянство, чтоб никаких без указов доходов, подвод и работ с них уже требовано и брано не было, толкуя превратно, поставляли себя свободными и от заводских работ.

9-е. Другие разглашали, яко бы воспоследовало повеление, чтоб казенные заводы действием остановить на 5 лет, а на партикулярных вовсе приписным не работать.

10-е. Управители заводские накладывали на них несносные, сверх определенных, работ, уменяли взятками и мучили побоями.

11-е. Плату за многотрудную работу производили весьма малую.

12-е. В заводские работы высылали в самую деловую пору, и при том всех без остатка, некоторые же и по пришествии деловой поры с работы в домы не отпускали, удерживая их при заводских работах, и чрез то лишили их своего хозяйства, к пропитанию их необходимонужного.

13-е. При делании плотин принуждали сгонять лежащий сверх глины песок в показываемые от нарядчиков места, не зачитая сего в число работы.

14-е. В перевозке материалов дорогу полагали менее настоящего расстояния, а другие — умышляли за то платеж заработных денег.

15-е. В складке дров прибавляли сверх настоящей меру более и иногда до четверти аршина.

16-е. В некоторых местах к деланию плотин употребляли крестьян зимою, когда никаких земляных работ не производится, а плату давали по плакату, по зимнему же времени самую малую, а сверх того и работу определяли уроками нетележно, а неноденно так, что заплата производилась и обходилась за кубическую сажень по положенному от заводчиков расстоянию по 4, 5 и не больше 5 копеек; а хотя некоторые управители заводов представляли, что у плотины земли были другие работники за особую плату, но и с тех по исчислению обходилась сажень только от 13 и до 17 копеек, в других же местах с кубической сажени

[1]) Пол. П. С. З. т. XV. № 11129.

25 и 30 копеек никогда не платится. Вольные же по подряду нанимающиеся работники за такую же сажень получают от 40 и до 50 копеек.

17-е. По Берг-Коллежскому учреждению положено за недожег угля взыскивать только с угольных мастеров по 6 коп. за короб, но некоторые однако-ж взыскивали сие не только с мастеров, но сверх того и с крестьян при рубке дров у каждого короба вычитали по 12 копеек.

18-е. При высылке из домов на заводы крестьян принуждали иметь хороших лошадей, а кто оных не имел, наказывали, а по сей необходимости крестьяне и должны были, выменивая хороших лошадей, за одну давать по две, и чрез то разориться.

19-е. Уткинского графа Ягушинского завода крестьяне, имея жительство на просежей от Москвы в Сибирь дороге, принуждены, сверх заводской, нести дорожную тягость, отправляя почтовую и ямскую гоньбу.

20-е. Принуждаемы были кормить заводских лошадей собственным фуражем, а за то получали малую плату, на других же заводах—принуждали их и к поставке сена.

21-е. Некоторых заводов крестьяне при работах употребляли собственные свои инструменты без всякой заплаты.

22-е. Употребляли крестьян и в недозволенные по Берг-Коллежскому учреждению дни к работам и к строению конюшень, к тому же и не к тем самим заводам, к коим они были приписаны.

23-е. Некоторых заводов на приписных-же крестьян от Сибирской губернии наложена поставка провианта и овса в пограничные крепости, на коих за одних заводчики ставили подрядом, не взяв к тому от крестьян поверенных, против продажных цен весьма с большею передачею в намерении том, чтоб тут большую цену им на заводах против плакатной платы заработывать, с других же, под казенным ведомством состоящих, сбираются на ту поставку деньги, против которых заводские крестьяне имели себе не мало убытку.

24-е. Крестьяне из жилищ высылаются на заводы с лошадьми, на которых на все время пребывания своего фуража завести никак не могут, и по не имению же при заводах лугов по причине гористых и лесных мест живущие при заводах продают сено дорогими ценами; а сверх того некоторые из заводчиков запрещали еще как фураж, так и харчевой припас покупать у вольнопродающих, а усиливали их брать все то из заводских запасных магазейнов против продажного двойными ценами, почему крестьянам не только из вырабатываемых денег для отвозу в жилища свои ничего не оставалось, но по расчетам оставались иногда не малым числом и должны.

По сим, толь отяготительным для крестьян обстоятельствам, некоторые из них и просили 1-е, чтобы заводские работы вслено было отправлять положенному числу на три смены и каждой смене быть в работе по четыре месяца. 2-е, Подушные же деньги платить им самим, а не от заводов, и вырабатываемые ими деньги отдавать на их руках.

Сверх того при разборе крестьянских жалоб и при усмирении крестьян примечено им:

1-е. Что крестьяне во время бытности заводов в казенном содержании зарабатывали только тогдашний подушный оклад по 1 р. 12 к. на душу с небольшею иногда накладкою, чем они и были довольны; но когда заводы отданы в партикулярное содержание, а потом и прибавка подушного оклада по 60 коп. на душу прибавилась, то канцелярия Главного заводоправления не только и сию прибавку заводскими же работами зарабатывать определила, но сверх того в удовольствие заводчиков, по просьбам некоторых из них ссылаяся на представление Берг-Коллегии и на последовавший на оное из Сената указ, по неимению вольных работников, им в рассуждении требования от них дорогой цены [отказало?]. Приписным же крестьянам велено работать и сверх подушного оклада за одну плакатную же плату, располагая на них на не малую сумму работы, и от сего крестьяне, получив больше себя отягощения, начали производить разные вымыслы к отбывательству от работ, делая указам прютивные толки.

2-е. Они же, все полагаемые на них излишние работы приписывая происком заводосодержателей, приходили в огорчение и от того, что заводчики, получа в свое содержание заводы, время от времени прибавляли при оных молоты, печи и фабрики, к которым не прибавя в приписку крестьян и не делая им кроме некоторых, и то малым числом, вольнонаемными работниками помочи, располагали все вновь прибывающие заводские работы на тож число приписных крестьян.

3-е. Что приискивать и умножать число вольнонаемных работников удерживает и собственная заводосодержателей прибыль потому наипаче, что как по Берг-Коллежскому положению положена приписным крестьянам за работы весьма малая плата, то за оную вольного работника и достать невозможно.

4-е. На некоторых заводах и то усмотрено, что заводосодержатели просят о выборе и об отдаче из тех же приписных крестьян к заводам, в разные мастерства, почему они и опр-

зеляются иногда и сверх статного числа единственно для того, чтоб тем умножить числ живущих при заводах, и отвлекши их вовсе от хлебопашества, воспользоваться заводскою от их работою за мелкую цену.

5-е. Крестьяне о своих заработках никаких у себя записок не имеют; так равно и некторы заводские никаких в том им квитанций не давали, и все о том между ими расчеты основывались на одной памяти, с частою однакож, и то по воле управляющих заводами, переменою.

6-е. Книги о приходе и расходе материалов, хотя и прошнурены были, но у некоторых шнуры вынуты и в книгах, вместо прежних, местами другие листы вшиты, да и оные тем самым скреплены, кто сам же, всему тому ведя приход и расход, делали и с крестьянами щоты по черным книгам; другие же и того не производили и к заводчикам ни в одном году обстоятельных листов не отправляли.

7-е. Что сие и при следствии произвело то затруднение, что в зачете за работы подушных денег верного исчисления познать и в недоплате обличить было не возможно.

8-е. На некоторые новозаведенные заводы переселиваны были крестьяне—без всякого в правительствах прошения и дозволения—заводчиками самими собою, где крестьяне,—не получая от них пашенных для себя земель, принуждены были сами для своего прокормления нанимать у башкирцов земли.

9-е. Мастеровых людей употребляли не только к одной заводской, им принадлежащей, работе, но из них же отделяли в кожевенные мастера и к деланию судов.

10-е. По Берг-Коллежскому учреждению плата расположена хотя и поурочно, но уроки столь велики, что едва самоприлежнейший и довольно силы имеющий работник исправить оные может, некоторые же между ими есть и такие, которые и вовсе в назначенное время уроком своим исправиться не могут, как то:

11-е. Кучная работа положена таким образом, что 20-тисаженную кучу определено двум работникам скласть, одернить, сжечь и разломать, дров вырубить, считая каждую сажень в длину, широту и высоту по $3^1/_2$ аршина, с платою за нее по 3 р. 40 коп.; исчисляя же определенное на сию работу время, не упоминая уже о крайней при том трудности, не придет работнику в сутки более 3-х копеек.

12-е. Возить уголь положено коробами, а плату производить за оное по плакату, исчисляя расстояние, сколько в сутки на одной лошади коробов перевести можно, зачитая работнику лимою по 6 к. в день: коробы же с Берг-Коллежским положением в мере хотя и сходственны, но токмо весом в каждом и с саньми по 10 пуд. 7 фунтов содержится, а как к тому положится в него угля 21 пуд. 36 фун., то уже и привести оного, а особливо в тамошних гористых местах на одной лошади не можно, почему хотя и возили оные на двух, но плату получали только на одну лошадь.

13-е. Возка к плотину земли делалася трудною по одному введенному обычаю, каждому работнику на одной лошади полагалось вывезти земли, в 100 саженях от плотины лежащей, кубическую трехаршинную сажень в $2^1/_2$ дня, но такую сажень, хотя едва в три дни окончить можно, платится однако-ж только за $2^1/_2$ дни по 25 коп.

14-е. За деготь и смолу, по учреждению Берг-Коллежскому определенную, брать с дуги положено зачитать только по $3^1/_2$ коп. за ведро, но крестьяне дешевле 12 к. в покупку сыскать оного не могут.

15-е. Деревни к заводам приписаны не по смежности, близости и сряду, но обходя ближние, смотря по выгодам: далние в расстоянии от заводов верст до 700; почему, следуя Берг-Коллежскому учреждению, достается некоторым крестьянам в разные времена в году от жительств своих в заводы и с заводов обратно в жительства перейтить до 2.400 верст; за проход же до заводов никакой платы не производилось.

16-е. Хотя к заводам приписываются старые и малолетние крестьяне с тем, чтобы места убылых в числе работников всегда из подросших заменять было можно, но поелико сие в рассуждении приписки не обучено, то крестьяне и начали толковать, что к заводам принадлежат одни только те, кои в приписи прежде поступили, подростки же после к тому не принадлежат.

17-е. Что при некоторых заводах приписных крестьян числу положенных на печку и домны весьма не достаточно, и всех работ исправлять не могут.

18-е. Что к некоторым заводам хотя и приписаны крестьяне по числу печек и домен, с исключением престарелых свыше 60 и малолетних ниже 15 лет, однако же таковые престарелые и малолетные от работ не исключены, а выключены только больные, дряхлые, увечные и малорослые с тем, что за них должны зарабатывать здоровые, так что в некоторых местах один за трех подушные деньги зарабатывать был должен.

В рассуждении всем вышеописанных найденных мы отягчительных обстоятельств и к отвращению происшедших возмущений и непослушаний, так равно и к удовольствию крестьян господин действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземской, сверх учиненных им заводским конторам предписаний, признал за нужное сделать следующее распоряжение:

1-е. В тех местах, где ямскую гоньбу крестьяне отправляют работы, на заводах исправлять только половинным числом крестьян, а другую оставлять для гоньбы, а потому и должна одна домна остаться без действия, предоставляя к награждению сего урока один только тот способ, чтобы для действия другой домны уделять крестьян от другого завода.

2-е. При тех заводах, у которых крестьян меньше положенной по учреждению пропорции на домны, печки и молоты, оставить их только при рубке курганных дров, сжении и возке угля, добычи и возки половинного числа руды, а прочие работы исправлять вольнонаемными людьми.

3-е. Смотреть командам, чтоб на крестьян более того, что должны зарабатывать за полуной оклад, отнюдь налагаемо не было.

4-е. Хотя некоторое сумнение в том он имеет, чтобы когда работникам заработанные деньги отдаваны будут в руки, не произошло в платеже недушных денег недоимок, однакож и к отвращению того полагает он довольным принуждение к платежу от управителей и приказчиков.

5-е. Крестьянам, кои жилища свои в далеком расстоянии имеют, давать с заводов в натуру муку, а лошадям фураж обыкновенною рацию, муку за ту самую плату, по какой оные покупается, а за рацию фуража в сутки не свыше двух копеек, и те деньги вычитать с крестьян при разделе, а кои захотят сами покупать у других, тем не воспрещать.

6-е. Время летнее для хлебопашества крестьянам оставить мая с 1-го до 10 го сентября, в которое ни к чему не высылать, исключая плотинной работы, ибо заводы никакой остановки иметь не будут потому, что вся заводская работа производится весною, осенью и зимою.

7-е. Приготовление крестьянами лесных припасов—рассуждает он отменить—для того, что от несвычки лошадей и за неимением твердой упряжки сия работа для крестьян крайне разорительна, тем паче, что под большие деревья запрягают по 30 лошадей, кои 15 свезти могут, чего ради употреблять бы заводосодержателям лошадей собственных, которых они на каждом заводе и без того по немалому числу содержат.

8-е. От каждых заводов тем крестьянам, кои далее 200 верст живут, давать росписныя, чего сколько вырабатывать потребно, пред наступлением каждого года, но и то определить к нужнейшую работу и иметь главную, без которой миновать не можно, как-то: рубку курганных дров весною, складку и сжение куч в уголь осенью, а возку оного и руды зимою. Прочую же всю работу исправлять вольными. Живущих же ближе 200 верст употреблять и в прочие по Берг-Коллежскому учреждению работы, исключая добычи и поставки лесных припасов, также плотничную работу, кроме строения судов, кое все исправлять вольными.

9-е. Для тех работ высылать в три партии, для чего крестьян, находящихся в жительствах от 15 до 60 лет, разделить на три части, включа в то число и больных, кои по выздоровлении работать могут, и каждую часть считать за партию. Являться им на заводе 1-й для рубки дров марта 15, 2-й к кладке, осыпке, сжению и разломке куч сентября 12-го, а 3-й к добыче и возке руд в первых числах ноября месяца.

10-е. Тех работных приводить выборным, или сотским с писчиками в заводскую контору. А оной того ж числа и давать работу.

11-е. По исправлении положенных работ убольнять в домы, а находящихся при рубке дров, кои до хлебопашества всех вырубить не успеют, а пожелают дорубать в сентябре месяце тех отпускать с 20 апреля; однакож о таковых, кои же после 15 марта в работу вступили и уже большую половину дров вырубили, и в жилища их писать, чтобы они при 2-й партии опять присланы были, ближние к 6-му, а дальние к 15 числу сентября.

12-е. Ленивых и нерадивых наказывать, смотря по вине, а тех, кои уходить будут, бив плетьми, высылать под караулом к работам.

13-е. Все оное положить на старост выборных и писчиков и с них с наказанием за неисполнение взыскивать.

14-е. В жилищах, по уравнению партий, перед партиею делать распоряжение таковым образом, чтобы которая партия была в первом году у рубки дров, ту в другой год наряжать к кладке, осыпке, жжению и разломке куч, а в третий год к добыче и возке руд, чрез что все крестьяне в тех работах уравнение иметь будут.

15-е. Конторам заводским больше нарядженных работ не налагать и крестьян на заводы не переселять, вместо прежде переселенных за старостию других не требовать, и теми, переселенными все заводские работы по нарядам исправлять без изъятия, сходственно с Берг-Коллежским учреждением.

16-е. В повреждении ж плотин, когда потребуются работники, оных брать и употреблять.

17-е. Как плату тогда работники весьма малую получали и по плакату такому, который уже давно издан и в такое время, когда и деньги еще в народе дороже и с крестьян поборы не так велики были, почему и крестяне заработывали оные не в большее время, а сверх того и пропитание в цене против прежнего возвысились вдвое, то чтоб крестьянам лучшую при дать охоту к заводской работе и отнять резонание в том, что они чрез заводские работы разоряются, особливо великими уроками, и заводосодержателей принудить к сысканию вольных работников, или к переселению собственных крестьян, почитал он за необходимо нужное из находящихся при партикулярных заводах, собственных крестьян имеющих, государственных отписать и определить из них, рассмотря нужную способность, некоторых в прибавок к государственным заводам, а состоящих в отделении отрешить, и принудить заводчиков, чтоб они, переводя для производства заводской работы, селили собственных своих крестьян.

18-е. Не имеющим же собственных крестьян дозволить покупать столько, сколько по числу домен, печек и молотов потребно, с тем только всем им прибавлением, чтоб по покупке чрез год неминуемо все перевезены и поселены были при тех заводах, а к прочим всем прибавить против положенной ко урокам платы, сравнивая, сколько можно с вольными работниками, кои меньше 7 коп. в день не получают.

19-е. Как работники обращаются в работе по Адмиралтейскому Регламенту,—не располагая кратких и больших зимою и летом дней,—по 12 часов и следовательно и во весь год равная плата им производится. В рассуждении же того, что летом, яко во время хлебопашества, обыкновенно дороже работникам везде платится, то и он полагал производить приписным крестьянам, не далее 400 верст от заводов живущим, апреля с 1-го октября по 1-е число пешему по 7-ми, конному по 12 коп. в сутки, а октября с 1-го, когда крестьянин со всем домашним управится, пешему по 9, а конному по 8 копеек. Живущим же далее 400 верст, в рассуждении их отдаления, производить при партикулярных заводах против плакатного платежа вдвое, а к казенным, далее 400 верст, не приписывать.

20-е. За урочные же работы, яко за многотруднейшие, платить за рубку дров на угольное сжение за кубическую сажень по Берг-Коллежскому учреждению по 28 коп., ибо оную сажень вырубить и сколоть средний работник может в $4^1/_2$ дня.

За кладку тех дров в кучи, дернение, осыпку, сжение и разломку 20-тисаженной кучи по 3 рублей для того, что два работника с лошадьми сложат в 7, дернят и осыпают в 9, могут в 10, разламывают в 8, да в кучах бывают по 6 и по 7 дней, умалчивая о разных при том бывающих им опасностях.

За возку угля давать хотя и прежнюю плату, но только уменьшить коробы и сделать их против тогдашних одною третью меньше так, чтобы оные и с кладью не более весу 20 пуд в себе имели, и возить не иначе как зимою. За всякие же случающиеся повозки, кои от завода до далее 15 верст, давать плату по учреждению Берг-Коллежскому, а далее 15 верст, платить по плакату, равно же и за возку с заводов на пристани железа, меди, песков и прочих принасов по зимнему пути хотя б и далее 50 верст было с тою же плакатною платою, а сверх того заводчикам стараться все то исправлять наемными работниками.

В поставке дегтя и смолы крестьян не принуждать, а покупать подрядом для того, что некоторые крестьяне к сидению оных и лесов не имеют.

За возку в плотину земли с кубической сажени плату производить за ближнюю к плотине с расстоянии 50 сажень по 30 копеек, от 50 до 150 сажень по 45 копеек, от 150 до 300 по 60 к., от 300 до одной версты по 80 к., а ежели случится далее версты—платить по расстоянию: сажень кубическую измеривать на земли, а по выработке принимать ямы, а не теми считать: в коих же на поверхности будет земля в плотинное употребление неспособная, оную в сажени не полагать, а платить за работу подешно.

В рассуждении отдаленных заводов, кои далее 200 верст от жилищ крестьянских, давать и за прохожие до завода дни, считая на три дня по сту верст, также и на обратный проход по 7 коп. на день единажды каждому в год.

21-е. Крестьянам от заводов давать без платы, доколи они на работах будут для рубки дров, на каждого работника по два топора, к дернению и осыпке куч—лопатки и кайла, к возке угля—коробы и другие инструменты, и кои будут от работы портиться, те переменять, а за утраченные небрежением взыскивать.

22-е. Обращающимся в железных при домах молотовых, при печках и при других сих работах, работникам надлежит давать равно против прочих по 7 к. на день.

23-е. В расположении между всеми приписными крестьяны по подушному окладу работ и выборе им между собою окладчиков совестных, выезжих в работу, во учинении с крестья-

нием каждым счетов погодно, в даче квитанции и в прочих потребностях, чего им не описано отдал он на распоряжение Берг-Коллегии.

Сверх того описал каждого особ.и вообще завода состояние, не весьма рачительное ко умножении знания горного исскуства попечение, и из них некоторых стесненное с другими по ложение, от одного к другому помешательства и недостатки в материалах и рудах причиняюще и получаемою от них заводчиками прибыль, присовокупля к тому и то, что вольных работ ников на заводах и в рудокопных ямах весьма мало, чтя по его примечанию и от того про исходит, что прилежащие в соседстве к ним крестьяне, не токмо весьма малолюдны, но и на селены разными народами, кои пользуяся вольностию и разными промыслами, а другие имея хорошие земли, хотя в некоторые места, от Свияжска и Вятки для работ и приходят, но и то в заводские работы не охотно и в малом числе нанимаются для того, что по близости другие работы на соляных варницах и других заводах сыскивают, а сверх того, как с такими вольнонаемными людьми поступается на тех заводах еще и сурово, при вступлении в работу оноручиваются друг по друге, и кои уйдут, то другие за них для зарабатывании за ушедших удерживаются, то по сим обстоятельствам и нет у них охоты итти в работы на те заводы.

По сим его донесениям в 1763 году апреля 9 дня имянным Берг-Коллегии указом предписано впредь от того времени приписным к заводам крестьянам подушной оклад платить самим, с приложением при том указе с учиненных им, господином действительным тайным советником, генерал-прокурором и кавалером князем Александром Алексеевичем Вяземским, с учреждения, какое сделано по исполнению при Гороблагодатских заводах, копии с тем, чтоб на всех заводах против того для учинения також учреждения заводчикам дать с оных копии ж, дабы оное им до тех пор, пока особливой о том указ будет и берг-Коллежской регламент новым постановлением снабдится, служило генеральным наставлением, с которого при сем так, как и с приложенного при том же указе изъяснения, каким образом на вышеупомянутых заводах в нарядах в работы крестьян для того поступалось под буквами С. Т. приобщаются копии же [1]).

В 768 году ноября 28, декабря 3-го и 10-го и 769 годов января 8 и 21 чисел господин действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземской словесно предлагал Сенату, что как по Высочайшей Ее Императорского Величества конфирмации по обнародованному 13 ноября того же 1768 года указу [2]), всем состоящим в казенном ведомстве крестьянам, сверх семигривенного подушного с них сбора, в казну платити оброку с положенной—по последней ревизии—мужеска пола души велено по 2 р. в год, в котором числе разумеются и приписные к казенным и партикулярным заводам крестьяне, кои по прежним указам из прежеположенных на них податей деньги заработывали на заводах, сей же прибавочной в дву-рублевой оклад сбор до заработывания приписными крестьянами не принадлежат то дабы иногда, по необъяснению о сем в публикованном указе, от заводчиков и от приписных к заводам крестьян не произвело разных понятий, и для того, не благоволит ли Сенат Берг-Коллегии на основании сего сделать объяснение, по которому б она могла от себя в подчиненные ей места дать знать.

По сему поднесенным Ее Величеству докладом от Сената представлено между прочим, как по случаю возвышения во всем государстве на продукты и на всякие вещи противу прежних времен цен, по мере которых все помещичьи крестьяне стали платить свои подати прежних го раздо превосходнее, так и по подносимому от Сената докладу ноября 13 дня 1768 года [3]) об народованым указом на государственных крестьян поборы прибавлены ж, а напротив того все крестьяне от 1724 года в платеже им на прежнем плакате остаются, который соответствовал времени прежних цен и налагаемых на них тогдашних поборов, но как положение стало быть тому со всем уже не согласно, то в рассуждении того, не угодно-ли будет повелеть, чтоб не токмо приписным к горным заводам, но и всем крестьянам, коим за работы производится плата не по мастерству, но по плакатному исчислению, заработные деньги платить впредь до буду щего учреждения на каждые сутки в летнее время пешему работнику по 6-ти, конному по 11 в зимнее пешему по 5, конному по 8 копеек. Заводским же крестьянам за проход от жилищ к заводам и с заводов к своим жилищам по 3 к. на день, считая проходу на каждый день по 25 верст, и плату зимнего и летнего времени щитать по сделанному о том в плакате положению. Сей доклад Высочайше конфирмован 1769 г. апреля 3 дня с тем, чтобы плату произ водить каждому работнику в летнее время пешему по 6, а конному по 12 коп. в зимнее пе шему по 5, а конному по 8 коп. Впрочем же быть по тому докладу, то Сенат, по обнародо вании сего Высочайшего установления, того же года мая от 6 числа предписал сверх того Берг Коллегии, чтобы она во все подчиненные ей места, равно и заводским крестьянам, дала от

[1]) Упомянутых копий у меня не имеется. А. Ш.
[2]) 1-е П. С. З., т. XVIII, № 13194.
[3]) 1-е П. С. З., т. XVIII, № 13194.

[illegible] знать, дабы прибавочной, сверх семигривенного подушного оклада, в число новоположенного в двурублевой оброчной сбор приписные к заводам крестьяне платили сами в губернские, провинциальные и воеводские канцелярии в указные сроки, когда велено платить подушные семигривенные деньги, а буде кто из приписных крестьян пожелает и за прибавочной в двурублевой оклад по установленным вышеписанным ценам заработывать на заводах, то им сие оставить на волю, однако с тем, чтоб оные деньги в надлежащие места вступали в теж сроки бездоимочно, по основанию изданных о платеже от них подушных денег последних указов.»

Казалось, что вышеупомянутое распоряжение в обработывании приписным крестьянам заводских работах прибавка плаката приведет их в спокойное состояние, но однакож приписные к Олонецким Петровским заводам и после того, и именно в 1770 году, как то Берг-Коллегия от 10 числа марта того года донесла Сенату, пришли в непослушание.

Причиною сего возмущения было неправильное истолкование вышепрописанного 769 года мая 6 числа о прибавке плаката, и вследствие оного изданного того же мая от 27 числа указа [1], которым хотя и положено заработывать приписным крестьянам заводскими работами прежние семигривенный подушный и прибавочные четырех и шести гривенные оклады, а вновь накладной один рубль, буде не похотят и оной заработывать, платить в казну натурою, однако же им сперва протолковано от регистратора Петровской заводской канцелярии Назимова, якобы тем указом предписано было заработывать на заводах только семь гривен, а 2 руб. вносить в казну деньгами, и потом Кижской трети крестьянин Колистратов, ходя по погостам и волостях [illegible] того указа толковал не только о двух рублях, якобы заработывать их не следует, но же и о семигривных [illegible], чтоб и за них не работать, а тем уверя народ, собирая в корысть себе денежные поборы, с намерением, как то после по последствию открылось, и впредь [illegible] же пользоваться, и в сем намерении, отводя крестьян от заводских работ, ходил он стряпчим [illegible] в Санкт Петербург, откуда писал в волости, якобы и Берг-Коллегия тоже самое, что и он толковал, рассуждала, и всем тем возмущая народ, привел в противность и непослушание.

Сенат того ж марта 10 и апреля 13 чисел определил сперва: отправить туда для исследования полковника Винтера, которому в помощь велено придать из Адмиралтейской штаб-офицера и из Берг-Коллегии одного члена, которым и надлежащая в том инструкция дана, но как от сих в порученном им деле [illegible] было никакого успеха, то по именному указу того же года в декабре месяце для старейшего исследования и приведения крестьян к послушанию отправлен туда генерал-майор Лыкошин, и хотя сперва, из особого матернего и высокомонаршего милосердия, данным 1771 года января 31 дня именным генерал-майору Лыкошину указом, [illegible] повелено было ему стараться усмирить крестьян умеренностию и увещаниями, а [illegible] от 3 апреля того же года именным указом повелено для скорейшего тех крестьян [illegible] отправить туда лейб-гвардии Семеновского полка капитан-поручика Ржевского [illegible] манифестом, изъявляющим ее милосердие, для публикования в потребных местах, но [illegible] крестьяне упорствовали и посылаемые от генерал-майора Лыкошина [illegible] малые команды для поимки возмутителей не только в селения свои не допускали, но [illegible] и разбили, то и велено усмирить их отправленное для того от Военной Коллегии [illegible] при полковнике [illegible] человеках, а потом еще двумя ротами гренадер с двумя пушками [illegible], что и исполнено; оказавшиеся же сего возмущения главные начинщики [illegible] на теле и ссылкою в Сибирь, а другие денежным взыска[illegible] [illegible] на все сие следственную комиссию издержана.

Напоследок в 1775 [illegible] в марте месяце казанскому губернатору князю Мещерскому сперва [illegible] выборного старосты Краснова, а потом и от дворянина [illegible] Демидова донесено [illegible], что приписные к Озяннопетровским его, Демидова, железным заводам [illegible] крестьяне, воспротивясь нарядчикам, в заводы работников не [illegible] о усмирении [illegible], что он, губернатор, потому тогда же в те жительства отправил [illegible] роты капитана с [illegible] унтер-офицером и шестью рядовыми, с тем, чтоб он, собрав [illegible] выборных старост и лучших мирских людей, с тем особо посланной от него [illegible] приказ, чтоб они тотчас исполнили все то, что по учреждению 763 года о заводах [illegible], и впредь бы исправляли без малейшего ослушания под опасением за ослушание [illegible] наказания.

На сие [illegible] 21 апреля отправленной капитан рапортовал губернатору, что хотя крестьяне [illegible] на сходку из выборных на раскладчиков волостному выборному Красневу отдали и [illegible] работников, и в приготовлении к отправлению в заводы вступили, но потом в одной партии [illegible] Нязовой сотни собранные работники возмутившись разошлись по домам, а главные

[1] 1-ое. П. С. З., т. XVIII, № 13303.

заводчикам сего непослушания показывал он приписного к заводам села Котловки выборного Крекова.

А между тем и от приписных крестьян дошла до него, губернатора, на заводчика Демидова жалоба в том, якобы после покупки от графа Шувалова Овзянопетровского Демидовым завода под тем же именем умножено и сделано еще три завода, и они крестьяне, вместо одного, обрабатывают четыре завода, и что, по силе законов, на путь высланным в завод 560 человекам платы ничего не дано, и отправлены все на собственном крестьянском коште, а от 24 июня вышеупомянутой же капитан рапортировал к нему, что Низовой сотни работники, возмутясь, делают великие своевольства и озорничества и сборы денежные, а потому он, губернатор, для усмирения оных истребовав от Второго Гренадерского полка обер- и унтер-офицера да 20 гренадер, отправил к означенному капитану, чтоб как наискорее зачинщики к возмущению к нему доставлены были, однакож, когда и сия команда не привела их в устрашение и они, собравшись из осми жительств, все до последнего встретя того капитана единогласным криком оставляющим их сопротивление, ответствовали ему, что зачинщиков у них нет и что они все равны, никого взять не дадут, и ни на какое увещание не соглашаяся, выговарили с криком многие дерзновенные слова, бравши при том в противном смысле содержание всемилостивейшего 17 марта 775 г. манифеста [1]), якобы тем манифестом освобождаются они от заводских работ. И, наконец, собравшись из всех жительств во многолюдстве в село Болдырь, ожидали прибытия туда команды, то губернатор принужден был, истребовав от генерал-поручика и кавалера Суворова в двух ротах гренадер с полковою пушкою при майоре воинскую команду, отправить для их усмирения, что увидя тотчас крестьяне пришли в повиновение и повеленное исполнили, работников на заводы отправили и зачинщики с раскаянием явились.

Казанский губернатор от 23 сентября того же 775 года о всем том донес Сенату с тем объяснением, что по делу первейшими зачинщиками оказались крестьяне Алексей Креков и товарищи, всего 9 человек, и со мнением, чтобы в пересечении к покушениям к таковым же дерзостям и от других приписных к заводам крестьян учинить их на месте, в жительствах их, при прочих наказание на теле и сослать в Сибирь в самые дальные места на поселение с семейством их, а села Болдыря дьякона Тимофеева, который видя их непослушание, вместо увещания речьми своими более еще поощрил их к преступлению, лишя его настоящего сана или и с оным перевесть к другой в отдаленное место церкве, или же и в Сибирь на поселение.

Посему Сенат октября 5 того ж года определил, что бы он показанным зачинщикам, согласно его мнению, в их жилищах учиня на теле наказание по его рассмотрению с их семействами сослал в Сибирь на поселение в отдаленные места, а дьякона Тимофеева предал на суд Святейшему Синоду, которым и определено, не сымая с него сана, перевесть в отдаленное к другой церкве место.

VIII.

О бытии заводским крестьянам судом и расправою ведомых в горных правительствах.

А как надобность состояла и в том, чтобы заводских крестьян, подвергнув в рассуждение судебных дел Губернским провинциальным и Городовым канцеляриям, не отвлечь их от заводских работ, то в отвращение того, кроме криминальных дел, во всех прочих судебных делах велено ведать их горным начальствам, как то:

1-е. Сенатским указом 725 года июня 18 дня 9-м [illegible] генерал-майору [illegible] предписано: ежели от мастеров и работников и приписных слобод от крестьян или от других происходить к нему будут на подчиненных к тем заводам [illegible] и прочих управителей в обидах, во взятках и в прочих раззорениях жалобы, то ему обще с ассесором таких судить и по обстоятельству вин наказывать, разве кто смертной казни или вечной ссылке на галеру подлежать будет, таковых с делами об них отсылать в Сибирский надворный суд.

2-е. 1731 г. июня 14 дня, между прочим, приписных к заводам крестьян и мастеровых людей, также горных и заводских и прочих партикулярных заводчиков во всяких исцовых, также в татиных и разбойных и убивственных делах, судить и по делам их надлежащее по Уложению и по указам решение чинить в Оберберг-амте определенному члену и о решении таких дел и о сборе пошлинных денег надлежащие рапорты и по указам посылать и на все правое того Оберберг-амта решение апелляцию иметь губернатору, так как такими делами заводы губернаторам подчинены.

---

[1]) 1-ое П. С. З., т. XX, № 14275.

Данными инструкциями повелено: 1734 года марта 23 дня [1]) тайному советнику Татищеву, как губернаторам, воеводам и прочим всякого звания военным и земским управителям в дела горные, то есть строения работы и прочее вступаться и горных служителей, кроме великих и розыскных дел, касаться запрещено, так и ему, тайному советнику, вовсе до губернии принадлежащие дела, то есть таможенные и кабацкие сборы, укрепление границ, пропуски застав и тому подобное и притом до определенных от губерний служителей дела нет; ежели же где за служителями губернскими усмотрит какие непорядки или казне ущерб, то ему писать к их начальникам, а между тем их добрым порядком отвращать; а буде оные губернаторы то презрят, то тогда ему с обстоятельствы писать, как и им о том указом подтверждено.

1764 года марта 13 дня [2]) бывшему на Гороблагодатских и Камских железных заводах главному командиру полковнику Ирману 24-м пунктом предписано: весьма того наблюдать надобно, чтоб от определенных на заводах офицеров и управителей крестьянам непристойное мучение или удержек в заработанной плате и расчета не происходило, и во все сотни об'явить: ежели такие обиды им учинятся, тоб они, крестьяне, в Гороблагодатском горном начальстве просили от миру, прислав нарочно челобитчиков, а сами б ни малейшего ослушания в заводских работах ниже своевольства не делали и ждали от него, Ирмана, решения, под саможесточайшим штрафом, и которые присланы будут от народа для челобитья, тех ни под каким видом никому за то не притеснять.

Апреля 7 дня [3]) определенному на Нерченские серебро-плавильные заводы главному командиру, тогда бывшему генерал-майору Суворову, между прочим 1-м пунктом: приписных к тем заводам крестьянам и присылаемым на оные людям быть единственно в ведомстве заводском, а губерниям их не ведать.

[1]) П. С. З., т. IX, № 6559.
[2]) П. С. З., т. XVI, № 12085.
[3]) П. С. З., т. XVI, № 12075, марта 5 дня 1764 г. инструкция генерал-майору Суворову, с высочайшими резолюциями. — «Об управлении Нерчинскими серебреными заводами», п. I.

Против забастовок на заводах морского ведомства.

Журналы (секретные) заседаний Совета по управлению заводами морского ведомства:

Заседание 3-го ноября 1911 года.

1) Обсудив возбужденный Начальником Обуховского сталелитейного завода вопрос о необходимости обеспечить действие заводов Морского Ведомства как в военное время, так и при других обстоятельствах, путем разработки мероприятий, имеющих целью с одной стороны изменить условия найма рабочих и мастеровых и установить ответственность за проступки по военно-морским законам, а с другой стороны—улучшить материальные условия рабочих и тем самым способствовать продуктивности их работ, Совет полагал, что разработка мероприятий для достижения указанной цели представляется совершенно необходимой тем более, что осуществление этого предположения будет отвечать высказанным в Государственной Думе мнениям о необходимости обеспечить казенные заводы от недолательных случайностей, могущих затруднить их деятельность. Вместе с тем Совет полагал соответственным образовать для этого Комиссию под председательством генерал-лейтенанта Грасе, в составе начальников заводов и, для выяснения юридической стороны дела, представителя от Канцелярии Морского Министерства.

2) Копия секретного доклада начальника Обуховского сталелитейного завода, от 25 октября 1911 года, № 6984.

Товарищу Морского Министра.

«В случае возникновения общих беспорядков в рабочей промышленной жизни, остановка действия Обуховского завода может чрезвычайно тяжело отразиться на обороне государства, особенно же в военное время. Озабочиваясь непрерывным действием Обуховского завода, полагал бы совершенно необходимым и своевременным принять теперь же соответствующие меры, которые, конечно, должны быть проведены в законодательном порядке, и с своей стороны думаю, что эти меры могут заключаться в следующем. Со всеми постоянными нумерными мастеровыми должны быть заключены условия найма на новых основаниях, а именно—поступление мастерового на казенный завод, имеющий государственное значение в смысле изготовления средств обороны, должно быть обусловлено призывом его на военную службу, со всей законом сопряженной с несением военной службы ответственностью, как во время военных действий государства, так равно и при всяких других обстоятельствах, когда Морское Министерство в государственных интересах найдет призыв мастеровых на военную службу необходимым; в то же время казалось бы справедливым оговорить в условиях найма, что в случае призыва на военную службу мастеровых будет производиться увеличенная рабочая плата в определенном %-м отношении. Мера призыва на военную службу, но только в отношении мастеровых из числа отбывавших военную службу и находившихся в запасе нижних чинов, уже применялась, и несмотря на забастовки на заводе и прилегающем его округе, призванные на военную службу запасные нижние чины работали в продолжение всей забастовки, а по сему полагаю, что предлагаемое мною мероприятие обеспечит непрерывную работу завода. Что касается проведения этой меры в жизнь, то, думаю, что именно в настоящее время, в виду более или менее спокойного состояния масс, проведение ее более удобно, и, по всей вероятности, не встретит никаких осложнений, в будущем же, в случае менее спокойного состояния масс, необходимость проведения может встретить осложнение и даже остановку работ.

«Мероприятие, это, полагаю, будет встречено сочувственно и со стороны Высших Государственных Учреждений. Насколько мне известно, Государственной Думой высказывалось пожелание обеспечения действия казенных заводов, имеющих отношение к государственной обороне, как в военное время так и при разных других обстоятельствах.

«Мне известно, что в Западной Европе, а именно во Франции, существуют подобные условие найма для мастеровых, работающих на военных заводах и арсеналах, причем компенсирующим преимуществом служит государственная пенсия мастеровым, выдаваемая всем без исключения мастеровым по прошествии определенного числа лет работ. Несомненно, что пенсия, как компенсация, имеет зна-

что самое преимущество против меры увольнения они [illegible] лишь во время призыва на военную службу, так как при наличии второй меры призванные на работы мастеровые, конечно, будут посещать мастерские, но мера эта вряд ли будет способствовать продуктивности их работ, в первом же случае расчет за [illegible] продуктивную работу ведет за собой и потерю значительных преимуществ, заключающихся в [illegible], конечно, эта мера, [illegible] по интенсивности и результатам работ и [illegible], будет стоить государству значительно дороже.

Все вышеизложенное представляю на благоусмотрение Вашего Превосходительства.

(Подписал) Генерал-майор А. Меллер.

Заседание 26-го июля 1913 года.

1) Обменявшись мнениями по затронутому в конфиденциальном письме Министра Внутренних Дел от 30 июля с. г. за № 17480 вопросу, Совет признал предлагаемое гофмейстером Маклаковым, как меру борьбы с забастовками, сообщение заводоуправлениями полиции списков удаленных со службы рабочих, к которым затем, уже распоряжением полиции, будут применяться положения об усиленной охране, вполне целесообразной, но при непременном условии, чтобы эти списки сообщались не низшим органам полиции (приставам и пр.), как мало, по заявлению г.г. Начальников заводов, подготовленных к столь серьезной работе, а губернаторам и градоначальникам по принадлежности.

Кроме того Совет высказал пожелание, чтобы, в целях ограждения заводов Морского Ведомства от забастовок, был выработан законопроект, предоставляющий право надлежащей власти объявлять означенные заводы на военном положении и усиливающий уголовную ответственность лиц, принимающих то или иное участие в забастовках.

2) Копия конфиденциального письма Министра внутренних дел Н. А. Маклакова к морскому министру И. К. Григоровичу от 30 июня 1913 г. за № 17189.

Милостивый Государь
Иван Константинович!

В последние месяцы, как известно Вашему Высокопревосходительству, забастовочное движение среди рабочих в С.-Петербурге, заметно разрастаясь все более и более, охватывает предприятия по обработке металлов и в особенности те из них, которые заняты выполнением заказов военного и морского ведомств. Мирное пока течение забастовок и экономический характер предъявляемых рабочими требований не дают поводов для непосредственного вмешательства правительственной власти. Но систематическое распространение их среди тех именно предприятий, бездействие которых, при современных политических условиях, угрожает самым важным государственным интересам, требовало бы самого серьезного внимания, тем более, что ничтожность поводов, которые не редко выставляют причинами забастовок, заставляют предполагать другие скрытые побуждения и возможность влияния извне.

Признавая в виду сего настоятельно важным принять ныне же в самом начале развития забастовочного движения меры для прекращения, я согласно выводам состоявшегося у меня 28 мин. июня Совещания нахожу, что первым условием успешности их является планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка. Для сего я считал бы необходимым обязать правления фабрик и заводов, чтобы они осведомляли полицию о всех случаях начинающегося движения среди рабочих и обо всех данных, служащих к выяснению действительных причин забастовок и их инициаторов, равно как и о тех мерах, которые намечены правлениями для борьбы с забастовкою.

Затем в виду имеющихся сведений о крайнем разнообразии условий труда в однородных предприятиях, что может служить причиною забастовок, я считал бы необходимою мерою предупреждения, чтобы владельцы предприятий, не ожидая предъявления каких-либо требований на этой почве со стороны рабочих, сами по своей инициативе озаботились бы возможным урегулированием, по соответствии с другими однородными предприятиями, условий расценки, заработной платы, сверхурочных работ, продолжительности рабочего дня и пр.

Наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены специальным законом, изложенным в ст.ст. 1359³—1359⁸ Улож. о наказ. Как известно Вашему Высокопревосходительству, Правительствующий Сенат в разъяснении своем от 3 ноября 1910 года признал, что основанием к изданию сего закона послужила опасность для жизненных интересов страны забастовок в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, и что действие его подлежит распространению на все технические артиллерийские заведения и на все заведения морского ведомства. Считая означенный закон весьма действительным средством для борьбы с забастовками, я находил бы обязательным непременное возбуждение судебного преследования против забастовщиков во всех подлежащих случаях, ибо угроза действительной уголовной репрессии несомненно имела бы отрезвляющее влияние на рабочих и остановила бы многих из них, которые примыкают к забастовке лишь по чувству солидарности с товарищами. О привлечении к уголовной ответственности рабочих следовало бы вывесить объявления во всех предприятиях, подлежащих действию означенного закона.

Что же касается мер административного воздействия, то применение их без особо важных побудительных причин к рабочим, состоящим еще на фабриках и заводах, я нахожу не только незаконным, но даже вредным, ибо это почти всегда служит поводом к запросам в Государственной Думе, которые, вызывая всеобщее внимание и даже сочувствие в некоторых кругах общества, укрепляют самосознание рабочих, служат моральною поддержкою забастовщиков и нередко вызывают даже прилив материальных

пожертвований в их пользу. Между тем удаление из рядов фабричных рабочих [illegible] лиц, оказывающих вредное влияние на товарищей, не представляло бы для них никаких существенных затруднений, кроме лишь небольших материальных жертв в виде выдачи увольняемым при расчете денег за несколько дней вперед. С удалением же от службы рабочего полиция получит и прямую возможность для применения к нему в случае необходимости законных мер, как к безработному, представляющему известную опасность для общественного порядка и спокойствия.

Сообщая об изложенном на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить, если Вы изволите признать целесообразными проектируемые мною меры, не отказать в благосклонном содействии к применению их на заводах морского ведомства, а также во всех предприятиях, изготовляющих заказы вверенного Вашему Высокопревосходительству Министерства.

Соответствующие указания по сему предмету мною сделаны уже С.-Петербургскому Градоначальнику.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам, Милостивый Государь, уверения в глубоком моем почтении и искренней преданности.

(Подписал) Маклаков.

Сообщил А. Л. Блок.

Из практики предварительного обследования заводских архивов [1].

1. Архив Обуховского сталелитейного завода.

Из истории завода (1862—1908 г.г.).—Завод, расположенный по Шлиссельбургскому тракту в с. Александровском, основан в 1862 г. горным инженером Обуховым и первоначально принадлежал частной компании. В связи с выдачею морским министерством ссуды в 3 милл. рублей, в 1865 г. был от министерства назначен управляющим заводом А. А. Колокольцов, при котором завод развился как в металлургическом, так и в механическом отношении. С 1886 г. завод перешел в собственность морского министерства, скупившего пай завода.

Главная задача завода с самого начала состояла в усовершенствовании собственной выделки стали, и в этом отношении был достигнут большой успех. В 1863 г. сталь выделывалась с пределом упругости не выше 1700 атмосфер, а в половине 90-х годов таковая получалась до 4500 атмосфер упругостью, хотя считается достаточным 3300 атмосфер; наибольшая же прочность орудийной стали, вообще достигнутая в то время, не превышала 5000 атмосфер. До указанного усовершенствования в выработке стали поднялся в те годы один лишь Обуховский завод, и только в 90-х годах другие заводы России пошли с ним в ряд. С этого времени правительство перестало заказывать пушки за границей, при чем изготовление орудий, лафетов, броневых плит и других производств для морского ведомства сосредоточилось исключительно на Обуховском заводе. Постепенно возникли: громаднейшая пушечно-отделочная в 3 света, ремонтная, мастерская полевых орудий с минным отделом, станочная и снарядная, пудлинго-прокатная, чугуно-литейная, сталелитейная, молотовая, бессемеровская, отжигательная, бронепрокатная, модельная, пушечная, газовый завод, электрическая станция, здания конторы, чертежных и магазина, здание со всеми усовершенствованиями для больницы и школы, пожарное депо, квартиры для служащих, 24 домика для рабочих, церковь, бани и пр. Средства производства, как-то: печи, паровые молоты, гидравлические прессы и станки, соответствуют последнему слову техники. Одно из капитальнейших сооружений—50-титонный паровой молот для ковки больших орудийных болванок, ударяющая баба которого весит 3000 пуд.; для устройства фундамента под наковальню пришлось углубиться в землю на $11^1/_2$ саж., чтобы дойти до твердой скалы, на которой был залит бетон, заполнивший собою конус из котельного железа. В 1893 г. поставлен гидравлический пресс, производящий давление в 3000 тонн, а в 1897 г. пресс в 7000 тонн для прокатки броневых плит; ранее поставлен гидравлический пресс для прессования жидкой стали, производящий давление в 10.000 пуд. (120 пуд. на кв. дюйм.). Всех паровых машин в 1908 г. было на заводе—27, при 55 паровых котлах и 4 локомобилях; разных станков до 400. В настоящее же время число двигателей возросло до 524 (главным образом электродвигатели при 2 паровых машинах), котлов до 70, а станков—свыше 1200.

Кроме выделки пушек, составляющей главную цель устройства завода, вводились, по мере надобности, и другие производства: изготовление лафетов, башенных установок, снарядов, мин Уайтхеда, броневых плит, валов для паровых машин судов и разных других предметов кораблестроения и снабжения. Некоторое время завод занимался производством ружейных стволов и стальных шин для железных дорог.

С 1 февраля 1862 г. по 1 мая 1895 г. заводом было изготовлено 6795 пушек, 502 лафета, 200 валов для судовых машин и значительное количество других предметов.

Орудия, выпускаемые с завода, отправлялись чаще всего водою по р. Неве на баржах—на морской полигон за Охтой и в Кронштадт, но могут быть отправляемы и по устроенной заводом железнодорожной ветви к Николаевскому вокзалу.

При переходе в 1886 г. в собственность морского министерства завод остался существовать на коммерческих основаниях, т.-е. не получая никаких сумм от казны, а работая исключительно на собственные средства.

Для улучшения быта как служащих завода, так и рабочих (число которых в 1896 г. доходило до 3000 чел., а в 1917 г. возросло до 10.600 чел.), были приняты следующие меры. Увеличив жалованье

---

[1]) Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России поручила своему сотруднику А. Л. Блеку, предварительно ознакомиться с состоянием архивов некоторых крупных заводов, дабы выяснить, какой метод научного обследования их является наиболее целесообразным. *Ред.*

и переводя почти все работы на штучную плату, заводоуправление к 1896 году уменьшило число рабочих часов до 10 (с прежних $11^1/_2$ часов), а в праздничные дни ограничило работу на один шабаш, с $6^1/_2$ ч. утра до 2 часов дня. При заводе устроено было училище с 3-хгодичным курсом, на 100 чел., и вечерние курсы для рабочих; устраивались народные чтения с фонарем. Имеется лазарет с приемным покоем, инвалидный дом, экономическое общество, потребительная лавка и пр.

Как по размерам, так и по богатству механизмов и сооружений завод занимает одно из первых мест среди технических учреждений России. Изделия его обходились дешевле изделий однородных заграничных заводов.

Расширение и улучшение деятельности завода продолжалось в течение всего времени его существования. На многих выставках (напр.: Парижская 1867 г., Всероссийская в Петербурге 1870 г., Венская 1873 г., и др.) заводу были присуждены высшие награды.

О состоянии архива. Архив сохранился в достаточном порядке. Ему отведен особый каменный склад, безопасный в пожарном отношении, но холодный.

Архив был всегда централизован при Главной конторе завода. Дела были заведены по однородной номенклатуре, несколько раз изменявшейся и по мере надобности развивавшейся, и велись по годам. Дела хранятся в завязанных папках, с общей нумерацией папок, за время с 1863 г. по 1918 г. включительно, от № 1 до № 778. С 1919 г. дела имеют текущий характер и находятся в делопроизводстве Главной Конторы, хранятся в регистраторах по новой номенклатуре и под новой нумерацией.

В архивных папках бумаги первых лет не подшиты, но рассортированы по делам, так что за период с 1863 г. по 1890 г. число папок совпадает с числом дел. За время с 1890 г. дела, как общее правило, подшивались и в папках хранятся по нескольку дел под особыми №№. Попадаются иногда вместо подшитых дела в регистраторах. Делам имеются названия, определяющие их содержание, но внутренних описей бумаг нет. В делах последних 15 лет имеется нумерация листов.

Всех дел в 778 папках насчитывается до 1333. Ниже приводятся 294 дела (помещающиеся в 191 папке), могущие представить интерес для Комиссии. Остальные дела касаются чисто-технических вопросов.

По периодам наличность архива и дела, выбранные для Комиссии, распадаются следующим образом:

ПЕРИОДЫ.	Всего в архиве		Выбрано.	
	папок.	дел.	папок.	дел.
1863—69 г.	29	29	2	2
1870—79 »	84	84	12	12
1880—89 »	97	97	11	11
1890—99 »	138	181	24	24
1900—04 »	73	113	18	18
1905—09 »	115	196	32	36
1910—14 »	146	333	54	76
1915—18 »	96	297	28	115
Итого	778	1333	191	294 (344 части).

Вероятно часть переписки за первые годы постепенно была подвергнута уничтожению. Имеется в 33 папках до 152 дел с неопределенными заголовками: „По разным вопросам", „О разных предметах" „Разные бумаги" и т. п., которые подлежат особому рассмотрению.

Помимо вышезарегистрированных папок и дел в архиве хранится еще:

Бухгалтерских книг (счета работ)	158 номеров.
Книг, нарядов, материальных заказов и т. п.	157 „
Копировальных книг	306 „
Входящих и исходящих журналов, книг, накладных и т. п.	366 „
Итого	987 номеров.

Так как дела сдавались в архив систематически по годам, то удалось проверить степень его полноты. Утрата дел имела место лишь в единичных случаях, притом утрачены исключительно дела узко-технического и сметного характера. Таких дел насчитывается: в 1894 г., 1897 г., 1902 г., 1911 г. и 1914 г.—по 1, в 1912 г.—4, в 1913 г.—3, а всего 12. В 1918 г. из архива исчезли по отдельным техническим вопросам 44 дела.—Содержание исчезнувших дел представляется безразличным не только для работы Комиссии, но даже для составления истории завода. Исчезновение их, повидимому, носит случайный характер, и, может-быть, они еще будут обнаружены на заводе.

Передачи дел архива в другие учреждения не было. Уничтожение каких-либо дел в первые дни революции на заводе отрицается. Однако, все же возможно, что штрафные записи рабочих и так называемые „черные списки" все-таки исчезли вместе с прежней охраной завода. Но многое из того, что на других заводах наглядно было выделено в особые дела и потому легко поддавалось уничтожению, на Обуховском заводе, вследствие принятой группировки по годам, вероятно сохранилось в общих делах под наименованием „Следственных дел", „О служащих заводов", „Журналы Правления", „Распоряжения по заводу" (приказы, циркуляры, об'явления), „О вычетах" и т. д. [1]).

[1]) Раз'яснения при ознакомлении с архивом были даны заместителем управляющего заводом инж. А. А. Рыбаржем.

Перечень собранных дел,

сгруппированных по однородным рубрикам.

№№ отд.		Число дел.
1.	Переписка с Правлением, Советом Управления, Морским Министерством и другими высшими учреждениями: 1865 г.—1 дело, 1871—1880 г.г.—6, 1881—1899 г.г.—17 и 1900—1918 г.г.—24 дела, всего	48
2.	Отчеты: за 1865 г. 1895—6 г.г., 1900—2 г.г., 1907—9 г.г., 1911 г., 1914—1918 г.г.	13
3.	Сметы за 1876 г., 1877 г., 1900—10 г.г., 1912—13 г.г., 1915—18 г.г.	16
4.	О служащих завода: 1870, 1873, 1876, 1882, 1885, 1890, 1900, 1907 г.г.	15
5.	Следственные дела о служащих и рабочих: 1871 г., 1899—1901, 1908—1918 г.г.	17
6.	Журналы Правления и Совета Управления: 1897, 1899, 1900, 1901 и 1909 г.г.	5
7.	Устройство лавки потребителей и переписка с Обществом Потребителей 1899—1918 г.	14
8.	Пенсии и пособия за 1906—1918 г.г.	1
9.	Распоряжения по заводу, приказы Начальника завода, циркуляры, объявления 1908—1918 г.г.	25
10.	Составление статистических сведений, 1906 и 1918 г.г.	2
11.	Положение работ за 1908 и 1909 г.г.	2
12.	Финансовое положение завода 1908 г., 1917 г., 1918 г.	3
13.	Введение в действие новых положений 1908, 1909, 1914, 1918, 1919 г.г.	5
14.	Ревизии и приведение завода в порядок 1908, 1909, 1910 г.г.	3
15.	О производительности завода 1916—18 г.г.	2
16.	Переписка с Обществом заводчиков и фабрикантов 1915—18 г.г.	4
17.	Переписка с особым Заводским Совещанием 1915—17 г.г.	3
18.	Сберегательно-вспомогательная касса 1908—1918 г.г.	13
19.	Санитарное дело 1908 г. и 1915 г.	2
20.	Отправка в больницы рабочих, служащих и их семейств за 1910—1917 г.г.	8
21.	Оказание медицинской помощи, 1918 г.	2
22.	Вычеты на содержания и удержание подоходного налога, 1911 г. и 1918 г.	2
23.	Выдача цеховой платы за время отбывания учебного сбора, за время говения и прочие 1911 г.	1
24.	Выдача прежн. 1914 г.	1
25.	Увеличение заработной платы и установление новых норм, 1917—18 г.г.	3
26.	Сдельные работы 1918 г.	1
27.	Претензии судовых команд 1917 г.	1
28.	Улучшение быта рабочих 1908, 1916, 1917 г.г.	3
29.	Представление сведений в разные учреждения о заработке рабочих, 1916 г.—1917 г.	2
30.	Страхование рабочих и служащих 1916 г.	1
31.	Выдача пособия Благотворительным Обществом и Попечительством, 1912 г.	1
32.	Устройство Технической школы, 1908 г.	2
33.	Устройство Ремесленного Училища, 1914 г.	1
34.	Устройство Родильного Приюта, 1908 г.	1
35.	Учреждение похоронной кассы, 1910 г.	1
36.	Устройство инвалидного дома для престарелых служащих и мастеровых, 1916 г.	
37.	Устройство Экономического Общества при заводе, 1916—18 г.г.	
38.	Представление к наградам, 1916—1917 г.г.	2
39.	Аренда домов для надобностей завода, 1914 г.	1
40.	Отчуждение имуществ у немецких колонистов для обеспечения жилищами рабочих, 1915—1917 г.г.	2
41.	О сделках 1914, 1913, 1915, 1917 г.г.	4
42.	Закрытие собрания и открытие столовой 1913 г.	1
43.	Оказание помощи семьям призванных по мобилизации, утратившим трудоспособность и пр. 1914 г.	1
44.	Командирование на завод для работ нижних чинов флота и армии, 1915 г.	1
45.	Выборы представителей от рабочих в Центральный Военно-Промышленный Комитет и делегатов в разные учреждения 1915 г. и 1918 г.	3
46.	Мобилизация и годичный учет, отсрочки, демобилизация завода, 1905 г. и 1915—18 г.г.	11
47.	Переписка с Комитетом рабочих, 1917—18 г.	3
48.	Переписка с Продовольственном Комитетом, 1918 г.	2
49.	Примирительная Камера, 1917—18 г.г.	2
50.	Эвакуация завода и рабочих 1917—18 г.г.	2
51.	О пропускании на территорию завода посторонних лиц, 1916 г.	1
52.	Прикрепление рабочих и служащих к заводу в военное время, 1917 г.	1
53.	Разных других	12
	Итого	294

II. Архив Балтийского завода.

Из истории завода (1855 – 1898 г.г.). На месте нынешнего Балтийского завода в 1855 г. англичанами М. Карром и М. Макферсоном был основан сперва небольшой литейный завод, развившийся вскоре в небольшой же механический, занимавшийся постройкой и главным образом ремонтом судовых паровых машин. С 1863 года завод расширился, и началось военное судостроение.

Не обладая достаточными денежными средствами, Карр и Макферсон довели дело до такого состояния, что завод, обремененный значительными долгами частным лицам и министерствам морскому и путей сообщения, должен приостановить все свои работы. В 1871 г. завод был приобретен английским акционерным обществом под названием „Балтийского", с Правлением в Лондоне.

Английское Общество устроило при механическом и судостроительном заводе прокатный и железнодорожный отдел и, кроме того, пробовало заниматься постройкой локомотивов.

Приобретя вскоре затем от английского общества более половины всего числа акций, морское министерство уже добилось преобразования Английского Общества в Русское Акционерное Общество под названием „Балтийское железоделательное, судостроительное и механическое Общество", устав которого и был утвержден 20-го мая 1877 г. С этого времени железопрокатное и локомотивное производства были прекращены, и завод стал специализироваться по машиностроению и судостроению для Морского Ведомства.

В 1904 г. завод перешел в собственность казны, при чем Положение о заводе было составлено применительно к частным коммерческим порядкам.

Параллельно с постройкой судов и машин шло оборудование завода, которое в главных чертах выразилось постройкою мастерских: судостроительной, котельной, плотничной и столярной—сталелитейной, корабельной, электрической станции, электротехнической мастерской и нового здания столярно-плотничной—плаза, чертежных и конторы, а также увеличением мастерских: механической, чугунолитейной и прессовой.

Состояние архива. Архива за период, предшествующий переходу в казну, на заводе, повидимому, не сохранилось,—имеется только дело № 92—Ликвидационной Комиссии (2 тома) и Приказы Начальника завода за последний год этого периода, начиная с 27 апреля 1893 г. За время с 1894 года архив, сколько можно судить по общему ознакомлению, сохранился в достаточном порядке. Он централизован при Главном Административно-Техническом Делопроизводстве, в рассортированных и подшитых делах, –некоторые из них во многих томах. Всех наименований дел до 1200 номеров. Большая часть этих дел касается чисто-технической стороны исполнявшихся заводом заказов, и ни наименование их ни разъяснения служащих не дают основания предположить, чтобы в них содержался какой-либо бытовой материал. Но, конечно, надо проверить это просмотром некоторых из них на выдержку. В виду указанного централизованного характера архива, в отдельных конторах завода (материальной, бухгалтерии, цехов) находятся только отрывочные дубликаты, не могущие представлять интереса.

Уничтожению в первые дни революции подверглись 3 дела, а именно:

Дело № 231—Высочайшие награды—20 тетрадей.
„ № 402—Конфиденциальное дело о служащих и рабочих (предполагают, что оно заключало в себе „черные" списки).
д. без № —Штрафные журналы рабочих (2 тома).

Из числа остальных дел предположительно выделены 82 номера, из коих 42 (в 121 томах) несомненно должны заключать в себе запас интересного материала.

Особенное внимание надо обратить на 18 томов подлинных Приказов Начальника завода (д. № 201), так как в них за 28 лет изо-дня-в-день отражались все события на заводе, распоряжения, инструкции и вообще весь внутренний распорядок жизни, и дело № 1168—„Протоколы и постановления Исполнительного Комитета и общих собраний служащих" — (революция) — 5 томов, с оценкою минувших порядков.

Вторая серия выделенных дел в числе 40 номеров (до 230 томов или тетрадей) могут заключать в себе интерес второй очереди.

Число занятых на заводе рабочих и служащих по годам может быть восстановлено, повидимому, за все время с 1891 г., а приходо-расходные сметы в систематизированном виде существуют с 1900 г. (д. № 192). В случае надобности придется за дополнительными сведениями обратиться к книгам Бухгалтерии.

Сотрудник Ученой Комиссии встретил полное содействие со стороны Управляющего заводом тов. *П. Д. Захарова* и Технического Директора, Инж. *В. К. Старосельского*, приконвоированных в его распоряжение служащих, наиболее знакомых с историей завода.

Перечень выбранных дел.

№№ дел.		Число томов.
	Дела, наиболее интересные.	
94.	Очерки деятельности завода	2
99.	Проект правил оплаты труда рабочих	1
150.	Исторический очерк деятельности завода за 1897 год	1
189.	О пенсиях и пенсионерах	2
198.	Депутаты от рабочих	2

№№ дел.		Число томов.
200.	Судебные дела по искам к заводу	1
201.	Приказы начальника завода	18
206.	Сообщения, лекции и доклады	3
207.	Техническая школа завода и обучение мастеровых и их детей	12
208.	Курсы машинистов и кочегаров	11
334.	Беспорядки мастеровых в 1901 г.	1
337.	Освобождение арестованных за беспорядки мастеровых	1
340.	Кража и порча заводского имущества	2
341.	Освидетельствование служащих и рабочих в Морском Госпитале	3
345.	О производительности завода	3
348.	Доклады контролеров о заделных работах	9
359.	Сберегательная Касса	1
395.	Доклад А. Н. Чикалева по рабочему вопросу	1
399.	Диаграмма процентного отношения состава служащих и мастеровых по губерниям	1
432.	Колония для служащих и рабочих	1
501.	Съезды Общества заводчиков и фабрикантов	2
519.	Старосты мастеровых	1
559.	Столовые для рабочих и служащих завода	1
627.	Забастовки рабочих	4
671.	Делегаты от мастеровых	1
678.	Выборы в Государственную Думу	1
686.	Сведения об участии служащих в Обществах	2
693.	О рабочем вопросе, правилах найма и правилах внутреннего распорядка на заводах Морского Ведомства	3
713.	Библиотека завода	1
722.	Страхование служащих	1
812.	Миссионерские курсы	1
839.	Постановления Совета командиров	1
866.	Вознаграждение за увечья и утрату трудоспособности при испытании подводных лодок	1
906.	Относительно газетных статей, касающихся завода	1
940.	Контракты и подписки служащих	1
1080.	Эвакуация завода	6
1087.	О выборщиках от мастеровых в Цент. Военно-Промышленный Комитет	1
1107.	Продовольствие для служащих и мастеровых	1
1168.	Протоколы и постановления Исполнительного Комитета и общих собраний служащих	6
1178.	Переписка с Союзом Инженеров Балтийского завода	1
1179.	Съезд делегатов рабочих и служащих заводов и портов Морского Министерства и судостроительных заводов	1
1180.	Дела контр-разведывательного отделения	1
	Итого 42 дела	121

Дела, представляющие меньший интерес.

71.	Нижегородская выставка	1
77.	Донос Ржендзинского	1
79.	Участие в Парижской выставке	1
80.	О подмастерье Трое	1
92.	Ликвидационный Комитет	2
93.	Программа обстройки завода	1
109.	О сберегательно-вспомогательной кассе старших служащих завода	1
116.	Участие в выставке судоходства	1
188.	Переписка с Правлением (общая)	7
192.	Сметы приходо-расходные по заводу	9
193.	Статистические сведения	1
196.	Общая переписка с разными лицами и учреждениями	16 [1]
197.	О рабочих	2 [1]
202.	Служащие по вольному найму	55 [1]
203.	О принятии на службу	24 [1]
204.	Служащие на коренной службе	3 [1]
205.	Командировка служащих	4 [1]
220.	Выставка в Чикаго	1
230.	Переписка общая с Морским Министерством	24
270.	Оборудование механической прачешной	1
339.	О принятии на работу	6
363.	Подлог расч. книжки № 3331	1
397.	Акты (различные) по заводу	1

[1]) Вероятно в большинстве случайная переписка, личные дела, прошения и прочие. Надо проверить.

№№ рубрик.		Число дней.
430.	Командировка служащих	5
442.	О рабочем Григории Осипове	1
443.	Улучшение хозяйственного положения завода	2
490.	Очки для рабочих	1
518.	Оскорбление мастера Гиндпера	1
557.	Пропуск на завод разных лиц	3
661.	О рабочей силе (общее)	1
630.	50-тилетний юбилей завода	1
716.	Техническое образование в Морском Ведомстве	1
785.	Дела Совета по Управлению заводами Морского Ведомства	19
875.	Взыскание неустойки с мастера Павлова	1
881.	Сведения для обследовательной Комиссии генерала Рерберга	1
894.	О выигрышных билетах, принадлежащих служащим и мастеровым	1
942.	О неправильном получении по книжке № 6997—50 р. 92 к. (дело Бурмана и Костина)	1
987.	Помещение дочерей служащих в Женское Коммерческое Училище	1
997.	Падение при подъеме колонны, причинившее смерть 2 рабочим	1
1021.	О подмастерье Махонине	1
	Итого 40 дел	230

Всего 82 дела, 351 том или тетрадей.

Ал. Блок.

О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде.

(Доклад сотрудников Ученой комиссии О. Е. Корнилович и Н. С. Платоновой).

Почти все осмотренные архивы находятся в беспорядке и лишены описей, что создает большие затруднения для ознакомления с ними. Наиболее старый и интересный материал отсутствует в виду того, что на частных заводах, как правило, дела уничтожались каждые 10 лет. Из сохранившихся дел большая часть имеет чисто-технический характер, и только крайне малый процент всех архивных материалов представляет интерес для Комиссии. На основании уцелевших материалов трудно составить представление об условиях работы и жизни рабочих. Так, например, ни в одном из осмотренных архивов нельзя собрать данных о заработной плате: на Ижорском заводе могут быть собраны по этому вопросу сведения лишь за последние 15 лет. Необходим был бы особый штат сотрудников для того, чтобы привести заводские архивы в порядок и сделать их доступными для исследователей.

Архив Ижорского завода был перемещен два раза со времени революции: он был выброшен в помещение рядом с пожарным депо завода, где не охранялся и оказался вследствие этого частью расхищенным, а затем перенесен в механическую лабораторию, где находится и теперь. На заводе предполагают дать архиву новое помещение и привести его в порядок.

Дела архива делились на 3 группы: 1) дела, предназначенные к уничтожению, 2) к временному хранению, 3) дела вечного хранения. Дела первых двух групп уничтожены, дела же вечного хранения перешли с Ижорского завода, как казенного, в архив Морского министерства. По справке, наведенной в этом архиве, дела эти не представляют интереса для комиссии.

Материалы архива Ижорского завода имеют вид обычных архивных дел (что нельзя сказать о материалах архивов частных заводов). Лет за 8 до революции в архив был назначен архивариус для приведения архива в порядок и составления описей. Алфавиты дел в архиве есть, описи же чрезвычайно примитивны: они состоят из порядкового номера и заглавия дела. Технический архив завода для Комиссии интереса не представляет, так как состоит лишь из чертежей. В архиве завода имеются дела с 1896 года, когда там работала последняя комиссия, созданная для разборки дел. О забастовках и волнениях рабочих на заводе в связи с революцией 1905 г. есть одно дело в 3-х частях. Встречаются кое-какие материалы по революции 1917 г. В архиве имеется черная книга (запись секретных характеристик рабочих) начиная с 1868 г. да за последующее десятилетие. Есть небольшое дело с секретными бумагами Департамента Полиции и Инспекторского Департамента о надзоре за рабочими, а также ряд дел о пенсиях, назначаемых рабочим.

Архив Металлического завода находится в образцовом порядке. В нем имеется 3 вида архивных материалов: 1) архив технический (собрание всех чертежей завода с первого момента существования завода); 2) архив коммерческий, состоящий из копировальных книг (копии исходящих бумаг) и контрагент. Среди них могут встретиться любопытные материалы, но описей у них нет, и для ознакомления с содержанием материала необходимо перелистать громадное количество страниц; 3) 5 отдельных папок с бумагами, относящимися к вопросу о волнениях среди рабочих, о забастовках, о требованиях рабочих в 1905 г., а также материалы о страховании рабочих и о пенсиях. Бумаги эти собраны по частной инициативе управляющего заводом и представляют собою наибольший интерес из всего материала, находящегося в архиве Металлического завода.

На заводе Розенкранц дела архивов технического и коммерческого находятся в беспорядке и свалены в одну груду. Разобраться в них без предварительной большой работы не представляется возможным.

На заводе Феникс архив технический находится в беспорядке; в несколько лучшем состоянии архив коммерческий. Материалы имеются в нем только за последние 10 лет. В связи с юбилеем завода были сделаны попытки собрать сведения о постепенном росте завода: в особый альбом заносились справки о количестве рабочих и машин, о рас-

ширении территории завода, об увеличении производства. По одной отдельной отрасли производства на заводе попытались собрать материал, для чего были приглашены особые статистики; работа эта осталась, к сожалению, не оконченной.

Архив завода военно-врачебных заготовлений помещался в деревянном доме, который нетекущей зимой был отчасти сломан, а архив перенесен в две комнаты в здании завода, где и свален в беспорядке. Дела архива каждые 10 лет уничтожались за исключением очень небольшого количества дел, преимущественно личного состава. Описей в архиве нет. Необходима была бы работа нескольких лиц в течение довольно продолжительного времени, чтобы привести архив в порядок. По свидетельству одного из лиц, перенесших архив, среди уцелевших дел есть небольшое количество старых (первой половины 19-го века и даже 1—2 года 18-го века). Большая часть дел относится к последнему времени и особого интереса для истории труда собой не представляет.

Архив Сампсониевской мануфактуры сожжен рабочими в 1917 году.

Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19-го века*).

(По документам архива департамента полиции исполнительной мин. вн. дел).

I.

По мере того, как «Крестьянский вопрос» в нашей историографии из атмосферы печали и воздыхания перемещался на почву экономического исследования, все досаднее давали себя чувствовать случайность и неполнота материала, на котором один за другим строятся отдельные выводы и цельные теории относительно больших вопросов не только истории собственно крепостного хозяйства и крестьянства, но и русского исторического процесса в его целом. Строгое научное будущее ожидает крестьянский вопрос XVIII — XIX ст. только на пути планомерного, организованного разыскания, собирания и классификации громадного нетронутого документального материала, который давно лежит в столичных и провинциальных архивах и даже умножается, вероятно, за последние годы: задача неразрешимая разрозненными усилиями отдельных лиц. Среди разнообразных вопросов, связанных с этой задачей, неоспорим, но и далеко еще неясен вопрос о типах и разновидностях самого документального материала, подлежащего разысканию и обследованию. Нам бы хотелось обратить внимание на одну из таких его разновидностей, имеющую свою ценность и четко выраженное своеобразие.

Хозяйство и быт крепостного доступны изучению преимущественно по связи его с хозяйством и бытом же его владельца-помещика. Вотчинные архивы дворянских имений, заключающие в себе хозяйственные записи и документы, способные раскрыть исследователю в свое время скрытые от государственного аппарата стороны и подробности жизни вотчины и населявших ее людей, — давно были предметом надежд историка-экономиста, а за ним и историка быта. Теперь не один такой частный «архив» попадет волею судеб в столичные и местные государственные хранилища и станет доступен изучению. Можно даже предполагать, что мы накануне эпидемического издавания и жадной обработки такого рода материала на страницах специального журнала или «Трудов» местных б. Архивных Комиссий и научных обществ «изучения местного края». Надо предвидеть, однако, что тут придется иметь дело с примерами крупных дворянских вотчин чрез посредство их более или менее отчетливо работавших хозяйственных органов, контор, и с документами, отличающимися всеми почти техническими достоинствами документа правительственной канцелярии. Иное дело — среднее и мелкое крепостное хозяйство. И в свое-то время они не имели возможности и, может-быть, необходимости осуществлять такую правильную и подробную отчетность, образцы которой оставила нам «бюрократия» крупной, сплошь-и-рядом многосоставной вотчины. Притом, так как они гораздо легче дробились из поколения в поколение и часто меняли владельцев, они надо думать, за редкими исключениями, сами никогда уже ничего о себе не расскажут исследователю. Последнему, если бы он все же пожелал проникнуть в такое именье, присмотреться к его внутренней жизни, остается прибегнуть к содействию государственной власти, поискать таких случаев, когда она имела поводы врываться в эту жизнь, и проскользнуть туда вслед за нею. Какой-нибудь судебный, уголовный казус, приключившийся с помещиком или помещицей, может развернуть страницы, целую картину нравов и дать представление о «нравовом» строе, которым жило население крепостной вотчины—и ничего или почти ничего не даст для экономиста, которому совершенно безразлично,

*) Настоящая статья, не только описывая свое архивное дело, но и разрабатывающая его данные, предназначалась для первой части книги; во второй же части она помещена по техническим условиям. *Ред.*

больно ли и до смерти ли или за что именно истязали людей и сами ли владельцы или их приказчики и т. п. Зато много могут дать ему—по и не меньше историку быта и права—такие случаи, когда государство вторгалось в поместье по вестям об убыточном для него хозяйничаньи владельца, обследовало приемы и результаты такого ведения дела и прекращало хозяйственную карьеру помещика,—разумеется, как говорилось, для пользы и вотчины и самого владельца,—взятием имения в опеку, ставя задачей опекунам вернуть хозяйство в некоторую норму. В этот патологический момент, когда воля владельца не обратилась еще в злую, чтобы стать наказуемой, но и перестала быть достаточно доброй, чтобы на нее можно было оставить крупицу все же государственного хозяйства, какой была вотчина, эта последняя становилась территорией и предметом как бы судебного расследования на месте, изнутри освещалось известными показаниями и, если было возможно, документальными справками. Как увидим, в такой комбинации все множество маленьких крестьянских хозяйств, по органическому сплетению их с хозяйством помещика или по принудительной связи их с приходо-расходным его бюджетом, попадало в самый центр внимания следственных властей и, уловленное в сетку разграфленной таблицы, оказывается теперь в удобнейшей форме обозримым для глаза исследователя. Вместе с тем элемент изустных показаний придает такой молчаливой таблице искристость и переливчатость житейского случая, не нарушая незыблемого значения строя твердых цифр, даже придавая им, иной раз, за счет точности подлинную вероятность; напр., тогда, когда о каком-нибудь Петре Ермолаеве вдруг прочтешь, что в год у него выходит на покупку дров «рублей с 5» и тут же почувствуешь, что—не точная цифра, а записана с голоса. Юридический случай взятия вотчины в опеку, получивший свое выражение в канцелярском делопроизводстве в виде «дела», сохранившегося в архиве наших дней, может представить таким образом довольно многообразный интерес. Есть черты не в содержании только такого «дела», а в исторической обстановке самого юридического случая, которые сообщают делу некоторое своеобразие и заставляют отнестись к каждому из них с особым вниманием.

В крепостной России XVIII—XIX ст. понятие опеки явилось в одном из указов Петра Великого со всеми словесными признаками стихийного бедствия для дворянской усадьбы. Статья 31 воеводской инструкции 1719 г. заговорила о «беспутных разорителях» своих деревень, как о «непотребных людях», которые «ради пьянства или иного какого непостоянного жития» вотчины свои разоряют, «налагая на крестьян всякие несносные тягости и в том их бьют и мучат». Так как «от того крестьяне, покинув тягла свои, бегают и чинится от того пустота, а в Государевых податях умножается недоимка», то воеводе и земским комиссарам вменялось «смотреть того накрепко и до такого разорения не допускать». На полицейского чиновника, земского комиссара возлагалось доносить о замеченной «пустоте» воеводе, «которому то обыскивать и свидетельствовать с ним комиссаром тутошними людьми и явными свидетельствами, отчего оная пустота явилась и не было ли тем крестьянам от помещиков такого наглого разорения». Сам воевода, однако, по тем «обыскам» и «явным свидетельствам» решения не ставил, а отсылал все делопроизводство в Сенат. Судьба дворянина, таким образом, оказывалась в руках высшего правительственного места в Империи, обнаруживавшей свою социальную природу в том, что «наглый разоритель» временно устранялся от управления деревнями и поступал на «исправление»... к своим «сродникам и свойственникам», тут же в имении, которое «оными же сродниками» и «ведалось» до исправления родича; и только уж «которые (разорители) не исправятся» — срок тому не был указан — и тех посылать под начал», все в той же заботе, «до исправления»; «а которые не исправятся и под началом будучи, тех не освобождать доколе же исправятся». Если прибавить, что материальные интересы такого разорителя, досидевшегося «под началом» хотя бы до самой своей смерти, обеспечивались тем, что он и его семья, как нарочито подчеркивала инструкция, довольствовались доходами «с тех деревень», а строго проверенная обоснованность самого возбуждения вопроса об отдании дворянина в «исправление» требовалась, в заключительной фразе нашей 31 статьи, от воеводы и комиссара под страхом «жестокого их истязания» за возможные «подлоги» и «коварства» в течение расследования,—то можно сообразить, что институт опеки за расточительность, возникавший в обстановке разорения страны, потянувшейся в ранг европейской державы, как одно из орудий борьбы государственной власти за устойчивость ее бюджета и целость расползавшейся хозяйственной клеточки общественного организма, населенной вотчины,—обрекался на худосочное прозябание. Сословная стихия, хлынувшая отовсюду со смертью Петра, создавала крайне неблагоприятные для его развития условия, поскольку по замыслу инструкции острие его, тут же притупленное отмеченными оговорками и общим оборотом мысли 31 статьи, обращено было все же прямо в земное основание и место бытового упокоения «вольности дворянской». Поверхность русской жизни XVIII века вся играет всплесками этой стихии. Одним из них и институт опеки превращен был в ценную техническую подробность сословного благоустройства и

[illegible] Учреждения для управления губерний Екатерины II (1775). От 31 статьи Петровской инструкции в Учреждении о упр. губ. остался едва заметный и сверх того несколько замаскированный след в ст. 84 гл. IV (О должности [illegible] в отсутствии Императорского Величества), сказанный кратко и практически неопределенно, что «как Главнокомандующий [illegible] благочиние, или полиция градская и сельская [illegible], то имеет он пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишества, беспутство, мотовство, тиранство и жестокость». — [illegible] не отдельного предписания, мотивированные серьезными государственно-хозяйственными соображениями, через 55 лет сделалось почти неузнаваемым в общем поручении блюдения добрых нравов, благочиния, нравственности и хорошего тона. Зато в статьях 209—222, составивших целую главу (XVI. «О дворянской опеке и о должности сего места»), опека территориально вместилась в особое губернское присутственное место и развернулась в тщательно разработанный институт сословного права, призванный к охране и приумножению недвижимого имения и движимого имущества и к заботе о духовном и физическом правильном росте малолетних сирот сословия, даже к помощи вдове дворянина. Следует отметить, что в тексте этой главы не найти и намека, что она может относиться к случаям, предусмотренным статьей 84 Учр. о губ. или статьей 31 Петровской инструкции. Ниже увидим, что прямая неприспособленность ее к таким случаям, естественно, приводила к недоумениям, когда, напр., для руководства опекунам разоряемого имения уже в начале XIX столетия местная власть могла указать только эту главу, очевидно, затрудняясь указать что-нибудь иное, хотя бы из практики местных же прецедентов. Опека за расточительность, можно думать, — редкое явление в XVIII веке и такое, которое в каждом данном случае создавалось решением Сената или с 1775 г.—наместника императорского величества в губерниях (не губернатора), где таковой был назначен.

По некоторым признакам, с начала XIX стол. случаи таких опек должны были участиться в связи с пошатывавшимся положением дворянства в строе управления государства и с развитием кризиса мелкого, отчасти среднего крепостного хозяйства, вызывавшим к жизни в помещике предпринимательский дух или его судорожную пародию с попытками сделать бытовые последствия кризиса для себя незаметными. Действительно, указы Александровского и Николаевского времени (с 1817 г., по разным поводам, числом до десятка) разрабатывают подробности процесса наложения опеки, разграничивая и комбинируя компетенцию привлекаемых к тому учреждений и должностных лиц и вскрывая новые спорные для того времени стороны вопроса. Общая тенденция указов—предоставить окончательное решение простых случаев местным властям: генерал-губернаторам и военным губернаторам, или гражданским губернаторам совместно с собранием предводителей дворянства, однако, большею частью при малейшей спорности с утверждением Сената. Потоки жалоб самих крепостных этой эпохи, поступавших на имя государя или министра внутренних дел, создавали, в свою очередь, ряд расследований с тем же возможным концом—уже по инициативе центра; но это были жалобы преимущественно на жестокое обращение и следствие по ним шло, надо думать, минуя крестьянское хозяйство, прямо под окна помещичьего дома. Судя по тому, что, напр., в 1838 г., по сведениям, имевшимся в министерстве внутренних дел, состояло в опеке 203 имения и из них 140 за жестокое обращение и всего 63 частью за мотовство, частью за распутство, можно думать, что и в XIX ст. не только процент, но и абсолютное количество интересующих нас случаев опеки невелико, если оно и больше, чем в XVIII[1]). Тем ценнее каждый экземпляр такого суррогата «вотчинного архива».

Нетрудно представить себе судьбу любого «дела о разорении» крестьян, поручаемых опеке. Интересующие нас данные о разорении крестьянских хозяйств во всей их подробности играли, в ходе самого делопроизводства, двоякую роль и попадали поэтому в две канцелярии, при чем подробность их определялась первичным их назначением. Мы видели, что историческая обстановка оказывала естественное сопротивление вторжению власти в хозяйственный распорядок поместья, и для того, чтобы—и в тех случаях, когда опека состоялась,—нельзя было двигать дело только на «коварствах» и «подлогах», а среди «обысков» и «свидетельств» решающими были показания цифр. Но они же были и исходною точкой при составлении «положения об опеке» и первым руководством при вступлении опекунов в управление вотчиною. Поэтому, сыграв свою роль в сенате или министерстве внутренних дел, они в копии со всеми другими материалами

---

[1]) Ст. 218 Екатерининского Учр. о губ. предписывает опекунам «доносить погодно верхнему земскому суду, коротко, но подробно о состоянии имения и о опекунском управлении». Если бы подобного рода донесения и сохранились до нашего времени (в провинции или в столицах?), то по краткости своей дали бы материал скорее по истории дворянского землевладения, чем по истории крестьянского хозяйства.

препровождались в губернию и там тоже хранились: в губернском ли правлении, или в канцелярии дворянской опеки—это уже деталь. Значит, разыскание всех таких данных тем технически легче, чем точнее локализируется справка о наличности заключающих их дел в архивах министерства внутр. дел и сената в Петербурге и [illegible] (в делах Сената) в Москве.

Наконец, третья формальная особенность, выгодно отличающая наш исторический источник и отчасти уже нами отмеченная, состоит в том, что он при всей его единичности, поступает в распоряжение исследователя в сопутствии как бы критического аппарата, точно постройка с нерасчищенными еще [illegible] вся [illegible] рабочими, или труп в окружении всего медицинского персонала, и следовательно [illegible] участников последнего консилиума, поставившего ему скорбный диагноз. Эта стройная многоголосица, без примеси причитаний, дает возможность [illegible] оценить раскрывающиеся в ней [illegible] мерками того и нашего века и помогает, взаимно их корректируя, найти [illegible], которая и будет подлинно исторической: как известно читателю, меткость глаза историка не абсолютна, и «недолет-перелет-попадание» есть тоже закон и для твердого исторического суждения.

Попробуем дать отчет об одном деле, возникшем по представлению ярославского губернатора об изнурительном положении крестьян рыбинских помещиц Бабарыкиных и помещика Власьева, в августе 1808 г. [1]). Здесь в одно «дело» попало два житейских, на месте, не связанных между собою случая хозяйственного «изнурения» крестьян двух вотчин, владельцы коих были людьми, друг другу в достаточной степени посторонними, и жили, когда жили не в городе, даже в разных уездах. Заглавие «дела» неточно передает и соответствующую формальную подробность: в нем имеется не одно, а два самостоятельных представления губернатора министру внутренних дел. Только поступившие в министерство одновременно, одновременно же доложенные министру, они стали предметом одного всеподданнейшего доклада, и в дальнейшем обе вотчины проделывали свой подследственный путь неразлучно до общего, печального или спасительного для их владельцев, конца: 9 января 1809 г. высочайшим рескриптом на имя губернатора были «препоручены» Ярославской дворянской опеке. Вследствие встретившихся осложнений вотчина Власьева до октября месяца еще продолжала быть предметом переписки, не изменившей, однако, ничего даже в деталях постигшей ее еще в январе участи.

В обоих случаях инициатива возбуждения дела принадлежала рыбинскому уездному предводителю дворянства Аксакову. Проверка его донесений была произведена губернатором кн. М. Н. Голицыным через посланного на место губернского стряпчего Манина, подробные доклады которого в общем подтвердили картину, данную Аксаковым, и легли в основу представлений губернатора 10 августа министру внутренних дел кн. А. Б. Куракину. Куракин заключил свой доклад о том государю 22 августа предположением, что «представлялось бы нужным, сообразно с прежними в подобных случаях примерами, предписать губернатору отдать имение Бабарыкиных и Власьева в опеку и составить вместе с губернским и уездными предводителями положение, по коему бы как помещики знали, в чем именно должен состоять их доход, так и крестьяне, чем они им обязаны».

Но в виду противоречивости и неточности сведений, собранных губернским стряпчим, о размерах взыскиваемого с крестьян, Куракин предлагал «предписать губернатору войти в ближайшее и точное всего того разыскание, и между тем, составив упомянутое положение, препроводить сюда и его и самое сие исследование, по получении коих удобнее могут быть даны окончательные по сим двум предметам разрешения». Александр I, видимо, заинтересовался делом и не ограничился повелением «поверить сделанное исследование», а указал «употребить к чиновникам, кои для сего будут назначены, статского советника Канкрина», хотя последний и находился в то время «по особой комиссии» в Вологодской губернии. Не известно еще, в чем заключалась эта «комиссия», но мы знаем, что Е. Ф. Канкрин (будущий министр финансов 1823—1844 г.г.) успел зарекомендовать себя с 1800 г., как пом. управляющего Старо-Русскими соляными заводами, и образованный автор хозяйственно-статистических докладов, а в интересующее нас время пробовал свои силы на вопросах военного искусства и продовольствования войск: как раз в 1809 г. вышла в Петербурге его работа «Fragmente über die Kriegskunst»; в 1811 г. видим его уже помощником генерал-провиантмейстера I армии. Выбор Александром I именно Канкрина, умевшего впоследствии своим педантизмом и пунктуальностью тяготить самого Николая I, не только обнаруживает интерес и осторожность, с какими отнесся Александр к случаю, из которого нетрудно было создать назидательный прецедент применения указа «о свободных хлебопашцах» 20 февраля 1803 г., в духе третьего варианта освобождения, предусмо-

[1]) Архив Мин. Внутр. Дел., Департ. Полиц. Исполнительной, № 210; по книге архивной № 862. Нач. 17 августа 1808 г., окончено 16 октября 1809 г., на 150 л. л.

трейного дополнительными к указу правилами[1]), но и не безразличен для исследователя, ручаясь за аккуратность расследования и четкость документальной его стороны.—Канкрину в Вологду было дано знать 31 августа о возложенном на него поручении: «получив от губернатора все нужные сведения о крестьянах Власьева и Бабарыкиных, на месте их жительства удостовериться в подлинном их положении, со всею подробностью исследовать причины их изнурения и к сим обстоятельнейшим разысканиям присовокупить свое заключение, каким образом наилучше может быть их участь поправлена». А в Ярославль губернатору тогда же было предложено ждать Канкрина и избрать ему в помощь «благопадежнейшего чиновника» (таковым был избран советник губернского правления Дешен).

На два с лишним месяца затем переписка по делу заглохла. Только 7 ноября, по установившемуся санному пути, Канкрин обратился к Куракину за инструкцией и, не получив ее и взяв подорожную и прогоны, 14 числа выехал из Петербурга на место расследования. Оно велось в отсутствие помещиков, которых и не рассчитывали застать в такое время года в усадьбах, и в присутствии рыбинского земского исправника Люткина, «посредством допросов вотчинных управителей и всех крестьян-хозяев порознь, чрез местное обозрение деревень и крестьянского имущества и собирание сведений у посторонних людей»: только случайный приезд в Рыбинск самого Власьева дал повод выслушать и его об'яснения. Дело было деликатное и требовало большой осторожности, чтобы не стать источником беспокойства для обследуемых и соблазна для окрестных крестьян. Канкрин «впрочем употребил все меры, чтобы крестьяне не могли выходить из послушания у помещиков и чтоб сие дело окончено было без излишнего разглашения; однако и не заметно было склонности к беспокойству в первых, и осмотр их не сделал больного впечатления у соседних крестьян в одних деревнях с ними живущих, ибо последние своим положением довольны». Расследование затянулось, и вся работа была закончена в 20 дней. 15 декабря при рапорте Канкрина от 10-го, в министерство внутренних дел были доставлены все материалы расследования. Кроме рапорта тут имеем 11 документов, составивших в общей сложности 47 л., скрепленных по листам подписями обоих следователей. Из них 5 документов относится к деревням помещиц Бабарыкиных и 6 к вотчине Власьева [2]). В рапорте

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXVII, № 20625, Рас. II, ст. 2, п. с/: «когда крестьяне, оставаясь тяглыми в селе, делают с помещиком условия, на основании коих, владея его землею, они обязуются на известное число лет, по жизнь его или и навсегда исправлять известные повинности, или платить издать деньгами или продуктами, с тем, чтоб условия сии были обязательны как для него, так и для тех, к коим имение поступать может по продаже или по наследству».

[2]) А именно: 1) 2 «свидетельства», подписанных Канкриным и Денценом, одно относительно крестьян Власьева, другое—Бабарыкиных; 2) 4 акта «вопросных пунктов вотчинным управителям Власьева и трех сестер Бабарыкиных; 3) 2 графленные «ведомости»—одна о имуществе, повинностях и общем положении крестьян девиц Анны, Александры и Марьи Алексеевых Бабарыкиных, сочиненная на местах их жительства, Рыбинского уезда в селениях Карнове, Гремячеве и Пустынниках» (шесть стр. in folio), другая—«генеральная»—о хозяйственном положении и повинностях крестьян г. коллежского ассесора Михаила Сергеевича Власьева, сочиненная по сделанным им допросам на местах их жительства Рыбинского уезда в деревне Балабанове с 19-ю деревнями о 347 ревизских душах мужеского пола» (22 страницы in folio, в иных местах прорванные); 4) «Примерный расчет, сколько сбирается с крестьян г. коллежского ассесора Власьева, Ярославской губернии в Рыбинском уезде в числе 347 ревизских душ состоящих»; 5) «Об'яснения господина коллежского ассесора Власьева»; 6) Экстракт из генеральной ведомости о хозяйственном положении и повинностях крестьян г. колл. асс. Мих. Серг. Власьева, сочиненной и т. д.»—Свидетельства составлены по след. форме: «1803 года декабря 10 дня, мы нижеподписавшиеся, отправленный по высочайшему повелению от его сиятельства господина министра внутренних дел кн. Алексея Борисовича Куракина, статский советник Канкрин и отряженный его сиятельством Ярославским господином гражданским губернатором кн. Михаилом Николаевичем Голицыным советник Ярославского губернского правления, колл. сов. Денцен, по исполнение данных нам предписаний, при Рыбинском г-пе земском исправнике Люткине производив следствие о причинах изнурения крестьян (имя рек помещика, имя рек места), посредством доносов, сделанных вотчинному (ым) управителю (лям) и всем хозяевам порознь, чрез местное обозрение тех деревень и крестьянского имущества, а сверх того по соображению единогласных показаний посторонних лиц разного знания удостоверились в следующем:» далее следуют 1) характеристика положения крестьян и отношения к ним владельцев и указания на изнурительность; 2) перечисление мер, коими могло бы быть восстановлено нормальное положение, и 3) подписи Канкрина и Дешена.—Вопросные пункты заключают в себе ответы на след. 17 вопросов: 1) о числе ревизских душ мужского пола, наличных, и сколько находится на барском дворе; 2) состоят ли на барщине или на оброке; 3) как земля поделена и сколько приходится на душу; 4) сколько прежде платили оброку с тягла или вообще; 5) ныне сколько они платят оброку и по каким срокам, и не принуждены ли были продавать для того скот и имущество; 6) сбирается ли оброк с одних наличных крестьян или и за выбылых, как то поступивших в военную

своем Канкрин решительно подтвердил изнурение крестьян обоих вотчин неумеренными работами и поборами и безрасчетным и нечеловеколюбивым управлением и указал, что надежнейшее средство для поправления их состоит в том, чтобы на основании некоторых правил, ими объясненных (в «свидетельствах» — Б. Р.), препоручить их Ярославской дворянской опеке». Однако, Канкрин тут же осложнил вопрос о Власьеве замечанием, по самому стилю которого можно догадываться, как ловко Канкрин свою мысль и [illegible], побудившим Александра I выбор чиновника для такого расследования оставить за собой. «При сем, от высшей прозорли-

—

службу или находящихся на барском дворе; 7) если ходит на барщину, то по скольку дней в неделю и на какую работу кроме хлебопашества, и если работает на усадьбе, то в каких половинах; 8) нет ли излишних несовершеннолетних; 9) не собирается ли еще чего натурою или деньгами и сколько, и нет ли недоимок; 10) кто исправляет государственные повинности и не платят ли наличные крестьяне за дворовых и выбылых; 11) как исправляются земские повинности, в дни барщины или в дни, предоставленные для своих работ; 12) не вынуждаются ли денежные сборы побоями или арестом имущества; 13) как наказываются крестьяне, «нет ли в том излишества, и нет ли больных от побоев или не случилось ли чего»; 14) как ставятся рекруты и ратники и не платят ли за рекрут, поставленных от помещика; 15) «кто платил за одеяние рекрут и кто давал провиант и прочее для ратников»; 16) дозволяется ли отлучка на промыслы, когда и на какие, и не платят ли особо за дозволение; 17) «в каком положении находятся, имеют ли достаточное число скота, особливо коров для пропитания младенцев; пекут ли порядочный хлеб и имеют ли пристойную одежду; не ходит ли милостыню просить. За подписями Канкрина и Денена имеется собственноручная приписка земского исправника: «оные вопросы вотчинному правителю (имя рек) произведены при мне. Рыбинский исправник Лоткин». —Форма «Ведомостей» такова:

Звание деревень и домохозяев.	Наличные души в доме.		Число венцов.	Малолетние женатые.	Младенцы до 2-х лет.	Число действ. работников 15 — 60 лет, из них сколько больных.	
	м.	ж.				м.	ж.

Сколько тянет тягол.	Сколько дес. земли приходится на тягло.		Сколько для семейства высевается хлеба разного рода.					
	пах.	сенок.	пшеницы.	ржи.	ячменя.	овса.	гороху.	льна.

Сколько собирает сена и продает ли оное.	Откуда довольств. дровами и платит ли за оные.	Сколько дней с тягла работает на барина.	Где какие работы производят.	Чрезвыч. работы сверх определенных.

Сколько платит семья обычных сборов оброком, припасами и пр. и по каким срокам.	Нет ли необычных сборов и не берут ли имущества насильно.	Сколько платит госуд. податей за сколько душ и за кого.	Как исправляются земские повинности.

Как поставлены рекруты и ратники и что в сем случае платили.	Имеет ли промысел и платит ли за дозволение отлучаться.	В каком положении двор.

[illegible] будет [illegible] Кашкин, — [illegible] мера [illegible] быть приняты для [illegible] [illegible] крестьян [illegible]. Власьева в Романовском уезде состоящих, кои через отдачу одной части [illegible] помещика [illegible] могут быть обременены более теперешнего. Мы не [illegible] [illegible] на месте [illegible], потому что на счет их жалоб и предписаний нет, но судя [illegible] они [illegible] в стесненном положении находятся».

Через две недели, на основании присланных материалов, в министерстве был готов [illegible] доклад, поступивший на утверждение Александра I 29 декабря. В заключение [illegible] Куракин писал, что «оставить крестьян (как Власьева, так и Бабарыкиных) в на[illegible] положении было бы в конец разорить их. Перемена в управлении их необходима, как [illegible] облегчение участи самих крестьян, так и для пользы самих помещиков». Поэтому «отдача [illegible] Власьеву в Рыбинском и Романовском и Бабарыкиным в Рыбинском уездах принадле[illegible] в управление дворянской опеки признается лучшею мерою», и «гражданскому губер[illegible] должен быть на сие указ» [illegible]. Как и в первом своем докладе (22 августа), Куракин [illegible] не находил удобным подробности (как-то: определение количества оброка, уничтожение [illegible] и проч.) решительно назначать по одному сему исследованию» и предлагал «вместе [illegible] предписать губернатору, с губернским и соответствующими уездными предводителями [illegible] положение, на основании коего деревни впредь должны быть управляемы и в коем [illegible] быть определены как повинности крестьян, так и доходы помещиков», т. е. на этот

Сколько в доме скота.							Есть ли порядочной одежи, особ. зимней.
лош.	быв.	кор.	тел.	овец.	свин.	коз.	

Сколько в доме в запасе хлеба четвертями.		На сколько времени за вычетом семян оного стать может.	Есть ли в доме хлеба печеного и бывает ли оного во весь год и какого качества.
ржи.	ярового.		

Считается ли на нем помещичьего долгу.		Наказан ли кто жестоко впоследствие двух годов, за что, не увечен ли он от того.	Примечание.
хлебом.	деньгами.		

[illegible] примечания обширна и заполнена почти целиком. Через последние две страницы [illegible] обеих «ведомостях» приписка рукою исправника: «сия ведомость учинена при мне, [illegible] исправник Лоткин».— «Примерный расчет» не ограничивается общей, по [illegible] суммой собираемых с крестьян денег, но произведен и применительно к пяти [illegible] мужеского пола: ревизской душе, наличной, работнику от 15 до 60 лет, хотя бы [illegible] неспособному, действительно способному работнику, и, наконец, работнику, действи[illegible] работающему в своем хозяйстве; натуральные повинности и случайные сборы так[illegible] введены, но не переведены на деньги.— «Объяснения» имеют вид записи 14 «уверений» [illegible] но не подписаны [illegible] преимущественно в опровержение показаний этих крестьян, не подписаны [illegible] имеет подписи лишь Кашкина и Дешева.— «Экстракт» заключает в себе— [illegible] количественные—итоги «Генеральной ведомости» по всем ее 29 графам.—Руко[illegible] кроме рапорта, письма: «свидетельство о кр. Власьева, «примерный [illegible] «объяснения» и все показания крестьян в «генеральной ведомости».

[illegible] И на рапорте [illegible] этим следовала фраза: „Не средством сего помещики бы удо[illegible] управления крестьянами, не будут иметь способов делать им утеснения". Она [illegible] заключенная настолько свойственна всему [illegible] [illegible] логически стройно, что фраза эта здесь наверно обраща[illegible] психологическое назначение ее, по-видимому, в том, чтобы убедить Александра I в [illegible] принятой меры в интересах крестьян.

раз в отличие от первого доклада не предлагал оставить губернатора в Петербурге [1]). Утверждая это предположение Куракина, Александр I и на этот раз не забыл прибавить „для отвращения от себя" „а предположения г. г. Канкрина сообщить губернатору в руководство впредь при опеке" [2]). Поэтому рескрипт на имя губернатора, подписанный Александром 9 января, был отправлен в Ярославль (12 января) в сопровождении предписания ему от министра вн. дел принять к руководству предположения Канкрина [3]). В рескрипте попечение крестьян объяснялось и сообразным их состоянию и определительным налогом, а опека представлялась как мера, принимаемая и для собственной пользы помещиков; положение о ней, в коем обстоятельно были бы определены повинности крестьян и доходы помещиков, предписывалось в свое время представить министру внутрен. дел. В предписании губернатору Куракин предварил предположения Канкрина ссылкой на «Высочайшее повеление» и сопроводил предложение воспользоваться «ими, как по всему и частным описать» характерной оговоркой: поколику они при ближайшем соображении вами местных обстоятельств могут быть приведены в действие.

Не более, как через неделю по получении рескрипта, 25 января в Ярославле под председательством губернатора составилось собрание из предводителей: губернского—Майкова, и уездных—Рыбинского кн. Ухтомского и Романовского секунд-майора Шушинского; заслушав рескрипт и предположения Канкрина, оно приняло и текст «Положения». Журнал этого собрания 27 числа был почтительнейше представлен министру вн. дел с уведомлением, что о приведении Положения сего в действие зависящее распоряжение (уже) сделано. О том, как быстро после этого распоряжения механизм опеки был приведен в действие, можно судить по тому, что уже 2 февраля назначенные к тому опекуны побывали в Романовской усадьбе Власьева и вступили там в свои обязанности. Между тем всеподданнейший доклад министра о «Положении» состоялся только 9 марта и составлен был в таких выражениях, как будто «Положение» еще не было приведено в действие и ждало своего утверждения. Куракин высказался, напр. о Положении относительно деревень Бабарыкиных, что оно может быть утверждено и приведено в действие, и создавал этим в кабинете Императора странный юридический казус. Но этот последний должен был повести—и как увидим, повел—к практическим затруднениям применительно к крестьянам Власьева. Положение о них Куракин предлагал тоже утвердить, но одновременно предписать губернатору войти в ближайшее рассмотрение двух существеннейших пунктов: о взятых помещиком во двор в личное услужение крестьянах и о крестьянах, „бессменно" работавших при новой усадьбе помещика в 70 верстах от своих деревень, которых—и тех и других— Положение предписывало вернуть на места их жительства, и буде они действительно надобны помещику в доме и для благоустройства усадьбы, то первых оставить во дворе, а „заведение" вторых постоянно поддерживать в усадьбе, переменяя личный состав [4]). На сей раз доклад был целиком Высочайше апробован, а 12 марта Александр подписал соответствующего содержания рескрипт [5]).

Не может быть сомнения, что Власьев не примирился с январским решением его дела и вероятно приступил к хлопотам, не теряя времени. Но с обращением к милости монарха, с подачею всеподданнейшей просьбы он основательно повременил. По крайней мере только 31 мая стало известно о существовании такой просьбы Ярославскому губернатору. В этот день он получил требование министра юстиции кн. П. В. Лопухина, которому „Высочайше повелено было ее рассмотреть",—представить сведения, „по каким причинам и предписаниям поступило в опеку имение Власьева". 16 июня губернатор отправил Лопухину обстоятельную записку о произведенном следствии и двух рескриптах, которыми руководствовался.

[1]) И как бы в подкрепление своего предложения (и умолчания?) тут же приложил: „или самая мера быть принята с отдачею в опеку имения помещика Салтыкова Ярославской губернии". Т. е. составление положения на месте.

[2]) Как бы в ответ Куракину на то, что они недостаточны.

[3]) Приведены в той форме, как они изложены были во всеподданнейшем докладе 29 декабря.

[4]) Возможно, что именно здесь отражение попыток Власьева хлопотать о пересмотре его дела. См. ниже.

[5]) И начинавшийся [illegible] словами: „министр внутренних дел представил на усмотрение [illegible] предводителями дворянства составленные. Далее в тексте [illegible] в [illegible] рескрипт [illegible] „Положение" [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Александр [illegible]

вался при наложении опеки, а Куракину сообщил о том в частном письме. Почти три месяца прошло с того дня (24 марта), как заменивший Голицына вице-губернатор кн. Урусов, во всеподданнейшем рапорте о получении рескрипта 12 марта, писал, что он «не уклонит войти с дворянским предводителем в ближайшее соображение» об известных двух пунктах и «высочайшую волю исполнит неупустительно»: но только 15 июня, очевидно, под впечатлением запроса министра юстиции, составилось вторичное собрание предводителей под председательством Голицына и «разсудило» постановить дополнительные к «прежнему своему Положению» статьи, числом 19. О настроении и, так сказать, правовом самочувствии «собрания» можно судить по тому, что в первых двух статьях—по известным двум пунктам—оно признавало количество дворовых людей [1]) достаточным для помещика, а наличность новой усадьбы, к которой нужны были бы какие-нибудь особые работы, по-просту отрицало; а в заключительной статье постановило: «**предоставить** г. гражданскому губернатору о приведении положения сего в **должное** исполнение сделать зависящее распоряжение; а между тем **копию** с него **для сведения** препроводить к г. министру внутренних дел» [2]). В копии журнал «собрания» и поступил в министерство 24 июня.

«Записка» об этом дополнительном Положении, приготовленная в министерстве для всеподданнейшего доклада в августе (до 15 числа), предлагая одобрить новые статьи, так и гласила: что раз они «приведены уже в исполнение, то остается только предписать ярославскому губернатору, чтобы опека сими уже постановлениями руководствовалась и без представления начальству не делала в нем никаких перемен, и не вводила ничего нового, а испрашивала бы через него разрешения на то **отсюда** [3]), изъяснив подробно причины, к тому ее побудившие». Но в виду состоявшегося вмешательства в дело министра юстиции, пришлось поставить государю вопрос (15 августа), не спестись ли с министром юстиции о совместном рассмотрении дополнительных статей; на что последовала резолюция: «спестись»—и дело опять потерпело оттяжку. 27 августа Куракин обратился к Лопухину с предложением «купно» с ним «заняться рассмотрением сего дела» (как можно понять—дела о дополнительном положении только). Лопухин в таком именно смысле и ответил, что его «производство» по «прошению» Власьева касалось «уничтожения опеки, а не управления имением», и что по всеподданнейшему докладу его 8 августа просителю в удовлетворении уже отказано и «тем все производство» у него кончено. И участие в деле Лопухин принять отказался. Только тогда вышеупомянутая «записка» была доложена 14 сентября Александру с указанием, что «дополнительное положение», относящееся «к обоюдным пользам помещика и крестьян», может быть приведено в исполнение. На докладе пометка: «Его Императорскому Величеству докладывано». Через 2 недели (28 сентября), и не министр, а товарищ министра вн. дел сообщил о том ярославскому губернатору совсем кратко, что дополнительное положение «было представлено на усмотрение Е. И. В-ва», а 7 октября губернатор «донес» министру, что он «известил, о сем ярославское губернское правление. Таким образом «доведение до сведения», а не испрашивание «утверждения», и не уведомление об апробации, а сообщение, что «до сведения доведено»—такова четкая формула этой последней стадии нашего процесса.

Мы остановились так подробно на его описании не только потому, что до сих пор формальная сторона такого процесса оставалась нам неизвестною, а живые подробности его не лишены интереса, но и потому, что судить о нем, как видим, по общим законоположениям XVIII и XIX стол. было бы прямо ошибкою: перед нами какое-то промежуточное звено с невыработанными в прошлом и не целиком признанными в будущем чертами, один из прецедентов, который ищет опоры не в законе, а в таком же случае, ему предшествовавшем. «Жестокое истязание», которым грозил закон Петра В., не определяя апелляционного порядка, в защиту подозреваемого расточителя от «коварства» местных властей, возродилось в форме включения в процесс особо доверенного чиновника по выбору Императора, бравшего на себя роль гарантии справедливости и одновременно решающей и апелляционной инстанции. Рядовые и будничные фигуры Бабарыкиных и Власьевых попадали в поле зрения верховной власти по исключительности результатов их хозяйственной деятельности; чем более эти последние грозили принять характер бытового явления, в котором хозяйственная неудача или бюджетная незязка ожесточала помещика, а жестокое обращение, срывая досаду, еще больше подрывало хозяйство, тем более являлось необходимым придать процессуальной стороне дела жесткую форму и не вовлекать верховную власть во все эпизоды явления в качестве незаменимого участника про-

[1]) „Дворовых" по ревизии, а не крестьян, взятых во двор.

[2]) Курсив наш. В первый раз, в январе, был представлен подлинник за своеручными подписями. В заседании 15 июня было заслушано подробное донесение опекунов вотчины Власьева.

[3]) Подчеркнуто нами.

цесса, поставив на его место авторитетное учреждение [1]). Шаг за шагом в нашем процессе накапливался материал о соотносительной хронологии, топографии и происхождении которого наше описание не оставляет сомнений. Сейчас увидим, что может он дать для реконструкции хозяйственного быта крепостных вотчин, взятых в опеку. Удобнее к каждой из них присмотреться особо.

II.

Крепостные девиц Бабарыкиных.

Девицы Анна, Александра и Марья Бабарыкины владели своими крестьянами очень недолго, едва два года, когда стряслась над ними беда. Отец их, капитан Алексей Бабарыкин, умер в 1806 г., оставив им свою единственную вотчину в 54 ревизских души в Рыбинском уезде, по общему признанию в полном порядке. В четырех деревнях—Афанасове, Карпове, Гремячеве и Пустынниках—за ним числилось без малого 200 десятин земли на круг: пахотной, покосной и прочей. Усадьбы он там не поддерживал, и последние лет 15 собственной запашки не имел, в хозяйственный распорядок имения не вникал вовсе и, проживая в Москве, довольствовался оброком [2]). При общей цифре в 600 р. в год, оброк исчислялся по 25 р. с каждого из 24 тягол [3]). Доходной статьей, сверх того, были три мельницы, и единственная натуральная повинность крестьян состояла в ремонте плотин весною, примерно три дня тягла. «Зато» они пользовались всею землею и, как правило, все ходили на промыслы. То были «люди торговые» и, по общему отзыву, «порядочного поведения». После смерти капитана, вотчина перешла в опекунство московского сенатора Бабарыкина, дяди осиротевших «девиц», и при нем сохранился прежний порядок. Но опекунство дяди кончилось по истечении года, и в управление вотчины вступили наследницы. Непривычное их управление, как выразился на своем очень точном и сдержанном языке Канкрин, оказалось не только «разорительно» для крестьянского хозяйства и к концу второго земледельческого сезона довело их до «изнурения»: оно в корень изменило весь хозяйственный уклад вотчины.

Сестры пожелали во-первых разделиться, во-вторых—завести свое собственное земледельческое хозяйство. Девице Анне при этом досталась д. Карпово и часть земли в с. Афанасове, Марье—другая часть в Афанасове и д. Пустынники, Александре же д. Гремячево. Переселяться совсем на житье туда они не предполагали, но и Москва, видимо, стала им без отца не по средствам, и сестры перекочевали в Ярославль, поближе к своей хозяйственной базе. Смерть отца застала их в такой период, когда каждой из них надо было подумать и уметь ответить, сколько чего за ней числится; но именно поэтому приходилось держаться «друг за друга, жить одним домом: три сестры в нем все же составляли семью, и он продолжал почитаться семейным. В такой комбинации первое всего становилась забота о том, чтобы он был и открытым. За этим делом наших трех сестер и застигло расследование. Сельской резиденцией, пока для наездов, сестры избрали себе с. Афанасово. Там был отстроен один общий дом, деревянный, и возводились службы, едва ли не особые для каждой. По управление крестьянами было четко разделено, и следствию пришлось иметь дело с тремя «вотчинными управителями». Делились крестьянами строго поровну, как и землею. Д. Карпово была населена гуще, а Пустынники имели всего одного тяглеца: поэтому часть карповских крестьян при разделе переселена была в Пустынники. Помещицы при этом сразу же обнаружили нетерпение завести себе каждая собственную «управку», а также собственный, громко выражаясь, дворовый штат. От прежнего определенного оброка они отказались решительно и круто повернули крестьян на барщину во всех ее видах. Но, отменяя «окладные» сборы, они тотчас же вынуждены были перейти на систему «нескладных» и, не успев создать системы, породили хаос, в котором следствие различило только стремление сорвать с крестьянина еще и еще что-нибудь, пока казалось, что взято еще не все,—и притом «не приобретая себе никакой пользы». И объяснило это «корыстолюбием и неопытностью помещиц». В показаниях крестьян можно подобрать признаки того, что хозяйственная энергия девиц Бабарыкиных мало имела общего и со вкусом к хозяйству, во всех ему присущих подробностях, и сопровождалась раздражающим сознанием, что действует в стане врагов. Один молодой крестьянин, взятый в

---

[1]) Уже с 1817 г. последнею инстанцией был назначен Сенат. См. о дальнейших уклонах по этому вопросу Романовича-Славатинского. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев 1912 г., изд. 2-е, стр. 357 сл.

[2]) «Сначала» он насадил крестьян «на неделье», барщину, и они были «до крайности изнурены», «но увидев безполезность сего хозяйства», перевел всех крестьян на оброк. Показ. крестьянина д. Карпово, Вас. Игнатьева.

[3]) Вощов (супружеств).

барский дом и исправлявший некоторое время лакейскую должность в Москве и Ярославле рассказывал по возвращении, что помещицы сами бьют людей палками, и если кто, будучи послан за поленом, принесет тонкую четвертинку, того за то бьют; а тех же крестьян, прибывших из своих вотчин, бьют их, говоря: «вы чего не выкупаетесь и на волю нейдете». К тому же и держали их там впроголодь: «иногда давали хлеба, иногда денег одни гроши на два дня, и он более кормился от добрых людей». Однако, незадолго до его отъезда стали давать «месячину провианта 1 пуд муки на человека». Или еще: кучер, везший девицу Александру из Афанасьева, по старости лет и слабости рук не удержал лошадей и выворотил ее на дроги на повороте; немедленно оказалось, что она стала жертвой интриги всех господских крестьян, за что все они, мужеска и женска пола, были наказаны палками от 50 до 80 ударов «на сточку». Девица Анна «мужчин еще не наказывала никого»; зато женщины всех тягол раз были жестоко наказаны розгами поодиночке за худое качество представленного полотна (в числе наказанных были мать управителя его, вдова, старуха за 60 лет, и жена, которую наказали в один день в два приема; управитель многозначительно прибавил, что «оно случилось в отсутствие его»). Разница между сестрами была в том, что Александра чуяла опасность, но, как увидим, не останавливалась перед чем, даже готовая [illegible]; Анна в этом отношении была несколько осторожнее, а Марья не обнаруживала [illegible] совсем, но в основном хозяйственном приеме следовала старшим сестрам. А так как суть всей ситуации создавалась именно этим приемом, то во всех стадиях производства младшую сестру не отличали от двух старших, а предводитель дворянства Аксаков, напр., так и начал свое донесение: что все они три «были злонравны», и т. д. Посмотрим, как, в самом деле, отразился этот прием, перевод с оброка на барщину крестьян одной из самых «оброчных» [1] губерний, на крестьянских хозяйствах Бабарыкинской вотчины.

Его действие приобретало особенную силу и разрушительную быстроту оттого, что ему предшествовало расчленение вотчины совершенно ничтожных размеров на три дальше уже никак неделимые части. Сельцо Афанасово, надо думать, исстари было не только владельческой резиденцией, а и местом крестьянского поселения; но последние помещицы поспешили уничтожить до основания, крестьян выведя, а постройки пустив или в разбор на материал для барских служб или на слом на дрова. И тянувшие к селу три деревеньки приняли исключительно на свои плечи содержание каждая своего владельца. В дальнейшем дроблении единицей становился бы уже двор, и мы не различали бы его вотчинного владельца от не то захребетника, не то пенсионера, а то и просто нахлебника. Но и теперь во всех трех деревнях оставалось всего только 11 дворов, а в них 15 тягол, мужского пола душ всех возрастов 29 и взрослых (от 15 лет) 17. Мы видели, что лет двадцать назад за отцом трех сестер было записано (V ревизией) 32 м. п. души, а в минуту смерти его доход с вотчины исчислялся с 24 тягол. Значит, мы присутствуем при катастрофическом уменьшении земледельческого населения вотчины: хозяйничанье новых помещиц обошлось ей — в 38% ее мускульной силы и государству — в 16% ее если не платежеспособности сейчас, то податного значения при следующей ревизии. Достигнут такой удивительный результат был разными способами: переводом «людей» на барский двор для личных услуг и для «отлучения», променою и даже продажею. Именно в этом случае наибольшую инициативу проявила девица Марья: троих она взяла для услуги, двоих с тем, чтобы сейчас же получить с них 170 р. оброку, выслав на промыслы (в этом и заключалось «отлучение» их от земли, особый вид «обезземеливания»), двоих продала и одного отдала в рекруты [2]. О двух других сестрах наши сведения не так точны, но известно, что каждая из них для личных услуг ограничилась двумя душами м. п., зато девица Александра «отлучила» на заработки троих, переведя их, как и Марья, во двор предварительно, а девица Анна не отдавала в рекруты и не «продавала» в чужое хозяйство, а «переменяла на рекруты» своих крестьян.

Следя за такими операциями, можно догадываться об одной подробности, наиболее ими руководившей: барщинная способность деревень обессиливалась переводом во двор не столько для непосредственного удовлетворения прихоти окружить себя многочисленным штатом прислуги, сколько для быстрейшего извлечения денежного капитала на развитие самого хозяйства. При

[1] По количеству % оброчных крестьян Ярославская губ. в середине XIX ст. стояла на первом месте (90,87%), во второй половине XVIII ст. — на четвертом (78%). См. Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», изд. 2-е, стр. 49.

[2] Отдача в рекруты, несмотря на все формальные признаки натуральной государственной повинности, имела и свою экономическую природу. Ее можно было избегнуть, купив рекрутскую квитанцию на деньги, собранные с крестьян. Но ее можно было использовать, обратив в доход: собрать произвольную сумму с крестьян на „подъем“ рекрута. В данном случае в рекруты отдан был сын, а отец его был взят во двор, но по непригодности был отослан в Москву для прокормления [illegible], дом же его был сломан на дрова. — В результате и получилось у д. Марьи 10 наличных м. п. душ вместо 19 по ревизии.

случае, как знаем, помещица и дочь были [illegible] именно девочки на выкуп, и не прошло и двух лет, как две из них «особо» прикупили себе по 15 десятин [illegible]. Прикуп имел тот смысл, что мог стать одной из исходных точек будущего собственного хозяйства. Пахотная земля была крайне истощена и [illegible]. [illegible] крестьяне [illegible] с мыслью на истощение [illegible] высевать. [illegible] помещика о скотном дворе и хозяйстве [illegible] заметно [illegible] крестьянскому [illegible]. [illegible] лишь склонности [illegible] земледельческого хозяйства. [illegible] расследованием о крестьянском хозяйстве, чтобы [illegible].

В самом деле, эти данные не оставляют [illegible] сомнения в том, что [illegible] далеко не главным [illegible] крестьян [illegible] в тот год, когда вотчина попала в опеку, крестьянам трех деревень было [illegible] четвертей ржи. При 58 едоках и при урожае сам-5 можно было считать, что на едока приходится около 9 пудов, т. е. половина потребительной нормы [1]. В один голос крестьяне показывали, отвечая на вопрос, сколько у них в запасе ржи, и [illegible] что хватит [illegible] до Рождества или до 1 февраля, как-раз исходя из [illegible] 18 пудовой потребительной нормы на едока. Из показаний [illegible] известно, что девица Марья отделила себе половину земли, Анна — одну треть, Александра же позаботилась выбрать себе уже перед снятием урожая лучшие полосы и собрала таким образом 11 овинов ржи [illegible] крестьянам [2]. Значит при отце помещиц, в лучшую пору, земледелие обеспечивало [illegible] трем деревням потребительную хлебную норму только-только и не считая семян на посев. При этом количество лошадей удовлетворяло хозяйственной потребности тоже в обрез, [illegible] со вступлением сестер во владение, непременно их было 14 на 15 тягол в 11 дворах, а [illegible] двора без лошади. [illegible] картина с молочным скотом. [illegible] коров оставалось [illegible] 58 человек в 11 дворах всего 9, причем одна из них была [illegible] в долг у купца для ребенка, и в 3 дворах их не было вовсе, а телят зарегистрировано только 2. Для карповских крестьян имеем здесь результат, прямо катастрофический, новых хозяйственных приемов помещицы. Среднее отношение количества коров и едоков для карповских складывалось сравнительно [illegible] приятно: 1 : 5 вместо 1 : 6 и 1 : 9. Но еще летом, всего несколько месяцев [illegible], было 8 коров [3], а к концу ноября оставалось 4 (что при 20 едоках и дало указанное отношение). Карповский кр. Василий [illegible] на дворе которого на 3 тягла считалось 2 коровы, при опросе заметил с досадой, прежде было коров по 3 на тягло, а ныне и по одной не приходит» (т. е. не приходится). И в Гремячеве у строгой девицы Александры заметно нечто подобное. У кр. Федота Тиханова не осталось коровы, потому что «она продана, когда его [illegible] для отдачи в рекруты», а староста Емельян Николаев, обладатель одной коровы, заметил, что у него прежде двор был наполнен скотом». Уже летом во всем Гремячеве оставались две коровы на 19 человек, что найдены были и в ноябре того уже губ. стряпчим Маниным [illegible] от крестьян, что прежде было их больше, но распроданы для платежа долгов. [illegible] и в прежнее время размеры крестьянского скотоводства были столь значительны, чтобы превысить удовлетворение натуральных потребностей крестьянской семьи и составить регулярную статью денежного оборота деревни. Прибавим, что у нас нет улик, чтобы сестры, вводя натуральное обложение, посягнули на продукт или приплод крестьянского скота [illegible] приходится думать. [illegible] давлением [illegible] со смертью старика Сабарыкина.

Показания крестьян и управителей устанавливают только, что [illegible] «порядочно», «хорошо», «не бедно»: инвентарь, [illegible] и прочее [illegible] сохранились во всех дворах чаще в «порядочном» [illegible] редко (в [illegible] случаях) в [illegible] состоянии; дворы тоже ни разу не показаны «ветхими», а аттестованы как «хорошие», «порядочные», «изрядные» — [illegible] обыкновенные. Если принять во внимание, что [illegible] была маленькая [illegible] вода, и в большинстве случаев крестьяне [illegible] покупкою, то и поддержание двора [illegible] состояние [illegible] на денежную часть бюджета крестьян. [illegible] сейчас обстояло [illegible] хуже. [illegible] крестьяне держали овец, и [illegible] гардероб для деревни не являлся проблемою. [illegible] девицы Анны сохранили еще [illegible] овец, а [illegible] отобрала их всех [illegible]. [illegible]

1) Ср. Огановский Н. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов. 1911 г. Стр. 126. Наш источник решительно подтверждает эту норму.

2) Зато и крестьяне ее соответственно этому [illegible] своим хлебом [illegible] до середины декабря только.

3) Цифра точно — по дворам: 3+3+2 — указанная губ. стряпчим Маниным.

карповские первые приступили к продаже зимнего платья, «частью износили, а с оставшегося частью изворачиваются с нуждою». О прочих известно только, что этот предмет прежде был «порядочным», а «ныне выводится» и «изворачиваются еще прежним». Надо думать, что при всем том он и в прежнее время мог не стоить крестьянам ни копейки.

Таким образом нет никаких оснований предполагать, что такое крестьянское хозяйство, при самых скромных его потребностях, могло и при прежнем управлении вотчиною держаться на своем уровне без притока денежных средств извне. А повинности, ложившиеся на него в денежной форме, делали приток этот первостепенной проблемой. Не считая рекрутской, тягло повинно было ежегодно иметь на готове и в срок внести: помещичьего оброка 25 р., подушных и земских сборов—(по 3 р. с р. д.) 6 р. 62 к.—32 р. 62 к.[1]). И «отхожий промысел» в нашей вотчине действительно играл виднейшую роль, поддерживая добрую половину бюджета. Поголовно все крестьяне хозяева уходили на промысел, преимущественно «в маркитантах» в Москву, Ярославль, Моршанск и др. города, один работал по мельницам, один «сидел сидельцем в лавочке в Санкпетербурге», один «ходил в крючниках» и промышлял извозом около Рыбинска, один был десятником на Свежем дворе в Ярославле и «за паспорты», сверх оброка, владельцу не платили ничего.

Помещицы напали одновременно и на бюджет и на основной капитал так построенного хозяйства.

Оно прежде всего почувствовало на себе уменьшение количества тягол при взносе государственных сборов: прибавка на тягло получилась в 4 руб. подушных и земских денег и 13 р.[2]) за рекрута, всего 17 р. Во-вторых, хозяину тягла предстояло купить на рынке то количество ржи, которое переходило в амбары помещиц вслед за введением владельческой запашки на, примерно, половине крестьянского поля: на 4 едоков ок. 4 четвертей = 12 руб. Ограничиваясь только этими цифрами, можно заметить, что денежный расход тягольца возрастал, самое меньшее, на 50%. При этом все тяглецы были повернуты на барщину без ограничения ее временем: в Карпове «летом сколь ходили на барскую работу, а для собственной оставались почти одни праздники или то время, которое выигрывали, вставая поранее и работая ночью», в Гремячеве ходили, кроме того, «и по воскресным дням», в Пустынниках — почти «ежедневно». Только с 20 июля 1808 г. все три сестры определили 4 дня работать на помещиц и 2 дня на себя, как полагали крестьяне, потому, что порядки вотчины получили огласку. Зимою наступала возка дров, частые посылки в Ярославль[3]), доставка навоза, стройка скотных дворов и сенных амбаров: раз возили девицу Анну в Москву и пробыли в дороге с лошадьми 4 недели, что «стало» им 60 рублей. Среди всех этих зимних оказий поездки на промысел из первостепенного, даже единственного источника денежного оборота хозяйства обращались в совершенную случайность, зависящую от разрешения помещицы. Здесь то и обнаруживалось, что отмена прежнего оброка была не только фикцией, а разрешение, когда давалось, должно было оплачиваться не в 25 р., как было, в сущности прежде, а дороже. Одна девица Марья не последовала по этому соблазнительному пути, как думали, потому, что крестьяне ее только недавно перебрались в Пустынники и даже не все достроили дворы свои. Но и у ней на вторую зиму еще не было об'явлено, будет ли разрешение. Девица Анна первую зиму дозволила отлучиться, но, напр., старосте обошлось это 72 руб.: 40 р. были взяты с него при от'езде, а только он уехал, жена его была «вынуждена» заплатить еще 32 руб. На вторую зиму ему велено было оставаться в деревне (навоз возить) и неожиданно приказано собрать с карповских 300 р. «оброку» по раскладке, т. е. уже 60 р. с тягла. В Гремячеве у Александры четверо тяглецов были отпущены за плату по 30 р. с человека[4]): только мельник естественно был оставлен на мельнице, приносившей доходу 650 р. Старосте было поручено «сыскать» для 2. взятых во двор работников такие места в Рыбинске, где бы можно было получать по 100 р.: ему удалось найти места у купцов за 75 р. в год. Староста потерпел должное наказание «за нестарательность»: у

---

[1]) Если принять, что четверть ржи стоила тогда не дешевле 3 р., то крестьянское тягло отдавало бы ежегодно 11 четв. ржи, немногим более, чем потребляли сами те 4 едока, которые, в нашем случае в среднем, заключались в 1 тягле. Ср. Струве «Крепостное хозяйство». М. 1913, Стр. 111 сл; Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». М. 1916, стр. 80; Огановский, Указ. соч., стр. 233.—Уже при сестрах, девица Марья оценила рекрута, поставленного из ее крестьян, в 536 р. Если принять эту цифру за обычную, то на тягло при кап. Бабарыкине рекрутчина падала в размере 22 р. с небольшим в каждый набор.

[2]) 13 р. от уменьшения числа тягол и 8 р. «за столовый запас для рекрута»; тогда прибавка равнялась бы 25 р., т. е. отмена оброка, в его прежней форме, прошла бы незамеченной плательщиком.

[3]) Иногда такая посылка обходилась крестьянину 15 руб.

[4]) Одному из них это обошлось 42 р., но, как можно догадаться, потому лишь, что вперед он сумел дать только 12 р. При возвращении за тягло взято с него 30 р.

него была отобрана «в штраф» корова (другая осталась во дворе), а потом был дан ему теленок. Между тем крестьяне совсем изготовились ехать по прежней цене и даже наняли для очередной постройки господского амбара сторонних людей по 25 р. человеку; однако, отпущены не были: только старосте с сыном было предложено ехать, по уже по 50 р. с человека, и ему самому пришлось отказаться.

Немудрено, что над крестьянским хозяйством, так сжатым в тиски, навис призрак смерти. А о вотчине изобретательных трех сестер пошли нехорошие слухи. Особенно старалась девица Александра. Всякое тягло обложено с появлением помещиц некоторым количеством т. назыв. «припасов». В каждой деревне ассортимент их не был одинаков: в Пустынниках тягло («или баба») давала 15 аршин новин [1]), 2 мотка ниток, 150 шт. яиц из-под розданных бабам на прокормление 3-х на каждую кур и—в этом сказалась индивидуальность девицы Марьи—1 тетерева и ягод «брусничных» [1]/2 четверика; в Карпове, отличавшемся большим благосостоянием, девица Анна брала столько же новин, ниток одним мотком больше, тоже 150 шт. яиц, только из-под крестьянских кур, и 10 цыплят, а тетеревами и брусникою не интересовалась, притом брала и лишнее: как то раз в наказание забрала с тягла от 2 до 4 кусков новин, около 20 аршин каждый; а Александра ничего, кроме 25 арш. новин, не пожелала точно определить, а просто «перебрала» в один год всех «куриц» и по 1 овце с тягла: зато на другой год «ничего подобного», как и овец у крестьян, разумеется, ни одной не «нашла» (как не обнаружило их и расследование) и роздала бабам «на прядение для госпожи» по 4 ф. их же собственной шерсти. Мы только-что видели, как она же «меняла» своих телят на крестьянских коров. А вот и прямая «конфискация» с «выселением»: мельник ее разсказывал—«сперва как госпожа приехала из Москвы, отобрала у него 2 коровы и оба засеянные поля и выслала его из Афанасова в Гремячево, отчего он по миру ходил, а после подарила ему воз сена», и так и жил он теперь в чужом доле, проданном бывшим хозяином «посторонему человеку», но еще не «отданном»:—«у сего же дома двор весь разломан —прибавил мельник [2]).—При просмотре «ведомости» обращает на себя внимание одно крестьянское хозяйство в Гремячеве: в нем не показано, сколько чего высеяно тяглецом, и сказано, что, «ничего не сеял», потому что «в железах находился в Афанасове при плотничьей работе». Это краткая история. Причина ему была та, что нынче весною, когда все крестьяне были наказаны [3]), он Федот Тиханов—«будучи старостой отзывался, что более сечь не может потому, что у него руки болят. Барыня, сказав, что он зачинщик бунта, запечатала двор его и брала все семейство в Афанасово: здесь не давала ему хлеба и дать не велела, а когда родственники приносили пищу, то, если только заметила горшки, велела разбить и отдать пищу собакам, а прежде сего требовала за штраф 100 рублей, коих он не мог платить. Около Ильина дни [4]) воротили его в дом его и возвратили ему имущество, исключая малую часть, которая, может быть, растерялась. После чего отправлен в Ярославль для отдачи в рекруты, где однако по слабости в груди и за кашлем не принят, а выбрили ему затылок». На поверку все крестьяне и некоторые бабы были допрошены поодиночке, и показали: «что били друг друга и что в помощь были призваны Пустынинские мужики» и подтвердили его разсказ во всех подробностях, прибавя и известный нам случай с лакеем и поленами.

До бунта, как видим, дело не дошло, хотя подобные аллюры в обращении с «маркитантами» и «сидельцами» петербургских лавочек были, вероятно, рискованнее, чем с исстаринными барщинниками. Следствие не придало веры показанию старосты, что Тиханов «только утчиво просил» освободить его от истязания других, и квалифицировало их поступок, как «ослушание». Но и про девицу Александру выразилось, что та сама «подала притчину тою неосторожностью, что наказала вдруг целую вотчину, не потребовав помощи земского суда». Остается пожалеть, что последний не был вовлечен в дела нашей вотчины: может быть хоть его показания внесли бы диссонанс или по существу новую черточку в разобранный нами простейший случай патологии именно экономического сознания, которое, видимо, у всех трех сестер стояло на одном уровне, в такой «вотчины», смысл существования которой, еще до того, как она стала объектом такого сознания и направленной им энергии,—был экономически же совсем призрачным, а формальная юридическая сторона этого существования способна была породить описанную в нашем деле ситуацию.

[1]) Тонкое полотно.

[2]) При показании укоризненное примечание допрашивавшего: «заметить должно, что без коровы жене Григория Васильева трудно воспитывать грудного ее сына, тем более что она сама не зрелых лет».

[3]) То самое печальное происшествие с дрожками и кучером.

[4]) Все тот же день 20 июля 1808 г., когда помещицы стали одумываться и в вопросе о барщине.

И дело было на столько просто и ясно, признаки того, что плательщики государственных податей через месяц-другой [illegible], поголовно пойдут [illegible], настолько очевидно, что все подробности его ликвидации в пределах господского права не вызывали спора и колебаний. Помещицы были устранены от «неприличного» управления и прежний распорядок вотчины целиком восстановлен. Восстановлен он был, если взглянуть на него с точки зрения крестьян: размер оброка формулирован в рескрипте так, что оставшиеся крестьянские тягла, действительно, продолжали бы платить прежний оклад в 25 руб. с тягла. Для помещиц оно обернулось так, что, по их же вине, 25 р. множилось не на 24, а на 15 тягол и вместо 600 р. на троих приходилось 375 р. Правда, у каждой из них оставалось еще по 650 р. дохода с мельницы. Но эти две твердые, не подлежавшие изменению цифры, должны были несколько уменьшиться, потому что за счет помещиц указано было восстановить все разрушения и убытки, причиненные крестьянам в эти два года. Об этом особо упоминать не было. Но в конце известной XVI главы Екатерининского учреждения о губерниях значилось точно, что опекунам дозволяется взять за труды» себе 5% ежегодно с дохода подопечных. Существеннее было другое: при твердой цифре дохода в рублях, наши сестры становились в ближайшие годы жертвою катастрофического падения курса рубля, к 1816 году достигавшего до 25 коп. без малого.

С вотчиной [illegible] Власьева дело, при ближайшем рассмотрении, оказалось сложнее.

III.

Крестьяне колл. асессора Власьева.

Как бы ценны размеры и формы, в какие вылилась хозяйственная энергия сестер Бабарыкиных, ее порыв сам по себе не был лишь «случайным» эпизодом в их биографии, а в жизни вотчины настали «новые времена» не только потому, что в управление ею вступил новый владелец. Если бы судьбе угодно было продлить дни покойного капитана года на три-четыре, он не только сделался бы свидетелем «позора» и «унижения» России, принявшей в Тильзите союз с Бонапартом, но, пережив его, скоро почувствовал бы некоторые его последствия на своем городском бюджете [1]). И вопрос о доходности описанной вотчины стал бы перед ним в решительной форме. Должно-быть, капитан не повторил бы опыта, кончившегося, как известно, лет 15 тому назад полною неудачей, и барщины бы не ввел: но оброк бы увеличил наверное. Наш «маленький случай», таким образом, нашел бы свое об'яснение в условиях «мировой кон'юнктуры».

Порядки, застигнутые расследованием Канкрина в вотчине колл. асс. Власьева и раскрывающиеся в наших документах со всею подробностью, с этой кон'юнктурой, повидимому, не имели ничего общего. Они, во-первых, имели за собою 15-летнюю давность: так совпало, что Власьев вступал во владение своей рыбинской вотчиной как-раз тогда, когда Бабарыкин производил свой первый хозяйственный опыт. Они, во-вторых, не обнаруживали и тени предпринимательства, которое было бы направлено на эксплуатацию этой именно вотчины. А предприимчивость, жертвою которой сделались его рыбинские крестьяне, получает свое исчерпывающие об'яснение в общем мнении соседей, принятом и Канкриным, что ее «причиной» были: «долги его, роскошный образ жизни, заведение вновь обширной усадьбы и великое число дворовых людей, на оной без соразмерной пользы живущих»; на долги же ссылался в официальных своих «об'яснениях» и сам Власьев; розыском его кредиторов с первых же дней озабочены были и опекуны, назначенные Ярославской опекой. Между тем поле для предпринимательства было, как увидим, обширное, и именно общая кон'юнктура складывалась в этом смысле благоприятно.

Бабарыкинская вотчина прошла перед нами обе формы, какие принимало вообще крепостное хозяйство: сначала оброчную, затем барщинную, каждый раз в чистом их виде. На территории Власьевской вотчины имеем смешанный тип, только в состоянии некоторого неустойчивого равновесия с значительным—и побеждающим на наших глазах—преобладанием первой из них, оброчной. В количественном же отношении оба наши примера—на двух противоположных концах одной скалы. Сестры Бабарыкины принадлежали к той группе мелких землевладельцев, которая числила в себе более $1/2$ всех дворян-владельцев первой половины XIX столетия; зато крестьяне

---

[1]) Как-раз с 1807 года курс ассигнационного рубля, чуть-чуть приспускавшийся начиная с 1804 г., устремился книзу быстрыми и правильными скачками; только в 1815 г. падение его остановилось, и рубль медленно повернул назад, но к 1807 г. так никогда больше и не вернулся. Напомним цифры стоимости асс. рубля в серебр. коп.: 1800 г.—65 коп., 1803 г.—80 к., 1805 г.—76 коп., 1806 г.—75 коп., *1807 г.*—67 коп., 1808 г.—53 коп., 1809 г.—44 коп., 1810 г.—30 коп., 1811 г.—25 коп., *1815 г.*—23 коп., 1816 г.—24,75 коп., *1839 г.*—28,5 коп.

обслуживавшие такое миниатюрное хозяйство, были редкостью и составляли, как [illegible] около 5% всего крепостного его населения. Наоборот, крестьяне Власьевской вотчины, [illegible] к категории, обнимавшей тогда более 25% крепостных, но сам Власьев, как [illegible] разновидность дворянства, относительно — еще большая редкость, чем среди крепостных [illegible] чие крестьяне таких, как он, в дворянстве той же эпохи насчитывают не более 1%. В [illegible] ном случае имеем дело с крупным владельцем крупной вотчины 1). [illegible] и с другой не стоит и заводить речь о быте и труде ее населения.

Владения Михаила Сергеевича Власьева 2) раскидывались по 7 уездам Ярославской губернии: за ним считалось в Романовском уезде 257 рев. душ, в Ярославском уезде 276 рев. душ, Рыбинском — 247, Ростовском — 21, Мологском — [illegible], Пошехонском — 13 и Даниловском — [illegible], а всего 1084 р. душ 3). Но это не все: за ним были вотчинные владения и в Костромской губ., по крайней мере, в одной из его усадеб Ярославской губ. жили 4 крестьянина, переведенные им из Костромской губ. Компактностью не отличались так разбросанные вотчинные души и в пределах своих уездов. Рыбинские крестьяне жаловались на крайнюю чересполосность их земель с угодьями крестьян других владельцев, при чем из 19 деревень этого уезда, где жили Власьевские крестьяне, только 6 были населены ими сплошь, в 13 остальных [illegible] бок о бок с чужими. Сплошную владельческую территорию можно предполагать со всей [illegible] ностью в Романовском уезде, где стояли все три главные усадьбы помещика: [illegible], Петровская и Павлевская. Центром, административным и хозяйственным всего этого конгломерата многочисл. сел и деревень было «сельцо» Иванищи, постоянная резиденция Власьева и его семьи. О размерах этой усадьбы и размахе жизни, которой жила резиденция, легко судить, напр., по количеству «людей», дворовых и взятых во двор с пашни крестьян, составлявших «дворовый штат» Власьевской вотчины. К 33 дворовым мужского пола, значившимся по V ревизии, за лет 12 назад помещик не уставал подбирать подходящих «людей», мужчин и женщин, из всех своих крестьянских «миров»: кроме помянутых выше 4 Костромских, из Рыбинских взято было 16 (не считая 6 девушек) и из всех других вотчин «немалое число». Дом, в котором жили зимою и летом хозяева, был о 69 комнатах; было и несколько флигелей. Всего считалось «печей с голландками и каминами» 85. Отопить все это надобно было 70 куб. саж. долгих дров в месяц, и на 6 месяцев оброчными крестьянами поставлялось не более 420 куб. саж., а однополенных «обыкновенных» дров 1260 саж.—количество, поразившее даже опекунов: по их мнению, 30 взрослых работников тяглецов, одна только [illegible] рубка такого количества дров (без заготовки и раскладки) была «делом невозможным». При чем не все это количество шло на отопление жилых помещений. При доме были превосходно [illegible] ставленные оранжереи. В них было около 300 «плодовитых» деревьев и множество других разных растений и, даже ананасная теплица: «все оное состояло в ведении садовника, ему на помощь и выучку «даны» были в ученики переведенные из крестьян «разных вотчин». Опекунам, как видно, «оранжерея» показалась предметом, требующим «уничтожения», и они решительно открещивались от управления ею, а за одно уж и садом, тем более, что сам садовник сознался, что «в содержании деревьев в настоящем их виде более нельзя [illegible] сам господин его».

Канкрин, желая смягчить личную ответственность Власьева за плохое состояние его крестьян, объяснял изнурение их „из части", т. е. отчасти, тем „предполагаемым обстоятельством", что он „видно не столько входит в управление своих крестьян и все более [illegible] дит через домовую контору". Это не совсем точно. Что Власьев не входил в их быт, за редкими исключениями, не подлежит спору уже просто в виду их численности. Но управление целиком сосредоточивалось в его руках, не говоря уже об инициативе. Самое существование какой-либо „домовой конторы" в с. Иванищах подлежит некоторому сомнению: [illegible].

1) Ср. Огановский, указ. соч., стр. 279. Ярославская губ. отнесена там к „Московскому промышленному району". Имеем в виду цифры, относящиеся к 1835 г.: % владельцев 21 души—53,7, свыше 1 тыс. душ—1; соответствующие % крестьян—5,2 и 25,1.

2) Принадлежал к древнему дворянскому роду, восходившему к началу XVI столетия и с того же времени пустившему корни на территории позднейших Ярославской и Костромской губернии.

3) Тот век вел счет на рев. души. Количество десятин нашим документам осталось неизвестным. Из донесения опекунов видно, что количество десятин они расчитывали установить только при помощи самого Власьева. Пользуясь данными о % соотношении угодий в нашем районе по данным XVIII и XIX столетий, приведенными у Огановского стр. 279, и сопоставляя их с данными о количестве десятин (195), высеваемой ржи (27 четвертей) и скашиваемого сена (670 пудов) по Бабарыкинской вотчине, можно—грубо приблизительно предположить, что, не считая лесных угодий, в Ярославских владениях Власьева было около 5000 десятин.

...хать на время и налегке из усадьбы. Как ключи ко всем секретам хозяйственного управления оказывались не поправимо потерянными, и это решительно заставляло теряться опекунов при первых попытках разобраться в „текущих делах" и „основах" этого управления. Не заметно и особого „управляющего" именем. Его центр и жизнь в Иванинской усадьбе могли замереть временами с отъездом хозяина, и послушные, давние колесики отдельных частей вотчинного механизма продолжали отчетливо работать, собирая оброки и недоимки; старосты (Иванинский, Петровский, Ивлевский, Гибинский, Ярославский и т. д.) и земские писаря подбирались самим хозяином внимательно и отрешались, при случае, бесповоротно и сурово за хозяйственный промах или административное упущение. Все мелочи и подробности исполнения возлагались на старост или бурмистров. Распоряжения и приказы исходили от их непосредственного начальника-барина.

Особенно проявлялась его инициатива, со всею энергией, в устроении прежде всего самой усадьбы. Дело не сводилось к одной „ранжерее" или „плодовитым" деревьям. В тот год и кажется это не первый,—к которому относятся наши документы, там шла какая-то работа по обстройке и украшению усадьбы и парка. Несколько десятков людей под наблюдением самого Власьева и трех старост „делали кирпич, пилили досок, около прудов и насыпки гор и около строения ходили". Работа приняла такие размеры, что округа была уверена, что Власьев возводит новую усадьбу: поставлена она была так круто и контролировалась так мелочно, что до дворянского предводителя Аксакова дошло, что люди копают пруды в нарочитых на шестах железных рогатках, а в соседних деревнях прибавляли, что и „в цепях со стулами". Но кирпичному производству был, напр., положен урок 530 кирпичей „выполнить" в сутки. За невыполнение урока наказание назначал сам „господин"; есть показание одного крестьянина, побывавшего в этой работе и не выполнившего урок: он был наказан „самим господином через какея по обыкновению барина весьма больно".—Но и в сфере сельского хозяйства и даже быта крестьян заметна все та же инициатива. Во время опроса крестьянин, бывший раньше „волостным начальником" (т. е. старостой), предъявил Канкрину несколько „недоимочных реестров". Один из них был подписан „каким-то" Ивановым[1]), но без даты, а другие и вовсе без подписи. Канкрин приписал у себя оговорку о недостаточной внешней достоверности документов, но содержание их записал. Из них видно, что среди других чудовищных требований обращенных к крестьянам, были: крапивного семени, подорожника по 43 п. 15 ф., „рашков", „веников". Нынешний земский писарь прибавил на словах от себя, что тогда „были требованы галки и воробьи с осмака по 100". Последнее замечание способно похоронить все показание, однако же сам Власьев потом об'яснял Канкрину, что „крапивное семя требовал он, потому что считает более выгодным сеять вместо льна крапиву". В полушутке о галках и воробьях, которая, должно быть, не дошла до Власьева и им в «об'яснениях» не опровергалась, не трудно угадать страстного садовода-любителя, увлеченного безграничной верой в организованное массовое начинание по истреблению „плодовитых" „вредителей". Та же потка, но уже явно фальшивая, в другом об'яснении, почему часть сборов положена с крестьян приписью: „чтобы они не пропивали свои продукты" (меж тем, как заведомо крестьяне с его же разрешения платили, вместо продуктов, деньгами по таксе). Это то самое место в „об'яснениях", где Власьев сослался на долги свои.—Или еще. Крестьяне утверждали, что за женитьбу парня помещик взимает 100 р., а староста даже подсчитывал, что 15 таких парней пора женить, но мешает это именно обстоятельство. Власьев прекратил выдачу паспортов на отлучку крестьянам, не уплатившим недоимок. Но об'яснял он эту меру иначе: именно тем, чтобы „в рассуждении р а с к о л и не могли разбежаться"[2]). И вдруг Канкрин предъявил перепись о 100 р.: но и тут у Власьева нашлась другая вариация—тоже чарьяжная—на эту, в сущности, тоже недоимочную тему: „не за женитьбу, а за девку боле 25 лет берет 100 р.", и именно для того, чтобы „раскола не усилилась".

Доход вообще Власьев предпочитал получать не в натуральной, а денежной форме. Географические условия в данном случае счастливо сочетались с разросшейся в большом бюджете статьей обязательств. Пускаться на заразительный путь грандиозного сельско-хозяйственного предпринимательства было дорого и рискованно. Но так повелось, должно быть, издавна—по крайней мере нет никаких признаков здесь собственного начинания Власьева—что Романовская вотчина была ареной личного владельческого хозяйства, и крестьяне тянувших к с. Иванинам и 2-м другим усадьбам деревень сидели на изделье. Однако природа брала свое, и барщинная

[1]) Был такой и был в свое время старостой. Только поданы были документы другим лицом: Иванов этот, как увидим, рад уже пострадал от гнева помещика.

[2]) Пьянство и „раскола" вообще, по уверению Власьева, были источником всех бед, постигших его крестьян. По смыслу, речь идет о холостячестве, входящем в моду на отхожих промыслах и расстраивающем твердый семейный обычай и крепостную оседлость.

система в чистом виде хирела на Ярославской почве: когда опекуны справились о количестве душ, числящихся на изделье, то нашли, что из 297 записанных по ревизии уцелело всего лишь 105 человек, 35%. Барская запашка и функционирование всех прочих господских угодий давно уже поддерживались за счет рабочей силы других вотчин Власьева, который, располагая ею в любом количестве, не имел и необходимости настаивать, как его рыбинский современник, а потом его дочери, на выполнении всего хозяйственного плана Иванинской вотчины силами одних романовских барщинных крестьян. А размеры барщины для окрестных оброчных распределялись в сравнительно небольших пропорциях, которые, сами по себе, по своему первоначальному назначению могли быть сделаны и «не так», по тогдашнему выражению, «отяготительны».

Существовала «при доме» Власьева и ткацкая фабрика, относительно которой однако у нас нет ровно никаких сведений, которые позволили бы приблизительно судить о ее размерах. Остановилась она на ходу, как только осталась без хозяйского глаза: ткачи из крестьян были распущены по положению об опеке, а «за тем» осталось при ней всего 2 ткача из дворовых. В точности не было известно, откуда бралась и та пряжа, запасы которой такие-то найдены были при ней. О доходности и говорить нечего: она тоже остается нам неизвестной. Рыбинские крестьяне, которые будто бы поставляли на нее пряжу, ни в одном показании не обмолвились о том хоть бы словом. Это—невырванная, но стертая страница летописей нашей вотчины.

Размеры долгов, оставшихся на вотчинах, тоже неизвестны. Более 800 рев. душ были заложены Власьевым «в казенных местах». Опекуны беспокоились, нет ли на нем «партикулярных» долгов и, естественно интересовались знать, кто ему, кроме его собственных крестьян, должен. Начальство («собрание» предводителей) ответило опекунам, что то можно узнать, вызвав должников и кредиторов «через узаконенные публики» (т. е. публикации). Это очень досадный пробел, потому что, как знаем, именно косвенное давление долговых обязательств владельца перенапрягало платежную способность рыбинской вотчины Власьева: а не фабрика и не земледельческая барщина на господском «участке».—К Рыбинской вотчине нам и остается теперь обратиться.

Д. Балабаново с 19 деревнями [1])—таково оффициальное наименование рыбинской вотчины Власьева [2]). Но Балабаново—меньшая из всех деревень. В ней всего 1 двор, и притом один из самых захудалых. Зато она возле погоста «сего имени». В данное время здесь, вероятно, церковно-приходской центр и только. Ни одной хозяйственной или административной кровинки не приливает к нему. Но и вообще такого постоянного центра в Рыбинской вотчине нет. Он подвижной, их даже два собственно. Староста Ив. Ермолаев живет в Дикове, в соседстве всего лишь с одним «власьевским» двором, да и то вдовьим. Земский писарь проживает в д. Дору Малого. Где-то собирается мир, сходбище 82 «хозяев» наличных дворов. Одна из его функций—финансовая, преимущественно в карательной ее части. За недоимки наказываются крестьяне «миром», «на мирском сходе», «при мирском сходе»; раз был наказан крестьянин «от старосты», но «умеренно». Но ответственность перед владельцем несет не мир, а староста, и ответственность именно за недоимки. Староста Егор Иванов, когда был еще в должности, «часто наказан», а под конец, «за неугождение господину в рассуждение недоимок 1 из его семейства взят во двор (господский) в кузницу, сын отдан в солдаты». И карьера Егора была кончена. А вот нынешний староста Ив. Ермолаев «пред сим за штраф находился 2 года в работе на усадьбе», но не в рассуждении недоимок, а потому, что «на нем открылся нащет» (проворовался)». «Но, несмотря на то, по жоскости нрава, поставлен ныне господином 3-й раз в старосты». «Неоткровенность» его была замечена и Канкриным: в своих показаниях он расходился даже с недоимочными реестрами, найденными у земского писаря. Старосте положено было «жалованье» от мира 120 р., и все повинности за него вносил мир. Двор его в хозяйственном отношении не выше среднего здесь уровня, только, что недоимок за ним нет. Другое — земский писарь Антон Моисеев. Этот выдается над всеми. У него в образцовом состоянии все «больные места» крестьянского обихода: двор, мертвый инвентарь (сбруя, телега, сани и проч.) и зимняя одежда. Изба—«новая», по двум следующим пунктам отмечено: «изрядная». Такие квалификации—редкость в нашей вотчине. Собственного хлеба в запасе у него столько, что хватит «до лета». При трех едоках в семье во дворе у него 2 коровы—случай, совершенно исключительный. За

---

[1]) Деревни: Савино, Крахина, Спешина, Копасова, Коржавина, Балабаново — находились в безраздельном обладании; деревни: Малинники, Онофриева, Жупина, Кишкина, Заврасья, Нефедова, Буркова, Исраила, д. Дору Малого, Мишкова, Залужье, Клипогоры, Селехова и Дикова—в черезполосном с 9 другими помещиками владении Власьева.

[2]) Ее только и имело в виду расследование, на которое был отправлен Канкрин.

[illegible] нет недоимок. [illegible] 36 руб. [illegible] не стоит, потому что в следующем году они будут [illegible] с его годового жалованья (70 р.), и он [illegible] получит не [illegible], что останется до сих пор [illegible] по [illegible] недоимки. Наконец его [illegible] преимущество, что за него, как и за старосту, все повинности несет мир. Прежде имел [illegible] мелочную лавочку в Москве и занимался даже подрядами. [illegible] как не [illegible] и быть [illegible], теперь в своей новой должности он опирался на прежний свой опыт, такой, какого [illegible] у одного из [illegible] крестьян. По должности он хранит у себя реестр всех [illegible], и, вероятно, только он и знает им точную цифру. [illegible] не к старосте [illegible] за такими справками во время расследования. Один крестьянин на обычный вопрос [illegible] недоимки, [illegible] и сказал, что это — «дело земского» (писаря). Он же высказывает [illegible] о движении недоимок. Прогнозы его в этом вопросе были довольно мрачны: он [illegible], что они будут — упорительно — и впредь «умножаться».

По V ревизии, 12 лет назад, в Балабановской вотчине считалось 347 душ м. п. Для [illegible] податей и раскладки повинностей крестьяне были разделены на 115 осмаков, «полагая [illegible] осмак» по 3 рев. д. м. п. Как известно, от ревизии до ревизии, уплата подушных и др. государственных и земских сборов производилась по ревизскому числу душ, хотя бы действительная наличность их и менялась. В нашем случае и вотчинное распределение по осмакам не [illegible] ни разу. 14 семейств, которые были положены в 14 осмаков, в разное время было [illegible] из нашей вотчины в другие места: в таких случаях владелец, обыкновенно, «переводил» вслед за людьми и соответствующий оклад государственных и вотчинных повинностей, и [illegible] они переведенными по новому месту их поселения. В нашем случае это сделано не [illegible] и за переведенные «выбылые» души и осмаки продолжали платить оставшиеся. И еще: [illegible] состав «семейства», проживающего в данном дворе, величина быстро и постоянно меняющаяся, и периодическая поверка действительного соответствия количества осмаков в данном [illegible] составу его необходима для равномерного распределения податных тягот. В нашем [illegible] и перераспределение осмаков среди остававшихся на месте — не производилось ни разу: а [illegible] 50% «семейств» = хозяйств — дворов» изменилось в числе душ м. п. значительно. [illegible] это повышало оклад повинностей вдвое, иногда понижало настолько же. — К моменту расследования в вотчине было 82 двора и в них 274 души м. п. Помимо смертей и перевода 14 семейств (приблиз. 40 д. м. п.), взято было в дворовые 15 ч. Это повышало тяготу государственного обложения на 21%. Женского пола душ насчитано было 306. Население 19 деревень, [illegible] образом, составляло 582 человека[1], в 101 осмаке.

Земля вся обрабатывалась крестьянами в свою пользу. Крестьяне жаловались на дурной урожай ржи и объясняли это недостатком скота и плохим унаваживанием. На 101 осмак [illegible] 100 лошадей, 1 бык, 105 коров, 72 овцы, 28 телят. Но были и безлошадные хозяева: таких было 7, стало 6[2]). Коров не было только у 2. Большинство крестьян, кроме обычного, [illegible] пшеницу: лишь 25 хозяйств не показали количества ее высева. Всего вотчиной высевалось, по показаниям крестьян, в четвертях: пшеницы $13^1/_2$, ржи 105, ячменя 26, овса 235, [illegible] 10. Цифры — относительно ржи — очень преуменьшенные. Староста показывал, что на [illegible] высевается от 2 до 3 четвертей ржи, что вероподобнее. Цифры ржи «в запасе» страдают [illegible] же и часто берутся произвольно: напр., семья в 7 человек при 3 взрослых имеет на [illegible] декабря в запасе 14 пуд. и ей «хватит» до Пасхи. За единичными исключениями, своего хлеба, разумеется, не хватает. 14 семейств уже в декабре ходят за подаянием (но при этом только в 2 домах нет хлеба печеного порядочного), лишь 3 семьи обеспечены до нового урожая (на семена покупают), остальным хватает в пределах от Рождества до Петрова дня. [illegible] в вотчине нет и за 6 исключениями (Христа ради) все покупают дрова (в год от 2 до 15 р.). 38 дворов пришли в совершенную ветхость, а 5 семейств живут «Христа ради» у [illegible] крестьян других владельцев. «Хороших» же дворов только 18: остальные — «посредственные».

Промысел снова выступает на первый план. [illegible] как земский писарь, во всей вотчине [illegible] только трое: один маркитантом в Казани, недоимок за собой не знает, имеет 3 коров, [illegible] и держит теленка; другой — владелец [illegible] «завода», 4 лошадей, [illegible], 3 коров, 2 телят, 5 овец, недоимок тоже нет, и пользуется привилегией по [illegible] повинностям с миром дела не имеет, а сам [illegible] барину [illegible]. [illegible] во дворе кормилицей жила [illegible]. Третий держит харчевню в [illegible], а у себя

. .

[1]) В том числе: 28 [illegible] 60 [illegible] — 271 м. — 1 2 [illegible] [illegible] 151 м. [illegible]

[2]) [illegible]

в д. Сарине держит 2 лошадей, 2 коров, [illegible] и 3 [illegible]. Остальные [illegible] поблизости, в Рыбинске или Твери, в [illegible], при баржах, [illegible] и [illegible] работу [illegible] без паспорта, но [illegible] паспорта принимают уже неохотно [illegible] работы, которая, однако, может давать до 3 руб. в день. Есть указания, что раньше, когда не отказывали в паспортах, ходили в Петербург на прядильные фабрики, работали на [illegible] завод.

По недоимочному реестру [1]), нами упоминавшемуся, на 19 деревнях числилось недоимки 30.149 р. 37½ коп., около 300 руб. на семью [2]). В 1808 году шестеро Хомяков внесло 978 р. в их уплату; но этот [illegible] бы даже удержал общую сумму от возрастания, так как, по сведениям земского, другие недоимки [illegible] вновь. Налоговый аппарат вотчины, видимо, отказывался служить. Наказание за недоимки не достигало цели, а к продаже или к конфискации крестьянского имущества не прибегали. Значит предполагалось, что источником обложения остается промысел по сторонам. Прежде, при отце господина, когда вотчина была «в отличном состоянии», то было [illegible], торговля рыбой и [illegible] вообще. Власьев был уверен, т. е. уверял, что крестьяне его [illegible] хлеб с выгодою. Но это не подтвердилось. Оставались перечисленные выше беспаспортные промыслы, географически замкнутые в ближайшем районе. Посмотрим, какое налоговое бремя ложилось на эти промыслы.

Постоянный окладный доход с Рыбинской вотчины был исчислен в сумме 12.075 р. Он состоял из оброка и сбора «за припасы». Оброк всегда взимался в размере 60 р. с семака. Припасы были назначены с семака в количестве: 3 барана, 3 гуся, 3 куры, 60 яиц, 3 утки, 3 поросенка, 3 пуда говядины, 5 ф. грибов, 3 пуда свинины [3]), новин 30 и холста 30 арш., ниток 6 талек. Но каждый из этих предметов мог быть заменен денежным эквивалентом по таксе [4]). Весь комплект припасов оценен был в 45 руб. Государственная подушная и земские сборы собирались в сумме 1044 р. с души по 5 р., да жалованье старосте и писарю 190 р. и 100 р. ежегодная поправка моста. Кроме того, был установлен сбор за паспорта 2 р. 29 к. при отлучке, которая, как мы видели, разрешалась лишь по уплате недоимок. Но самым крупным денежным сбором был сбор на содержание т. наз. бессменных работников, числом 40 человек: на содержание каждого из них собиралось по 5 р. 75 к. в неделю в течение 22 недель зимних и по 4 р. в неделю остальные 30 недель, всего в сумме 8.100 р. Но это был не просто денежный сбор, а и натуральная личная повинность, почти барщина.

Бессменные работники назначались из крестьян по выбору владельца. Повидимому, выбором руководили два мотива: брали, кто был нужен по своим личным качествам, в очередной работе, брали и «за штраф». Крестьяне считали это «за каторгу». Она была не бессрочная, а назывались они бессменными, потому что не сменялись никем в течение года и не отпускались в определенный срок. Один крестьянин вернулся «из бессменных» в 1808 г., «потому что пробыл в них 16 лет». Это не значит, что не отпускались и раньше. В тот год вернулся не он один. А наш староста пробыл в бессменных всего два года. Употреблялись они преимущественно для работ в усадьбе Иванинской, но посылались и на пашню. Жили они все вместе, казармою в Иванинах. «Харчи им там отпускались посредственные», прокормление производится подрядчиком. Денег на то расходовалось на человека в неделю не более рубля, остальная сумма поступала в доход господину [5]). Одежу они получали из дому, «а также нередко им присылаются съестные припасы в подмогу». Заметим, что сбор на содержание бессменных платили все дворы, в том числе и те, откуда были сами бессменные.

Барщина, летняя и зимняя, была изнурительна для крестьян не своими размерами, но, главное, тем, что производилась она далеко от места их поселения. Летом на 3—4 недели с каждого семака по человеку, всего ок. 100 чел., отправлялись на сенокос и жнитво за 70 верст в Иванины, где только и были барские угодья. Там люди жили своим хлебом и зачастую ходили по милостыню в соседние деревни. Зимою же начиналась возка дров, по 3 саж. с семака, из леса за 7 верст от Иванин в усадьбу, извести, хлеба и проч. Зимняя работа непре-

1) Он 1807 г. имеет такую форму: 1. Список деревень, 2. Сумма недоимки, 3. Сколько нужно вычесть за [illegible] хлеб.

2) Наличных было 101 семья.

3) [illegible] По [illegible] старой [illegible] подписью [illegible] предписывалось [illegible] сверх того: масла коровьего 20 фун., постного [illegible] 6 [illegible] грибов четырех сортов [illegible]. Предписывалось [illegible] как и [illegible] натурою, кроме [illegible].

4) [illegible]

5) [illegible]

деления по времени и отвлекает их от промыслов. В последний год только разрешено им за летние работы, жнитво и сенокос, платить деньгами по 3 р. 50 к. с осьмака. Крестьяне поголовно все перешли на этот новый денежный сбор и избавились от барщины. Этот сбор выразил доход помещика, заключенный раньше в барщине, в сумме 402 р. 50 к. Если мы упомянем, что сверх крестьянского сельского хлебного «магазейна» существовал еще и помещичий, и что крестьяне сегодню вносили во второй с души $^1/_2$ четверика ржи, и по четверику овса и ячменя, то мы, кажется, исчерпаем перечень регулярных повинностей, ложившихся на крестьян Балабановской округи, преимущественно, как видно, в денежной форме [1]). В ней это составит 21.621 р. 50 к.

В бюджете отдельного крестьянского хозяйства размер денежного расхода только из этого оклада выразится в сумме 216 р. 21 к. с осьмака, если для округления принять цифру осьмаков за 100, вместо наличных 101. Но, как знаем, осьмак в нашей вотчине в 1808 г. уже расстроенная фикция. Для «двора» это будет — 265 р. 28 к., для действительного взрослого работника — 194 р. 79 к. Сколько бы мы ни подсчитывали денежные расходы крестьянина на удовлетворение его личных потребностей, в роде отопления, вечного ремента, докупки хлеба на пропитание и посев и т. п. и т. д., сумма, которую получим, не пойдет ни в какое сравнение с найденной. Значит, за счет сокращения потребностей сколько-нибудь серьезно сократить найденные цифры не было возможности. Не удивительно, что Канкрин полагал, что власьевские крестьяне «по их угнетенному положению» не могут часто владать «в действительные» погрешности, «показания достойные». Дань крепостному строю выражалась: для двора — в 250 р. 99 к., для работника — 185 р. 30 к. Среди власьевских крестьян, мы видели, было много крючников. Мы отметили уже, что дневной заработок — в горячую навигационную пору — такого крючника доходил до 3 р. Такому нужно было проработать «бессменно» два с лишним месяца, чтобы рассчитаться по вотчинным обязательствам. На государство же — один день в мирное время и неделю, если случался набор.

Парадокс этот был ликвидирован наложением опеки. На этот раз мы знаем отчасти первые ее шаги. По первому «положению» в распорядки Рыбинской вотчины Власьева вносились след. изменения. 1) Все «переселенные» и «переведенные во двор» возвращались, по желанию, на прежнее место жительства с «пособием в необходимом обзаведении, скоте и хлебе, на счет помещика». 2) Все недоимки уничтожались. 3) Вводился, в отмену прежних сборов, единый оброк в 10 р. с рев. души. 4) П. 1 распространялся и на бессменных. 5) Барщина «всякая» отменялась. 6) Восстанавливалось право беспошлинного свободного промысла. Это значило наши цифры: 250 р. заменить 43 р., 185—23 р. Но в опеку попадали и прочие вотчины Власьева всех уездов Ярославской губ. К оброчным здесь были применены те же принципы, кроме цифры оброка, которая оставалась старою. Для изделышков Романовской вотчины установлена барщина 3 дня в неделю.

Применение на деле этого «Положения» встретилось, однако, с некоторыми трудностями.

Прежде всего имя самого владельца вызывало в опекунах, которым предложено было принять на себя «управление крестьянами» Власьева, некоторую настороженность при вступлении в свои обязанности. Следует ли им распоряжаться и всем «движимым имением» помещика? И если да, то всем ли? Надобно наделить некоторых крестьян скотом, хлебом и проч.: если это движимое — в их компетенции, то есть движимое, к которому они приступить боятся ответственности: это дом и службы, опечатанные помещиком при отъезде, и сад с оранжереей, в коих они «познания не имеют»: не оставить ли это в «полное распоряжение» помещика? Распространяется ли их компетенция и самое «Положение» на перевезенных в Ярославск. губ. крестьян костромичей? А затем ряд уже не столь ответственных, но тоже несовместимых с «Положением» ситуаций: среди бессменных есть единственный на всю усадьбу коновал, его следовало бы оставить в усадьбе: дрова возить на дом не под силу одним иваницким изделышкам: следовало бы привлечь к этой барщине оброчных: при ткацкой фабрике находятся взятые во двор оброчные: следовало бы их оставить на месте, чтобы не «нарушать» фабрики: оброчные крестьяне всех прочих вотчин отказываются платить оброк, а недоимки на них 28000 р.: следовало бы и с ними поступить, как с рыбинскими, назначить оброку по 10 р. с рев. души. Дополнительное положение кое-что разъяснило в этих недоумениях, но в некоторых случаях запоздало; напр., предписало фабрику оставить работать попрежнему, а работники уже были водворены на места своего крестьянского жительства, поэтому предстояло вернуть ткачей: пришлось восстановить барщину оброчных на сенокос и жнитво в виду большой нехватки в изделышках: движимость,

[1]) О рекрутской повинности крестьяне подчеркивали, что за рекрутов помещик денег с них не брал; «но провиант, одежа и прочее исправлено» для рекрутов миром.

за исключением скота и хлеба, решено оставить в полном распоряжении помещика, потому что он относится только до крестьян: дома оставить за помещиком, а службы в ведении оскуд костромских — оставить на месте в усадьбах помещика: коновала—тоже; дрова заготовлять оброчным крестьянам; с оброчных, не рыбинских, недоимку сложить и оброк уравнять с рыбинскими.

Таким образом кое-в чем наших балабановских крестьян поверили при ближайшем рассмотрении на старое: восстановили барщину летнюю и зимнюю. Нестаринная вотчинная связанность разбросанных по уездам кусков сама по себе тяготела над крестьянами, их населявшими. Прикончить с нею могло освобождение крестьян не от управления помещика, а от принадлежности помещикам и от крепостного строя. О том, на каких условиях это произошло с потомками наших власьевских крестьян лет через 60 после описанного в нашем деле момента, кажется, тоже можно дать архивную справку.

Б. Романов.

Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.

К сведению и руководству сотрудников.

I.

Задачи комиссии и программа ее работы.

1) Общая задача комиссии—разработка архивных материалов по истории труда и тех социальных групп, которые живут личным трудом (их положение в рамках данного государственного и общественного строя; экономические и культурные условия их быта).

2) Ближайшая задача комиссии изучение с возможной полнотою вопросов, касающихся производственного труда и тех видов организационной и научно-технической деятельности, которые служат данному производству.

Основные формы производственного труда, подлежащие ближайшему изучению: фабрично-заводский, ремесленный и сельско-хозяйственный труд.

3) В пределы истории труда входит также исследование экономических и общественно-бытовых сторон многообразных отраслей личного труда в сфере общественной и культурно-просветительной деятельности, особенно тех из этих отраслей, которые направлены к удовлетворению массовых потребностей населения: так, напр., народная школа, медицина, ветеринария, агрономия, почтово-телеграфная служба, вообще работа административных служащих, деятельность представителей так называемых „свободных профессий".

4) Торгово-промышленная деятельность, организованная капиталистически, не имеет самодовлеющего значения для задач комиссии. История торговли и капиталистической промышленности привлекается к исследованию лишь как политико-экономический фактор, поскольку таковой непосредственно влияет на быт и деятельность трудового населения.

Примечание. Так, напр., имеют значение данные о финансировании предприятий, о размерах и технике производства, об условиях сбыта изделий, об экономической политике правительства и т. д., в той мере, в какой этими данными освещается развитие той или иной отрасли производственного труда.

5) Разработка материала по истории фабрично-заводского, ремесленного и сельско-хозяйственного труда производится по программам, установленным комиссией (см. ниже).

6) Деятельность и жизнь трудящихся изучаются в массовом проявлении. Однако, подлежат обработке и материалы частного, индивидуального характера (напр., данные об отдельных предприятиях, об отдельных группах трудящихся, даже эпизоды личного характера), которые могут осветить общий вопрос, иллюстрировать какую-либо страницу из истории труда.

II.

Очередные работы

1) Составление архивных карточных каталогов
2) Составление библиографического карточного указателя (за период, начиная с 16-го века) по русским и иностранным источникам.
3) Издание журнала „Архив истории труда в России"

Архивные карточные каталоги.

Составляются следующие каталоги: а) хронологический, б) предметный и в) по-архивный

Примечание. Документы и дела, относящиеся к Польше, Кавказу, Прибалтийскому краю, Бессарабии и Финляндии за тот период времени, когда эти земли входили в состав России, включаются в каталоги на общем основании

Составление архивных карточек.

1) Карточка составляется и в том случае, если подлинное дело не сохранилось, причем на карточке отмечается, какая судьба постигла его (напр. уничтожено, сгорело, затерялось), и указываются также те имеющиеся в описи отметки, которые могут помочь найти следы дела в другом архиве

Примечание. Имеются в виду те дела, заголовок которых определенно свидетельствует, что они непосредственно и безусловно относятся к темам, интересующим комиссию, или в заголовках которых заключается то или иное историческое сведение. Уничтоженные дела должны записываться на карточки с особой осторожностью, дабы не засорить каталог бесполезным материалом.

2) На карточке указывается только от начала дела: число и месяц, а также время окончания дела опускаются.

3) Если в архиве происходила перенумерация дел то помимо новейшего номера следует по возможности указывать и прежний номер.

4) Так надлежит поступать и в отношении заголовков, когда в новом описи они подверглись изменению.

5) Заголовок наносится на карточки в том виде, в каком он значится в описи.

6) Когда заголовок не дает представления о содержании дела или вызывает сомнение, подходит ли данное дело к нашей теме, желательно, чтобы сотрудник ознакомился с подлинным делом и снабдил карточку надлежащим пояснением; если же у сотрудника нет для этого времени, то он отмечает на карточке, что надо сделать какую-то проверку.

7) Сдавать карточки секретарю комиссии следует отдельными пакетами

а) карточки, не вызывающие сомнения.

б) карточки, возбуждающие сомнения в правильности заголовка.

в) карточки, вызывающие вопрос, должны ли они войти в наш каталог, как не относящиеся быть-может, к нашей теме.

Каждый пакет сдавать при memorandume, в котором указывается, из какой части архива (департамента, стола и проч.) извлечены дела, какой период времени охватывают представленные карточки, и количество их.

8) На карточке отмечается наличность вещных документов в данном деле

Примечание. Сотрудники приглашаются сообщать Редакционной Коллегии о встречаемых ими материалах, которые могли бы быть использованы в „Архиве истории труда" в виде научных исследований, библиографических очерков, описания дел и документов и т. п.

Обработка архивных карточек.

I. Редактирование.

а) Проверяется, все ли требуемые данные нанесены на карточку; о недочетах запрашивается сотрудник, при чем на карточке делается соответствующая отметка;

б) выправляется заголовок в случае надобности в целях сжатости и ясности;

в) обозначается, к какой или каким группам (см. ниже) относится карточка и в соответствии с этим указывается, в каком числе экземпляров должна быть воспроизведена карточка на пишущей машине;

г) тем карточкам, которые обращают на себя внимание серьезностью-ли содержания или неясностью заголовка, ведется опись, дабы были просмотрены подлинные дела, о чем делается отметка на карточке;

д) карточки, оказавшиеся непригодными, как не соответствующие темам комиссии, не уничтожаются, а хранятся в хронологическом порядке.

II. Систематизация.

Систематизация производится не по априорно составленному плану, а сообразно с тем материалом, который раскрывается архивными карточками, так как теоретически-разработанная программа не может учесть всего изобилия и разнообразия архивного материала, освещающего и такие вопросы, которые не всегда могут быть предусмотрены. Карточка, по своему содержанию относящаяся к различным вопросам, соответственно размножается. Розыск материала по каталогу должен быть облегчен перекрестными ссылками.

Примечание. Вводится особая группа карточек-«Труд во время великой войны», охватывающая все дела, касающиеся труда во время последней войны.

Раз'яснение сомнений, возникших в ходе работы.

1. Фабрично-заводский труд.

Отмечаются на карточках дела, которые касаются учреждения фабрик и заводов, а также всех тех мер, которые принимались с целью развить фабрично-заводскую деятельность, как, напр., субсидии, льготы в платежах, предоставление привилегий, монополии, изменения в таможенном тарифе в связи с производством русских фабрик и т. д.

2. Дела о крестьянах.

Крестьяне интересуют комиссию в качестве трудового элемента. Поэтому, когда крестьянин фигурирует в архивных документах исключительно как торговец и промышленник или как рядовой обыватель вообще—он выходит за пределы наших исследований. Только принципиальные дела, касающиеся прав крестьян на торговлю и промышленность, подлежат обследованию.

3. Принудительное отчуждение земли у крестьян.

Дела такого содержания должны быть заносимы на карточки.

4. Рекрутская повинность. Просвещение.

Дела, относящиеся к рекрутской повинности и к просвещению среди трудового населения, заносятся на карточки. Особого внимания заслуживают низшие школы и техническое образование (дела о стипендиях в школах исключаются).

5. Труд чиновников.

Чиновники в своей массе, как трудовой элемент, входят в круг архивных изысканий (их материальный и духовный быт), но исключаются дела личного характера (награждение, перевод и проч.), дела, касающиеся штатов, служебных поручений и т. п.

6. Примеры карточек, которые как непригодные были исключены из каталога.

„Сложение с крестьянина Иванова штрафа за неправильную торговлю".

„О сложении с крестьян Ашурковых штрафа за неимение торговых свидетельств" относятся к торговле, каковая не подлежит архивному обследованию).

„Возврат в Земский суд штрафных денег, взысканных с крестьянина Баланина порубку леса“ (здесь нет ничего о порубке леса, а лишь о штрафных деньгах).
„Возврат вольноотпущенному Елизару Фролову гильдейских повинностей“.
„О штрафных деньгах, взысканных с крестьянина за неправую апелляцию“.
„Взыскание штрафа за передержательство крестьянина“.
„Штраф с солдата Петрова за несвоевременное об‘явление кантониста“.
„О сборе провианта с Ковенской губ. для имеющих прибыть полков“.
„О постройках в Москве“.
О разрешении спектаклей; о созыве археологического, филлоксерного с‘ездов, с‘езда естественников и врачей, крахмальных заводчиков; об устройстве выставки скота и тому подобн.

7. Примеры карточек, вызвавших сомнение, но признанных подлежащими включению в каталог.

„О сложении с чиновника Иванова штрафа за способствование купцу Дальтину к неправильному владению девкою“ (указание на владение крепостной девкой побуждает включить карточку в каталог).
„О сложении с мещанки Трубаевой штрафных денег за неправое владение крестьянином“ (хотя речь идет о штрафе, но тут есть известие о владении крестьянином, и благодаря этому дело может представить интерес).
„О льготе по рекрутской повинности и платеже податей уволенных из военного ведомства солдатских детей“ (в дореформенную эпоху дети солдат и матросов принадлежали исключительно к трудовому населению, а потому это дело следует отметить).

8. Примеры сверки карточек с подлинными делами.

[1]) В деле „О кредите на постройку железнодорожной ветви“ оказались сведения о стоимости различного рода работ.
[2]) В деле „По спору крестьян сел. Лоевец с помещиком о 59 десятинах земли“ (1895 г.) имеются некоторые данные об экономич. интересах крестьян.
[3]) В деле „О причислении поступивших от бывших помещичьих и государственных крестьян досрочных взносов выкупных платежей к общим рессурсам госуд. казначейства“ (1895 г.) заключаются статистические данные за 1862—91 гг. о поступлении особых взносов с крестьян.

Примечание. Дела, подобные вышеприведенным, включаются в каталог.

[1]) В деле „Об установлении в военно-морских портах контроля“ оказалось лишь несколько случайных цифр о рабочей силе, взятых из другого источника.
[2]) В деле „Об отчуждении земель под устройство железнодорожной ветви“ никаких данных о трудовом населении не оказалось.

Примечание. Подобные дела не включаются в каталог.

Библиографический карточный указатель.

1) Указатель предназначен не для печати, а лишь для нужд Комиссии, а потому он должен обладать лишь такою сравнительною полнотою, которая позволила бы Комиссии успешно пользоваться им при научной разработке истории труда преимущественно по архивным материалам.

2) Сотрудник фиксирует на карточке каждый встречаемый им источник, к какой бы области из истории труда данный источник ни относился.

3) Систематизация библиографических карточек последует лишь по накоплении значительного числа их, а потому сотруднику нет необходимости отмечать на карточке, какая область из истории труда затрагивается данным источником; однако, сотрудник может указывать, в виде примечания, какие именно вопросы рассматриваются в источнике.

4) К тем книгам, которые не посвящены специально вопросам труда, но которые среди постороннего материала заключают в себе также данные по истории труда (таковы, напр., описание путешествий по России, мемуары, сборники и т. д.), применяется „толковая библиография“, т.-е. на карточке в точности отмечается содержание книги, поскольку оно относится к истории труда.

5) Библиография по иностранным источникам составляется на основании непосредственного ознакомления с самим источником.

6) Библиография по русским источникам составляется на основании справочных изданий, библиографических пособий и непосредственного ознакомления со специальными общенаучными изданиями, которые могут заключать в себе соответствующие материалы.

7) Извлечение материала из газет пока откладывается в виду обширности таковой работы. Но принципиально признается желательным обозреть наиболее крупные столичные и провинциальные газеты.

8) Сведения, касающиеся Польши, Кавказа, Прибалтийского края, Бессарабии и Финлян-ии за тот период, когда эти земли входили в состав России, включаются в указатель на общем основании.

9) Данные, относящиеся к труду во время великой войны, регистрируются отдельно от прочего материала в виде особой секции.

III.

Вопросы, подлежащие разработке по отдельным отраслям производственного труда.

А. Фабрично-заводский труд.

Отдел первый.

1) Число рабочих: а) занятых в помещении и у себя на дому;
б) свободных, крепостных и поссессионных.

2) Распределение рабочих по полу, возрасту, гражданскому состоянию, национальности, месту рождения.

3) Оплата труда—сдельная, повременная и иная; размер платы по отдельным категориям рабочих (натурой, деньгами) и сроки уплаты.

4) Продолжительность рабочего дня, перерывы; остановка предприятия; прогулы рабочих; штрафование.

5) Условия питания (потребление спиртных напитков); фабричные лавки.

6) Жилищные условия.

7) Санитарные условия труда; медицинская помощь.

8) Увечье и вознаграждение потерпевшим.

9) Школы, грамотность среди рабочих.

10) Нарушение фабричного законодательства; фабричная инспекция.

11) Профессиональное движение. Волнения среди рабочих; забастовки; локауты; причины их; степень производственности рабочих; пред'являемые ими требования; результаты.

12) Освобождение крепостных и поссессионных рабочих. Условия освобождения. Отношения рабочих к освобождению.

13) Участие рабочих в обще-политических движениях.

Отдел второй.

1) Юридическая форма предприятия (владелец). Условия возникновения его. Роль русского и иностранного капитала.

2) Льготы, установленные правительством: пособия, заказы, монополия, беспошлинный провоз сырья, предоставление рабочих рук и пр.

3) Причины ликвидации предприятия.

4) Виды обрабатываемого сырья; его цена; место закупки; количество обрабатываемого сырья и выработки; изготовление изделий и цены их.

5) Сбыт: рынки, посредники, конкуренция и т. д.

6) Обработка: ручная, машинная. Виды рабочих машин и двигателей.

7) Изобретения в технике (в частности, русские самородки).

8) Раздача материала для обработки на дому у рабочих.

Б. Крестьянский труд.

Часть первая. До 1861 года.

1) Помещичье хозяйство. Его размеры. Барская земля и крестьянские наделы. Потребительные и промышленные задачи.

2) Вотчинное управление. Вотчинный суд. Сельский мир.

3) Система хозяйства. Барщина и личные повинности. Размер и состав барщины (мужч., женщ., дети). Оброк—его размер, состав (денежный, натуральный). Порядок сбора и уплаты.

4) Состав и условия жизни крепостного населения (дворовые, крепостные, ремесленники). Сравнительная зажиточность. Распространение просвещения (самородки).

5) Государственные повинности: подушная подать, рекрутчина, казенные работы (дорожные, подводные и др. повинности).

6) Продовольственное дело. Меры при неурожаях.

7) Крестьянское хозяйство. Степень обеспеченности скотом. Инвентарь. Система земледел Покосы, лесные и др. угодья. Крестьянские ремесла, торговля, отхожие промыслы. Выход оброк. Отпуск на волю. Выкуп.

8) Переселение. Торговля людьми. Отдача в наем на сторону.

9) Правительственный и сословный (дворянских обществ) надзор за крепостными отн шениями. Опека. „Положения“ о размере повинностей. Что было „нормой“ их размера и вот чинных отношений?

10) Крестьянские волнения. Их мотивы. Требования крестьян.

Часть вторая. После 1861 года.

1) Освобождение крестьян. Выход на выкуп. Уставные грамоты.

2) Размер и состав надела (сенокосы, пастбища и пр).

3) Выкупная оценка и выкупные платежи. Недоимки и рассрочка. Цена земли. Аренда: ее размеры и условия.

4) Отношение к помещикам.

5) Казенные и земские платежи и повинности. Недоимки и сборы.

6) Форма землепользования. Система земледелия и его техника. Обеспечение скотом.

7) Промыслы местные и отхожие. Переработка сельско-хозяйственных продуктов. Крестьянское ремесло. Кустарное ремесло. Условия сбыта на рынок. Местная сельская торговля. Ярмарки, базары, скупщики; организация оптового сбыта. Кулачество.

8) Дифференциация крестьянства по зажиточности.

9) Артели и кооперации.

10) Покупка земли крестьянами. Мобилизация земельной собственности.

11) Переселение. Земельная теснота. Деятельность крестьянского банка.

12) Крестьяне в земстве. Земство в отношении к крестьянам. Школы. Медицина. Ветеринария. Агрономия.

13) Сельское и волостное управление. Отношение к администрации волостного писаря. Земские начальники.

14) Юридическая помощь населению.

15) Крестьянские волнения. Мотивы их и результаты.

16) Крупное землевладение. Помещичье хозяйство. Сельско-хозяйственные рабочие: условия найма, расплаты, быта. Арендные отношения. Аграрные конфликты.

В. Ремесленный труд.

1) Техника производства (орудия, инструменты). Размеры ремесленных предприятий.

2) Приобретение сырья. Сбыт готовых изделий непосредственно потребителю или же торговцу (комиссионеру). Содержание лавок. Продажа на базарах и ярмарках.

3) Экономическое положение мастера (доход, производительность труда, жилищные условия).

4) Подмастерья, их заработок и формы оплаты, производительность труда, отношения между подмастерьями и хозяевами.

5) Ученики; их обязанности; условия найма; способ обучения; производительность ученика.

6) Организация ремесла. Цеховая или ремесленная управа и ее деятельность. Внутренняя жизнь (обряды, обычаи, выборы); прием и увольнение мастеров и подмастерьев.

7) Монополия производства и сбыта, принадлежащая цеху.

8) Права подмастерьев (разрешение наниматься на фабрику и работать самостоятельно, помимо хозяина).

9) Регламентация производства цехами.

10) Пожизненные и временные члены цехов.

11) Подати и повинности, взимаемые с ремесленников.

12) Разрешение споров между ремесленниками.

13) Ремесленная школа.

14) Кооперативы (промысловые, кредитные).